

А. Ю. Романов

СПОРТ И ХОЛОДНАЯ ВОЙНА

ТОМ 1

Санкт-Петербург
Издательство РГПУ им. А. И. Герцена
2019

ББК ????
Р69

Рецензенты:

М. В. Ходяков — доктор исторических наук, профессор;
И. И. Курилла — доктор исторических наук, профессор

Романов А. Ю.
Р69 Спорт и холодная война. Том 1. — СПб.: Изд-во РГПУ им.
А. И. Герцена, 2019. — 264 с.
ISBN 978-5-8064-????-?

Холодная война, продолжавшаяся почти 50 лет (1946–1991), является важнейшим предметом изучения и для историков, и для специалистов в области международных отношений. В то же время годы холодной войны стали периодом феноменального роста и развития в области международного спорта.

Книга посвящена описанию наиболее значимых и интересных спортивных событий, непосредственно связанных с холодной войной.

ББК ???????

ISBN 978-5-8064-????-?

© А. Ю. Романов, 2019
© С. В. Лебединский, дизайн обложки, 2019
© Издательство РГПУ им. А. И. Герцена, 2019

ОГЛАВЛЕНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ	5
ВВЕДЕНИЕ	7
Теория и история международных отношений и спорт	11
Спорт с позиций теории реализма в международных отношениях ...	11
Спорт с позиций либерализма в международных отношениях ...	13
Спорт с позиций институционализма в международных отношениях	15
Публикации по вопросам спорта в СССР в период холодной войны	17
Источники и публикации по истории спорта в период холодной войны на Западе	18
ЧАСТЬ ПЕРВАЯ	
СПОРТ В НАЧАЛЬНЫЙ ПЕРИОД ХОЛОДНОЙ ВОЙНЫ (1945–1961)	21
Первые шаги СССР к олимпийским успехам	21
Партийное руководство спортом в СССР в период холодной войны	21
Советским спортсменам нужна только победа	34
Турне «Динамо» в Великобритании в 1945 году	43
Спартакиады народов СССР	49
СССР входит в олимпийское движение: Олимпиада в Хельсинки в 1952 году	51
Оценка результатов Олимпиады 1952 года с позиций советских спортивных руководителей	61
Расформирование футбольной команды ЦДКА	66
Советские спортсмены на переднем крае холодной войны: история со шляпками	70
Эйвери Брандедж и вступление Советского Союза в МОК	75
Советско-американские легкоатлетические встречи	89
Английский футболист Яков Риорданов в составе московского «Спартака» в 1963 году	92
Спорт и холодная война в США	95
«Изнеженные американцы» по Джону Кеннеди	95
Документальные фильмы о физической подготовке в школах США в 1950-х годах	99
Союз свободных восточноевропейских спортсменов. Из истории идеологического противостояния между СССР и США в 1952 году	104

Американские солдаты и офицеры на Олимпиаде в Хельсинки ...	108
Борьба за страны третьего мира через спорт: поездки известных американских спортсменов по заданию Госдепа	114
Турне Артура Эша по Африке	124
Мухаммед Али и война во Вьетнаме	129
ЧАСТЬ ВТОРАЯ	
ОЛИМПИЙСКОЕ ПРОТИВОСТОЯНИЕ ПРОДОЛЖАЕТСЯ	139
Олимпиады в 1950-х – 1960-х годах	139
Советская команда на Олимпиаде в Мельбурне 1956 года	139
Венгерские события 1956 года и «кровь в бассейне» Мельбурна ..	150
«Турне свободы» для венгерских атлетов-невозвращенцев	157
Олимпиада 1964 года в Токио и дзюдо	166
Гендерный тест, или Паспорт женственности	178
Олимпиада-1968 в Мехико	184
Белая Олимпиада в Саппоро	197
Холодная война и спорт в Азии	201
Спортивные отношения с КНР в условиях нарастающих противоречий	201
GANEFO — Игры Новых развивающихся сил: разногласия между СССР, Китаем и Индонезией	212
Разрыв советско-китайских отношений и «пинг-понг дипломатия» в американо-китайских отношениях	225
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	237
ЛИТЕРАТУРА	241
ПРИЛОЖЕНИЯ	249

ПРЕДИСЛОВИЕ

По-зимнему прохладный бразильский август не смог остудить накал летних Олимпийских игр 2016 года в Рио-де-Жанейро. Игры запомнились не только тем, что впервые состоялись в Южной Америке, церемонией открытия на знаменитой Маракане, протестами простых бразильцев по поводу колоссальных затрат на Олимпиаду и одновременно нехватки денег на многие социальные нужды, но и тем, что всего за пару недель до открытия оставалось не ясно, примет ли в Олимпийских играх участие одна из сильнейших сборных команд мира — команда Российской Федерации. Несмотря на доклад WADA (Всемирного антидопингового агентства) о наличии российской государственной программы по сокрытию положительных допинговых проб на Олимпиаде в Сочи¹, международный Олимпийский комитет не стал отстранять команду России, а предпочел отдать решение по участию в Олимпиаде российских атлетов международным федерациям по отдельным видам спорта. В результате международные федерации легкой (IAAF) и тяжелой (IWF) атлетики отстранили всех российских участников; однако остальные международные спортивные федерации дали добро на участие большинства российских спортсменов, применив тактику точечного отстранения спортсменов, упомянутых в докладе Макларена.

По результатам Олимпиады, несмотря на отстранение российских спортсменов по легкой и тяжелой атлетике, россияне завоевали 56 медалей в Рио — 19 золотых, 18 серебряных и 19 бронзовых — и оказались на четвертом месте в неофициальном общекомандном медальном зачете вслед за сборными США, Великобритании и Китая. Российские средства массовой информации назвали выводы и решения по российским спортсменам Всемирного антидопингового агентства, основанные на докладе Макларена, политически мотивированными, принятыми в духе холодной войны, переносящими международный спорт XXI века в атмосферу олимпийских бойкотов 1980-х годов.

Сразу же после окончания Олимпиады в Рио выяснилось, что команда российских паралимпийцев в полном составе отстранена от участия в Паралимпиаде-2016 в Рио. Такое решение было принято

¹ McLaren, R. H. (2016). Independent person WADA investigation of Sochi allegations.

на основании того же доклада Макларена, в котором утверждалось, что применение допинга поощрялось в России на государственном уровне¹. Паралимпийский комитет России пытался обжаловать данное решение в спортивном арбитражном суде, однако 23 августа 2016 года арбитражный суд отказал в удовлетворении апелляции Паралимпийского комитета России. Со времени Олимпиады в Рио прошло уже три года, а дисквалификация некоторых российских легкоатлетов, тяжелоатлетов и паралимпийцев продолжает действовать до сих пор. Кроме того, сборная России по зимним видам спорта и российские паралимпийцы были отстранены и от Олимпиады 2018 года в корейском Пхёнчхане. Есть ли основания утверждать, что дух холодной войны на самом деле возвратился в олимпийское и паралимпийское движение?

¹ Ibid.

ВВЕДЕНИЕ

Холодная война, продолжавшаяся почти 50 лет (1946–1991), является важнейшим предметом изучения и для историков, и для специалистов в области международных отношений, которые опубликовали тысячи, если не десятки тысяч работ, описывающих те или иные события холодной войны и взаимодействие стран в эти полвека. В то же время годы холодной войны стали периодом феноменального роста и развития в области международного спорта: вовлечение все большего количества стран в олимпийское движение, регулярное проведение чемпионатов мира и чемпионатов континентов по различным видам спорта, расширение демографических и географических рамок как любительского, так и профессионального спорта, возрастающая роль спорта для социально-экономического развития стран и пр.

Глобальное геополитическое, военное, экономическое и идеологическое противостояние между Советским Союзом и Соединенными Штатами Америки, а также между союзниками СССР и США в период холодной войны принимало различные формы. Во-первых, обе стороны, не вступая в непосредственное военное столкновение, участвовали в военно-политических конфликтах в разных частях мира, ведя так называемые опосредованные войны (еще их называют прокси-войны), с тем чтобы обеспечить собственное доминирование в мире, особенно в обретших независимость странах Азии, Африки и Латинской Америки. Как известно, сферы влияния СССР и США были закреплены военно-политическими союзами: НАТО и Организацией Варшавского Договора. Во-вторых, холодная война сопровождалась гонкой обычных и ядерных вооружений, которая грозила перерасти в прямую военную конфронтацию между СССР и США и привести к новой мировой войне. В-третьих, все годы холодной войны шла непрерывная конфронтация между Советским Союзом и США в области идеологии: постоянно предпринимались пропагандистские усилия, чтобы доказать преимущества капиталистической и социалистической моделей государственного строя. Как известно, конкуренция между двумя супердержавами шла в науке, культуре, в технологической сфере, в торговле оружием, в области освоения космоса. Не секрет, что для Советского Союза международный спорт стал еще одной важнейшей сферой, в которой можно было наглядно продемонстрировать достижения социалистической модели развития и набирать дополнительные очки в холодной войне.

Наша книга посвящена описанию наиболее значимых и интересных спортивных событий, непосредственно связанных с холодной войной с 1946 года по начало 1970-х годов. Наибольшее внимание уделено истории вхождения СССР в олимпийское движение, описанию ключевых событий отдельных олимпиад, спортивному противостоянию СССР и США, а также тому, как обе супердержавы вели борьбу с помощью спорта за влияние в странах Азии, Африки и Латинской Америки. Читателя заинтересует рассказ о роли спорта в советско-китайских отношениях в 1950-е и 1960-е годы и о том, как США и КНР использовали спорт для нормализации отношений в начале 1970-х годов. Конечно, охватить в одном томе все основные события в мире международного спорта, так или иначе связанные с противостоянием в холодной войне, невозможно. Автор решил оставить немало интересных тем для анализа их во втором томе. Там мы поговорим о развитии спорта в двух немецких государствах, об участии ФРГ и ГДР в объединенной олимпийской команде в 1950-е годы и о настойчивой политике Западной Германии в 1960-е годы затруднить участие спортсменов ГДР в международных соревнованиях под собственным флагом. Вопрос использования допинга и борьбы с допингом в спортивных противостояниях холодной войны также заслуживает отдельного внимания. Там же будет глава и о том, как разрядка напряженности в 1970-е годы сказалась на международном спорте. Читателя заинтересует новый взгляд на историю олимпийских бойкотов 1980 и 1984 годов, во втором томе расскажем и о том, как с помощью крупных международных соревнований Южная Корея выстраивала отношения с СССР и КНР в 1980-е годы.

Будем откровенны, история международного спорта занимает определенную нишу в исторических исследованиях, но до сих пор не является по-настоящему важным предметом обсуждения в кругах историков, политологов и специалистов по международным отношениям. Если же обратиться к анализу спортивной тематики в высшем образовании, то можно отметить, что, за редким исключением, курсы по спорту в основном сфокусированы на истории спорта, на его роли в развитии социума, на спортивной психологии и медицине; спорт часто рассматривается в антропологическом и гендерном аспекте, а также в прикладных областях — в плане подготовки тренеров по тому или иному виду спорта, а также менеджеров команд, спортивных агентов, спортивных психологов и т. д.

Если в России курсы по физкультуре и спорту обычно ведутся в специализированных спортивных и педагогических университетах, то в западных странах история и социология спорта нередко

преподается в крупных университетах, ориентированных на изучение самых разных предметов из области естественных, социальных и гуманитарных наук. Так, например, мой коллега-историк в университете штата Колорадо (University of Colorado Boulder), профессор Томас Зайлер, ведет популярный курс «Америка через бейсбол», где рассматривает историю США со второй половины XIX века до нынешнего времени через события в бейсболе, одном из наиболее важных для американцев виде спорта, в котором по-своему отразились такие исторические процессы, как американская экспансия в мире (бейсбол в Японии), расовая сегрегация в американском обществе (существование до конца 1940-х годов бейсбольных лиг для белых игроков и афроамериканцев), эмансипация женщин (появление и развитие женского софтбола как разновидности бейсбола), североамериканское противостояние социалистической Кубе, где бейсбол является спортом номер один, и многие другие исторические процессы и явления.

Мой собственный курс лекций по спорту и холодной войне был разработан несколько лет назад и, как выяснилось, оказался крайне востребованным среди наших студентов. Моих слушателей увлекала тематика противостояния США и СССР на спортивных аренах, представленная в хронологическом порядке с привязкой к ключевым событиям холодной войны. Замечу, что Колорадский университет, как и большинство американских университетов, не присваивает степени бакалавра или магистра по спорту, а имеет лишь сертификатную двухлетнюю программу по спорту. Тем не менее наш курс по спорту и холодной войне привлек студентов, специализирующихся в самых разных областях знаний. Среди слушателей были не только будущие тренеры и менеджеры спортивных команд, историки и специалисты по международным отношениям, но и будущие бизнесмены, финансисты, инженеры, физики, биологи и социологи.

Здесь стоит отметить, что город Болдер, где расположен Колорадский университет, является одним из наиболее спортивных городов США, разрушающий сложившийся в последнее время стереотип о типичных малоподвижных американцах с избыточным весом. В Болдере стороннему наблюдателю может показаться, что все жители города с утра до вечера только и делают, что занимаются в фитнес-центрах и тренажерных залах, ходят в студии йоги, поднимают гири и штанги, бегают по дорожкам вдоль многочисленных речек, совершают восхождения в горы, лазают по скалам, катаются на велосипедах и горных лыжах. Так что интерес к спорту в кампусе Колорадского университета поддерживается и самой атмосферой суперспортивного города.

Впрочем, непосредственно увлечения и занятия спортом, конечно, не являются чем-то обязательным для потенциального читателя этой книги. Ведь такие события, как триумфальное вступление СССР в олимпийское движение в 1950-е годы и блестящие победы советских спортсменов в 1960-е годы, захват заложников на Олимпиаде 1972 года в Мюнхене, бойкоты Московской Олимпиады 1980 года и Олимпиады в Лос-Анджелесе 1984 года, массовые протесты по поводу прав человека в Китае в период подготовки Олимпиады в Пекине в 2008 году, громкие допинговые скандалы в последние годы захватывали воображение и вызывали интерес не только практикующих спортсменов и физкультурников, но и историков, политологов, международников, да и в целом читающей публики.

Думаю, немногие из читателей знают или помнят, насколько острой и драматичной была борьба между советскими и американскими спортсменами на Олимпиадах в Хельсинки в 1952 или в Мельбурне в 1956 году; как ЦК КПСС подсчитывал очки, набранные советскими спортсменами на олимпиадах и чемпионатах мира, как плотно курировал советский спорт и «держал под колпаком» советских спортсменов; каким образом выдающиеся советские легкоатлетки Ирина и Тамара Пресс способствовали введению гендерного теста на спортивных соревнованиях; почему хоккеисты Чехословакии подчас подыгрывали американцам; как Госдеп США секретно отправлял в турне по Африке и Латинской Америке своих спортсменов в борьбе за влияние в странах третьего мира; почему Эйвери Брандедж, президент МОК родом из США, закрывал глаза на участие в Олимпиадах советских «профессионалов»; как в 1960-е годы КНР вместе с Индонезией попытались создать альтернативные олимпиадам игры Новых развивающихся сил и многое-многое другое. Спортивное противостояние между СССР и США и других участников холодной войны в 1950-х — 1970-х годах представлено в нашей работе в виде специализированных научных очерков.

Когда писалась эта книга, то основными читателями я видел аспирантов и молодых преподавателей, которые могли бы на основании представленных материалов построить и прочитать свой собственный интересный курс лекций по спорту и холодной войне. Как говорится, преподавание — это лучший способ самообучения. Надеюсь, что наши рассказы помогут историкам, политологам и специалистам по международным отношениям, студентам и аспирантам, вдумчивым любителям спорта составить более полное представление о том, насколько тесно международный спорт был переплетен с холодной войной и как часто он использовался в качестве инструмента холодной войны.

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ И СПОРТ

Крупнейшие спортивные состязания, происходившие во время холодной войны, описаны, часто весьма детально, в работах специалистов по истории спорта, но в гораздо меньшей степени они подверглись теоретическому осмыслению с точки зрения роли и функций спорта в международных отношениях в целом и в событиях холодной войны в частности. Какова связь между международной политикой и спортом? Влияет ли спорт каким-либо образом на изменения внутри страны и на ее внешнюю политику? Или же, наоборот, внутренняя и внешняя политика государства предопределяет характер распространения и развития спорта в стране? Какие последствия для международной политики может иметь факт проведения или непроведения Олимпийских игр в той или иной стране? Каким образом бойкоты спортивных соревнований или отстранение стран от участия в соревнованиях сказываются на международной обстановке? Способствует ли международный спорт разрядке международной напряженности или же подпитывает ее эскалацию?

Большая часть специальной литературы по истории спортивных состязаний в период холодной войны носит чисто описательный характер, и попыток встроить спорт в теорию международных отношений было сделано не так много¹. Чтобы попытаться осмыслить роль международного спорта во времена холодной войны, а также оценить его значение и в современном мире, нам предстоит обратиться к имеющимся теориям международных отношений и попытаться творчески применить их к описанию явлений в спорте.

Спорт с позиций теории реализма в международных отношениях

Реализм, как известно, является одной из основных теорий международных отношений. Несмотря на существование многих разветвлений в теории реализма, таких как классический реализм²,

¹ Например: Houlihan, B. (1994). *Sport and international politics*. Prentice Hall; Riordan, J., & Arnaud, P. (Eds.). (1998). *Sport and international politics*. Taylor & Francis; Dichter, H. L., & Johns, A. L. (Eds.). (2014). *Diplomatic games: Sport, statecraft, and international relations since 1945*. University Press of Kentucky.

² Spykman, N. J. (1942). *America's strategy in world politics: the United States and the balance of power*. Transaction Publishers; Kennan, G. F. (1984). *American diplomacy*. University of Chicago Press.

неореализм¹, структурный реализм² и пр., объединяющие идеи для приверженцев теории реализма следующие: государства — главные действующие лица на международной арене, тогда как международные организации и политические деятели играют второстепенную роль. Анархия в целом характеризует отношения между государствами, ибо над ними нет какого-либо эффективного координирующего центра. Все государства преследуют собственные цели и в этом действуют рационально. Основное стремление государств — обеспечить собственную безопасность и собственное процветание, а также постараться увеличить ресурсы, экономические и военные, имеющиеся в их распоряжении. С точки зрения теории реализма государства находятся в состоянии постоянного соперничества и противостояния.

Казалось бы, именно эта теория наиболее применима к международному спорту, ибо, с точки зрения реалистов, то, что мы наблюдаем на спортивных состязаниях, является лишь продолжением соперничества между странами, противостоящими друг другу на международной арене. Особенно это наглядно проявляется в командных видах спорта — футболе, баскетболе, волейболе, водном поло и др. К примеру, нетрудно заметить, что российская футбольная команда — это не просто группа футболистов с российскими паспортами, а команда, которая призвана отстаивать честь и величие Российской Федерации на международной арене. Для болельщиков победа национальной команды, ее заряженность на борьбу или, наоборот, проигрыш, безвольная игра в определенной степени отражают относительную мощь страны и вызывают либо законную гордость за команду и державу, либо горечь за поражение команды своей страны на футбольной арене. Например, после разгромного поражения команды Бразилии сборной Германии на футбольном чемпионате в Рио-де-Жанейро в 2014 году со счетом 7 : 1 бразильские болельщики долго не могли прийти в себя — появилось даже специальное слово *Mineirazo*, обозначающее национальный позор (бразильская сборная впервые проиграла на своем стадионе с 1975 года, прервав 62-матчевую беспроигрышную серию); в Рио прошли беспорядки, рейтинг бразильского правительства ускорил свое падение, поражение в этом историческом матче было запечатлено в многочисленных граффити на заборах и стенах домов в разных кварталах Рио-де-Жанейро.

Представляется, что именно реализм является наиболее подходящей теорией для объяснения противостояния СССР и США на

¹ Art, R. J. (2013). *Agrandstrategy for America*. Cornell University Press; Gilpin, R. (1983). *War and change in world politics*. Cambridge University Press.

² Waltz, K. N. (2010). *Theory of international politics*. Waveland Press.

спортивных аренах в период холодной войны. Обе супердержавы вдобавок к геополитическому, военному, идеологическому и экономическому соперничеству вели непримиримую борьбу на спортивных аренах во многих видах спорта: хоккей, баскетбол, волейбол, бокс, легкая атлетика, плавание и др. Начиная с 1952 года, когда советская сборная впервые приняла участие в Олимпийских играх в Хельсинки, и до развала Советского Союза в начале 1990-х, данные по неофициальному медальному зачету между СССР и США на Олимпийских играх многими рассматривались как сводки с полей сражений, ибо для большинства чиновников, функционеров и простых болельщиков и в той, и в другой стране количество завоеванных медалей напрямую либо косвенно отражало мощь государства, его статус и престиж в мире.

Отметим, впрочем, что критики теории реализма в международных отношениях называют реализм попыткой рационализации холодной войны, преувеличением роли государства и его военных возможностей и выражают мнение об ограниченных возможностях теории реализма¹ для объяснения явлений в международном спорте.

Спорт с позиций либерализма в международных отношениях

Либерализм, или идеализм, является еще одной ведущей теорией международных отношений, по-иному, чем реализм, объясняющей их суть. Либерализм часто связывают с именем американского президента Вудро Вильсона, практиковавшего идеи либерализма² и получившего Нобелевскую премию мира в 1919 году за усилия по прекращению Первой мировой войны. Теория либерализма утверждает, что государство выстраивает свою внешнюю политику исходя из приоритетов в своей внутренней политике. Государственные приоритеты и предпочтения, а не военные и экономические возможности страны, определяют поведение государства на международной арене. Предпочтения государств отличаются друг от друга, ибо определяются различной идеологией, системой управления, экономической системой, а также культурой страны. В современных условиях анархия и противостояние не являются ведущими принципами международных отношений³. Государства активно сотрудничают друг с другом, обмениваются достижениями в области экономики, науки и культуры. Экономическая зависимость государств друг от

¹ Houlihan, B. (1994). Sport and international politics.

² Wilson, W., & Hale, W. B. (1918). The new freedom: a call for the emancipation of the generous energies of a people. Doubleday.

³ Jackson, R. H. (2000). The global covenant: human conduct in a world of states. OUP Oxford.

друга снижает возможность военных конфликтов между ними. Государства с демократической системой управления менее склонны к таким конфликтам между собой, ибо разделяют основополагающие демократические ценности.

С точки зрения либерализма международный спорт — это не просто спортивное противостояние государств, а своего рода форма социального взаимодействия на спортплощадках и стадионах между гражданами разных стран. Внутренняя политика, культура, традиции, а не только экономические возможности страны в значительной степени влияют на развитие спорта в стране и на ее достижения в области спорта. Так, страны со сравнительно небольшим населением и сравнительно ограниченными экономическими и военными возможностями, такие как Австралия, Куба, ГДР и др., добились выдающихся достижений в различных видах спорта. Правительства этих стран, как и неправительственные организации, выделили существенные ресурсы для достижения максимальных спортивных результатов своих спортсменов: например, в Австралии — в плавании, на Кубе — в боксе, в ГДР — в легкой атлетике, плавании и, особенно, в зимних видах спорта. Для примера остановимся лишь на успехах в кубинском боксе.

В 1961 году правительство Кубы во главе с Фиделем Кастро запретило все виды профессионального спорта, включая профессиональный бокс. Однако в любительском боксе достижения кубинских спортсменов заслуживают подлинного восхищения. Кубинские боксеры первенствовали на многих региональных соревнованиях в Латинской Америке и постепенно набирались опыта для побед на крупнейших мировых состязаниях. Настоящий прорыв в кубинском боксе произошел на Московской Олимпиаде 1980 года, когда боксеры с острова Свободы завоевали 10 медалей, шесть из которых были золотыми. В 1992 году на Олимпиаде в Барселоне кубинцы доказали, что успехи предыдущих лет были неслучайны — спортсмены принесли своей стране семь золотых и две серебряные медали. Куба — единственная страна, которая может похвастаться наличием двух трехкратных олимпийских чемпионов в боксе — ими стали Феликс Савон и Теофило Стивенсон. Примечательно, что кубинцы не только достигли высочайших достижений в любительском боксе, но и приложили и продолжают прикладывать усилия по распространению успешной методики тренировок в других странах Латинской Америки, помогая тренировать боксеров и готовить тренеров по боксу из других стран региона¹, несмотря на крайне ограниченные ресурсы и продолжающуюся уже 60 лет экономическую блокаду страны.

¹ Huish, R. (2011). Punching above its Weight: Cuba's use of sport for South — South co-operation. *Third World Quarterly*, 32(3), 417–433.

В условиях холодной войны успехи в международном спорте стран социализма должны были символизировать преимущества социалистического строя. Хотя исследователь спорта и политики М. Ю. Прозуменщиков не рассматривает напрямую связь между теорией развития международных отношений и большим спортом, цитата из его работы подкрепляет релевантность теории идеализма в отношении международного спорта: «В разное время и в разных странах под спортивные достижения пытались подвести идеологическую базу, поставить успехи или неудачи на спортивных аренах в зависимость от правильности политической ориентации. Однако в СССР эта зависимость спорта от политики была доведена до совершенства»¹.

Спорт с позиций институционализма в международных отношениях

Институционализм в международных отношениях является теорией, которая утверждает, что международные институты и организации играют исключительно важную роль в обеспечении безопасности в мире. Речь идет о таких организациях, как ООН, ЮНЕСКО, Европейский союз, ШОС; международных экономическо-финансовых организациях, таких как ВТО, МВФ, Мировой банк и др., призванных способствовать взаимодействию и развивать сотрудничество между государствами². Эти и другие международные организации устанавливают правила поведения для стран-участников, разрабатывают последовательность действий в случае конфликтов, подталкивают участников того или иного международного процесса к более тесному взаимодействию. Приверженцы теории институционализма убеждены, что наличие международных организаций и объединений снижает уровень анархии в международных отношениях. Государства рассматриваются как рациональные участники международной политической системы, в которой отсутствует строго выстроенная иерархия.

В мире спорта существуют различные спортивные ассоциации и организации, такие как МОК, ФИФА, УЕФА, ВАДА, международные федерации по отдельным видам спорта, которые являются пол-

¹ Прозуменщиков, М. Ю. Большой спорт и большая политика. М.: РОССПЕН. 2004. С. 3.

² Keohane, R. O., & Martin, L. L. (1995). The promise of institutionalist theory. *International security*, 20(1), 39–51.

ноправными участниками международного спортивного процесса и активно вмешиваются в этот процесс. Международные спортивные организации не должны являться проводниками интересов какой-либо одной страны или группы стран. Согласно Олимпийской хартии, игры «...объединяют спортсменов-любителей всех стран в честных и равноправных соревнованиях. По отношению к странам и отдельным лицам не допускается никакой дискриминации по расовым, религиозным или политическим мотивам».

С другой стороны, практически на протяжении всей истории современного олимпизма происходили точечные бойкоты Олимпиад отдельными странами, отстранение или самоотстранение стран от участия в Олимпиадах¹. Своеобразной кульминацией этого процесса стало бойкотирование Олимпиады-1980 в Москве и Олимпиады-1984 в Лос-Анджелесе. Представляется, что бойкоты крупнейших спортивных соревнований, которые происходили вопреки позиции МОК и крупнейших федераций по отдельным видам спорта, в целом подрывают позиции теории институционализма в попытке объяснить происходящее в мире международного спорта. Подчеркнем, что хотя МОК последовательно выступал против бойкотов, к его мнению не прислушалось руководство США в 1980 году и руководство СССР в 1984 году, принимая решение бойкотировать игры. История с бойкотами Олимпиад скорее поддерживает позиции реалистов в международных отношениях, которые считают, что отдельные страны, и особенно супердержавы, не очень-то оглядываются на решения международных организаций, когда преследуют собственные цели. Впрочем, и здесь бывают исключения. Например, несмотря на давление со стороны британского правительства², стремящегося поддержать американский бойкот московских игр, Олимпийский комитет Великобритании решил отправить британскую команду на Олимпиаду в Москву в 1980 году.

Также отметим, что хотя МОК оказалась не в состоянии отвести угрозу бойкотов Олимпийских игр и воздействовать как-либо на страны, инициировавшие бойкоты, решения и действия МОК имели важные последствия для международной политики. Например, решение МОК отказать в проведении Олимпиады Токио в 1964 году и Мюнхену в 1972 году были важными в плане послевоенной реабилитации Германии и Японии и способствовали возвращению их в международное сообщество.

¹ Senn, A. E. (1999). *Power, politics, and the Olympic Games*. Human Kinetics Publishers.

² Kanin, D. B. (1980). The Olympic boycott in diplomatic context. *Journal of Sport&SocialIssues*, 4(1), 1–24.

Публикации по вопросам спорта в СССР в период холодной войны

В послевоенное время, когда в СССР были достигнуты несомненные успехи в области спорта, издано большое количество книг по физической культуре и спорту¹. Значительная часть из них выходила в свет в специализированном издательстве «Физкультура и спорт», основанном еще в 1923 году. Ежегодно миллионными тиражами издавались десятки наименований книг по спорту. Задачами издательства были: активное содействие развитию массовости физической культуры в стране, повышение мастерства советских спортсменов и улучшение учебно-воспитательной работы по физической культуре в школах, вузах, коллективах физической культуры предприятий, колхозов и др. Решая эту задачу, «ФиС» ежегодно выпускало литературу как для массового читателя, так и для специалистов физического воспитания.

В массовой литературе по спорту и физической культуре преобладали книги научно-популярного характера, такие, например, как «Родителям о физическом воспитании детей», «Физическая культура женщины», «Физическая культура в режиме дня», «Путь к силе, здоровью и долгой жизни» и т. д.; разного рода библиотечки для занимающихся различными видами спорта, например, библиотечка «Физкультура и здоровье», библиотечка сдающих нормы ГТО, библиотечка начинающего охотника или начинающего рыбака, шахматиста и др.; книги об опыте работы коллективов физической культуры, тренеров, спортсменов и, наконец, пропагандистская литература — очерки, рассказы, повести и зарисовки на спортивную тему с демонстрацией преимуществ советского образа жизни.

Для специалистов и студентов-физкультурников издательство выпускало монографии по общим вопросам и частным проблемам физической культуры, а также большой объем учебной литературы: учебники для физкультурных учебных заведений, пособия для сек-

¹ Например: *Шишкарева, Ю. Н., Орлова, Л. П.* Художественная гимнастика. М.: Физкультура и спорт. 1954; *Гаврилин, В. М.* Олимпийские медали армейцев. М.: Воениздат. 1961; *Гомельский, А. И.* Тактика баскетбола. М.: Физкультура и спорт. 1966; *Денисов, В. В., Добров, А. А.* Год олимпийский. М.: Физкультура и спорт. 1969; *Казанский, И. А.* Олимпийский факел над Токио. М.: Физкультура и спорт. 1965; *Фирсов, З. П.* В олимпийских бассейнах. М.: Советская Россия. 1960; *Баунов, Б. Б.* Олимпийское время Москвы. М.: Физкультура и спорт. 1978; *Бирюков, А. А., Хотинский, В., Лукашин, Ю.* Футбол: Справочник. М.: Физкультура и спорт. 1980; *Выдрин, В. М.* Спорт в современном обществе. М.: Физкультура и спорт. 1980; *Комаров А. А.* Хоккей: Справочник. М.: Физкультура и спорт. 1977; *Гуськов, С. И.* Олимпиада-80 глазами американцев. М.: Физкультура и спорт. 1982; *Гуськов, С. И.* В атаке доллар: международный спорт и идеологическая борьба. М.: Мысль. 1988.

ций коллективов физической культуры по видам спорта, различные учебно-методические работы, а также переводные книги по наиболее актуальным вопросам теории и практики спорта. «ФИС» выпускало также справочную и производственно-техническую литературу по физической культуре и спорту.

Что же касается научных монографий, связанных со спортивной тематикой, можно обнаружить сравнительно немного подлинно исторических исследований по спорту, особенно тех, что основаны на советских архивных документах. Одна из главных причин относительной немногочисленности подобных работ заключается в том, что основные документы, стекавшиеся в ЦК КПСС и хранившиеся в партийном архиве, почти автоматически получали грифы секретности: «секретно», «совершенно секретно», «особой важности»¹, и доступ историков к ним вплоть до развала Советского Союза был закрыт. Часто подобные грифы секретности налагались даже на малозначимые материалы только из-за того, что материалы, относящиеся к спорту, прошли через отделы Полибюро или Секретариата ЦК КПСС. Отметим, что и после распада СССР значительные массивы архивных материалов с 1950 по 1991 год остаются нерассекреченными и, следовательно, недоступными для исследователей. В сложившейся ситуации для восполнения недостающих данных большую роль играет мемуарная литература. В своих воспоминаниях, опубликованных после распада Советского Союза, спортивные журналисты, писатели, бывшие спортсмены, тренеры, чиновники от спорта с разной степенью глубины постарались передать собственные впечатления о спортивной карьере атлетов, о тех или иных спортивных состязаниях и одновременно помогли осветить вопрос о влиянии советского государства на развитие спорта в СССР, о политике КПСС в области спорта, о том, как и кем принимались решения, повлиявшие на советский спорт, на советских спортсменов и их судьбы.

Источники и публикации по истории спорта в период холодной войны на Западе

История спорта как отдельная дисциплина возникла уже в начале XX века и первые десятилетия прошлого века культивировалась в основном в Великобритании. Неудивительно, что значительное количество ранних работ по истории спорта было посвящено футболу, регби, крикету, теннису и другим видам спорта, популярным в Объединенном королевстве и в британских колониях, а затем и в странах Содружества.

¹ Прозуменщиков, М. Ю. Большой спорт и большая политика. С. 8.

Разумеется, вопросам спорта пресса во многих западных странах уделяла и продолжает уделять большое внимание. Практически все крупные газеты мира имеют многостраничные спортивные приложения. На странице этой книги вы найдете примеры и цитаты из таких газет, как *New York Times*, *Times*, *The Guardian*, *Boston Globe*, *Washington Post* и др. Кроме того, в своей работе мы использовали публикации из *Sport Illustrated* — наиболее авторитетного американского спортивного журнала.

К числу ведущих спортивно-исторических научных журналов относятся: *The International Journal of the History of Sport* (Международный журнал истории спорта), *Journal of Sport History* (Журнал спортивной истории), *Journal of Sportan Social Issues* (Журнал спорта и социальных вопросов), *Sport in Society* (Спорт в обществе), *Journal of Olympic History* (Журнал олимпийской истории), *Sport History Review* (Обзор по истории спорта).

Кроме того значительное количество работ по истории спорта в период холодной войны опубликовано в журналах по истории международных отношений, например: *Diplomatic History* (История дипломатии), *International Security* (Международная безопасность), а также по истории и культуре отдельных стран, например: *Contemporary British History* (Современная британская история), *The Journal of American Culture* (Журнал американской культуры), *Journal of Australian Studies* (Журнал австралийских исследований), *The China Quaterly* (Китайский вестник), *Third World Quaterly* (Вестник стран третьего мира).

Разумеется, жизнь и спортивная судьба наиболее известных спортсменов периода холодной войны привлекала внимание и журналистов, и профессиональных писателей. В книге вы найдете ссылки на биографии и автобиографии (часто написанные в соавторстве с профессиональными писателями) Билла Рассела¹, Мухаммеда Али², Артура Эша³, Владимира Куца⁴, Ларисы Латыниной⁵ и других известнейших спортсменов.

¹ Russell, W. F., & Branch, T. (1979). *Second Wind: The memoirs of an opinionated man*; Towle, M. (2001). *I Remember Arthur Ashe: Memories of a True Tennis Pioneer and Champion of Social Causes by the People Who Knew Him*. Cumberland House.

² Ali, M. (1967). *With Richard Durham. The Greatest: My Own Story*; Lipsyte, R. (1978). *Free to Be Muhammad Ali*. HarperCollins Publishers; Edmonds, A. O. (2005). *Muhammad Ali: A Biography*: ABC-CLIO.

³ Ashe, A., & Deford, F. (1975). *Arthur Ashe, Portrait in Motion*. Houghton Mifflin Company. Ashe, A., & Amdur, N. (1981). *Off the court*. New York, New American Library.

⁴ Куц, В. П. Повесть о беге. М.: Молодая гвардия. 1964.

⁵ Латынина, Л. С. Гимнастика сквозь годы. Изд. 2-е. СПб.: Полиграфическое предприятие № 3. (2014).

Спортивные события 1950-х и 1960-х годов неплохо отражены в документальных фильмах, снятых на Олимпиадах, чемпионатах мира по видам спорта, и стали также одним из важных источников при работе над этой книгой.

Опубликовано довольно значительное количество монографических исследований по истории спорта в период холодной войны в основном в университетах Великобритании и США¹. В отличие от естественных наук, где большая часть публикаций — это публикации в соавторстве в реферируемых журналах, западные историки публикуют монографии, как правило, с единственным автором, так как именно монографические работы позволяют историкам сделать себе имя в научных кругах и претендовать на долгосрочные и пожизненные контракты (так называемая тенура — *tenure*) в университетах и колледжах в англоязычных странах.

¹ Morton, H. W. (1963). *Soviet sport, mirror of Soviet society*. Collier Books; Peppard, V., & Riordan, J. (1993). *Playing politics: Soviet sport diplomacy to 1992*. JAI Press Inc.; Houlihan, B. (1994). *Sport and international politics*. Prentice Hall; Senn, A. E. (1999). *Power, politics, and the Olympic Games*. Human Kinetics Publishers; Watterson, J. S. (2006). *The games presidents play: sports and the presidency*. JHU Press; Maraniss, D. (2008). *Rome 1960: The Olympics that changed the world*. Simon and Schuster; Sarantakes, N. E. (2010). *Dropping the torch: Jimmy Carter, the Olympic boycott, and the Cold War*. Cambridge University Press; Thomas, D. L. (2012). *Globetrotting: African American Athletes and Cold War Politics*. University of Illinois Press; P D'Agati, P. (2013). *The cold war and the 1984 Olympic Games: A Soviet-American surrogate war*. Springerolitics. University of Illinois Press; Parks, J. (2016). *The Olympic Games, the Soviet Sports Bureaucracy, and the Cold War: Red Sport, Red Tape*. Lexington Books; Rider, T. C. (2016). *Cold War Games: Propaganda, the Olympics, and US Foreign Policy*. University of Illinois Press; Redihan, E. E. (2017). *The Olympics and the Cold War, 1948–1968: Sport as Battleground in the US-Soviet Rivalry*. McFarland.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ
СПОРТ В НАЧАЛЬНЫЙ ПЕРИОД ХОЛОДНОЙ ВОЙНЫ
(1945–1961)

ПЕРВЫЕ ШАГИ СССР К ОЛИМПИЙСКИМ УСПЕХАМ

**Партийное руководство спортом в СССР
в период холодной войны**

Коммунистическая партия Советского Союза (КПСС) была, как известно, руководящей и направляющей силой советского общества. Вопросы физкультуры и спорта также находились в ее ведении. В нашей книге много раз упоминается советский Спорткомитет (Всесоюзный комитет по делам физической культуры и спорта), который в СССР фактически выполнял функции министерства и занимался всеми вопросами организации и развития физкультуры и спорта. Однако стратегические решения по вопросам спорта прежде всего принимались на уровне ЦК КПСС, а иногда и на уровне Политбюро ЦК. Архивные материалы ЦК КПСС, мемуары деятелей советского Спорткомитета свидетельствуют, что именно в ЦК «стекалась вся информация о состоянии физкультурно-спортивной работы в стране, ходе выполнения постановлений ЦК партии по вопросам физкультурного движения и спорта, международных спортивных связей, производстве спортивного инвентаря, деятельности Всесоюзного комитета по делам физической культуры и спорта, недостатках в политико-воспитательной работе среди спортсменов, а также еще многое-многое другое»¹.

Постановления ЦК КПСС и Совета министров СССР являлись нормативными документами, нередко принимаемыми совместно Центральным комитетом Коммунистической партии Советского Союза и Советом министров СССР — высшим исполнительным и распорядительным органом государственной власти в СССР. Данные постановления определяли различные стороны деятельности общества в СССР, в том числе и в области физической культуры и спорта, и были обязательными для исполнения всеми организациями и предприятиями страны.

Во второй половине 1940-х годов, несмотря на сложное послевоенное время, развитию спорта и физической культуры в СССР уделялось большое внимание. Приведем цитату из Энциклопедиче-

¹ Прозуменщиков, М. Ю. Большой спорт и большая политика. С. 4.

ского словаря по физической культуре и спорту 1962 года, где как раз и говорится о первом послевоенном постановлении ЦК ВКП(б) по спорту: «27 декабря 1948 было принято историческое постановление ЦК ВКП(б) “О ходе выполнения Комитетом по делам физической культуры и спорта директивных указаний партии и правительства о развитии массового физкультурного движения в стране и повышении мастерства советских спортсменов”, явившееся важнейшим программным документом для советского физкультурного движения. В этом постановлении с новой силой подчеркивается значение физич. культуры как важного средства коммунистического воспитания и определяются задачи физкультурного движения на ближайшие годы: повышение массовости, поднятие уровня спортивного мастерства и завоевание мирового первенства по основным видам спорта»¹.

После постановления ЦК ВКП (б) по спорту, принятого в конце 1948 года, было проведено Всесоюзное совещание по вопросам агитации и пропаганды физической культуры и спорта. На этом совещании выявились проблемы и недостатки в пропагандистской работе, например отсутствие хороших кинофильмов, где были бы показаны образы советских спортсменов и тренеров, и малое количество литературных произведений, посвященных спорту. Также выяснилось, что на местах учебно-спортивную работу считали основной, а пропаганду и агитацию называли «никому не нужной говорильней»². Кроме того было отмечено, что известные спортсмены, мастера спорта неохотно ведут устную агитацию, мало пропагандируют полезность физических упражнений, а из 13 миллионов лекций и бесед, проведенных работниками Минздрава, только 1–1,5 % были связаны с вопросами физической культуры.

Правда, желание советских людей заниматься физкультурой и спортом в послевоенное время часто сталкивалось с нехваткой самого необходимого для осуществления этого желания. Например, в исследовании по работе в сфере физической культуры и спорту в Пензенской области в 1950-х годах ³ приводятся любопытные факты. С одной стороны, среди жителей Пензы наблюдалось явное стремление заниматься различными видами спорта: в 1950 году

¹ Кукушкин, Г. И. Энциклопедический словарь по физической культуре и спорту. Том 2. М.: Физкультура и спорт, 1962. С. 388.

² Истягина-Елисеева, Е. А., & Бариеникова, Е. Е. История спортивной пропаганды в СССР в период 1945–1991 гг. // Вестник спортивной науки (3). 2015. С. 54–57.

³ Королева, Л. А., & Давыдов, А. С. Государственная политика в сфере физической культуры и спорта в СССР в начале 1950-х годов. Концепт (4). 2015. С. 1–7.

в Пензе действовали спортивные секции по 26 видам спорта, включая акробатику, баскетбол, бокс, классическую борьбу, велосипедный спорт, волейбол, гимнастику, городки, легкую атлетику, конькобежный спорт, лыжи, плавание, а также фигурное катание, пулевую стрельбу, футбол, хоккей, шахматы и шашки¹. В то же время в мае 1950 г. в постановлении областного исполкома отмечалось, что «подготовка имевшихся спортивных сооружений к летнему сезону велась неудовлетворительно. Не было организовано новых простейших спортивных сооружений с привлечением широких масс населения, и в первую очередь молодежи, а также не организовано изготовление спортивного инвентаря и оборудования»².

В послевоенное время в большинстве регионов СССР ситуация с развитием физкультуры и спорта была непростая и в плане наличия стадионов и спортивного инвентаря, и в условиях нехватки квалифицированных тренеров и учителей физкультуры. Так, например, в конце 1940-х годов на весь Приморский край имелось всего 6 стадионов, 2 спортивных зала и две водные станции. В школах Приморского края работало 125 преподавателей физкультуры, из которых только один имел высшее образование и 6 — среднее специальное образование³. Тем не менее в эти же годы наблюдалась настоящая массовость в занятиях спортом, например массовое участие в комсомольских лыжных и легкоатлетических кроссах. Так, в 1947 году в профсоюзно-комсомольском кроссе Приморья участвовало 65 400 человек, в лыжном кроссе соревновались 61 026 физкультурников, а в Хабаровском крае в профсоюзно-комсомольском кроссе приняло участие около 90 тысяч человек⁴.

В работу по выполнению постановления ЦК ВКП(б) от 27 декабря 1948 года активно включилась советская пресса. Пропагандой и агитацией спорта и физической культуры занимались газеты «Советский спорт», «Ряденьский спорт» (Украина), «Лело» (Грузия), «Физкультурник Азербайджана», «Физкультурник Белоруссии», чуть позже к ним присоединился еженедельник «Футбол-хоккей». В это же время в Советском Союзе издавались журналы «Физкультура и спорт», «Теория и практика физической культуры», «Шахматы в СССР». К 1950 году в СССР ежегодно издавалось 519 спортивных книг, брошюр, учебно-методических пособий по разным видам

¹ Там же. С. 2.

² Там же.

³ *Валеев, А. М.* Реализация государственной политики по развитию массовой физкультурной и спортивной работы на Дальнем Востоке в 1945–1970 годах. Вестник Челябинского государственного университета, 18 (199). История, 41. 2010. С. 122.

⁴ Там же. С. 123.

спорта общим тиражом в 6 миллионов 900 тысяч экземпляров¹. Безусловно, новым явлением для 1950–1960-х годов стало спортивное телевидение. В 1949 году со стадиона «Динамо» была впервые передана телетрансляция футбольного матча между командами ЦДКА и «Динамо». Правда, в 1950 году в СССР насчитывалось всего 12 тысяч телевизоров², однако к 1960 году число телевизионных приемников в распоряжении советских граждан возросло до 4 миллионов.

К середине 1950-х годов в СССР работали уже свыше 1300 детских спортивных школ и спортивных школ молодежи, в которых занимались около 300 тысяч юных спортсменов³. Резко возросло количество дипломированных тренеров — выпускников институтов физической культуры. Интенсивно развивалась материальная база спорта: строились стадионы, бассейны, дворцы спорта, спортивные залы. В стране была налажена четкая взаимосвязь между государственными и общественными органами, отвечающими за развитие спорта. Деятельность Комитета по физической культуре и спорту была увязана в единую систему с работой ведомств и общественных организаций — ДСО и спортивных федераций, что способствовало четкой реализации государственной политики в сфере спорта.

Тем не менее и к середине 1950-х годов нехватка спортивных сооружений в СССР, особенно в зимних видах спорта, оставалась серьезной проблемой. Когда читаешь доклады Спорткомитета в ЦК КПСС, начинает казаться, что успешные выступления советской сборной на зимней Олимпиаде 1956 года в Италии и на чемпионатах мира по зимним видам спорта имели место вне всякой связи с нехваткой или отсутствием в СССР искусственных катков, стадионов для хоккея, конькобежного спорта и фигурного катания, а также горнолыжных баз. Примечательно, что и доклад Спорткомитета 1956 года (см. Приложение 1) не привел к возведению всех этих крайне нужных для советского зимнего спорта сооружений. Между тем средства на развитие спорта в СССР расходовались, в том числе за тысячи километров от границы страны. Логика холодной войны требовала поиска новых союзников в странах третьего мира. Советский Союз в эти годы вел строительство крупнейшего стадиона в Джакарте на 100 тысяч мест, чтобы оказать помощь братскому индонезийскому народу и его лидеру Сукарно. Через четыре года

¹ *Истягина-Елисеева, Бариеникова.* История спортивной пропаганды в СССР. С. 56.

² Там же. С. 55.

³ *Платонов, В. Н.* Из исторического опыта олимпийской подготовки: СССР (1952–1992 гг.), ГДР (1968–1988 гг.). Наука в олимпийском спорте (2). 2013. С. 15–25.

Спорткомитет составляет еще один доклад в ЦК фактически на ту же тему о необходимости строительства искусственных катков, так как конкуренты в США, Канаде, Скандинавских странах и даже братский режим в Чехословакии в этом деле ушли далеко вперед (см. Приложение 2). Обратим внимание на то, что руководители советского спорта уверены: инвестиции в крытые ледовые арены и катки окупятся не только через завоевание новых медалей на Олимпиадах и чемпионатах для страны, но и благодаря продаже билетов на ледовые шоу, театральные представления и другие мероприятия, которые можно будет проводить на этих стадионах.

В послевоенное время в СССР спорт рассматривался как идеологическое оружие, и поэтому неудивительно, что в структуре аппарата ЦК КПСС сектор физической культуры и спорта большую часть времени входил в отдел пропаганды и агитации, а лишь в течение нескольких лет, в хрущевский период, был включен в отдел здравоохранения и социального обеспечения. Начиная с 1964 года и до последних дней существования СССР сектор физкультуры и спорта оставался в отделе пропаганды ЦК КПСС, но слово «агитация» из названия отдела было убрано. Другими словами, Спорткомитет СССР не принимал каких-либо важных решений без предварительного одобрения и согласования в ЦК КПСС.

Заметим, что руководящие работники Спорткомитета СССР обычно были выходцами из органов ВЛКСМ (Всесоюзный ленинский коммунистический союз молодежи) и КПСС. Так, Н. Н. Романов, до того как он был назначен председателем Спорткомитета (1945–1948, 1951–1959), работал в должности второго секретаря ЦК ВЛКСМ, а сменивший его на посту председателя Комитета по физкультуре и спорту С. П. Павлов (1968–1983) до этого был первым секретарем ЦК ВЛКСМ.

Примечательно, что сразу несколько довоенных руководителей советского спорта — В. М. Михайлов (1926–1930), Н. К. Антипов (1930–1934), В. Н. Манцев (1934–1936) — были арестованы и расстреляны в период сталинских репрессий, а в хрущевское время по-смертно реабилитированы. Про их судьбы, несомненно, знали послевоенные руководители советского спортивного ведомства и небезосновательно побаивались (например, Н. Н. Романов, как явствует из его мемуаров) за свою собственную жизнь и судьбу, особенно еще при жизни Сталина в начальный период холодной войны, в конце 1940-х и начале 1950-х годов, когда им приходилось принимать те или иные решения по участию советских команд в международных соревнованиях или же решения по кадровым вопросам, например при назначении главных тренеров национальной команды по видам спорта.

Как отмечает М. Ю. Прозуменщиков, в ранний период холодной войны все результаты международных спортивных соревнований, в которых участвовали советские атлеты, становились материалом для подробных отчетов в ЦК КПСС. Руководители советских спортивных делегаций в своих отчетах в деталях описывали не только спортивные результаты, показанные советскими спортсменами на соревнованиях, но также писали и о политической обстановке в стране пребывания, и об условиях проживания спортсменов, и о реакции зрителей на выступление спортсменов¹.

Обязательным разделом подобных отчетов в ЦК КПСС являлись описание и оценка моральных и волевых качеств спортсменов, их идеологической подготовленности и политической сознательности. В ЦК КПСС именно этой части отчетов уделяли особое внимание, что проявляется в количестве и характере комментариев, подчеркиваний и пометок в отчетах спортивных руководителей.

Отрывок из отчета об участии команды СССР в XI шахматной Олимпиаде в 1953 году в Амстердаме может служить примером подробного и достаточно компетентного анализа игры шахматистов, разбора причин неудачного выступления отдельных участников команды, а также примером весьма конструктивной критики в адрес советских гроссмейстеров и иллюстрацией активных усилий самого руководителя советской шахматной делегации:

«Смыслов недостаточно активно ставил партию черными, пользуясь в основном очень ограниченным дебютным репертуаром. У Бронштейна крупным недостатком является распределение времени — вечные цейтноты. Несмотря на настойчивые указания со стороны руководства команды, что правильное распределение времени на обдумывание ходов является важным фактором успеха, Бонштейн не сделал для себя необходимых выводов... Творчество первого запасного команды Геллера, весьма одаренного гроссмейстера, за последние два года заметно изменилось к худшему. В его игре не чувствуется былой энергии, тонких замыслов... Котов принадлежит к шахматистам, у которых наряду с хорошими успехами могут быть и значительные срывы. Во время XI Олимпиады Котов был в плохой форме и отсюда вытекают неудовлетворительные результаты, показанные им»². Сама подробность и детализированность данного отчета недвусмысленно указывает на то, что автор рассчитывал на определенный уровень понимания шахматной проблематики у работников отдела ЦК.

В большинстве случаев аппарат ЦК КПСС, реализуя свои задачи, действовал через государственные ведомства (Спорткомитет, Госком-

¹ Прозуменщиков, М. Ю. Большой спорт и большая политика. С. 26.

² Там же.

издат, Госкино, Госснаб и т. п.) или квазиобщественные организации (Союз писателей, Союз обществ дружбы с зарубежными странами и т. п.). Однако в ряде сфер, прежде всего идеологической, аппарат ЦК фактически осуществлял и текущие управленческие функции. Например, сектор газет Отдела пропаганды в оперативном режиме давал санкции на размещение статей в центральных изданиях. Группа международных отделов давала разрешение на приезд каждого члена всех официальных иностранных делегаций, посещавших СССР¹. Комиссия по выезду и Отдел заграничных кадров регулировали вопросы выезда за рубеж всех без исключения категорий граждан страны и персонально каждого из них.

Советские спортивные делегации за рубежом находились под опекой и присмотром компетентных органов. Как правило, заместителями советских спортивных делегаций за границей были кураторы КГБ. Они же составляли отчеты, которые поступали в ЦК КПСС. В некоторых случаях работники спецслужб не вдавались в детали и обходились стандартными фразами: «аморальных поступков со стороны членов спортивной делегации СССР как в пути следования, так и за границей не было», «дисциплинарных нарушений не было, коллектив проявил большую организованность и сплоченность», «все товарищи вели себя за границей достойно, высоко неся честь советского гражданина»². Подобные отчеты обычно не удавались дополнительных комментариев или подчеркиваний.

В иных же отчетах представлены перечни разнообразных нарушений, допущенных советскими спортсменами за границей. Теперь уже работникам ЦК КПСС предстояло определить, насколько серьезны проступки тех или иных спортсменов и какое наказание должно за этим последовать.

Например, по дороге домой с соревнований по тяжелой атлетике в Швеции руководитель советской делегации утверждал, что «Костылев, Бондаренко и Ханукашвили пытались провезти в СССР шведские журналы с фотоснимками женских фигур. После повторных предупреждений эти товарищи журналы уничтожили»³. Можно предположить, что уничтожение журналов произошло после тщательного ознакомления товарищей с особенностями указанных фотоснимков женских фигур.

Знаменитый футболист и хоккеист Всеволод Бобров также стал фигурантом отчета, в котором говорилось об ошибках в его поведении на чемпионате мира по хоккею в 1955 году. «Во-первых, он

¹ Митрохин, Н. Аппарат ЦК КПСС в 1953–1985 годах как пример «закрытого» общества. 2009.

² Прозуменщиков, М. Ю. Большой спорт и большая политика. С. 27.

³ Там же. С. 29.

слишком засиделся после приема в кафе гостиницы, во-вторых, встречался в гостинице с неизвестной женщиной, в-третьих имеют основания утверждать, что с 2-х до 4-х ночи т. Бобров уходил из номера»¹. Мало того, выяснилось, что женщина, с которой встречался знаменитый советский спортсмен, была русской национальности и являлась агентом антисоветской эмигрантской организации — Народно-трудового союза российских солидаристов. Как тут не вспомнить ставшие крылатыми слова из песни Владимира Высоцкого: «там шпионки с крепким телом, ты их в дверь — они в окно...» Надо отметить, что на общение с русскоговорящими эмигрантами и бывшими гражданами СССР было наложено полное табу, и нарушение этого правила могло сразу же сделать спортсмена невыездным и привести к преждевременному завершению спортивной карьеры, однако же и сексуальные потребности советским спортсменам за границей как-то надо было удовлетворять.

Примечательно, что в самом ЦК КПСС стремление к внебрачным отношениям реализовывалось в многочисленных романах с техническим персоналом аппарата ЦК — стенографистками, секретаршами, машинистками, буфетчицами и официантками на загородных партийных дачах, куда многие работники аппарата ЦК КПСС регулярно отправлялись «бригадами» для работы над документами. Как утверждают исследователи, «на подобные отношения (если они не носили скандального или демонстративно непристойного характера) руководство смотрело довольно спокойно, тем более что для сексуального обслуживания высшего эшелона аппарата был фактически создан особый институт — личных (“закрепленных”) стенографисток»².

Отчеты ЦК КПСС также повествуют о разного рода провокациях в отношении советских спортсменов. Так, на соревнованиях по борьбе во Франции какой-то неизвестный гражданин подошел к советским спортсменам В. Балавадзе и Н. Соловьеву и предложил им не возвращаться в Советский Союз. В отчете руководителя делегации было сказано, что советские борцы отвергли недостойное предложение и дружно сказали, что им неплохо живется у себя на родине в Советском Союзе. Судя по данным М. Ю. Прозуменщикова, который исследовал сотни подобных отчетов в ЦК КПСС, похожие провокационные попытки в отношении советских спортсменов предпринимались на многих международных соревнованиях в 1950-е и 1960-е годы.

Провокации принимали разные формы. На Олимпийских играх 1956 года в Мельбурне во время пресс-конференции двукратно

¹ Прозуменщиков, М. Ю. Большой спорт и большая политика. С. 30.

² Митрохин, Н. Аппарат ЦК КПСС в 1953–1985 годах...

олимпийского чемпиона бегуна Владимира Куца к нему, несмотря на кордоны службы безопасности, подошла неизвестная женщина и «с истеричными криками выбросила перед чемпионом на стол восемь крыс, выкрашенных в красный цвет». Следует согласиться с выводами исследователя, что «все это не могло не оказывать психологического воздействия на советских участников соревнований, и, в свою очередь, оправдывало в глазах руководства делегаций те сверхжесткие требования, которые предъявлялись к поведению спортсменов за границей»¹. Владимир Куц, прослуживший много лет на флоте и простым моряком, и старшиной, и командиром орудия, на эту провокацию никак не поддался. В этом же году в Кремле в честь олимпийцев был устроен новогодний бал, где от имени советских спортсменов выступил Владимир Куц.

Естественно, сбор информации проводился не только в отношении советских спортсменов и тренеров — не меньше усилий прикладывалось, чтобы дать подробное описание поведению спортсменов иностранных команд и отдельных спортсменов, приезжающих на соревнования в СССР. «Холодная война способствовала тому, что всеохватывающий контроль (ЦК КПСС и КГБ. — А. Р.) распространялся не только на советских звезд, но и на тех представителей мирового спорта, которые приезжали в Советский Союз. Стремление собирать информацию, вне зависимости от того, может ли это пригодиться в будущем, и вообще — нужны ли подобного рода сведения, было всепоглощающей страстью советского руководства. Для сбора этой информации использовались все каналы: от спортивных ведомств, официально выступавших в роли организаторов спортивных мероприятий, до «Интуриста», призванного сопровождать иностранные делегации, выделять переводчиков, а затем составлять подробные отчеты, которые направлялись в том числе и первым лицам государства. При этом на большинство приезжающих составлялись полные и доскональные досье, которые заметно пополнялись после посещения иностранными звездами СССР»².

Впрочем, из отчетов следует, что моральный облик некоторых советских спортсменов и их дисциплина нередко оставляли желать лучшего. «Из-за многочисленных пьянок и драк, учиненных спортсменами, и следовавших за этим дисквалификаций только в 1962 году на международные соревнования были направлены в ослабленном составе сборные СССР по водному поло, плаванию, борьбе, конному спорту, тяжелой атлетике»³. Председатель КГБ

¹ Прокуменищikov, М. Ю. Большой спорт и большая политика. С. 32.

² Там же. С. 33.

³ Там же. С. 35.

И. А. Серов так проанализировал проблемы дисциплины, которые были зафиксированы в прочитанных им отчетах: «Одной из основных причин пьянства и аморальных проявлений среди некоторых ведущих спортсменов является то, что они, будучи материально обеспеченными, в период между соревнованиями не занимаются общественно-полезным трудом, не подчинены трудовой дисциплине и ведут, по существу, праздный образ жизни»¹. Впрочем, компетентные органы интересовались отнюдь не только случаями пьянства и драк среди спортсменов.

Советские спортсмены, участвующие в международных соревнованиях, получали суточные в иностранной валюте. Если валютные сделки и спекулятивные махинации не фигурировали в отчетах спортивных руководителей 1950-х годов, то нарушения этого характера начинают фиксироваться в следующее десятилетие как своеобразный отзвук хрущевской оттепели. Оттепель создала предпосылки к развитию предпринимательской жилки у некоторых советских спортсменов и тренеров. В 1960-е годы они предпринимали попытки вывозить за кордон товары советского производства, пользующиеся спросом за границей. К ним относились часы, фотоаппараты, электробритвы, а также предметы одежды. Если вывезенные предметы удавалось продать, то назад на родину обычно не везли валюту, ибо в случае поимки за это полагалось серьезное уголовное наказание, а чаще покупали и привозили дефицитные в Советском Союзе товары. «Так как в СССР дефицит качественных товаров был явлением перманентным и широкомасштабным, то разнообразие ввозимым таким образом вещей на советскую территорию было поистине бесконечным. В сводках КГБ против многих фамилий, в том числе и достаточно известных спортсменов, значатся конфискованные за границей или привезенные в Москву и реализованные через комиссионные магазины, либо “по спекулятивным ценам” крупные партии обуви, плащей болонья, шерстяных и нейлоновых женских кофт, мохера и др. Контроль за спортивно-коммерческими перевозками был поставлен на качественном уровне, и документы тех лет заполнены такими сообщениями, например, как: ватерполисты З. и Ш. привезли из-за границы по 40 пар дамских туфель на сумму свыше 1600 рублей или спортсмен Т. привез около 300 плащей, которые реализовал в Москве оптом по 70 рублей за плащ»². Спортсмены неплохо разбирались в конъюнктуре на советские товары за границей. Так, на таможне приходилось конфисковывать большие партии алкогольных напитков, которые спортсмены упорно пытались провезти в Финляндию и Швецию и другие страны

¹ Прозуменников, М. Ю. Большой спорт и большая политика. С. 35

² Там же. С. 38.

Северной Европы, где алкогольная продукция продавалась по существенно более высоким ценам, чем в СССР. «Своеобразный рекорд в этом поставили хоккеисты команды “Торпедо” (Горький), у которых в 1967 году на границе с Финляндией было задержано огромное количество ящиков с водкой»¹.

Все эти нарушения происходили несмотря на то, что советские спортсмены, тренеры и спортивные чиновники, выезжающие за границу, проходили самый тщательный отбор. Получение разрешения на выезд советских спортсменов за границу оставалось сложной, длительной и многоступенчатой процедурой. Еще в 1959 году Спорткомитет обратился в ЦК КПСС с просьбой упростить процедуру выдачи разрешений спортсменам на выезд хотя бы в тех случаях, когда соревнования были заранее включены в сводные планы сотрудничества СССР с социалистическими странами. ЦК КПСС позволил убрать одну ступень в процедуре и разрешил осуществлять оформление поездок спортсменов в социалистические страны непосредственно через комиссию по выездам за границу через ЦК КПСС. Как справедливо указывает М. Ю. Прозуменщиков, «громоздкая бюрократическая система становилась тормозом на пути принятия оперативных решений. Пока документы проходили необходимый ряд инстанций, согласовывались и утверждались на различных бюрократических уровнях, терялось драгоценное время. И не раз бывало так, что когда дело доходило до высшей инстанции, выяснялось, что принимать решение уже не имеет смысла: советские спортсмены не успевали принять участие в состязаниях»².

Рассуждения о доверии и о высокой чести, которую оказывали советским людям при выезде за границу партийные чиновники, в сущности, имели определенные основания. «Синдром общества за железным занавесом, психология людей, лишенных возможности свободно передвигаться за пределами своей страны, сформировали у подавляющего большинства советских граждан отношение к заграничным поездкам как к действительно большой награде.

К этому добавлялись и сугубо меркантильные соображения: советская промышленность, уверенно лидировавшая в производстве чугуна и стали, продолжала держать своих сограждан на крайне скудном пайке в области производства товаров массового потребления. Поэтому из-за границы спортсмены возвращались не только с кубками и медалями, но и с импортным ширпотребом, что было вполне естественно для людей, всю жизнь видевших убогий ассортимент советских магазинов. Ради этого можно было помучиться, собирая многочисленные справки и рекомендации, требовавшиеся

¹ Там же. С. 39.

² Там же. С. 84.

для оформления разрешения на поездку за рубеж, и демонстрируя на различных выездных комиссиях свое знание событий в мире и последних миролюбивых инициатив советского государства¹. При возвращении из-за границы спортсмены и тренеры, как, впрочем, и все советские граждане, должны были задекларировать не только ввозимую в СССР валюту, но и указать, сколько ковров, гобеленов, покрывал, скатертей, изделий из синтетических волокон, шерстяных изделий находилось в личном багаже. По каждому виду товаров существовали строгие таможенные ограничения, которые сводились к тому, что количество вещей должно было соответствовать личным потребностям советского спортсмена, так как в ином случае товары предназначались бы для перепродажи и спекуляции.

Советские спортсмены, находясь за границей, оставались предметом постоянного и всестороннего контроля со стороны руководителей спортивных делегаций, специально прикомандированных партийных работников и сотрудников КГБ. Для отправки спортивных делегаций с большим количеством функционеров-контролеров в ЦК КПСС отправлялись специальные обоснования. Например, во время проведения футбольного Кубка Европы во Франции в 1960 году обоснование было сформулировано следующим образом: «Учитывая, что советские футболисты впервые участвуют в соревнованиях на Кубок Европы, а также принимая во внимание, что на предстоящем футбольном турнире сильнейших европейских команд есть возможность составить правильное представление об уровне спортивного мастерства наших футболистов, считали бы целесообразным направить во Францию в составе советской спортивной делегации инструктора сектора физической культуры и спорта Отдела административных органов т. Пасечного П. С.»². Накануне Олимпийских игр в Мельбурне 1956 года ЦК КПСС, описывая состав советской делегации, авторы справки сообщили, что «в число 489 членов спортивной делегации входят 15 работников КГБ, которые включены в делегацию как работники секретариата, корреспонденты и переводчики»³.

В 1971 году 45-летний советский гроссмейстер Марк Тайманов возвращался в СССР из Канады с матча претендентов на матч за звание чемпиона мира по шахматам. Видимо, настроение у Тайманова было неважным, ведь матч он проиграл Роберту Фишеру с сухим счетом 6 : 0, позже это поражение было расценено в ЦК КПСС как «скандальное и беспрецедентное»⁴. К несчастью гроссмейстера Тайманова, на советской границе он еще и дважды проштрафился —

¹ Прозуменщиков, М. Ю. Большой спорт и большая политика. С. 22.

² Там же. С. 57.

³ Там же. С. 58.

⁴ Там же. С.48.

ввозил незадекларированную валюту и также пытался провезти запрещенную в СССР книгу А. И. Солженицына «В круге первом».

Провоз незадекларированной валюты мог быть расценен советской таможней как нарушение правил о валютных операциях, что в соответствии с Уголовным кодексом РСФСР наказывалось «лишением свободы на срок от трех до восьми лет с конфискацией имущества или без конфискации, с обязательной конфискацией валютных ценностей и ценных бумаг и со ссылкой на срок от двух до пяти лет или без ссылки». Лишать свободы и конфисковать имущество гроссмейстера Тайманова не стали — поступили гуманно.

Примечательно, что провоз запрещенной антисоветской литературы был расценен как более серьезное идеологическое нарушение, хотя М. Тайманов пытался доказать, что знакомился с трудом Солженицына «для аргументированного ведения спора» за границу. Однако доводы гроссмейстера не подействовали на советских чиновников. Спорткомитет исключил Тайманова из состава сборной СССР по шахматам, и он также был лишен звания заслуженного мастера спорта; в этом звании его восстановили только в 1991 году¹.

Наиболее серьезным преступлением советских спортсменов, выезжающих за границу, было, разумеется, невозвращение. Отказ от возвращения на родину рассматривался как предательство и удар по престижу страны. Естественно, ответственность за невозвращение или попытку побега нес не только сам спортсмен, но и его тренеры, а также руководство советской спортивной делегации. Впрочем, среди советских спортсменов подобные случаи были единичными в отличие от ситуации в спортивных делегациях братских социалистических стран. Особенно массовыми были случаи невозвращения и запросы политического убежища в странах Запада во время венгерских событий 1956 года и пражской весны 1968 года, когда десятки венгерских и чехословацких спортсменов остались на Западе.

Среди случаев невозвращения советских спортсменов наиболее громкими оказались дела, связанные с именами знаменитых фигуристов Л. Белоусовой и О. Протопопова, а также с гроссмейстером В. Корчным, одним из главных претендентов на звание чемпиона мира по шахматам. После решения попросить политического убежища в Швейцарии в 1979 году фамилии олимпийских чемпионов Белоусовой и Протопопова были тут же преданы забвению во всех советских спортивных изданиях, а также в комментариях радио- и телевизионных журналистов. С Виктором Корчным процесс предания забвению оказался более проблематичным, так как именно он пробился в матч за шахматную корону с А. Карповым. Вместо

¹ Тайманов, М. Е. Я был жертвой Фишера. СПб.: Шахфорум. 1993.

указания имени и фамилии шахматиста советские журналисты при освещении шахматных матчей Виктора Корчного использовали слово «претендент», придавая этой лексеме явно отрицательные коннотации, которых до сих пор у данного слова в русском языке не наблюдалось.

Советским спортсменам нужна только победа

Политическая оттепель, начавшаяся с середины 1950-х годов, не слишком явно сказывалась на советском спорте. Призыв бороться с последствиями культа личности не помешал советским руководителям перед зимними Олимпийскими играми 1956 года дать указание спортсменам в типично сталинском стиле: «Обеспечить завоевание на Олимпиаде первых общекомандных мест»¹. Несомненно, первые общекомандные места нужны были как важные очки, набранные в ходе продолжающейся холодной войны, для демонстрации преимуществ социализма и советского образа жизни.

Впрочем, по словам М. Ю. Прозуменщикова, советские власти боялись озвученного ими же тезиса о том, что победы советских спортсменов должны демонстрировать преимущество советского образа жизни. При этом они прекрасно понимали, что в спорте невозможно побеждать постоянно — все-таки тогда нашей страной руководили не дураки. Ведь чтобы побеждать всех и всегда, атлеты СССР должны были быть на несколько голов выше представителей других стран. Всем было ясно, что возможны какие-то неудачи и поражения, и это была, так сказать, обратная сторона медали. Не случайно постоянно говорится, что после Второй мировой войны Советский Союз стал великой державой. А великая держава должна быть членом международных спортивных федераций, и уже при Сталине началось вступление во множество организаций, в том числе в Международный олимпийский комитет в 1951 году. В ФИФА СССР вообще вступил в 1946 году, как и в целый ряд других спортивных организаций. При этом советские спортсмены часто не выступали на проводившихся международными федерациями соревнованиях. Спортивные власти отказывались пускать их туда под всякими благовидными предлогами: «Сюда мы пока не поедem», «Тут мы не можем участвовать» и т. п., причем страна исправно платила взносы во все эти федерации. Из некоторых международных федераций СССР даже собирались выгнать за отказ от участия в соревнованиях. И все это именно из-за боязни проиграть. Поэтому

¹ Прозуменщиков, М. Ю. Большой спорт и большая политика. С. 70.

сначала советские спортсмены ехали только туда, где была стопроцентная уверенность в победе. А если существовала угроза поражения, сразу начинались проблемы с участием»¹.

Требование обязательных побед от советских спортсменов в начале 1950-х годов сочеталось со строгим контролем за всеми этапами их выступлений, а информация, поступающая в ЦК КПСС со спортивных полей, чем-то действительно напоминала сводки о военных действиях. В 1953 году «лично товарищу Маленкову» Спорткомитет ежедневно докладывал о выступлениях советских конькобежцев на чемпионате мира в Финляндии. Причем в этих сообщениях было все: от результатов выступления спортсменов на отдельных дистанциях до таких нюансов, как время начала соревнований, скорость ветра, моральное и физическое состояние наших участников и т. п.²

Кстати, Георгий Маленков внимательно знакомился с документами по спорту. Так, накладывая визу на записку отделов ЦК с просьбой о разрешении советским спортсменам участвовать во втором международном шахматном турнире студентов в Бельгии, он поставил такую резолюцию: «Состав советской делегации на студенческий шахматный турнир должен быть подобран из числа студентов с таким расчетом, чтобы обеспечить в турнире первые места за советскими шахматистами»³. Турнир в Бельгии был выигран.

Карьера Георгия Маленкова продолжалась до 1957 года, когда он был снят со всех партийных и советских постов и отправлен в ссылку в Усть-Каменогорск. Позже, с учетом изменений в расстановке политических сил в руководстве партий, ...донесения стали направляться «лично товарищу Хрущеву», а иногда — М. А. Сулову. ...Если команда или спортсмен побеждали в состязаниях, то после этого любой другой результат (даже второе место!) расценивался как неудачное выступление. И тогда начинались оргвыводы, критика (часто совершенно незаслуженная) спортсменов, снятие с должности тренеров и т. п.

Н. С. Хрущев и его соратники в Политбюро понимали, что холодная война из политической сферы все больше распространялась на культурную и спортивную жизнь, где разгром соперника или вероятного соперника порой значил не меньше, чем победа над ним на поле боя. Однако существует мнение (например, см.: Спортивные достижения при Хрущеве), что какой-либо целенаправленной

¹ Прозуменщиков, М., Кильдюшов, О., & Пугачева, М. Советский футбол по документам ЦК КПСС. Интервью с М. Ю. Прозуменщиковым // Социологическое обозрение 17(2). 2018. С.173–194.

² Прозуменщиков, М. Ю. Большой спорт и большая политика. С. 71.

³ Прозуменщиков, М. За партийными кулисами великой спортивной державы. Неприкосновенный запас (3). 2004. С. 35.

политики в области спорта Никита Сергеевич не проводил. Были организационные перестановки, которые, впрочем, начались до того, как Хрущев утвердился в роли первого лица в Кремле. В марте 1953 года был ликвидирован Всесоюзный комитет по делам физкультуры и спорта, а вместо него появилось Главное управление по физической культуре и спорту при Министерстве здравоохранения. Спорткомитет, правда, восстановили в правах меньше чем через год и перевели в ведение административного отдела, который отвечал за армию, внутренние дела и госбезопасность. В 1959 году Спорткомитет заменили на Центральный совет союза спортивных обществ и организаций СССР. В этом же году принимается решение о сокращении рабочей недели в СССР, что позволило бы советским людям отдавать больше свободного времени физкультуре и спорту (см. Приложение 3). В дальнейшем при Хрущеве спортивное движение в СССР формально отделили от государства и придали ему статус общественной организации, сохранив государственное финансирование. Впрочем, для читателей нашей книги некоторые изменения в названии и подчинении главного спортивного ведомства страны в эти годы большого значения не имеют, и представляется логичным использовать слово «Спорткомитет» для указания на руководящий орган советского спорта в 1950-е и 1960-е годы, как это делает Н. Н. Романов¹. Примечательно, что Н. Н. Романов формально поменял несколько должностей: председатель Всесоюзного комитета по делам физической культуры и спорта при СНК СССР, начальник Главного управления по физической культуре и спорту Министерства здравоохранения СССР, заместитель министра здравоохранения СССР, председатель Комитета по физической культуре и спорту при СМ СССР, председатель Организационного бюро, Центрального Совета Союза спортивных обществ и организаций СССР, оставаясь при этом признанным руководителем советского спорта с 1945 по 1962 год.

В период оттепели известные советские спортсмены, особенно чемпионы мира и Олимпийских игр, стали понимать свою значимость, а некоторые из них в какой-то степени даже проявлять независимость в поведении. В связи с этим примечательна история, когда Хрущев на приеме в Кремле подошел к олимпийской чемпионке Лидии Скобликовой и сказал, что его внучка очень хочет олимпийскую медаль. Был сделан явный намек на то, чтобы она подарила одну из своих медалей. Лидия Скобликова достаточно дерзко ему отказала (см.: Спортивные достижения при Хрущеве). Трудно представить себе подобную ситуацию во времена правления Сталина, да и даже при Брежнев.

¹ Романов, Н. Н. Трудные дороги к Олимпу. М.: ФИС. 1987.

К середине 1950-х годов, как отмечает М. Ю. Прозуменщиков, «спрос со спортсменов и тренеров не становился меньше. Стоило советским хоккеистам, блестяще дебютировавшим в 1954 году на чемпионате мира, на следующий год уступить канадцам и стать лишь серебряными призерами, как их выступление в Спорткомитете тут же было признано неудовлетворительным, а ведущих игроков обвинили в “отсутствии должного упорства и самоотверженности в игре”.

Еще хуже пришлось баскетболистам и волейболистам, которые в том же 1955 году на чемпионатах Европы также не смогли сохранить свои чемпионские звания. Сразу после окончания этих чемпионатов в ЦК КПСС поступила записка секретаря ЦК ВЛКСМ А. Н. Шелепина, подвергнувшего сокрушительной критике всех, кто имел отношение к выступлению советских команд — спортсменов, тренеров, руководителей Спорткомитета. И хотя, по мнению автора записки, основная причина проигрыша советских спортсменов заключалась “в неудовлетворительном руководстве этими видами спорта Комитетом по физкультуре и спорту и его Управлением спортивных игр”, пострадали, как всегда, тренеры — “т. т. Травин и Щагин, как не справившиеся с возложенными на них обязанностями”, были освобождены от занимаемых должностей¹.

Спортивные чиновники прежде всего были обеспокоены вопросами собственного выживания. В условиях нереалистических ожиданий со стороны ЦК КПСС и партийного руководства чиновники Спорткомитета выработали «беспроигрышный» подход к возможному участию в международных соревнованиях: участвовать только тогда, когда есть твердая уверенность в успехе. Если же были сомнения в победе советских спортсменов, то лучше не рисковать «честью Советского Союза» и не посылать команду.

Так, советские велосипедисты не поехали на чемпионат мира в Риме в 1955 году. Шоссейники и трековики самым активным образом готовились к первенству, прошли сборы, показали неплохие предварительные результаты, и, самое главное, было принято специальное постановление Секретариата ЦК КПСС о направлении в Италию команды советских велосипедистов. Однако «в последний момент спортивные и партийные чиновники испугались, что возможные результаты советских участников окажутся не столь успешными, как на это надеялись. Спустя две недели ЦК дезавуировал свое прежнее постановление, решив ограничиться отправкой в Италию государственного тренера по велосипедному спорту Л. М. Шелешнева с переводчиком для просмотра соревнований»².

¹ Прозуменщиков, М. Ю. Большой спорт и большая политика. С. 71–72.

² Там же. С. 73.

Опасения чиновников вызывали возможные провалы советских спортсменов даже на самых незначительных, казалось бы, турнирах. «Боязнь поражений сковывала действия чиновников даже тогда, когда речь шла об обычных товарищеских соревнованиях, проходивших в русле установления более тесных контактов отдельных областей и республик СССР с местными спортивными организациями социалистических стран. Вопросы, которые, в сущности, могли бы оперативно решаться на региональном уровне, тщательно изучались и рассматривались в ЦК КПСС и лишь после этого по ним принималось решение. Именно так отнеслись к предложению румынской федерации мотокросса прислать в 1962 году на соревнования в Румынию команду молдавских мотоциклистов. Несмотря на то что ЦК КП Молдавии поддержал это предложение, в Москве молдавских товарищей “поправили”. Сразу два отдела ЦК КПСС — административных органов и по связям с коммунистическими и рабочими партиями — решительно заявили, что в Молдавии нет сильных мотоциклистов, а поэтому и ехать в Румынию не стоит»¹.

Руководители делегаций советских спортсменов, выезжавших на международные соревнования, предоставляли в ЦК детальные отчеты, анализируя результаты выступлений своих подопечных. Судя по архивным материалам ЦК, представленным М. Ю. Прозуменщиковым, место для критики находилось почти всегда, даже когда результаты выступлений, казалось бы, были блестящими.

«Волейбольную команду “Спартак” (Киев) при поездке в Индию возглавлял руководитель делегации Ф. Никитин. Спартаковцы в сорокаградусную жару за короткий отрезок времени провели 15 матчей, из которых 13 выиграла и лишь два проиграла. Результат отличный, но не стопроцентный. А по мнению Ф. Никитина, это уже плохо, так как надо выигрывать всё и вся. И вот уже в ЦК летит депеша, в которой он призывает “тщательно разобраться” с коллективом о причинах его “неудачных выступлений” и сделать необходимые выводы для дальнейшей подготовки советских команд, выезжающих за границу»².

Разумеется, не все вопросы, связанные с международным спортом, выносились на обсуждение Президиума ЦК КПСС, однако это не значит, что на спортсменов и тренеров возлагалась меньшая ответственность при выступлениях или оказывалось меньшее давление на них. Из приказов и постановлений Спорткомитета становится ясно, как в 1950-е и 1960-е годы сложилась система, когда в случае проигрышей советские спортсмены и тренеры подвергались наказаниям и взысканиям (часто незаслуженным) и уничтожительной кри-

¹ Прозуменщиков, М. Ю. Большой спорт и большая политика. С. 74.

² Там же. С. 75.

тике. Например, после проигрыша футбольного клуба «Динамо» в товарищеском матче с командой «Блэк Стар» из Ганы со счетом 2 : 1 Спорткомитет в своем отчете обвинил футболистов в безволии, «безответственности и трусости», проявленных во время встречи. Спортивные поражения часто рассматривались как результат недостаточной морально-политической подготовки спортсменов¹.

Архивные материалы Спорткомитета и ЦК КПСС на примерах раскрывают то, что именно признавалось политическими ошибками спортивных руководителей, и часто эти примеры носят довольно курьезный характер. Так, «стремление обвинить спортсменов в нежелании достойно выступить для прославления советской Родины, а также уличить еще и в политических ошибках хорошо проявилось в отчете, отправленном в ЦК КПСС после визита московского “Спартак” в ФРГ. Спартаковцы крупно проиграли местной команде в товарищеском матче, проявив несыгранность и неумение реализовывать выгодные моменты в свою пользу. А вот политической ошибкой было признана неявка московских футболистов к возложению венка к памятнику лидеру немецких коммунистов Э. Тельману. Тренер команды Н. А. Гуляев должен был писать объяснительную записку в ЦК КПСС и оправдываться за проявленное неуважение к памяти вождя немецких трудящихся»².

Неудивительно, что Спорткомитет шел на определенные хитрости, с тем чтобы добиться побед на международных соревнованиях. Например, вместо утвержденных ранее спортсменов или команд за рубеж направлялись более сильные спортсмены или более подготовленные команды. Так, в 1959 году в КНР проводились соревнования по водному поло. От СССР была заявлена команда Узбекистана, однако накануне соревнований Спорткомитет переиграл свои планы и отправил более подготовленную команду РСФСР³.

Подчас явные успехи советских спортсменов, завоевавших медали на международных соревнованиях, принижались, особенно тогда, когда первое место на соревнованиях доставалось тому или иному знаковому идеологическому сопернику.

В 1964 году проводился второй чемпионат Европы по футболу. В турнире, который проходил по системе плей-офф, приняли участие 29 стран. Сборные СССР, Австрии и Люксембурга сразу же попали во второй раунд. До полуфиналов команды играли друг с другом два матча — дома и в гостях. Финальная четверка команд съезжалась в одну страну-хозяйку чемпионата, которая определя-

¹ Там же. С. 76.

² Там же. С. 78.

³ Там же. С. 81.

лась после того, как определялась четверка команд, попавших в финальную часть.

Сборной СССР удалось пробиться в финальную часть вместе с командами Дании, Венгрии и Испании. 11 июня ЦК КПСС принял постановление об организации прямых телетрансляций на СССР полуфинальной и финальной встреч из Барселоны и Мадрида. В полуфинале сборная Советского Союза обыграла датчан 3 : 0 в Барселоне, а Испания в Мадриде в дополнительное время одолела Венгрию 2 : 1 (см.: Сайт УЕФА). Советские болельщики впервые получили возможность в прямом эфире наблюдать за встречами лучших команд Европы. В финале на стадионе Сантьяго Бернабеу хозяева чемпионата выиграли 2 : 1 у советской сборной благодаря победному голу Марселино в самом конце матча. Таким образом, сборная СССР получила серебряные медали чемпионата Европы по футболу, а Лев Яшин был признан лучшим вратарем европейского чемпионата. Лев Яшин и Валентин Иванов вошли в символическую сборную чемпионата.

Через полвека историкам спорта очевидно, что в 1964 году в Испании советские футболисты показали очень высокий уровень игры и заслуженно получили серебряные медали. «В любой другой стране команду, добившуюся такого результата, встретили бы с почестями. Но в дело вновь вмешалась большая политика: как и 12 лет назад, советская команда проиграла “не тому” сопернику. Между режимом испанского диктатора Б. Франко, захватившего власть в Испании в результате военного мятежа, поддержанного фашистскими Германией и Италией еще в 1939 году, и коммунистическими вождями СССР сохранялась вполне естественная взаимная враждебность. При отсутствии между обеими странами дипломатических отношений участие в международных спортивных состязаниях было, пожалуй, той единственной ниточкой, которая могла связать эти два антогонистических режима. Но в тех редких случаях, когда соперники сходились на спортивных полях, спорт окрашивался в яркие политические цвета: состязание шло не с командой и даже не со страной, а с фашистами (или, наоборот, с коммунистами), которым ни в коем случае нельзя было проигрывать»¹.

Как отмечает М. Ю. Прозуменщиков, проигрыш испанцам усугубило родное телевидение. «Специалисты с Шаболовки еще не были достаточно искушенными в деле прямых трансляций спортивных передач из-за границы и не всегда успевали вовремя поставить заставку, чтобы советские зрители, якобы по техническим причинам, не смогли увидеть то, что не полагалось смотреть с точки

¹ Прозуменщиков, М. Ю. Большой спорт и большая политика. С. 87.

зрения политики. В результате весь СССР наблюдал не только за радостью испанских болельщиков, но и лицебезрел довольного генерала Б. Франко, аплодирующего в ложе для почетных гостей своим футболистам. По свидетельству очевидцев, этот факт больше всего разозлил Н. С. Хрущева. Информация о гневе советского руководителя мгновенно распространилась по коридорам власти...»¹

Гнев Н. С. Хрущева, которого и до финала чемпионата Европы в Испании трудно было назвать большим поклонником футбола, привел к жестким оргвыводам, больше свойственным сталинскому периоду, а не временам оттепели. «Спорткомитет со всей силой обрушился на спортсменов и тренеров. Выступление сборной было подвергнуто жесткой критике, тренеры отстранены от руководства сборной, в спортивном ведомстве заявили о необходимости “пересмотра состава” и “подготовки новой команды”. Обо всех мерах срочно отрапортовали в ЦК КПСС»².

Идеологический отдел ЦК КПСС взял паузу и обдумывал составление доклада наверх в течение нескольких недель. Тем временем К. И. Бесков, уволенный с поста главного тренера советской сборной по футболу, получил приглашение стать старшим тренером команды «Заря» (Ворошиловград), которая выступала не в высшей, а в первой лиге. В том же 1964 году олимпийская сборная СССР, возглавляемая В. Соловьевым, неудачно провела олимпийский турнир и проиграла по сумме трех матчей команде ГДР на отборочном этапе. В. Соловьева тут же уволили с поста тренера второй сборной. «К чести руководителей идеологического отдела ЦК КПСС, в свою очередь составлявших докладную записку по данному вопросу для заседания Секретариата ЦК, они сумели правильно разобраться в сути вопроса. В документе, который был подготовлен в отделе, речь шла исключительно о “причинах неудовлетворительного выступления олимпийской футбольной команды” (выступление на европейском чемпионате не рассматривалось. — А. Р.), причем ответственность за неудачу возлагалась прежде всего на Спорткомитет, руководители которого “не обладая нужными знаниями, не проявили достаточного понимания и организаторских способностей в комплектовании и подготовке” сборной. В записке отдела ЦК также отмечалось, что вместо подготовки к новым отборочным циклам Спорткомитет “освободил руководителей и тренеров обеих команд и никого взамен не утвердил, а также вывел ряд футболистов из сборной. Состав игроков сборных не укреплен, а сами команды, как коллективы, по существу не работают. Такое

¹ Там же.

² Там же. С. 88.

положение ставит под угрозу успешное выступление сборных команд страны в предстоящих играх»¹.

За решением ЦК КПСС должны были последовать незамедлительные действия Спорткомитета и доклад о принятых мерах, что и произошло. «Секретари ЦК КПСС согласились с запиской идеологического отдела и теми мерами, которые были предложены в ней для улучшения положения. Чиновники из Спорткомитета признали свои ошибки и, засучив рукава, взялись за их исправление. Но в отличие от тренеров и футболистов никто из них не был отстранен от должности, да и сама критика носила закрытый характер. Гриф секретности на документах гарантировал им публичное неразглашение неприятных, но в значительной степени справедливых обвинений. Чего нельзя было сказать о главном тренере первой (неолимпийской. — А. Р.) сборной К. И. Бескове, получившем за свой труд шипы вместо роз. А ведь К. И. Бесков не только принес своей стране серебряные награды европейского первенства: спустя два года обновленная, но фактически им же созданная сборная на чемпионате мира в Англии сумела в первый и последний раз в истории отечественного футбола попасть в четверку лучших команд планеты»².

Анализ архивных материалов Спорткомитета СССР и ЦК КПСС, опубликованных М. Ю. Прозуменщиковым, достаточно наглядно показывает, что тоталитарный характер партийного руководства советским спортом, с его стремление к победам любой ценой, в целом соответствовал мобилизационной модели развития советского спорта в первые послевоенные десятилетия. Не претендуя на широкие теоретические обобщения, которые и вообще-то по части пользы кажутся весьма сомнительными в отношении классификации исторических событий и процессов, тем не менее отметим, что мобилизационная модель развития советского спорта имела несколько важных аспектов.

Во-первых, партийным руководством была поставлена масштабная цель советского лидерства в мировом спорте. Во-вторых, призыв к достижению спортивных побед любой ценой оказался важным мотиватором, вдохновлявшим советских спортсменов и тренеров на максимальную отдачу усилий, создававшим особый энтузиазм при подготовке к международным соревнованиям и на самих Олимпиадах и чемпионатах мира. В-третьих, в управлении советским спортом использовался принцип командности, при котором всем указаниям сверху, из ЦК КПСС и Спорткомитета, сле-

¹ Прозуменщиков, М. Ю. Большой спорт и большая политика. С. 88.

² Там же. С. 89.

довали неукоснительно, а личные интересы спортсменов и их тренеров были, прежде всего, подчинены интересам сборной команды страны.

Мобилизационная модель развития советского спорта имела и очевидные негативные стороны, нередко связанные с нереалистичностью намечаемых спортивных целей и результатов, с рьяным поиском виновных в спортивных неудачах, что подчас влекло за собой необоснованные жертвы среди спортсменов и тренеров, а также создавало атмосферу боязни среди советских тренеров, сдерживало проявление тренерской инициативы и самостоятельности.

Турне «Динамо» в Великобритании в 1945 году

Прошло всего несколько месяцев после окончания Второй мировой войны, а спортивная жизнь быстрыми темпами возрождалась и в СССР, и в странах Европы. Осенью 1945-го футбольная ассоциация Великобритании пригласила чемпиона СССР, футбольный клуб «Динамо», приехать в Англию на двухнедельное турне в ноябре того же года, когда футбольный сезон в СССР уже закончился. Турне динамовцев в Англии имело благотворительную цель: за исключением расходов организаторов футбольных встреч, все деньги, полученные от продажи билетов на стадионах, шли на восстановление Сталинграда. По мнению некоторых исследователей, еще в марте 1945 года во время визита в СССР супруги британского премьер-министра Клементины Спенсер-Черчилль, которая являлась президентом «Фонда Красного Креста помощи России», была высказана мысль о футбольных встречах между британскими и советскими клубами, доходы от которых могли бы пойти на восстановление советских городов¹. Организатором серии матчей стал Стэнли Роуз, который почти 30 лет стоял во главе британской футбольной ассоциации (1934–1962), а затем еще 13 лет возглавлял ФИФА.

Турне «Динамо» по Великобритании состояло из четырех товарищеских матчей, сыгранных советским футбольным клубом в ноябре 1945 года с четырьмя футбольными клубами Англии, Уэльса и Шотландии, два из которых, «Челси» и «Арсенал», являлись ведущими клубами первого дивизиона, а «Глазго Рейнджерз» был сильнейшим клубом Шотландии. Только «Кардифф» из Уэльса играл в третьем дивизионе.

¹ Schleppe, J. R. (1972). A history of professional association football in England during the second world war (Doctoral dissertation, The Ohio State University).

Отметим, что несколько футбольных матчей между англичанами и советскими военнослужащими проводились и раньше, во время Второй мировой войны и сразу после ее окончания. Так, в 1944 году состоялся матч в Мурманске между британскими торговыми моряками и советскими матросами. В том же году прошла футбольная встреча в Тегеране между представителями английского и советского гарнизонов. В Берлине в сентябре 1945 года состоялся футбольный матч между советским и британским гарнизоном. Однако это были любительские встречи, по понятным причинам не привлекавшие значительного количества болельщиков и пристального внимания прессы.

Турне динамовцев было предварительно намечено на вторую половину октября, однако сроки сдвигались, а из Москвы никак не приходило окончательного подтверждения о дате прибытия футболистов «Динамо» на берега туманного Альбиона. Наконец, 4 ноября 1945 года в Кремле состоялся прием для игроков и тренеров «Динамо» в связи с выездом их в ответственное международное турне. Напутственную речь произнес маршал Советского Союза К. Е. Ворошилов. Вскоре два небольших самолета «Дуглас» с футболистами и тренерами на борту взяли курс на Берлин, а оттуда после заправки полетели в Лондон. Один из организаторов турне, глава Спорткомитета при Совнаркоме СССР Н. Н. Романов, писал в своих мемуарах: «При содействии наркомата торговли для всех членов делегации приобрели демисезонные пальто, костюмы, ботинки, головные уборы и прочие детали туалета, вплоть до галстуков и носков. Что ж, время тогда было тяжелое, и в магазинах такие товары было купить невозможно. Зная о том, что в Англии действует карточная система, обеспечили спортсменов продовольствием на все время пребывания. Продукты упаковали в ящики и привезли в Лондон вместе с другим багажом»¹.

После прибытия в лондонский аэропорт и прохождения таможи на динамовских футболистов буквально накинута британские журналисты, что вызвало замешательство у советских спортсменов, так как большинство из них никогда не давали интервью, тем более иностранцам. Тогда же английские газеты поспешили назвать динамовцев «одинадцатью молчаливыми мужчинами в синих пальто», хотя на самом деле советская футбольная делегация состояла из 37 мужчин, включая и известного радиокomentатора Вадима Синявского, и одной женщины — переводчицы Александры Елисейевой, которая в основном и поддерживала общение с местной прессой. Известное удивление у присутствующих в аэропорту вызвала вы-

¹ Романов, Н. Н. Трудные дороги к Олимпу. М.: Фис. 1987. С. 49.

грузка из советских самолетов больших черных ящиков, обитых сатином, — динамовцы, как уже упоминалось, дабы не обременять принимающую сторону, привезли с собой еду. Примечательно также, что английская футбольная ассоциация из-за смещения сроков турне не смогла забронировать номера в гостиницах для динамовцев, полагая, что они расположатся на ночлег либо в гвардейских казармах, либо в советском посольстве в Лондоне. Гвардейские казармы оказались совсем не приспособленным местом, да и в советском посольстве для 40 человек мест не нашлось. Пришлось срочно искать другие места для ночевки и размещать футболистов в разных отелях в Лондоне, гостиничный фонд которого первое послевоенное время оставлял желать лучшего. Лишь на следующий день, 6 ноября, все динамовские футболисты, тренеры и члены делегации переселились в респектабельный отель «Империал» в центре Лондона.

Британские историки спорта подчеркивали, что клуб «Динамо», основанный в 1923 году Ф. Э. Дзержинским, являлся необычным советским спортивным клубом, ибо он представлял НКВД, и туда входили хорошо проверенные футболисты, которые не подвели бы и на футбольном поле, и вне него¹. Заметим, по ходу рассказа о динамовцах, что и другие советские футбольные клубы вызывали интерес западных историков; так, хотелось бы порекомендовать прекрасную книгу по истории московского «Спартака», написанную американским историком спорта Робертом Эдельманом². Посылая динамовцев в Великобританию, советское правительство преследовало цель укрепить советско-британские отношения³ и в то же время продемонстрировать преимущества советской системы на примере футбола. Капитан динамовцев Михаил Семичастный в послематчевом интервью заявил, что «футболисты на поле способны усилить военную советско-британскую дружбу лучше, чем политики»⁴. Многие комментаторы этих четырех футбольных матчей подчеркивали прекрасную игру в пас советских футболистов, коллективную игру динамовцев и в нападении, и в обороне, и в то же время отмечали слишком индивидуальные действия английских футболистов на поле. Историки спорта указывали также на то, что к 1945 году английский футбол находился в некоторой изоляции. Дело в том, что

¹ Kowalski, R., & Porter, D. (1997). Political football: Moscow Dynamo in Britain, 1945. *The International Journal of the History of Sport* 14 (2). 100–121; Downing, D. (1999). *Passovotchka: Moscow Dynamo in Britain, 1945*. Bloomsbury.

² Edelman, R. (2009). *Spartak Moscow: a history of the people's team in the workers' state*. Cornell University Press.

³ *Soviet Weekly*, November 1945.

⁴ Kowalski, R., & Porter, D. (1997). *Political football*.

еще в 1928 году английская футбольная ассоциация покинула ФИФА из-за разногласий в определении статуса профессиональных и любительских игроков, и с тех пор английские футболисты практически не принимали участия в международных матчах.

Как уже отмечалось, матчи этого исторического турне динамовцев прошли во второй половине ноября: 13 ноября матч с «Челси» в Лондоне, 17 ноября с «Кардифф Сити» в Кардиффе, 21 ноября с «Арсеналом» в Лондоне и 28 ноября с «Рейнджерс» в Глазго. В двух матчах футболисты клуба «Динамо» добились победы, два были сведены к ничьей, с общей разницей мячей 19 : 9 в пользу «Динамо». Футбольные встречи с ведущим советским клубом вызвали огромный интерес у английских болельщиков — в общей сложности на четырех матчах побывало 275 000 зрителей.

Третий матч динамовцев с «Арсеналом», который состоялся 21 ноября 1945 года, судил советский арбитр Николай Латышев. «Арсенал» на эту игру усилился сразу несколькими приглашенными игроками, что дало основание советским комментаторам называть лондонский клуб сборной командой Англии, хотя с этим, конечно, не были согласны британские обозреватели футбола¹. С другой стороны, аналогичные аргументы можно было бы привести и в отношении «Динамо», ибо советская команда состояла не только из динамовцев. Главный бомбардир игр в Англии — легендарный Всеволод Бобров — был приглашен специально на это турне из ЦДКА.

Матч проходил на стадионе «Тоттенхэм» в районе Уайт Харт Лейн, так как стадион «Арсенала» на Хайбери еще не был восстановлен после военных разрушений. В этот день стоял густой лондонский туман, видимость была в лучшем случае метров 40–50, что создавало проблемы не только для зрителей, но и для игроков, и, конечно, для судей. Приглашенный нападающий «Арсенала» Мэттьюз вспоминал, что из-за тумана он «не мог видеть больше, чем на ярд, или около того»². Хомич, вратарь «Динамо», которого английские болельщики окрестили тигром, жаловался, что был не в состоянии толком разглядеть летящий мяч при подачи угловых³. По решению Николая Латышева, линейные судьи располагались по континентальной системе, т. е. на одной стороне поля, а не по диагонали, как уже было принято к тому времени в английских правилах. В результате боковые судьи с трудом могли рассмотреть, что же происходило у бровки на другой стороне поля. Матч оказался и результативным, и весьма жестким: сразу же несколько игроков, включая

¹ Daily Mail 1945, Nov. 22.

² Matthews, C. (1952). Feet First Again. London. P. 81.

³ Красный спорт. 1945.

вратаря «Арсенала», получили травмы¹. К середине второго тайма динамовцы вели сосчетом 4 : 3, когда к их воротам прорвался Рук. Семичастный, стремясь остановить атаку, налетел на Рука со спины, но получил в ответ сильный удар локтем в лицо и выключился из игрового эпизода. Рук между тем не дрогнул и с 28 метров забил мяч в ворота Хомича. Однако Николай Латышев гол не засчитал, а лишь назначил штрафной в сторону ворот «Динамо» с места нарушения правил Семичастным. После победы на имя советской команды пришла телеграмма от руководителя Спорткомитета Н. Н. Романова: «Всесоюзный комитет искренне поздравляет с блестящей игрой тчк Вы высоко пронесли знамя советского футбола тчк Мы были уверены вас зпт желаем успехов зпт искренне обнимаем тчк»².

«Известия», «Красная звезда» и другие центральные советские газеты утверждали, что динамовцам удалось победить фактически сборную Великобритании. Английские организаторы турне после третьего матча с «Арсеналом» захотели организовать встречу динамовцев с настоящей английской сборной, назначив даже день игры на 5 декабря. Однако советская сторона не стала менять своих предварительно согласованных планов и после дружеской вечеринки 3 декабря с английскими футболистами и журналистами, на которых были поданы английские эль и стаут, динамовская команда отбыла в шведский Норкпинг, где обыграла местную команду, а затем отправилась в Москву.

Примечательно, каким образом на результаты турне динамовцев отличился известный английский писатель Джорд Оруэлл в своем эссе «Спортивный дух» (*Sporting Spirit*): «Теперь, когда краткий визит футбольной команды “Динамо” подошел к концу, можно публично повторить то, что многие думающие люди говорили в частном порядке, еще до того, как динамовцы прибыли в Великобританию. Спорт является неиссякаемой причиной злой воли, и если такой визит и произвел какой-либо эффект на англо-советские отношения, то скорее всего лишь ухудшил их. Даже газеты не смогли скрыть тот факт, что, по крайней мере, два из четырех матчей привели к большому количеству плохих чувств. В матче с “Арсеналом”, мне рассказали очевидцы, британский и русский игрок подрались и толпа освистали рефери. На матче в Глазго, как мне сообщали, драка произошла в самом начале игры. А кроме того был спор... о составе команды “Арсенал”. Была ли это действительно сборная Англии, как утверждают русские, или просто команда первого дивизиона, как утверждают англичане? И на самом ли деле динамовцы резко оборвали свое

¹ Комсомольская правда. 1945. 22 ноября.

² Романов, Н. Н. Трудные дороги к Олимпу. С. 55.

турне, чтобы избежать игры со сборной Англии? ...Без сомнения, дискуссия об этом будет продолжаться в течение многих лет на страницах учебников истории. В то же время результат турне “Динамо” будет способствовать новому озлоблению с обеих сторон»¹.

Мнение Оруэлла важно для данной книги, поскольку именно этот знаменитый английский писатель впервые использовал термин «холодная война» еще 19 октября 1945 года в статье «Ты и атомная бомба» в британском еженедельнике «Трибьюн»², т. е. за два года до того, как термин стал общеупотребительным. Интересно, что в ноябре 1945 года Оруэлл находит сходство между спортом и военными действиями в реакции англичан на футбольное турне московского «Динамо».

Оруэлл пишет об этом так: «Когда сильные чувства соперничества возбуждены, понятие “игра по правилам” исчезает бесследно. Люди хотят видеть одну сторону на вершине, а другую сторону униженной, и они забывают, что победа, одержанная за счет обмана или из-за вмешательства толпы не имеет большого смысла. Даже если зрители не вмешиваются в игру физически, они пытаются влиять на игру путем поддержки своей команды и унижения игроков чужой стороны с помощью выкриков и оскорблений. Серьезный спорт не имеет ничего общего с честной игрой. Он связан с ненавистью, ревностью, хвастовством, пренебрежением всеми правилами и с садистским удовольствием быть свидетелями насилия: другими словами, это война без стрельбы»³.

Оруэлл заканчивает свое эссе следующими словами: «...я надеюсь, что мы не станем организовывать ответный визит и отправлять британскую команду в СССР. Но уж если придется это сделать, то давайте направим команду второго дивизиона, которая непременно проиграет и никому в голову не придет утверждать, что эта команда представляет Великобританию в целом. В наших отношениях уже хватает проблем, и нам не нужно создавать новых, поощряя молодых людей бить друг друга по ногам среди рева разъяренных зрителей»⁴ (пер. цитат из Оруэлла автора).

Напомним, что, с точки зрения советских руководителей, спортивных функционеров и самих футболистов динамовское турне 1945 года прежде всего служило целям укрепления отношений с Великобританией, налаживания взаимопонимания с британскими подданными и установления спортивных связей между двумя стра-

¹ Orwell, G. (1945). The sporting spirit. The collected essays, journalism and letters of George Orwell, 4, 1945–50.

² Orwell, G. (1945). You and the Atomic Bomb. Tribune 19 October.

³ Ibid.

⁴ Ibid.

нами. Однако Джорд Оруэлл, как и некоторые другие британские комментаторы, сумели разглядеть в этих футбольных баталиях будущее противостояние Советского Союза и стран Запада на спортивных аренах во время холодной войны.

Спартакиады народов СССР

В середине 1950-х годов Споркомитет СССР объявил о проведении Спартакиады народов СССР в августе 1956 года. С одной стороны, этому соревнованию предстояло сыграть роль последней репетиции перед участием советских спортсменов в Олимпиаде в Мельбурне. С другой стороны, Спартакиада должна была продемонстрировать преимущества советского образа жизни, а кроме того показать массовый характер физкультуры и спорта в СССР. Более 23 миллионов советских людей приняли участие в разного рода отборочных и подготовительных соревнованиях Спартакиады, финал которой состоялся в Москве на стадионе им. В. И. Ленина в Лужниках.

К соревнованиям были построены новые спортивные сооружения, включая Большую спортивную арену Центрального стадиона им. В. И. Ленина, Малую спортивную арену, Дворец спорта в Лужниках, крытый плавательный бассейн, Дворец спорта в Сокольниках и другие объекты. Американский журнал *Sports Illustrated* посвятил статью Спартакиаде, и авторы даже сделали заключение, что, судя по масштабу спортивного строительства, СССР хотел бы принять в Москве Олимпиаду 1964 года¹. Как известно, Олимпиада придет в Москву, но это случится на 16 лет позже.

Открытие I Спартакиады народов СССР состоялось 5 августа 1956 года парадом ветеранов советского спорта. На трибунах среди гостей присутствовали члены Международного Олимпийского комитета, президенты и вице-президенты международных федераций, деятели спорта не только из социалистических стран, но и из многих развивающихся государств. В ходе I Спартакиады народов СССР было обновлено 33 всесоюзных рекорда, причем 9 из них превышали мировые достижения². Тщательная подготовка к спартакиадам и массовость этих соревнований заслужили похвалу и от Эйвери Брандеджа, президента МОК. Другие социалистические страны, например ГДР, Польша и Чехословакия, стали использовать опыт СССР и проводили свои спартакиады также раз в четыре года.

¹ Redihan, E. E. (2017). *The Olympics and the Cold War, 1948–1968: Sport as Battleground in the US-Soviet Rivalry*. P. 61. McFarland.

² Орлов, Р. В. Легкая атлетика. Справочник. М.: Физкультура и спорт. 1983. 392 с.

Масштаб Спартакиад народов СССР был таков, что соревнования проводились по всем олимпийским видам спорта. Кроме того, в программы советских спартакиад в некоторые годы были включены и неолимпийские виды спорта, распространенные в СССР, такие как шахматы, самбо, акробатика, гиревый спорт и городки. На Спартакиадах народов СССР всегда подчеркивался многонациональный характер этих соревнований¹. Так, например, на III Спартакиаде на всех этапах приняли участие 66 миллионов человек. В финалах выступили 7518 участников, представлявших 70 национальностей; было установлено 35 всесоюзных рекордов, в том числе 6 мировых и 5 европейских. По количеству мировых рекордов особенно выделяется IV Спартакиада народов СССР, где было установлено 20 рекордов мира, 12 рекордов Европы и 46 рекордов СССР. IV Спартакиада народов СССР проходила в юбилейном, 1967 году и была посвящена 50-летию Великой Октябрьской социалистической революции. Это была самая массовая Спартакиада в истории советского спорта, так как в общей сложности в ней приняли участие 85 миллионов физкультурников.

На спартакиадах проходили как личные, так и командные соревнования, в которых участвовали все союзные республики, а также команды двух крупнейших городов — Москвы и Ленинграда. Например, в баскетбольном турнире всегда сильно выступали спортсмены из Литвы и Латвии, которые обычно боролись за призовые места с московскими и ленинградскими баскетболистами. В соревнованиях по вольной борьбе традиционно сильно выступали спортсмены Грузии, Азербайджана, Чечено-Ингушской АССР, Дагестанской АССР² и другие представители кавказской школы борьбы.

Начиная с 1962 года проводились и зимние Спартакиады народов СССР, которые также устраивались раз в четыре года, за два года до зимних Олимпийских игр. Финалы первой зимней Спартакиады 1962 года были организованы сразу в трех местах — в Свердловске, где были проведены церемонии открытия и закрытия и основные соревнования, в Бакуриани (Грузия), где проходили горнолыжные соревнования, а также в Ленинграде, где соревновались фигуристы. Впоследствии Свердловск вместе с Красноярском стали традиционным местом проведения зимних Спартакиад народов СССР. Великолепно выступили на I зимней Спартакиаде народов СССР мастера конькобежного спорта И. Воронина и Л. Скобликова,

¹ *Финогенова, Л. А.* Спартакиады народов СССР, их роль в развитии массового физкультурного и спортивного движения: Метод. указания для студентов ГЦОЛИФКа. М.: РИО ГЦОЛИФКа. 1989.

² *Мягченков, Н. И.* Классическая и вольная борьба: Справочник. М.: Физкультура и спорт. 1984. С. 64.

лыжницы А. Колчина и М. Гусакова. Через два года все они стали чемпионками IX зимних Олимпийских игр.

К задачам нашей книги не относится подробный рассказ об истории Спартакиад народов СССР, однако для понимания факторов успеха советского спорта в период холодной войны, к которым относятся масштабность советского спортивного проекта и массовость в занятиях физкультурой и спортом в Советском Союзе, роль Спартакиад народов СССР можно назвать ключевой.

СССР входит в олимпийское движение: Олимпиада в Хельсинки в 1952 году

В годы перестройки и в ранний постсоветский период бывший председатель Спорткомитета СССР Н. Н. Романов издал несколько книг мемуаров, которые, несмотря на обилие штампов и канцелярита, в целом читаются с интересом. Одна из этих книг почти полностью посвящена решению СССР вступить в международное олимпийское движение и принять участие в Олимпиаде в Хельсинки в 1952 году. Для выполнения этой задачи Советскому Союзу нужно было создать национальный Олимпийский комитет, стать членом международных организаций по отдельным видам спорта, принять участие в международных соревнованиях и выполнить ряд других требований МОК для вступления в эту организацию. Из мемуаров Н. Н. Романова становится очевидным и то, что руководитель Спорткомитета СССР также прекрасно понимал, что результаты выступлений советских спортсменов в международных соревнованиях будут оцениваться советским руководством и лично И. В. Сталиным самым строгим образом. Н. Н. Романов писал: «На первый план выдвинулся вопрос престижа, связанного с победами советских спортсменов. ...Спорткомитету было хорошо известно, что по целому ряду причин советские спортсмены по уровню мастерства в ряде видов спорта серьезно отставали от спортсменов западных стран. Передо мной, как председателем Спорткомитета, всякий раз, когда речь шла об участии советских спортсменов в международных соревнованиях, вставала серьезная задача. Приняв решение участвовать в соревнованиях за рубежом, мы обязаны были обеспечить победу, иначе “свободная” буржуазная пресса будет обливать грязью не только советских спортсменов, но и весь наш народ. Так было не раз. Для получения разрешения на поездку на международные соревнования я должен был направлять на имя И. В. Сталина специальную записку, в которой давалась гарантия победы»¹.

¹ Романов, Н. Н. Трудные дороги к Олимпу. С. 57.

Надо заметить, что сам Н. Н. Романов на посту и. о. председателя Спорткомитета чувствовал себя неуверенно, прекрасно осознавая шаткость своего положения не только в случае проигрышей советских сборных на каких-либо международных соревнованиях, но и из-за особенностей кадровой политики сталинского режима. «В 1951 году у меня появилось большое чувство тревоги в связи с неопределенностью моего положения и началом так называемого “ленинградского дела”. Несколько бывших комсомольских руководителей, работавших вместе со мной в Ленинграде, были арестованы. Я ждал со дня на день неприятных для себя событий. Меня вызвал К. Е. Ворошилов и сказал: “Пока утверждение вас председателем Комитета задерживается, исполняйте обязанности и обязательно подписывайте документы “и. о.”. Так появилась эта неприятная приставка. Хотя он ни слова не сказал о ленинградском деле, но я воспринял этот разговор только в связи с этим»¹.

Подготовка условий для участия советской команды в Олимпийских играх заняла в Спорткомитете СССР несколько лет, о чем также подробно пишет Н. Н. Романов: «Вначале на год, а с 1948 г. на четыре года вперед, то есть на олимпийский цикл, Комитет начал планировать, в каких первенствах мира и Европы и других соревнованиях мы примем участие. Тщательная подготовка спортсменов и команд велась с учетом уровня результатов в конкретном виде спорта. По итогам подготовки определялась возможность поездки»².

Даже серебряные медали и второе место на международных соревнованиях по любому виду спорта в сталинские послевоенные времена считались поражением. Так, на чемпионате Европы по классической борьбе 1946 года в Праге советская команда заняла второе место, уступив командное первенство шведам. На секретариате ЦК ВКП(б) председателю Спорткомитета было указано на серьезные упущения. Как пишет Н. Н. Романов, «от более крутых мер меня спасло тогда только то обстоятельство, что И. В. Сталин благожелательно отнесся к победам наших борцов в трех самых тяжелых весовых категориях... Будучи страстным поклонником борьбы, И. В. Сталин считал эти категории важнейшими и определяющими... Второе место И. В. Сталин рассматривал как подрыв авторитета Советского Союза, как дискредитацию нашего государства. “Если не готовы, то не надо участвовать”, — говорил он. Шла холодная война»³.

Хотя опыт выступлений на международных соревнованиях у советских спортсменов в большинстве видов спорта был невелик,

¹ Романов, Н. Н. Восхождение на Олимп. М.: Советский спорт. 1993. С. 11.

² Романов, Н. Н. Трудные дороги к Олимпу. С. 58.

³ Там же. С. 64.

Спорткомитет оптимистично оценивал потенциал советской сборной. «Мы надеялись и даже были уверены в успешном выступлении советских гимнастов, легкоатлетов, борцов, боксеров, штангистов, стрелков (пулевая стрельба) и футболистов. Участие в этих видах спорта, как мы считали, должно было в основном гарантировать нам победу на Олимпийских играх. По целому ряду видов программы мы не могли утвердительно сказать, что добьемся успеха, так как не располагали достоверными сведениями о силе наших главных конкурентов»¹.

Спорткомитет принял решение готовиться практически по всем видам спорта, кроме хоккея на траве, к Олимпиаде 1952 года в Хельсинки. За два года до Олимпиады, хотя СССР еще не вступил в МОК, Спорткомитетом были оценены возможности советских спортсменов и сформулированы требования по каждому олимпийскому виду спорта. Н. Н. Романов отмечал, что учебно-тренировочный процесс перед Олимпиадой шел очень сложно, прежде всего из-за материальных трудностей, отсутствия спортивных баз, оборудования и инвентаря. Например, как писал председатель спорткомитета, «в пулевой стрельбе вызывало опасение оснащение команды новым оружием и патронами. Патроны, используемые на тренировках, давали слишком большой процент рассеивания, а количество зарядов в патронах было неоднородно»². Байдарки и каноэ, заказанные в Венгрии и Чехословакии, прибыли с большим опозданием, а парусные суда не прибыли на спортивную базу в Таллине и к июню, когда до начала Олимпиады оставалось всего несколько недель. Как указывает А. Вартамян, «яхтсмены, проводившие тренировки на нестандартных судах, за полгода так и не смогли достучаться до начальства. Последнее письмо датировано 25 мая. К этому времени они не получили давно обещанных шестиметровых яхт класса “Даугава”, “Дракон”, двух яхт класса “Звездный” с восемью комплектами к ним импортных парусов, импортного рангоута, материала для пошивки парусов, техники для подъема килевых судов на берег. Не хватало биноклей, перчаток и прочей мелочи»³.

В период подготовки к Олимпиаде 1952 года Спорткомитет испытывал давление и со стороны политического руководства страны, и со стороны военачальников, которые, по мнению Н. Н. Романова, подтолкнули к принятию неверного решения: «лучше было бы не выступать нам в состязаниях по конному спорту и футболу. Но кто мог, к примеру, раньше, до соревнований убедительно противостоять

¹ Там же. С. 145.

² Там же. С. 148.

³ Спорт-Экспресс. 2002. 8 октября.

нашим специалистам по конному спорту и крупным военачальникам, утверждавшим, что советские спортсмены добьются больших успехов в этом виде спорта?..»¹

Да и в самом тренировочном процессе было немало подводных камней. Например, в гимнастике сборная СССР планировала выиграть большое количество медалей на Олимпиаде и в мужских, и в женских соревнованиях. Однако в женской гимнастике в СССР до 1951 года практиковали шестиборье, где женщины соревновались в упражнениях на кольцах, коне и равновысоких брусьях, тогда как международная ассоциация гимнастики уже в конце 1940-х годов перешла на четырехборье, включавшее упражнения на бревне и равновысоких брусьях, опорный прыжок и вольные упражнения. В советских гимнастических соревнованиях спортсменам давали две попытки на все упражнения, тогда как международная федерация перешла на одну попытку во всех видах, кроме опорного прыжка.

Всего за год до Хельсинки, 24 апреля 1951 года, был создан Олимпийский комитет СССР, куда вошли советские представители в международных федерациях по отдельным видам спорта, а также наиболее известные и заслуженные спортсмены. Первым председателем Олимпийского комитета СССР стал К. А. Андрианов, оставаясь также заместителем председателя Спорткомитета СССР. Меньше чем через месяц советский Олимпийский комитет был признан МОК, и формальные препятствия к участию в Олимпиаде 1952 года были преодолены.

Далеко не все члены МОК были в восторге от принятого решения. Например, тогдашний вице-президент МОК Эйвери Брандедж признавал, что «молодые спортсмены по всей Европе очень хотели, чтобы российские спортсмены участвовали в олимпиадах», но в то же время опасался, что включение Советского Союза в олимпийское движение может поставить под угрозу олимпийские принципы любительства и свободы от политического давления. Бизнесмен с американского Среднего Запада, Брандедж сомневался в способности Советского Союза представлять интересы олимпийского движения. В своем письме президенту МОК Зигфриду Эдстрему еще в 1948 году Брандедж писал, что у советских спортсменов и функционеров свое понимание «игры по правилам», любительства в спорте и высказывал опасение, что вступление СССР в МОК может принести лишь беду².

¹ Романов, Н. Н. Трудные дороги к Олимпу. С. 149.

² Parks, J. (2013). 'Nothing but Trouble': The Soviet Union's Push to 'Democratise' International Sports during the Cold War, 1959–1962. *The International Journal of the History of Sport*, 30(13), 1554–1567.

Разумеется, вопрос о любительстве в советском спорте был далеко не праздный. Денежные вознаграждения спортсменам, которые в основном и отличают профессиональный спорт от любительского, присутствовали в советском спорте и до вступления в олимпийское движение, и после. Так, газета «Красный спорт» 16 октября 1945 года опубликовала постановление СНК СССР «Об оказании помощи комитетам по делам физкультуры и спорта и улучшении их работы». В разделе о поощрении спортсменов, показавших выдающиеся результаты, в частности говорилось: «Всесоюзному комитету по делам физкультуры и спорта при Совете министров СССР разрешено выдавать спортсменам за высокие спортивные достижения денежные премии. За установление всесоюзного рекорда, превышающего мировой рекорд, будет выплачиваться премия в размере от 15 000 до 25 000 рублей; за установление всесоюзного рекорда — от 5000 до 15 000 рублей; за установление всесоюзного рекорда по группе юношей и девушек — от 1000 до 3000 рублей (ценный подарок). Победителям первенства СССР по отдельным видам спорта, занявшим первое, второе и третье места, будут выделяться премии в размере от 2000 до 5000 рублей»¹.

С первых же месяцев советские представители в МОК стремились добиться большего влияния в международных спортивных соревнованиях, постараться изменить тон дискуссий в рамках олимпийского движения, осудить западные страны за дискриминацию в отношении спортсменов из стран «народной демократии» в Восточной Европы и спортсменов из бывших колоний в странах Африки и Азии. Советские спортивные представители считали, что аполитичная позиция МОК была своего рода маской для поддержания влияния капиталистических стран в рамках олимпийского движения. Для того чтобы противостоять «англо-американскому» блоку в МОК, сразу же после получения членства в Международном олимпийском комитете К. А. Андрианов предпринял попытки добиться большего представительства в олимпийском движении стран из зоны советской сферы влияния, поддерживая, например, заявки на признание МОК, присланные из Китайской Народной Республики (КНР) и ГДР. Позже Андрианов и другие представители советского спорта координировали широкую кампанию с целью расширить олимпийское движение путем включения в МОК государств социалистического блока и развивающихся стран Азии и Африки.

Среди вопросов, который поставил советский олимпийский комитет перед МОК сразу же после вступления, был вопрос о признании русского языка одним из официальных языков МОК, а также

¹ Красный спорт. 1945. 16 октября.

вопрос о включении в программу летних соревнований Олимпиады 1952 года волейбола для мужчин и баскетбола для женщин — т. е. тех видов спорта, в которых спорткомитет СССР явно рассчитывал на олимпийские награды. В ответе на запрос секретарь МОК написал, что советское предложение по изменению программы олимпийских игр поступило за 6 месяцев до начала соревнований в Хельсинки, программа которых уже полностью утверждена и согласована, и предложение может рассматриваться только для программы следующей летней Олимпиады в 1956 году.

Олимпиада в Хельсинки проходила через семь лет после окончания Второй мировой войны. Здесь следует сказать хотя бы несколько слов о непростых решениях МОК по Германии и Японии. Как известно, немецкие спортсмены, как и спортсмены из Японии, не принимали участие в Олимпиаде в Лондоне в 1948 году. В 1950 году оба немецких государства — ФРГ и ГДР сформировали национальные олимпийские комитеты, однако по решению МОК лишь одна команда могла представлять немецкий народ на Олимпиаде. ФРГ подала свою заявку на членство в МОК первой, причем большинство членов национального олимпийского комитета ФРГ являлись членами немецкого НОК еще до войны¹. МОК признал новый олимпийский комитет ФРГ, но выдвинул условие, что для участия в Олимпиаде НОК ФРГ должен был принести формальное извинение за преступления, совершенные Германией во время Второй мировой войны. Извинения последовали, и МОК зафиксировал вступление НОК ФРГ в олимпийское движение и одобрил участие ФРГ в Олимпиаде 1952 года.

Одновременно ГДР обратилась в международные спортивные федерации с просьбой о членстве и сформировала свой национальный олимпийский комитет ГДР, чтобы также вступить в МОК. МОК оказался перед дилеммой и призвал международные спортивные ассоциации временно не давать членство ГДР, чтобы на заседании 1951 года попытаться решить вопрос об участии ГДР в объединенной немецкой команде на Олимпиаде, к чему ФРГ была готова. На заседании МОК в Вене в 1951 году заявка ГДР была поддержана Советским Союзом и другими социалистическими странами Восточной Европы, которые считали, что ГДР как суверенное государство имеет полное право на членство в МОК и выступление отдельной командой на олимпийских играх. МОК отложил вопрос о членстве ГДР до специального заседания в Лозанне, на котором представители НОК ГДР согласились выступать единой командой с ФРГ, если

¹ Findling, J. E., & Pelle, K. D. (1996). Historical dictionary of the modern Olympic movement. Greenwood Publishing Group. P. 112.

восточногерманским спортсменам будет предложено равное представительство. Однако, как выяснилось, НОК ГДР не согласовал этот вопрос с высшим руководством ГДР, которое, узнав о соглашательской позиции национального олимпийского комитета ГДР в Лозанне, разжаловала представителей НОК и объявило соглашение об участии в единой немецкой команде недействительным.

Затем МОК сделал еще одну попытку найти компромиссное решение по немецкому вопросу до Олимпиады в Хельсинки. Была назначена специальная сессия МОК в Копенгагене. Представители ГДР, ехавшие на поезде на это заседание, опоздали и попросили на несколько часов отложить начало заседания. Представители НОК ФРГ не согласились на такую задержку и покинули Копенгаген, так и не повстречавшись со своими коллегами из ГДР. МОК принял решение оставить в силе резолюцию о единой немецкой команде на Олимпиаде 1952 года, однако спортсмены ГДР не были включены в сборную немецкую команду, поскольку не участвовали в квалификационных соревнованиях по правилам НОК ФРГ.

В то время мало кто мог предположить, что ГДР получит право выступать на Олимпийских играх под собственным флагом только через 16 лет на Олимпиаде в Мехико в 1968 году. Путь спортсменов из ГДР на олимпийские арены был весьма непростым и заслуживает подробного описания, которое автор книги предполагает сделать во втором томе нашего исследования.

Вернемся в Москву. Из стенограммы состоявшегося 9 февраля 1952 года заседания комиссии у М. Суслова, где обсуждался проект постановления Совета министров СССР «О подготовке спортсменов к участию в XV Международной Олимпиаде в г. Хельсинки» видно, что на подготовку советских спортсменов к Олимпиаде выделялись существенные государственные ресурсы, что во многом противоречило пониманию любительства в спорте на начало 1950-х годов. Олимпийская хартия того времени запрещала следующее: участие в соревнованиях за деньги; проведение спортсменами на тренировочных сборах более 15 дней (проезд и питание исключительно за свой счет); непосредственно на Олимпийских играх возмещение спортсменам за проезд и питание свыше одного фунта стерлингов в день.

В постановлении же Совета министров СССР 9 января 1952 года, в частности, говорилось:

«2. Организовать сборы олимпийских команд с 15 января 1952 года.

3. Обязать министров и руководителей ведомств освободить от работы или учебы в период подготовки и участия в XV Олимпийских играх сроком до 6,5 месяца спортсменов, тренеров и преподавателей

(по спискам Комитета) с сохранением заработной платы по месту их работы или учебы.

4. Обеспечить места для спортсменов в санаториях и домах отдыха.

5. Обязать Министерство высшего образования освободить студентов от учебы и разрешить сдать сессию в течение 1952–53 гг.»¹.

Подготовка советских спортсменов на сборах проводилась не по 15 дней, как того требовала Олимпийская хартия, а существенно дольше. Заметим, что международная Олимпийская хартия совершенно не предполагала сочетания тренировок и идеологического воспитания советских спортсменов, что в СССР являлось повсеместной практикой. Как указывает А. Т. Вартамян, «день на сборах делился на две части: тренировки и работа над повышением идейно-политического и культурного уровня участников. За спортивную подготовку отвечали тренеры, за остальную — штат политработников, которые внутри коллектива опирались на верных помощников — политинформаторов и ответственных за “культурную” работу. Они обеспечивали явку спортсменов и загружали их добытой в газетах информацией. Судя по отчетам, в некоторых “лагерях”... идейно-политическая часть явно превалировала над тренировочной. Могло создаться впечатление (возможно, так оно и было), что, к примеру, конники и яхтсмены готовятся к играм в коротких промежутках между мероприятиями идейно-политического и культурного характера»².

Успешная подготовка советских спортсменов к Олимпиаде в Хельсинки не могла проходить без полноценного питания будущих олимпийцев. Организаторы олимпийских сборов в Пуще-Водице, что под Киевом, направили свои пожелания в адрес председателя НОК К. Андрианова, где в частности просили: «а) установить специальное питание и усилить рацион витаминов; б) изготовить специальное питание в таблетках для марафонцев и ходоков, которое должно быть у них при себе в пути следования; в) разрешить вопрос со стимуляторами и заблаговременно испробовать их»³. При анализе архивных документов А. Т. Вартамяном отмечалось, что предложение «разрешить вопрос со стимуляторами и заблаговременно испробовать их» было подчеркнуто в Спорткомитете в Москве красными чернилами.

Этой же теме усиленного и специализированного питания уделялось внимание и в других документах Спорткомитета. Так, в протоколе заседания Президиума научно-методического совета

¹ Спорт-Экспресс. 2002. 7 октября.

² Там же.

³ Там же.

Комитета физкультуры от 25 мая 1952 года в Киеве совместно с тренерским советом сборной СССР по легкой атлетике говорилось: «Отметить желательность специализированного питания участников сбора; обратить внимание врачебного персонала сбора на необходимость продолжить усилия по отходу от стандартного меню. В срочном порядке заслушать... проф. Минха А. А. о руководимой им работе по выработке специальных концентратов для питания в пути марафонцев с тем, чтобы обеспечить привыкание спортсменов к этим концентратам еще в процессе тренировки»¹. В своем анализе А. Т. Вартамян намекает на то, что советские спортивные чиновники в этих документах приоткрывают завесу над первыми попытками разработать и использовать допинг в процессе тренировок советских спортсменов. С этим можно согласиться только в том случае, если принять широкое толкование допинга как «использование веществ природного или синтетического происхождения, позволяющее добиться улучшения спортивных результатов», однако в таком случае любая пища, потребляемая спортсменами, может трактоваться как допинг. В указанных же документах, на наш взгляд, речь идет прежде всего о научно обоснованном, специализированном питании спортсменов.

Специализированное питание на спортивных сборах и соревнованиях было предметом постоянной заботы советских спортивных функционеров. Подготовка к Олимпиаде в Хельсинки заложила традицию подготовительных мероприятий к крупнейшим соревнованиям. Для организации питания советских спортсменов на Олимпиаде 1952 было принято следующее постановление Совета министров:

«а) обеспечить всех членов делегации с 5 июля по 6 августа питанием из расчета 65 рублей в сутки;

б) командировать в Хельсинки (с 1 июля по 7 августа) работников общепита (100 человек) со всеми необходимыми продовольственными товарами, посудой, инвентарем для столовой;

в) выдать им средства на экипировку из расчета 1500 рублей на человека;

г) обеспечить (безвозмездно) служебной спецодеждой обслуживающий персонал и 30 официанток на сумму 25 000 рублей;

д) обеспечить беспрепятственную транспортировку и хранение продуктов»².

Хотя Хельсинки находились всего в паре сотен километров от советской границы, вопрос транспортировки спортсменов на

¹ Там же.

² Там же.

Олимпиаду тоже надо было тщательно проработать. Советских олимпийцев решили доставлять в Хельсинки четырьмя специальными поездами с 10 по 21 июля, тогда как официальное открытие Олимпиады было назначено на 19 июля. Как указывает А. Вартамян, третий поезд «стартовал с Ленинградского вокзала столицы 14 июля в 18 часов 30 минут. Спортсмены разместились в шести вагонах по 30–32 человека в каждом. В первом находились велосипедисты с руководящим тренерским составом, судьями, медсестрами, мастерами по ремонту и т. д. Во втором — ватерполисты с такой же примерно бригадой, в третьем — баскетболисты, в четвертом — борцы-классики, в пятом — борцы вольного стиля, в шестом — фехтовальщики. Спортсменов сопровождали старшие по вагону с неограниченными полномочиями и со столь же неограниченной ответственностью. Последняя группа олимпийцев... выехала из Выборга... 21 июля в 9 часов 5 минут утра. Но самый первый десант (оперативная группа в составе 18 человек) высадился в финской столице 25 июня, еще через десять дней туда отправились делегаты конгрессов»¹.

В официальных сообщениях указывалось, что общая численность советской олимпийской делегации составила 557 человек, однако, по сведениям А. Т. Вартамяна, число было значительно большим. Непосредственно в соревнованиях участвовало 336 советских спортсменов. Кроме них, СССР на Играх представляли:

1. Бюро делегации, 13 человек, куда входили: руководитель Спорткомитета Николай Романов, председатель советского НОК Константин Андрианов, а также неизвестные секретари ВЛКСМ А. Н. Шелепин, будущий член Политбюро и председатель КГБ, В. Е. Семичастный, также будущий председатель КГБ, и другие функционеры.

2. Политсостав, 27 человек: три начальника, остальные — замполиты команд по видам спорта и их помощники.

3. Секретариат, 46 человек: машинистки, стенографистки, переводчики и т. д.

4. Хозяйственная группа, 17 человек: в ней состояли работники, ответственные за размещение спортсменов, питание, обеспечение тренировочными полями и площадками, бухгалтеры и инспекторы.

5. Медицинская группа, 39 человек: 25 врачей, 14 массажистов. Работали массажисты, если учесть, что советские спортсмены соревновались в 20 видах олимпийской программы, примерно на полторы ставки.

¹ Спорт-Экспресс. 2002. 7 октября.

6. 30 человек входило в пресс-группу: «Правду» представлял Новоскольцев, «Комсомолку» — Марфин, «Огонек» — Гостев, «Советский спорт» — Любомиров, «Советский Союз» — Гаранин, ТАСС — Севастьянов, Комитет радиосообщения — Синявский и Озеров, группу кино возглавлял Трояновский.

Таким образом, общая численность этих шести групп составляла 172 человека, и вместе со спортсменами и тренерами получилось 729, без учета 30 упоминавшихся ранее официанток, какого-то количества посудомойщиц, поваров и других работников общепита. В общем советская делегация включала около 850 человек¹. А. Т. Вартанян утверждает, что на самом деле численность советской делегации превышало 850 человек, так как в этом списке не учтены сотрудники советских секретных служб, которые в значительном количестве были направлены в столицу Финляндии.

По требованию СССР советские спортсмены должны были жить в Хельсинки отдельно от спортсменов из капиталистических стран. Первоначально советская сторона предлагала два варианта: спортсмены могли бы либо приезжать из Ленинграда в Хельсинки каждый день, либо жить на военной базе Порккала. Организаторы Игр, естественно, настаивали на том, чтобы все спортсмены располагались в олимпийской деревне. В результате переговоров было принято компромиссное решение: организаторы создали вторую олимпийскую деревню в районе Отаниеми (Эспоо), где предстояло проживать советским спортсменам, а также олимпийцам из стран народной демократии.

Оценка результатов Олимпиады 1952 года с позиций советских спортивных руководителей

Оценивая результаты выступлений советских спортсменов на Олимпиаде в Хельсинки, председатель Спорткомитета Н. Н. Романов озаглавил раздел в своих мемуарах «Украденная победа». Постараемся разобраться, как и кем была украдена эта победа советских олимпийцев в 1952 году с точки зрения высшего руководства советского спорта. Подробно рассказывая о результатах Олимпиады, автор останавливался на выступлениях советских спортсменов в каждом виде спорта. Даже сами названия глав мемуаров председателя Спорткомитета указывают на явные недоработки советских спортсменов и тренеров при подготовке к Олимпиаде в финской столице: «Нелегкие старты легкоатлетов», «Серьезная неудача футболистов», «Яхтмены

¹ Там же.

ничем не порадовали», «Наши мушкетеры становятся зрителями», «Серьезное отставание в плавании», «Упущенные возможности ватерполистов», «Неоправдавшиеся надежды велосипедистов», «Судейский нокаут», «Конники огорчили».

Формулируя свой вступительный тезис, Н. Н. Романов утверждал, что «сторонники холодной войны всеми средствами старались принизить успехи советского спорта, поскольку они наносили серьезный удар по утверждениям их пропаганды, превозносящей преимущества капитализма»¹. Главной противостоящей СССР силе на олимпийских играх оказались США: «Спортивные руководители Соединенных Штатов понимали, что именно советские спортсмены будут отныне их главными соперниками на международной арене. Американские спортивные деятели прекрасно понимали, что безраздельной олимпийской гегемонии спортсменов США приходит конец. Они не знали только, когда это произойдет. Наши олимпийцы помогли им получить ответ на этот вопрос в первые же дни соревнований в Хельсинки. Потеряв надежду победить советскую команду в честной спортивной борьбе, представители США стремились усилить свое влияние в международных федерациях, чтобы иметь возможность, действуя и напролом, и путем закулисных махинаций, создавать выгодные для себя условия проведения соревнований и подбирать угодных им судей»². Как писал глава советского Спорткомитета, «решения судей в тех видах спорта, в которых выступления спортсменов оцениваются субъективно... (гимнастика, бокс, прыжки в воду, борьба и в какой-то мере даже тяжелая атлетика), нередко играли главную роль в выявлении победителя. Особенно наглый и неприкрытый характер приняло судейство после соревнований по гимнастике, когда руководство команды США приняло всевозможные, главным образом недозволенные меры, чтобы догнать советскую делегацию по количеству очков»³.

Определенный субъективизм в действиях судей на Олимпиаде в Хельсинки нетрудно было заметить. Приведем лишь один пример из области бокса. Н. Н. Романов обоснованно утверждает, что особенно сильно из-за необъективного судейства пострадали А. Булатов, А. Засухин, С. Щербаков, А. Перов, А. Шоцикас. Так, четвертьфинальный поединок А. Шоцикаса проходил с южноафриканским боксером А. Ниманом: «Арбитром на ринге был итальянец. Прозвучал гонг, извещавший о начале раунда. Судья стоит на середине ринга. Боксеры двинулись навстречу друг другу. А. Шоцикас, как принято в боксе, подходя к центру ринга, вытянул вперед руки

¹ Романов, Н. Н. Трудные дороги к Олимпу. С. 273.

² Там же. С. 274.

³ Там же. С. 274

в перчатках, приветствуя своего соперника. Но А. Ниман пренебрег этим традиционным ритуалом и сразу нанес сильный удар в челюсть не ожидавшего подобного А. Шоцикаса. Нокаут. Конечно, это было не чем иным, как элементарным нарушением этики бокса. Но судья на ринге как ни в чем не бывало открыл счет и после слова “аут” засчитал нашему боксеру поражение нокаутом. Наш протест на нечестное поведение на ринге южноафриканского боксера и итальянского судьи был отклонен. После нокаута А. Шоцикас, естественно, выбыл из дальнейших соревнований. Наша надежда на первое место в этой весовой категории рухнула»¹.

Н. Н. Романов в своих мемуарах приводит и другие примеры необъективного судейства. «Грубым скандалом назвала финская печать решение судей, объявивших победителем американского спортсмена Брукса во встрече с румынским боксером Добреску. Газеты “Тюэкансан саномат” и “Вапаа сана” отметили, что румынский боксер непрерывно атаковал и набрал такое количество очков, что его победа не вызывала сомнений. Однако, писали эти газеты, ко всеобщему удивлению, победителем признали американца, хотя в третьем раунде он был на грани нокаута»². Во втором томе своих воспоминаний Н. Н. Романов пишет, что «уроки Хельсинки привели нас к выводу о том, что к Олимпиаде надо готовиться еще тщательнее, что надо быть настолько сильнее соперника, чтобы никакое самое предвзятое судейство не могло украсть победу»³.

Стоит напомнить, что на Олимпиаде в Хельсинки одними из первых вступили в борьбу гимнасты, а именно в этом виде спорта СССР доминировал и набрал наибольшее количество зачетных очков. Накануне Олимпиады 1952 года в западной прессе царило полное единодушие и уверенность в том, что американская команда одержит убедительную командную победу. Однако в первые дни соревнований большинство медалей и очков за 4–6-е места доставались советским спортсменам. К 28 июля, т. е. на седьмой день олимпийских игр, советская команда набрала 439 очков и опережала американскую команду аж на 142 очка. «Казалось, что американцам не догнать команду СССР. Но соперники стремились отыграть любую цену. Жестокий прессинг был направлен не только против спортсменов СССР и стран Восточной Европы, но и против, подчеркиваю, спортсменов тех стран, которые вставали на пути американских атлетов и могли отобрать у них медали и очки»⁴.

¹ Там же. С. 259.

² Там же. С. 275.

³ Романов, Н. Н. Восхождение на Олимп. С. 9.

⁴ Там же. С. 8.

Можно сказать, что первая неделя Олимпиады в Хельсинки шла по советскому сценарию, однако заключительная неделя принесла больше разочарований. Сценарии по планируемым зачетным олимпийским очкам, написанные в Спорткомитете, были загодя представлены в ЦК и утверждены в высоких кабинетах. Как пишет А. Т. Вартамян, именно «на основании этих докладов в аналитическом центре корректировались прогнозы и решались вопросы о составе делегации. Резюме, подписанное Романовым... (из тех, что хранятся в ГАРФ и РГАСПИ), датировано 10 мая. В нем содержится предполагаемый расклад очков советской и американской команд во всех видах олимпийской программы. В докладной на имя Суслова мы опережали США в восьми видах спорта, они нас — в семи. В остальных — фифти-фифти. По мнению руководства, огромное преимущество в очках (около 200) за счет гимнастики и двух видов борьбы американцы не могли компенсировать в своих коронных видах — легкой атлетике, плавании и прыжках в воду. По предварительным расчетам, наши легкоатлеты могли уступить США примерно 30 очков, в водных видах — 50–60 и еще в нескольких — очков 30–40. В действительности только легкоатлеты получили “–69”, пловцы и прыгуны в воду “–109”, борцы-вольники выжали всего “+5”, в боксе вместо предполагаемых 23–14 вышло 24–35... В общем, в оптимистических подсчетах совершили существенные просчеты»¹.

В газете «Советский спорт» от 31 июля 1952 года была опубликована статья на весь разворот: «Выдающийся успех советских спортсменов». А. Т. Вартамян приводит небольшой отрывок из этой статьи: «Хотя советские спортсмены впервые участвуют в таких крупных международных соревнованиях, их выдающийся успех закономерен. Это — естественный итог огромного внимания и заботы партии и правительства о физическом воспитании советского народа. Это еще одна победа советского строя». Однако празднование успеха было явно преждевременным. В последние шесть дней Олимпиады американские спортсмены в основном завоевывали медали и очки, о которых, естественно, советская пресса не спешила упоминать. К последнему дню Игр в Хельсинки преимущество американцев, особенно в завоеванных золотых медалях, стало бесспорным. Однако Спорткомитет СССР представил отчет в ЦК, из которого следовало, что в неофициальном зачете по очкам (за 1–6-е места в каждом виде соревнований) американская и советская команды набрали равное количество очков (494) и поделили первое место.

Как справедливо и вполне обоснованно утверждает А. Т. Вартамян, «представленный в ЦК цифровой отчет Романова, касающийся

¹ Спорт-Экспресс. 2002. 22 октября.

результатов наших гимнастов и общих итогов олимпийских команд СССР и США, сфальсифицирован»¹.

Приписки обнаружались в гимнастике, где советская команда завоевала больше всего очков: «Хавин первый в стране опубликовал шестерки по всем видам олимпийской программы и дал, таким образом, возможность подвергнуть данные Романова ревизии. В его таблицах правильно все, кроме гимнастики. По версии Романова, наши гимнасты получили 168 очков: 81 — мужчины и 87 — женщины. В действительности 161 (77,5+83,5). Что и отражено в наших таблицах исключительно на основании протоколов»². Накал борьбы на Олимпиаде был исключительно высоким. Советское спортивное руководство старалось использовать разные методы, чтобы мобилизовать спортсменов на показание максимальных результатов: «Постоянно проводились беседы с отдельными атлетами и с командами перед их выступлениями. Убеждали спортсменов меньше реагировать на выходы судей, приводили примеры, что засуживают не только нас». Кроме того, использовали ресурсы культуры и искусства для полноценного отдыха спортсменов и нужного настроения: «В Олимпийской деревне Отаниеме, где проживали советские спортсмены, каждый вечер демонстрировались кинофильмы, неоднократно показывал свое искусство ансамбль народного танца... Игоря Моисеева. Три раза выступали артисты московских и ленинградских театров, румынский, болгарский и чехословацкий ансамбли песни и пляски»³. Н. Н. Романов также подробно описывает, как в социалистическую олимпийскую деревню ежедневно приезжали группы спортсменов из других стран. «Эти встречи со спортсменами зарубежных стран помогли разрушить ту стену недоверия, которую воздвигла враждебная пропаганда, помогли развеять легенду о железном занавесе. У нас в лагере были проведены встречи с представителями английской, французской, итальянской, шведской, норвежской, иранской, финской и других делегаций»⁴.

После окончания Олимпиады в Москве происходил разбор ее итогов. Н. Н. Романов представил результаты в Совет министров СССР с подробной раскладкой по отдельным видам спорта. Как он писал в своих мемуарах, «особенно долго и остро происходило обсуждение причин проигрыша в футболе и конном спорте. По вопросам и репликам я чувствовал, что два этих поражения, по существу, перечеркивают все наши победы. Это были престижные виды спорта... Конный спорт рассматривался как вид, олицетворявший

¹ Там же.

² Там же.

³ Романов, Н. Н. Трудные дороги к Олимпу. С. 278.

⁴ Там же. С 279.

оваянную славою конницу времен Гражданской и Великой Отечественной войн. К тому же не были забыты и заверения военачальников, что в этом виде спорта нам равных нет. Из обсуждения можно было сделать вывод, что виновных в поражении по этим двум видам спорта ждут неприятности, и, видимо, немалые»¹. Неудача советских футболистов в Хельсинки приведет к расформированию футбольной команды ЦДКА, о чем будет рассказано в следующем разделе книги.

Оценивая итоги Олимпиады 1952 года в перспективе противостояния в холодной войны, можно сказать, что, начиная с Олимпиады в Хельсинки в 1952 году, был достигнут своего рода паритет между СССР и США в летних олимпийских турнирах, который поддерживался на протяжении всей холодной войны. В медалоемких видах спорта американские спортсмены оказывались сильнее практически во всех плавательных дисциплинах, в беге на короткие и средние дистанции, в легкой атлетике, тогда как советские олимпийцы с завидной регулярностью побеждали в гимнастике, в прыжковых и метательных дисциплинах, в легкой атлетике, в тяжелой атлетике, боксе и борьбе. Олимпиада в Хельсинки также наметила еще одну тенденцию в олимпийском противостоянии СССР и США: в соревнованиях у мужчин обычно сильнее оказывались американцы; советская же команда достигала очкового и медального паритета за счет выдающихся выступлений советских спортсменок — именно представительницы прекрасного пола из Советского Союза регулярно опережали своих американских конкуренток по завоеванным медалям на олимпиадах.

Расформирование футбольной команды ЦДКА

Футбольная сборная страны, представляющая Советский Союз на Олимпиаде в Хельсинки, была создана на базе команды ЦДКА, которая в предыдущие годы (1950 и 1951) выигрывала первенство СССР. Старшим тренером сборной был назначен Б. А. Аркадьев, который работал главным тренером ЦДКА. Как утверждает Н. Н. Романов, назначение Аркадьева и создание сборной на базе ЦДКА активно лоббировалось крупными советскими военачальниками². Одной из очевидных проблем в процессе подготовки команды к Олимпиаде был возраст футболистов ЦДКА. Практически всем игрокам основного состава было уже за 30 лет, включая В. Трофимова — 33, А. Гринина — 33, К. Бескова — 32, В. Боброва — 31,

¹ Романов, Н. Н. Трудные дороги к Олимпу. С. 281.

² Там же. С. 197.

Н. Дементьева — 36. Существовали в армейской команде и другие проблемы, на которые еще в 1947 году обратили внимание работники секретариата ЦК ВКП(б) и подвергли критике руководство Спорткомитета. Дело в том, что в 1947 году команда ЦДКА провела три международных игры в Чехословакии и две из них проиграла. Как писал Н. Н. Романов, на Секретариате ЦК «нам опять было указано на кастовость, консерватизм и рутину в футболе, в результате чего молодому спортсмену трудно пробиться в команду, поскольку все места заняли великовозрастные игроки. В командах установилась круговая порука. В ЦДКА по-прежнему не было должной дисциплины, постоянно нарушался тренировочный режим. Тренеры не знали или не хотели знать о том, как ведут себя футболисты в свободное время, что вело к упущениям в воспитательной работе. Был отмечен и тот факт, что Комитет примиренчески относится к крупным недостаткам в команде ЦДКА»¹.

В первом круге олимпийского турнира в Хельсинки в 1952 году советской сборной выпало по жребию сыграть с сильной болгарской командой. Игра получилась не слишком выразительной, основное время встречи закончилось нулевой ничьей, и только благодаря удаче в дополнительное время советской сборной удалось вырвать победу 2 : 1. Команда Б. А. Аркадьева играла в 5 нападающих по системе W, но, несмотря на большое количество форвардов, остроты в действиях советской сборной не наблюдалось: в основном шла перепасовка мяча на подходах к штрафной, а на удары по воротам отжигивался только В. Бобров.

Футбольный олимпийский турнир проходил по системе выбывания после первого проигрыша, так что необходимо было выкладываться по максимуму в каждой игре. Во втором круге советским футболистам предстояло сыграть с сильной сборной Югославии, которая в результате заняла второе место на Олимпиаде в Хельсинки.

Политическое руководство СССР особенно пристально следило за этим матчем, и, разумеется, не только из спортивного интереса. Как известно, разногласия между лидером коммунистической партии Югославии Иосифом Броз Тито и И. В. Сталиным привели к разрыву отношений между двумя странами. В 1948 году югославская компартия была исключена из коммунистического Информбюро. В 1949 году советское руководство разорвало Договор о дружбе, взаимной помощи и послевоенном сотрудничестве с Югославией. Так что футбольные матчи советской сборной с югославами на Олимпиаде 1952 года рассматривались как состязание с идеологическим противником.

¹ Там же. С. 139.

В первом матче с югославами защита советской команды действовала неудачно и к концу первого тайма советская сборная уступала 0 : 3. К 70-й минуте матча преимущество югославов выразилось в счете 5 : 1. Казалось, встреча была безнадежно проиграна, однако совершилось настоящее футбольное чудо. За последние 20 минут матча нападение советской команды преобразилось, советским футболистам удалось забить 4 мяча в ворота югославов и свести счет к ничьей 5 : 5 в основное время. В дополнительное время голов не было забито, а серия послематчевых пенальти не предусматривалась олимпийским регламентом 1952 года, и командам предстояло участвовать в переигровке.

Ставки второго матча с югославами были действительно высоки. В адрес советской команды телеграмму на двух страницах направил сам И. В. Сталин. В своих мемуарах Н. Н. Романов прокомментировал сталинскую телеграмму следующим образом: «Всем футболистам было и так ясно, чего от них ждут. Конечно, телеграмма еще больше поднимала ответственность каждого за исход матча, но, к сожалению, на игроков она оказала слишком сильное психологическое воздействие и вместо уверенности породила нервозность»¹. Во втором матче с югославами советская команда на пятой минуте после дальнего удара В. Боброва повела в счете, но развить успех ей не удалось. Югославы сравняли счет, а потом забили еще два мяча, один из которых с пенальти, завершив встречу в свою пользу 3 : 1. Председатель Спорткомитета привычно жаловался на предвзятость судьи из Англии, который якобы защитил гол из положения «вне игры», а также несправедливо назначил пенальти в ворота советской команды за игру рукой. Однако сами игроки советской команды, беседовавшие на эту тему много лет спустя с А. Т. Вартаняном, ничего необъективного в действиях судьи не заметили².

В Спорткомитете понимали, что такой громкий проигрыш на Олимпиаде кремлевское руководство без последствий не оставит, однако кто именно и как будет наказан, оставалось не вполне ясно. Разумеется, атмосфера начала 1950-х годов отличалась от периода массовых сталинских репрессий конца 1930-х годов, но и в последние годы правления И. В. Сталина можно было не только потерять должность, но и оказаться за решеткой... «Уже на следующий день после поражения было получено указание отправить домой футбольную команду, а кому-то из руководства делегации — прибыть в Москву для объяснения причины проигрыша... Вместе с командой был направлен Г. М. Рогоульский, который в 1952 году работал председателем Московского городского комитета по делам физической

¹ Романов, Н. Н. Трудные дороги к Олимпу. С. 201.

² Спорт-Экспресс. 2002. 22 января.

культуры и спорта и находился в Хельсинки в качестве руководителя футбольной команды»¹. Через несколько месяцев после Олимпиады, оценивая игру советской сборной, тренер Б. Аркадьев отмечал, что, несмотря на травмы ведущих игроков, советская команда была одной из самых сильных на Олимпиаде, и по уровню игры он смело бы включил ее в тройку призеров. В то же время, анализируя недостатки, тренер отмечал заметное отставание советских футболистов в технике, в искусстве паса, слабую позиционную игру в защите.

Выход из создавшейся в отечественном футболе ситуации Б. Аркадьев видел в быстрейшем и эффективном развитии массового футбола, в увеличении количества международных встреч с сильными соперниками. «Не надо стесняться учиться у других, — призывал Аркадьев, после чего добавил: — Руководство сборной команды, и, в частности, я, наделали много ошибок. Но вместе с тем неверно было бы думать, что только эти ошибки в подготовке команды привели к тому, что сейчас класс советского футбола не удовлетворяет. Есть много причин, которые нужно осмыслить, найти и общими усилиями понять, чтобы не повторять ошибок прошлого года»².

Вскоре после возвращения советских футболистов из Хельсинки последовало беспрецедентное решение Спорткомитета СССР. В приказе от 18 августа 1952 года говорилось: «Комитет рассмотрел вопрос об участии футбольной команды ЦДКА в Олимпийских играх и отметил, что проигрыш нашей команды Югославии является серьезным провалом футболистов, нанесших ущерб престижу нашей страны. Комитет принял решение об освобождении от работы старшего тренера Б. Аркадьева, о снятии с розыгрыша первенства СССР команды ЦДКА и о ее расформировании. Футболисты этой команды будут направлены в другие коллективы. Вопрос о безответственном поведении во время игр отдельных футболистов будет рассмотрен Комитетом в ближайшие дни»³. Ряд футболистов — К. Бесков, К. Крижевский — и тренера Б. Аркадьева лишили звания «заслуженный мастер спорта». Футбольная команда ЦДКА была расформирована, и уже только после смерти И. В. Сталина, весной 1954 года была восстановлена под другим названием — ЦДСА.

Конечно, трудно было ожидать от руководства Спорткомитета СССР единоличного принятия таких решений по результатам выступления советских футболистов. Решения принимались на самом верху, в Совете министров и в ЦК партии. Н. Н. Романов вспоминал, как после его доклада о результатах выступления советской сборной на Олимпиаде в Хельсинки в Совете министров всему руководству

¹ Романов, Н. Н. Трудные дороги к Олимпу. С. 203.

² Спорт-Экспресс. 2002. 22 января.

³ Романов, Н. Н. Трудные дороги к Олимпу. С. 203.

Спорткомитета было предписано оставаться на своих рабочих местах и ждать указаний. В три часа ночи заместитель председателя Совета министров Г. М. Маленков позвонил Н. Н. Романову и спросил о том, какие меры Спорткомитет предлагает принять в отношении команды ЦДКА. В результате ночных обсуждений выяснилось, что решение распустить команду ЦДКА было одобрено в Совете министров, и Н. Н. Романову оставалось лишь подчиниться и выпустить соответствующий приказ Спорткомитета. Он рассуждает в мемуарах о том, что, учитывая атмосферу холодной войны, особое значение футбола и слабую подготовленность советских футболистов на тот момент, лучше было бы не посылать советскую футбольную команду на XV Олимпиаду в Хельсинки вообще.

История расформирования футбольной команды ЦДКА, с одной стороны, отражает атмосферу эпохи позднего сталинизма, когда массовых репрессий и расстрелов в СССР уже не было, однако и хрущевскую оттепель еще никто не мог себе представить. Жесткие меры по отношению к известным футболистам прославленной команды, по-видимому, должны были устрашить и мотивировать тысячи других советских спортсменов. С другой стороны, история с футбольным клубом ЦДКА — яркий пример того, что в начальные годы холодной войны советские спортсмены рассматривались советским руководством как своего рода игровые фигуры на поле идеологического противостояния не только со странами Запада, но и с теми странами социалистической ориентации, которые не желали идти строго в фарватере единственно верного советского курса.

Советские спортсмены на переднем крае холодной войны: история со шляпками

Советские спортсмены, выступающие на международных соревнованиях в период холодной войны, должны были показать не просто мастерство, быстроту, силу, ловкость и выносливость, но и быть достойными представителями СССР и социализма в целом. Спортсмены из Советского Союза, таким образом, выполняли важнейшую роль в продвижении советской идеологии: с одной стороны, они демонстрировали выдающиеся спортивные результаты в составе советской команды, а с другой — для всего мира они являлись примером и образцом нового советского человека: скромного, трудолюбивого, упорного, патриотически настроенного, верящего в идеалы социализма и коммунизма.

Советские чемпионы и призеры олимпиад, рекордсмены Европы и мира становились предметом внимания советской прессы, которая рассказывала об истоках их спортивных успехов, анализировала и интерпретировала их спортивные биографии. Помимо тренировок, участия в соревнованиях, помимо учебы или работы, известных спортсменов часто направляли с выступлениями перед учащимися школ и университетов, работниками заводов и колхозов. На международных спортивных аренах советские спортсмены выполняли и спортивную и дипломатическую роль, ибо являли собой позитивный образ нового советского человека. Однако велико ли было доверие коммунистической партии и советского правительства к советскому спортсмену? Ото всех ли советских чемпионов можно было ожидать правильного выдержанного поведения, умения верно ответить на вопросы в интервью, да и вообще не опозорить советскую страну тем или иным поступком? Конечно нет. И здесь важно было проводить последовательную воспитательную работу и отбирать достойнейших.

Идеологическая подготовка советских спортсменов велась постоянно. Отдел пропаганды и агитации Государственного комитета по физической культуре и спорту регулярно публиковал «методические рекомендации», которые должны были направлять работу пропагандистов при проведении политинформаций в сборных командах СССР по разным видам спорта.

На политзанятиях среди советских спортсменов, как полагается, уделялось внимание и последним речам советских партийных лидеров, и анализу международной ситуации, и правилам поведения за границей, особенно в капиталистических странах. Опасность заключалась в том, что советские спортсмены на соревнованиях за рубежом так или иначе могут вступить в контакты с западными спортсменами, журналистами и зрителями. И в этом случае они должны проявить бдительность, политическую зрелость и умение в случае необходимости квалифицированно и идеологически верно разъяснить и советскую внешнюю политику и преимущества социалистического строя.

Советское спортивное руководство организовывало идеологическую и просветительскую работу среди спортсменов и во время соревнований в зарубежных странах. К важным мероприятиям относились общение с советскими дипломатами в стране проведения соревнований, встречи с командами из социалистических стран, посещение ячеек местных коммунистических партий, возложение цветов к мемориалам Второй мировой войны и т. д.

Несмотря на профилактическую работу, разнообразные нарушения в поведении советских спортсменов за границей фиксировались

не раз. Судя по архивным документам¹, такие прегрешения, как самовольная отлучка из гостиницы за рубежом, чрезмерное увлечение алкогольными напитками, торговля из-под полы водкой и икрой, случались у советских спортсменов достаточно часто, что приводило к административным взысканиям, лишению званий («мастер спорта» или «заслуженный мастер спорта»), недопущению к зарубежным соревнованиям, что, несомненно, служило уроком для других спортсменов.

Кроме того, как знали советские спортивные деятели, не исключены были и провокации со стороны западных организаторов соревнований. Такая провокация, по заверениям советской стороны, случилась в отношении прославленной советской легкоатлетки, чемпионки Олимпиады в Хельсинки 1952 года и Олимпиады в Риме 1960 года, рекордсменки мира в толкании ядра Нины Пономаревой. Прежде чем рассказать об этом происшествии, приведем несколько фактов из биографии прославленной спортсменки.

Нина Аполлоновна Пономарева родилась 27 апреля 1929 года в селе Smyчка, недалеко от Свердловска; там она провела свое раннее детство в ГУЛАГе, куда были сосланы ее родители за не вполне пролетарское происхождение. Ее отец-малыар был сыном церковного регента, а мать Анна была дочерью кулака.

«Я была маленькая, знать не знала, что вместе с родителями отбываю срок. Думала, энтузиасты, по доброй воле поехали лес рубить», — рассказывала Нина Пономарева незадолго до своей кончины².

В 1948 году Нина Пономарева поступила в Ставропольский педагогический институт и начала серьезно заниматься легкой атлетикой. Изначально пробовала свои силы в беговых дисциплинах, но позже переквалифицировалась в метательницу диска³. В 1949 году стала бронзовым призером чемпионата СССР, перебралась в Москву. На чемпионате СССР 1950 года завоевала серебряную медаль, а в 1951 году с третьей попытки выиграла золотую награду первенства СССР. В 1952 году Пономарева отправилась на дебютные для команды СССР Олимпийские игры в Хельсинки и первенствовала с новым олимпийским рекордом — 51 м 02 см. Это была первая золотая олимпийская медаль для СССР. Кстати, все призовые места в метании диска достались советским спортсменкам — на пьедестал вместе с Ниной Пономаревой (по мужу Ромашковой) поднялись

¹ Mertin, E. (2007). Friend or Foe? Soviets in West German Sports Coverage. *Journal of Olympic History*, 15(3), 32–38.

² Спорт-Экспресс. 2015. 6 февраля.

³ Там же.

еще две советские метательницы диска — Нина Думбадзе и Елизавета Багрянцева.

В 1966 году во время легкоатлетических соревнований в Лондоне произошло следующее. Два охранника магазина S&A Modes утверждали, что Нина Пономарева привлекла их внимание подозрительным поведением в лондонском универмаге. По их словам, спортсменка запихнула одну шляпку в рукав своего пальто и четыре других положила между двумя бумажными пакетами, которые она несла в руках. Пономареву задержали, обвинили в краже товаров на сумму в четыре фунта 68 пенсов и приказали явиться в городской суд на следующий день. В английский суд Пономарева не прибыла, да и в лондонской гостинице также не появилась¹.

В британских газетах дело Нины Пономаревой получило громкую огласку и пару дней даже конкурировало с Суэцким кризисом за место на первых страницах. Руководитель советской команды, обвинив британскую сторону, назвал действие англичан «грязной провокацией, которая была направлена на шантаж всемирно известной и замечательной спортсменки», и в знак протеста снял всю советскую легкоатлетическую команду с соревнований. Запланированные гастроли балета Большого театра в Ковент-Гардене также оказались под угрозой: Галина Уланова и другие члены балетной труппы прославленного театра подписали открытое письмо, которое было опубликовано в газете «Известия». В письме они выразили протест против действий британской стороны и высказали опасения в том, что и в отношении советских артистов могут последовать аналогичные провокации и преследования с английской стороны, если они отправятся в поездку в Великобританию.

Прошел месяц после выдачи ордера на арест Нины Пономаревой, однако советская легкоатлетка в суде не появлялась. Английские журналисты считали, что она скрывается в советском посольстве, работники которого все происходящее продолжали называть провокацией. Советским посольством была организована пресс-конференция по инциденту с Ниной Пономаревой. «У нее много денег», — заявил журналистам официальный представитель советского посольства. «Она могла бы купить 100 таких шляпок»².

Пять недель спустя Нина Пономарева все-таки появилась на слушаниях в городском суде на улице Мальборо в Лондоне, где она заявила, что невиновна. Она рассказала суду, что заплатила за покупку, но просто не сохранила квитанцию, потому что такие документы просто не существовали в Советском Союзе. Городской суд Лондона

¹ NY Times, 23 Aug 2016.

² Ibid.

тем не менее признал ее виновной. После уплаты штрафа в размере 8 фунтов и 80 пенсов и уплаты судебных издержек Нина Пономарева была отпущена на свободу¹.

Впрочем, спортивная карьера Нины Пономаревой не пострадала. «Дама с пятью головными уборами», как назвало ее агентство *Associated Press*, была встречена австралийскими болельщиками с большим энтузиазмом, когда она выходила из самолета, доставившего советских спортсменов в Мельбурн на Олимпийские игры 1956 года. Правда, кто-то из провокационно настроенных болельщиков выкрикнул: «Приглядывайте за вашими шляпками, девушки, здесь проходит Нина»². Нина Пономарева улыбалась и махала австралийской толпе, а затем заверила журналистов, что все шляпки в Лондоне были оплачены. В этот момент двое неприметных мужчин в серых плащах взяли Пономареву под руки и повели в гостиницу в Мельбурне, где разместились советские спортсмены, сказав журналистам, что она слишком устала, чтобы отвечать на вопросы.

А вот что рассказала сама Нина Апполоновна за год до своей смерти в интервью газете «Спорт-Экспресс» об этом инциденте:

«— Вас обвиняли в попытке кражи дамской шляпки?»

— Не шляпки — ободка с перьями. Ценой 5 фунтов. Это случилось на матче сборных СССР и Великобритании — через два года после скандала с Куцем. Только теперь в роли жертвы оказалась я. В выходной привезли в торговый центр. Я выбрала ободок, положила в сумку, расплатилась. И побежала искать подружку, которая покупала платье.

Неожиданно приглашают в комнату. Думала, примерочная, подружка там. Но это совсем другое помещение. Помню, посмотрела на часы — 10 : 22. Через минуту открывается запасная дверь, входит молодой человек, по-русски произносит: «Я переводчик». Отвечаю: «Еще никто не спрашивал, кто я, откуда. Может, я француженка? Или немка?» Окончательно убедилась, что это провокация, когда к обеду принесли местную газету. С шапкой на первой полосе: «Пономарева в Мельбурн не едет! Советская команда теряет золотую медаль!»

— Однако!

— Вызвали представителя посольства. Начали разбираться, тщательно просили снять кассу, чтобы найти чек, который я не взяла... А в Великобритании закон: любой спорный вопрос решается в суде. Но когда доложили в Москву Хрущеву, тот отрезал: "Никаких судов! Нашему человеку там не место!" Когда на следующий день туда не явилась, на меня автоматически наложили арест. После чего укрыться могла только в нашем посольстве.

¹ NY Times, 23 Aug 2016.

² Ibid.

— Что вы там делали?

— Рыдала целыми днями. Чесалась на нервной почве. Потом стала сидеть. В 27 лет! С тех пор ношу короткую стрижку. Вы не представляете, что я пережила... Квартиру и наше посольство отделяла дорога. Так под окнами ночью дежурили репортеры, зеваки, расставили палатки. Следили, чтоб я не проскочила.

— Чем дело кончилось?

— В суд пойти все-таки пришлось. С адвокатом, бумагами. Там выяснилось — мало того, что я ни в чем не виновата, так еще меня на три шиллинга надули. Вопрос закрылся. Но я попросила, чтоб до мной отправили пароходом»¹.

Эйвери Брандедж и вступление Советского Союза в МОК

Эйвери Брандедж, президент МОК с 1952 по 1972 год, занимает особое место и в анналах Олимпийского движения, и в истории холодной войны. Международная известность пришла к Брандеджу, когда он уже был весьма пожилым человеком. Он родился в 1887 году и только в почтенном 65-летнем возрасте стал пятым президентом Международного олимпийского комитета (МОК) и затем возглавлял эту организацию целых двадцать лет, до 1972 года, когда ему исполнилось 85. Единственного американца, занимавшего этот высокий пост, Брандеджа помнят как ревностного сторонника любительского спорта, а также за его роль в летних Олимпийских играх 1936 и 1972 годов, которые проходили в Германии.

Брандедж родился в Детройте, в небогатой семье каменотеса. Когда Эйвери было пять лет, его отец перевез семью в Чикаго, но впоследствии бросил жену и детей — семье помогали родственники, в частности дядя Эдвард, который занимал высокий пост генерального прокурора штата Иллинойс². В школьные годы Эйвери с приятелями любил играть в американский футбол, баскетбол, бейсбол и гандбол, но больше всего внимания уделял легкой атлетике, так как, как ему казалось, именно в ней можно было лучше всего продемонстрировать индивидуальные достижения³. Правда, в школе, где учился Эйвери, не было ни стадиона, ни спортивного зала, не говоря уже о бассейне. Но это не останавливало молодого человека. На заброшенном участке Эйвери разметил дорожку для бега, вырыл

¹ Спорт-Экспресс. 2015. 6 февраля.

² Guttman, A. (1984). The games must go on: Avery Brundage and the Olympic movement. Columbia University Press. P. 4.

³ Ibid. P. 4.

яму для прыжков в длину и засыпал ее песком, нашел подходящий по весу и форме камень для толкания ядра и упорно тренировался на построенном своими руками стадионе, одновременно преуспевая в школе в общеобразовательных предметах. После окончания школы Эйвери Брандедж учился в университете штата Иллинойс на инженера-мостостроителя и одновременно серьезно занимался легкой атлетикой. Все шло хорошо, вот только личная жизнь не очень складывалась — любимая девушка вскружила голову будущему президенту МОК, но в результате предпочла ему сына банкира¹. Ранние неудачи с прекрасным полом, по-видимому, отразились на его полной концентрации на учебе и спорте — Брандедж женился поздно, лишь через 18 лет после окончания университета.

После окончания университета в 1909 году Брандедж устроился на работу в чикагскую строительную фирму «Холаберд и Роше», которая возвела многие известные небоскребы в Чикаго — напомним, что именно этому городу, а не Нью-Йорку, суждено было стать родиной многоэтажного строительства в США. Брандедж продолжал упорно заниматься легкой атлетикой в Чикаго, специализируясь в десятиборье. В те годы десятиборье проводилось в один соревновательный день и включало бег на 100 метров, прыжки в длину и высоту, метание молота, прыжки с бамбуковым шестом, бег на 120 ярдов с барьерами, бег на милю, ходьбу на 880 ярдов и метание 25-килограммового веса. Заняв второе место в первенстве США по легкой атлетике, он был включен в американскую национальную команду по десятиборью и пятиборью в 1912 году. Эйвери Брандедж вынужден был уволиться с работы, так как участие в Олимпиаде и последующие путешествия по Европе потребовали более чем двухмесячного отсутствия в Чикаго. Команда США плыла на корабле из Нью-Йорка в Стокгольм и поддерживала спортивную форму, тренируясь на палубе. Брандедж отметил в своем дневнике, что часть спортсменов передала на корабельном шведском столе, а это, по его мнению, негативно сказалось на результатах в Стокгольме². Брандедж выступал на летних Олимпийских играх в Стокгольме в 1912 году в числе других 2541 участника. Он принял участие в олимпийском пятиборье и десятиборье, но остался без медалей. Вспоминая позже об Олимпиаде в своей так и не опубликованной автобиографии, Брандедж писал о великолепном духе олимпизма в 1912 году: «Наши достижения судьи оценивали только по объективным результатам, независимо ни от места в общества, ни от расовых, религиозных, этнических или политических различий. Здесь

¹ Guttman, A. (1984). The games must go on. P. 8.

² Ibid. P. 24.

не было места ни коммерции, ни коррупции, ни политическому интриганству. Правила были общими для всех»¹. Брандедж сравнивал эту атмосферу с деловым миром Чикаго, особенно в области строительства, где коррупция, взяточничество, вовлеченность криминального мира характеризовали условия ведения строительного бизнеса. После Олимпиады в Стокгольме Брандедж отправился в Хельсинки и в Петербург. На показательных выступлениях в столице Российской империи он сломал кисть, прыгая с шестом, но решил не прекращать поездку. После Петербурга знакомство с Россией продолжилось в Москве, Киеве и Одессе, и потом Брандедж посетил Турцию, Стамбул и Измир.

По возвращении в США Брандедж устроился на работу в другую строительную фирму в Чикаго, а через три года основал свой собственный строительный бизнес. Несмотря на занятость, он продолжал тренироваться каждый день по два часа по вечерам, а также регулярно играл в гандбол. Брандедж выигрывал американские легкоатлетические национальные чемпионаты трижды в период с 1914 по 1918 год, тогда же основал и успешно продвигал собственный строительный бизнес. Подчеркнем то, что неоднократно подчеркивал сам будущий президент МОК: за все время своих собственных выступлений в легкой атлетике Эйвери Брандедж не получал никаких денежных или иных вознаграждений. Впрочем, с деньгами у него все было неплохо — ему удалось хорошо заработать и в строительстве, и в области инвестиций в недвижимость. В 1927 году к сорокалетнему возрасту Брандедж стал миллионером², построив несколько высотных элитных жилых домов и гостиниц в Чикаго.

Продолжая регулярно играть в гандбол, в 31 год Брандедж стал президентом Чикагской гандбольной лиги, и, надо заметить, этим спортом он не переставал заниматься до 60-летнего возраста. Будучи и известным спортсменом, и уважаемым бизнесменом, Брандедж решил расширить сферу своей деятельности и посвятить себя организации и менеджменту спорта. В своей работе он стремился продвигать принципы олимпизма и любительства в спорте в США. В 1928 году он возглавил одну из двух главных спортивных организаций США того времени — Любительский атлетический союз (The Amateur Athletic Union — AAU), второй соперничающей спортивной организацией была National College Atheltic Association (NCAA), которая, кстати, до настоящего времени управляет всем университетским спортом в США. В тот же год Брандедж был избран президентом Американского Олимпийского комитета и заработал репутацию

¹ Ibid. P. 28.

² Ibid. P. 40.

деятельного и толкового функционера во время организации Олимпийских игр 1932 года в Лос-Анджелесе.

Накануне Олимпиады в Лос-Анджелесе 1932 года МОК обсуждал инициативу сразу нескольких своих членов о том, чтобы ограничить участие женщин-спортсменок в Олимпиаде гимнастикой, теннисом, плаванием и фигурным катанием и не устраивать женских соревнований на Олимпиаде по фехтованию и легкой атлетике¹. Брандедж решительно воспротивился подобному дискриминационному подходу и проголосовал за полноправное участие женщин во всех олимпийских дисциплинах, вынесенных на обсуждение. Будучи президентом НОК США, Эйвери Брандедж настойчиво боролся против бойкота летних Олимпийских игр 1936 года, которые, как известно, проходили в нацистской Германии в период нарастающего преследования евреев и других меньшинств. Несмотря на то что Брандеджу удалось настоять на посылке американской команды на Олимпиаду в Берлине в 1936 году, моральный и политический аспект американского участия в нацистских Играх был и остается весьма спорным.

И вот в 1952 году 65-летний, еще крепкий и энергичный, с большим опытом в мире международного спорта, Эйвери Брандедж был избран президентом МОК. На посту президента крупнейшей международной спортивной организации Брандедж предпочитал не делать резких движений. Например, он не стал тут же создавать собственную административную команду в МОК и кардинально менять состав работников секретариата Олимпийского комитета. В частности, решил оставить прежнего секретаря МОК, швейцарца Отто, на своем посту с окладом 500 швейцарских франков в месяц. Все шло гладко на протяжении первых нескольких лет. Но затем оказалось, что секретарь МОК стал источником утечки всякого рода внутренней информации. Так, Отто сблизился с Дэвидом Бэргли, будущим маркизом Эксетером и одним из вице-президентов МОК, и французским журналистом Гастоном Мейером. Эйвери Брандедж не одобрял эту швейцарско-британскую дружбу, так как ему было не по душе, что статьи Гастона Мейера в газете *L'Equipe* часто содержали инсайдерскую конфиденциальную информацию², причем о закулисных обсуждениях и ходе голосования в МОК журналист нередко знал больше, чем сами члены международного Олимпийского комитета.

Однако расставаться со своим швейцарским секретарем Эйвери Брандедж не спешил. Дело в том, что Отто был обручен с молодой и привлекательной Мириам Мьюли, которая сначала работала про-

¹ Guttman, A. (1984). The games must go on. P. 60.

² Берлю, М. Управляя клубом джентльменов. Наука в олимпийском спорте (3). 2915. С. 9–16.

давщицей в ювелирном магазине, а затем получила должность секретаря и переводчика в МОК. Брандедж проявил весьма серьезный интерес к новенькой сотруднице, которая сопровождала его во время многочисленных заграничных поездок в качестве переводчика¹, а также держала его в курсе всех офисных дел. По воспоминаниям очевидцев, высокий и стройный стан переводчицы радовал глаз Эйвери Брандеджа... Вернемся, однако, к более серьезным аспектам деятельности Брандеджа в МОК, и особенно к его отношению к вступлению СССР в международное олимпийское движение.

На посту президента МОК Брандедж решительно боролся за идеалы любительства в спорте и против коммерциализации Олимпийских игр и отстаивал эти принципы, несмотря на изменяющиеся реальности современного спорта. Так, после вхождения СССР и других восточноевропейских стран в международное олимпийское движение, перед МОК возник непростой вопрос о социалистическом «спортсмене-любителе», обычно числившемся студентом, военнослужащим, рабочим и т. д., но фактически занимавшимся спортом как работой. Спортсмены-любители из социалистических стран подрывали идеологию чистого любительства, согласно строгой интерпретации этого термина, и без сомнения ставили самофинансируемых спортсменов-любителей из западных стран в невыгодное положение. Однако Эйвери Брандедж и возглавляемый им МОК придерживались формальных правил, касающихся любительства, и не ставили палки в колеса спортивным федерациям СССР и стран социалистического лагеря.

Как президент МОК Эйвери Брандедж относился к Советскому Союзу? Брандедж посетил СССР в 1934 году. Он был впечатлен изменениями в стране Советов, и ему было с чем сравнивать — как уже упоминалось, в 1912 году после Олимпиады в Стокгольме он приезжал в дореволюционный Петербург. Чикагского бизнесмена при всем желании трудно назвать поклонником коммунистических идеалов и советской системы. Однако, несмотря на свои политические взгляды, Брандедж хотел, чтобы русские присоединились к олимпийскому движению. По словам Гуттмана, «Когда Брандеджу приходилось выбирать между его враждебностью к коммунизму и его приверженностью идеалам олимпийской универсальности, он выбрал последнее: он хотел увидеть русских на Олимпиаде, коммунистов или нет»². С другой стороны, Брандеджа точно нельзя назвать безоговорочным сторонником СССР. Так, сразу после Олимпиады 1948 года в Лондоне, в которой, как известно, сборная Советского Союза не

¹ Там же. С. 11.

² Там же. С. 86.

участвовала, Брандедж написал: «Я серьезно сомневаюсь, насколько возможны дружественные спортивные контакты с любой страной, придерживающейся коммунистической системы»¹.

Еще во время Второй мировой войны Брандедж писал членам МОК, что не возражает против участия СССР в международных спортивных состязаниях, если СССР присоединится к международным спортивным федерациям (International Sport Federations — ISF). Он также был не против вхождения СССР в олимпийское движение, даже в годы правления Сталина, когда само руководство СССР не находило целесообразным участвовать в Олимпиадах. Когда же в последний год правления Сталина советская позиция по вступлению СССР в МОК изменилась в положительном направлении, возникла бюрократическая проблема. По требованиям МОК национальные олимпийские комитеты стран должны были быть независимыми от правительств — формально советский НОК одоветворял этому требованию, но, конечно, не по своей сути. Это проблема касалась не только стран социалистического лагеря. Например, целый ряд стран Латинской Америки таким образом формировали свои национальные олимпийские комитеты, что они фактически оказывались вписанными в политическую структуру государства, причем иногда председателем НОК становился даже политический лидер страны. Эта тесная связь между спортом и политикой противоречила положениям олимпийской хартии² и по-настоящему беспокоила Брандеджа.

Начиная с 1946 года Советский Союз запустил процесс вступления в международные спортивные федерации; в 1951 году НОК СССР был признан МОК. Как уже рассказывалось в нашей книге, в 1952 году советские спортсмены впервые выступили на Олимпиаде в Хельсинки. В начале 1950-х годов в международном спортивном мире мало кто знал советских спортивных чиновников, и при приеме советских представителей в члены Международного Олимпийского комитета, Брандедж и его коллеги в МОК в общем-то вынуждены были согласиться с кандидатурами тех спортивных функционеров, которых утвердило правительство СССР. За вступление СССР в МОК проголосовало абсолютное большинство членов Исполнительного совета МОК при трех воздержавшихся. Как мы уже отмечали, и Николай Романов, председатель Спорткомитета СССР в 1950–1960-е годы, и Константин Андрианов, первый председатель Олимпийского комитета СССР (1951–1975) и член Международного олимпийского комитета (1951–1988), прекрасно разбирались в спорте и старались продвигать советские спортивные и политиче-

¹ Берлю, М. Управляя клубом джентльменов. С. 137.

² Там же. С. 87.

ские интересы на международной арене. Андрианов, став членом МОК, также стремился поддерживать спортивные интересы братских стран социалистического лагеря и всегда голосовал в МОК, исходя из интересов стран народной демократии. Для советских представителей были, конечно, и свои сложности в освоении правил в новой международной организации. Например, накануне вступления в МОК советская делегация потребовала, чтобы русский язык был признан одним из официальных языков МОК (в добавление к английскому и французскому), чтобы советской делегации было предоставлено место в Исполнительном совете МОК и чтобы франксистская Испания была немедленно исключена из олимпийского движения. Ни одного из этих требований к МОК не было выполнено, и вскоре они были сняты самим же Андриановым.

Чуть позже, в 1955 году советский НОК предписал своим работникам уделить особое внимание изучению иностранных языков. Заместитель председателя Спорткомитета Б. Серегин обратился даже с просьбой к Министерству иностранных дел СССР предоставить специалистов для проведения языковых курсов по английскому и французскому языкам для сотрудников Спорткомитета, отвечающих за международные связи¹. На практике же в поездках за границу к делегациям Спорткомитета прикреплялись переводчики, некоторые из них впоследствии существенно продвинулись по служебной линии и заняли высокие посты. Так, например, В. М. Чубаров начал свою карьеру рядовым переводчиком в Спорткомитете, а впоследствии стал генеральным секретарем советского Олимпийского комитета. Большой карьерный рост продемонстрировала А. Ф. Ивушкина, которая начинала как переводчик, а затем стала главой международного отдела Спорткомитета².

Члены МОК во времена Брандеджа традиционно придерживались позиции, что олимпийское движение должно быть защищено от политических влияний. Эта позиция была сформулирована еще Пьером Кубертенем, когда в конце XIX века он призвал создавать национальные олимпийские комитеты, которые никаким образом не были бы связаны с национальными правительствами. Первые десятилетия существования МОК его членами были в основном европейские аристократы, богатые промышленники, влиятельные бизнесмены, которые коллективно и поодиночке старались способствовать развитию и продвижению олимпийского движения в мире. Эйвери Брандедж понимал, что со вступлением СССР в олимпийское движение сохранить политическую неангажированность в МОК

¹ Parks, J. (2016). *The Olympic Games, the Soviet Sports Bureaucracy, and the Cold War: Red Sport, Red Tape*. Lexington Books. P. 43.

² Ibid. P. 44.

будет крайне нелегко¹. Идея непримиримой борьбы между капитализмом и социализмом являлась одной из ключевых для советских делегатов. И тем не менее Брандедж настаивал: «В МОК не должно быть политических блоков, в нашу организацию не должны проникнуть идеи национализма... Если мы разрешим странам (имеется в виду правительствам стран. — А. Р.) выбирать своих представителей в МОК, это окажется смертельным для олимпийского движения. Тогда политические соображения возьмут верх, и вся работа за последние 60 лет пойдет насмарку»².

Советский представитель в МОК Константин Андрианов сразу же по утверждению собственной кандидатуры стал проявлять активность по реорганизации МОК. В 1955 году Андрианов обратился с предложением увеличить Исполком МОК до 9 человек и создать должность второго вице-президента МОК, делая ставку на то, что кто-либо из представителей социалистических стран сможет занять эту должность. На самом деле на должность вице-президента единогласно избран был лорд Бургли из Великобритании. Правда, уже в 1956 году на сессии МОК в Мельбурне болгарский представитель Владимир Стойчев был избран членом Исполнительного комитета МОК и стал, таким образом, первым представителем социалистической страны в комитете.

В 1959 году вновь Андрианов предлагает коренную реорганизацию МОК. Суть его предложений на этот раз сводилась к тому, чтобы существенно расширить состав МОК (на 1959 год в организации насчитывалось 64 члена) путем включения в него всех представителей всех национальных комитетов (на то время 115 национальных комитетов) и представителей всех признанных международных спортивных ассоциаций (25 на тот момент, но Андрианов призывал признать еще десять, таким образом доведя их число до 35). Фактически это бы привело к трехкратному увеличению количественного состава МОК и одновременно к увеличению роли социалистических и, особенно, развивающихся стран. Брандеджу план Андрианова не понравился, и он постарался использовать весь свой политический вес, чтобы подобное предложение не прошло и чтобы влияние европейских и американских членов МОК не уменьшилось³. План Андрианова был поставлен на голосование и не прошел с результатом в 35 голосов против и 7 — за, строго в соответствии с представительством западных и социалистических стран в МОК.

В 1962 году на сессии МОК в Москве советская сторона вновь предложила вернуться к вопросу о расширении состава Исполкома

¹ Guttman, A. The games must go on. P. 171.

² Ibid.

³ Ibid. P. 172.

МОК до 9 человек и уже с двумя вице-президентами — на этот раз результат голосования был 17 на 16 голосов, но проект резолюции снова был отвергнут. Однако сам Андрианов на этой же сессии был избран в члены исполкома МОК, где он сменил упомянутого болгарина Стойчева. В 1965 году Андрианов вновь ставит на голосование вопрос о расширении исполкома МОК, который, по его предложению, должен был состоять из президента, трех вице-президентов и 9 членов и избираться по географическому принципу — по два человека от Европы, Азии, Африки и Америки и один — от Австралии и Океании. Предложение в целом не было принято, однако МОК согласился с увеличением количества вице-президентов до трех человек, и в вице-президенты был избран сам Константин Андрианов, а также представитель Мексики генерал Хосе де Клар Флорес, близкий по своим взглядам президенту МОК Брандеджу¹.

Эйвери Брандеджу не раз жаловались на поведение советских представителей в международных спортивных федерациях. Так, например, Брандедж получил информацию, что на XXIII конгрессе международного легкоатлетического союза в Белграде в 1962 году, где рассадка делегатов проводилась по алфавитному принципу, глава советской делегации оказался в конце зала. Оттуда советский делегат не мог видеть, как голосуют представители других социалистических стран (возможно, в этом и состоял план югославских организаторов конференции. — А. Р.) Однако советский представитель самовольно решил пересесть в первый ряд зала, чтобы зрительно полностью контролировал процесс голосования². Никаких конкретных мер в отношении советских спортивных функционеров как в этом, так и в других случаях Брандедж не предпринимал, да и что тут можно было поделать...

Эйвери Брандедж в третий раз посетил страну Советов вскоре после смерти Сталина в 1954 году, по приглашению Советского Союза, хотя и за свой собственный счет, и провел три недели в СССР. В это посещение 67-летний Брандедж успел побывать не только в Москве, Ленинграде, Киеве и Одессе, которые он посещал еще в 1912 и в 1934 годах, но и слетать в Ташкент, Самарканд и Бухару. Кстати, ему удалось побывать и на последнем параде физкультурников в Москве на Красной площади, где одновременно выступило 34 тысячи спортсменов. Брандеджу рассказали, что более 4 миллионов человек в СССР³ занимается легкой атлетикой — видом спорта, в котором, как мы помним, он выступал и сам в молодые годы. Говоря о широком распространении физкультуры и спорта в Советском

¹ Ibid. P. 173.

² Ibid. P. 140.

³ Ibid.

Союзе, Брандедж в своем дневнике с изумлением отмечал, что видел в СССР волейбольные площадки даже на прибольничных территориях. Он высоко оценил ГТО, считая советскую национальную программу физического воспитания эффективным путем «создания величайшей армии спортсменов, которых когда-либо видел мир», и, вторя президентам Эйзенхауэру и Кеннеди, утверждал, что американцы по сравнению с советскими людьми производили впечатление мягких и изнеженных, испорченных «слишком большим количеством телевизоров и автомобилей»¹. Брандедж неоднократно высказывал свою точку зрения, что советские граждане шире охвачены физическим воспитанием и спортом по сравнению с жителями США, что может сказаться в случае войны. По словам Давида Маранисса в его повествовании об Олимпиаде в Риме в 1960 года, восхищение Брандеджа спортивными программами Советского Союза «в определенной мере совпадало с его впечатлениям двумя десятилетиями раньше, во время посещения нацистской Германии»², когда в 1936 году в Берлине проходили Олимпийские игры и Брандедж приезжал туда как глава американской олимпийской делегации.

Во время поездки по СССР Эйвери Брандедж не только знакомился со спортивными достижениями СССР, но и поднимал острые вопросы перед руководителями советского спорта. Так, по возвращении из СССР Брандедж рассказал корреспонденту *The Saturday Evening Post*, что он в беседах с руководителями советского спорта Н. Романовым и К. Андриановым предъявил им информацию, полученную от советских перебежчиков, о том, что СССР проводит круглогодичные тренировочные лагеря и поощряет своих спортсменов материально при достижении ими успехов на соревнованиях, что расходится с принципами любительства в спорте, которые Брандедж последовательно отстаивал. И Романов, и Андрианов отвергли все обвинения и заявили, что никакого специального материального вознаграждения советские спортсмены не получают. В беседе с корреспондентом Брандедж повторил ответ советских спортивных чиновников, которые поставили под сомнения утверждения перебежчиков: «Эти люди — дезертиры, предатели. Стали бы вы прислушиваться к их заявлениям, если бы они были американцами, а потом повернулись против вашей страны?»³ Поскольку Брандедж не стал комментировать заявление советских чиновников, а лишь на него сослался, в американской прессе произошедшее вызвало целую

¹ Guttman, A. The games must go on. P. 141.

² Maraniss, D. (2008). Rome 1960: The Olympics that changed the world. Simon and Schuster. P. 89.

³ Ibid. P. 90.

бурю споров, в которых некоторые обвиняли Брандеджа в явных симпатиях СССР и считали, что президент МОК поддался на советскую пропаганду¹, что являлось тяжелым обвинением в период маккартизма в США. Брандедж защищался, говоря, что лишь привел слова советских официальных лиц о том, что Советский Союз следует правилам и букве Олимпийской хартии.

Несмотря на очевидное расхождение между принципом спортивного любительства и советской практикой, при которой спортсмены получали стипендии, рабочие места и жилье за государственный счет², Брандедж не предпринял никаких действий против СССР и стран Восточной Европы, где существовала аналогичная советской система государственной поддержки спортсменов. В дискуссиях по этому вопросу президент МОК утверждал, что западные страны повсюду нарушали принципы любительства, предоставляя, например, спортивные стипендии студентам университетов на весь период обучения. По мере развития советской системы поддержки спорта западные страны формировали свою систему помощи, стараясь предоставить своим спортсменам более высокую степень поддержки.

Как уже говорилось, назвать Эйвери Брандеджа сторонником СССР и советских действий на международной арене было бы неверно. Например, по поводу советского вмешательства в Венгрии в 1956 году, накануне Олимпиады в Мельбурне, Брандедж написал следующее: «Каждый цивилизованный человек содрогается от ужаса при виде бойни в Венгрии, но это не должно стать причиной для разрушения самого ядра международного спортивного сотрудничества и доброй воли в олимпийском движении. Олимпийские игры — это соревнования между отдельными спортсменами, а не между странами. Мы надеемся, что те, кто заявил о неучастии в Олимпиаде, поменяют свое решение. В нашем несовершенном мире, если бы участие в спортивных соревнованиях прекращалось бы в тот момент, когда политические деятели нарушают принципы гуманизма, то никаких международных соревнований не было бы вообще. Не лучше ли следовать здоровым принципам олимпизма и постараться распространить их и в других областях»³.

На мюнхенской сессии МОК в 1959 году большинство членов Олимпийского комитета проголосовало за проведение Олимпиады 1964 года в Токио. 34 голоса было отдано за столицу Японии, и лишь 10 получил американский Дейтройт. Американская пресса восприняла решение МОК как личное поражение Эйвери Брандеджа, и после объявления результатов голосования его популярность в США

¹ Ibid. P. 91.

² Ibid. P. 89.

³ Guttman, A. (1984). The games must go on. P. 162.

пошла на убыль. Впрочем, не совсем ясно, стремился ли Брандедж по-настоящему приложить все усилия и обеспечить проведение Олимпийских игр в столице американского автомобилестроения. Судя по его записям в дневнике, казалось, что он был вполне доволен тем, что игры состоятся именно в Токио. Как иезуиты, некогда принесшие христианство в Японию и Китай, Брандедж хотел бы распространить свою религию олимпизма на японских островах. Почему же именно в Японию?

Портрет Эйвери Брандеджа остался бы для читателя не вполне завершенным, если бы мы не упомянули об одной страсти президента МОК — коллекционировании восточной старинной бронзы и изделий из нефрита, в основном из Китая и Японии. Специализированные журналы, посвященные вопросам искусства и коллекционирования, такие как *The Connoisseur* и *Apollo*, упоминают в 1960-е годы имя Брандеджа, пожалуй, чаще, чем американские спортивные журналы типа *Sport Illustrated*, хотя он был и остается единственным американцем-президентом МОК.

Эйвери Брандедж с юных лет любил ходить в музеи и на художественные выставки. А вот его страсть к коллекционированию проснулась как раз во время посещения со своей женой Елизаветой Японии еще в 1939 году. В Японии его принимал глава японского Олимпийского комитета князь Мичимаза Суетшима. В ходе визита Брандедж побывал в окруженных лесами храмах Никко в окрестностях Токио, несколько дней знакомился с древней столицей Японии Киото и с еще более древней Нарой, знаменитой своим храмом Тадай-джи с колоссальной статуей Будды и ручными оленями, расхаживающими и теперь, как и 70 лет назад, прямо по улицам города и пристающими к туристам и паломникам. Во время визита в своих выступлениях Брандедж расточал комплименты Японии и японцам.

По дороге домой Брандедж побывал также в Шанхае и Гонконге, которые на тот момент обошла еще китайская гражданская война. Именно в 1939 году Брандедж начинает активно коллекционировать китайское и японское искусство, щедро выделяя на это средства из своего многомиллионного состояния. Через арт-дилеров в Лондоне, Париже, а позже в Токио и Тайпее, он покупает бронзовую посуду времен династии Шан и нефритовые фигурки людей и животных периода династии Чин. Позже все эти предметы искусства из коллекции Брандеджа, а также собрание старинной китайской, японской и корейской скульптуры будут переданы в дар Азиатскому музею искусств в Сан-Франциско. Правда, только те предметы восточной старины, которые не сгорели во время лесного пожара, уничтожившего имение Брандеджа *Ла Пинета* в Калифорнии.

Хотя Брандедж оставался любителем в искусстве, но его японские друзья не раз отмечали, насколько хорошо он знает хронологию японского и китайского, а также европейского искусства. Брандедж, в свою очередь, любил повторять, что его миссия в Японии состоит в том, чтобы принести любовь к спорту своим друзьям искусствоведом и любовь к искусству своим коллегам по олимпийскому движению¹. Это может прозвучать весьма наивно, но, казалось, для Эйвери Брандеджа и спорт, и искусство, несмотря на все свои различия, были в чем-то похожи; пожалуй, они являлись выражением идеала любительства — и тем и другим можно заниматься ради самого спорта или искусства, а не для материального обогащения.

Вот как он сам выразил эту мысль на заседании сессии МОК в Токио в 1958 году, говоря о различиях между спортсменами-профессионалами и любителями: «Профессиональный спортсмен должен всегда стремиться побеждать, если он хочет быть успешным; он должен выступать на соревнованиях и побеждать так, как хочет того публика, заплатившая за билет на стадион. Профессионал — это оплачиваемый работник, а не свободный художник. То же и с художником, рисующим на заказ. Чтобы достичь успеха, он должен рисовать свои работы так, чтобы они продались. И не его собственный вкус и предпочтения, а предпочтения покупателя и заказчика являются определяющими. Так вот, ни один свободный художник и ни один атлет-любитель не захочет подчиняться такому диктату. Свободные художники занимаются творчеством — они не признают диктата масс, не следуют за вкусами толпы»².

Казалось, что для президента МОК в спорте были привлекательными эстетические элементы, которые восхищали его и в искусстве: красота, отточенность движений гимнастики или же моменты крайнего напряжения, даже изнеможения, отраженные в фигуре и запечатленные на лице марафонца, которые могут вдохновлять не только болельщика, но и художника.

Любопытно, что, интересуясь и принимая многие постулаты восточных религий, такие как буддизм, таоизм и конфуцианство, Эйвери Брандедж довольно враждебно высказывался в адрес христианства, хотя в детстве воспитывался в протестантской семье. Например, он делал такие замечания, как «слишком часто христианский крест продвигался по миру в сопровождении с мечом», или, говоря об Олимпийских играх в Древней Греции, саркастически отмечал, что «древние греки, не имея преимуществ двухтысячелетней

¹ Guttman, A. (1984). The games must go on. P. 206.

² Brundage, A. (1969). Opening address to the 54th session of the International Olympic Committee, Tokyo, May 14, 1958, Speeches of Avery Brundage. Lausanne: Comite International Olympique.

христианской цивилизации, всегда соблюдали священное перемирие во время игр, и все войны прекращались»¹. Представляется немного странным, как Эйвери Брандедж совмещал следование принципам созерцательного таоизма и в то же время проповедовал олимпийский принцип «*Altius, citius, fortius*» — «Быстрее, выше, сильнее!».

Энтузиазм японцев накануне Олимпиады 1964 года проявлялся во всем. Три с половиной миллиона японцев подали по почте свои заявления на билеты на церемонию открытия Игр, а таких билетов у организаторов имелось всего 60 тысяч. К началу Олимпиады в Токио было приурочено открытие движения на линиях скоростных поездов Синкансэн. Впервые в мире между Токио, Нагоей и Осакой начали ходить поезда со скоростью 210 км/ч, и многие участники Олимпиады прокатились на таком поезде.

На открытие Олимпиады в Токио Эйвери Брандедж приехал в растроенных чувствах — накануне в лесном пожаре сгорело его калифорнийское поместье *Ла Пинета*, в пожаре погибли древние японские горшки и греческие амфоры, этрусские вазы, коллекция японских мечей и многое другое. Однако на самой церемонии открытия Игр Брандедж оставался внешне спокойным. Четырьмя годами раньше в Риме он приветствовал спортсменов и болельщиков на итальянском языке. И здесь, в Токио, он хотел остаться верным себе и зачитать свою речь на японском, хотя и близко не владел этим языком. Должны были помочь японские друзья. Имелась и дополнительная сложность в составлении речи, так как на открытии Игр должен был присутствовать сам император. Чтобы не оскорбить японцев и их императора в лучших чувствах, нужно было употребить правильно все этикетные и церемониальные формы, которыми богат язык Страны восходящего солнца, но которые, конечно, с трудом дались 77-летнему президенту МОК, делающему первые шаги в японском.

Заключительная Олимпиада уже 85-летнего Эйвери Брандеджа в качестве президента МОК в Мюнхене в 1972 году была отмечена трагедией — захватом в заложники и убийством 11 израильских спортсменов и тренеров палестинскими террористами, а также разногласиями по поводу реакции МОК на эту трагедию. Дело в том, что на мемориальной службе после убийства 11 израильских спортсменов террористами Брандедж безоговорочно осудил сам террористический акт, но одновременно высказался против политизации спорта и, несмотря на давление со стороны некоторых членов МОК, отказался отменить оставшуюся часть Олимпиады, решительно заявив: «Игры должны продолжаться». Хотя заявление Брандеджа

¹ Guttman, A. (1984). The games must go on. P. 209.

приветствовали присутствовавшие спортсмены, его решение продолжить Игры 1972 года с тех пор многократно подверглось резкой критике, вплоть до обвинения в антисемитизме¹. Так Олимпиадой в Мюнхене завершилась двадцатилетняя эпоха Эйвери Брандеджа в международном олимпийском движении.

Советско-американские легкоатлетические встречи

Советско-американские легкоатлетические встречи проводились практически в течение всей холодной войны (1959–1985). Всего прошло 19 легкоатлетических матчей, которые устраивались на открытых стадионах по очереди — то в США, то в СССР. Единственным исключением стал последний советско-американский легкоатлетический матч в 1985 году, который прошел в Токио. Кроме того, в 1970-е годы, в период разрядки международной напряженности, прошло семь советско-американских соревнований по легкой атлетике в закрытых помещениях.

Одними из наиболее запоминающихся состязаний из этой серии стали соревнования 1962 года в Стэнфорде: за двухдневным матчем наблюдало более 150 тысяч зрителей — самое большое число болельщиков в США на легкоатлетических соревнованиях, за исключением Олимпиад. Пресса отмечала, что в Калифорнии даже на тренировки и разминки советских легкоатлетов собиралась многотысячная толпа.

При этом другие крупнейшие международные соревнования зачастую не вызывали такого интереса, как советско-американские легкоатлетические матчи. Приведем такой пример. В 1959 году в Чикаго проходили Панамериканские игры, в которых участвовали атлеты практически из всех стран Южной и Северной Америки. Спортивные исследователи подсчитали, что ни в один из дней Панамериканских игр на стадионе в Чикаго не присутствовало более 11 тысяч человек². В то же время месяцем раньше в Филадельфии 54 380 американцев купили билеты, чтобы посмотреть двухдневный легкоатлетический матч между американской и советской сборными.

В программу советско-американских легкоатлетических матчей входили все олимпийские дисциплины, за исключением ходьбы на

¹ Marvin, C. (1982). Avery Brundage and American Participation in the 1936 Olympic Games. *Journal of American Studies*, 16(1), 81–105.

² MacAloon, J. (2016). Historical Erasure and Cold War Inter-American Relations: The Chicago 1959 Pan-American Games. *The International Journal of the History of Sport*, 33(1–2), 62–83.

50 км, марафона и женского пятиборья. Только по два сильнейших легкоатлета (как среди мужчин, так и среди женщин) допускалось к соревнованиям от каждой страны. Очки в каждом виде программы начислялись в зависимости от места: 5–3–2–1 (где 5 очков давалось за 1-е место, 3 очка — за 2-е место и т. п.); за эстафеты командам присваивалось по 5 и 3 очка соответственно. Спортсмены, не закончившие дистанцию или не выполнившие ни одной зачетной попытки в прыжках и метаниях, не получали очков.

Напомним, что в США только в 1950-е и 1960-е годы по настоящему началось развитие женской легкой атлетики. Если посмотреть на результаты встреч легкоатлетов, то становится очевидным, что общеконандные соревнования США проигрывали именно за счет слабых выступлений в женских дисциплинах. В то же время от американских спортсменов местные болельщики требовали побед в матчах, и легкоатлеты США начали испытывать давление именно на двусторонних советско-американских встречах, поскольку в панамериканских атлетических встречах настоящих конкурентов у американцев не было. При этом оказалось, что тяжелый соревновательный график, расписанный AAU (Amateur Athletic Union — Союз спортсменов-любителей), не позволял американцам восстанавливаться к соревнованиям с советскими спортсменами и добиваться поставленных целей. Чтобы быть услышанными руководством Союза спортсменов-любителей, американские спортсмены начали борьбу, требуя более качественного планирования соревнований, а также повышения суточных и призовых. Как следствие, в 1961 году американские легкоатлеты даже бойкотировали очередную советско-американскую товарищескую встречу. Затем случился «карибский кризис» и возросла эскалация напряженности в двусторонних отношениях, однако легкоатлетические встречи продолжались. В 1966 году было запланировано проведение двустороннего легкоатлетического матча, но из-за военных действий США во Вьетнаме руководство СССР решило отказаться от участия во встрече.

В СССР к этим легкоатлетическим соревнованиям готовились под неослабным партийным руководством, что, надо признать, играло важную роль. Кураторство ЦК КПСС позволяло мобилизовать все имеющиеся в стране ресурсы, достаточно эффективно решать возникающие проблемы. На Старую площадь регулярно поступала информация об основных этапах подготовки спортсменов, принимаемых мерах по устранению отставания советских легкоатлетов в отдельных дисциплинах и т. п. Делались прогнозы о возможных результатах предстоящих встреч, количестве очков, которые могут набрать мужская и женская сборные СССР. Не уди-

вительно, что первые пять матчей, проходивших попеременно в СССР и США, неизменно заканчивались успехом представителей страны Советов.

Похвальную бдительность проявили в высшем партийном аппарате и накануне шестого поединка в Лос-Анджелесе летом 1964 года, когда обеспокоенно констатировали, что «в отличие от прошлых лет советские спортсмены принимают участие в матче без заметного преимущества по своим спортивным результатам», а небольшое превосходство, которое на тот момент было у команды СССР, «является недостаточной гарантией победы»¹. Предчувствие не обмануло партийное руководство: американцы впервые добились победы над своими главными конкурентами, а представители Спорткомитета узнали на Старой площади, что они не только «проявили самоуспокоенность прошлыми результатами», но и (что было гораздо более серьезным обвинением) «недооценивают всей важности победы советских спортсменов в матче СССР — США»². Американская мужская команда победила со счетом 139 : 90, а в женских соревнованиях первенствовали советские спортсменки 59 : 48 очков.

Соответствующие выводы были сделаны после неудач 1964 года. В 1965 году в Киеве в ходе седьмого матча СССР — США американцы были не только побеждены с разгромным счетом, но и впервые за все матчи успех был достигнут в соревнованиях мужских команд (до этого советская сборная выигрывала лишь за счет превосходства женщин). В ЦК КПСС с удовлетворением отмечали, что победа достигнута в присутствии специально прибывших в Киев посла США в СССР Ф. Колера и большой группы сотрудников американского посольства, а также на глазах всей Америки, поскольку американские телевизионные компании организовали прямую трансляцию матча на Американский континент.

В Спорткомитете вместе с тем прекрасно понимали, что достигнутый успех и похвалы партийных лидеров — вещь очень ненадежная. Возможно, поэтому в отчете, представленном в ЦК КПСС, содержалась оговорка о том, что «победа советской команды не может служить основанием для настроений самоуспокоенности в нашем многолетнем соревновании с легкоатлетами США». Как выяснилось, подобное замечание было сделано неспроста. У советских легкоатлетов проходил довольно болезненный процесс смены поколений, и в Спорткомитете понимали, что в ближайшие годы гарантировать победы над американцами не представляется возможным. Довести эту мысль до сознания партийных функционеров и самим не пострадать

¹ Прозуменщиков, М. Ю. Большой спорт и большая политика. С. 92.

² Там же. С. 93.

для спортивных чиновников было гораздо сложнее. Когда советская сборная уступила США в общекомандном зачете на Олимпийских играх 1968 года в Мехико, где весьма неудачно выступили и легкоатлеты, с самого верха последовали различного рода оргвыводы, получившие официальное обоснование в постановлении ЦК КПСС и Совета министров СССР от 17 октября 1968 года «Об улучшении руководства физической культурой и спортом в стране».

Остается только сожалеть, что легкоатлетические встречи двух стран остались в прошлом и, к огорчению любителей легкой атлетики, в постсоветский период серьезных попыток возобновить российско-американские соревнования сделано не было. Отчасти это можно объяснить продолжающейся тенденцией на все большую коммерциализацию легкой атлетики, при которой международная легкоатлетическая федерация ИААФ сделала упор на организацию и проведение этапов кубка мира в течение всего сезона, что практически не оставляет времени ведущим атлетам на участие в каких-либо других соревнованиях. Кроме того, после допингового скандала в Сочи, доклада Макларена о нарушениях в деятельности российской антидопинговой лаборатории, откровений сбежавшего из РФ главы лаборатории Григория Родченкова о систематической подмене проб и последовавшей затем многолетней дисквалификации команды Российской Федерации по легкой атлетике, ожидать в ближайшее время возобновления российско-американских легко-атлетических встреч просто не приходится.

**Английский футболист Яков Риорданов
в составе московского «Спартака»
в 1963 году**

В 1963 году в советском футбольном мире произошло неожиданное событие — английский подданный Джеймс Риордан, одетый в красно-белую форму «Спартака», выбежал на поле главной спортивной арены в Лужниках в Москве, чтобы выступить в матче против ташкентского «Пахтакора». История о том, как Риордан якобы стал игроком «Спартака» и выступал (хотя и совсем недолго) вместе с капитаном футбольной сборной СССР Игорем Нетто, остается столь же малоизвестной в России, как и в Англии.

Джеймс Риордан — знаковая фигура в западных исследованиях по истории советского спорта. Он долгие годы был профессиональным советологом, работая профессором в английском университете Саррей. В нашей книге мы уже ссылались на его самый извест-

ный научный труд «Спорт в советском обществе»¹, по существу, первое крупное исследование на Западе о роли спорта в Советском Союзе.

К 1963 году Джеймс Риордан хорошо говорил по-русски. Он был молодым английским коммунистом и двумя годами раньше приехал по приглашению в Москву, чтобы учиться на курсах Высшей партийной школы при ЦК КПСС. В советской столице Риордан принадлежал к небольшой группе англичан, проживавших в Москве, куда, кстати, входили Ким Филби и Гай Берджесс, члены кембриджской группы шпионов, которые бежали из Англии в 1951 году. Джеймс увлекался футболом и внимательно следил за футбольным чемпионатом Советского Союза. Он познакомился в Москве с Геннадием Логофетом, молодым защитником московского «Спартака» и сверстником самого Риордана. В будние дни Джеймс занимался на высших партийных курсах ЦК КПСС и собирал материалы по советскому спорту для своей исследовательской работы. А на выходных в хорошую погоду в парке Лужников Джеймс Риордан играл в любительский футбол с молодыми сотрудниками дипломатического корпуса в Москве².

На одну из таких игр, по рекомендации Логофета, пришел посмотреть Никита Симонян, тренер «Спартака». Вскоре Симонян пригласил Риордана посетить тренировочную базу «Спартака». Джеймс с удовольствием согласился и приехал на спартаковскую базу с блокнотом, чтобы записывать свои впечатления. Англичанин был по-настоящему поражен, когда Симонян пригласил его потренироваться со знаменитой советской командой. Риордан с радостью согласился. Несколько недель спустя, по словам Риордана, Никита Симонян позвонил ему по телефону и спросил, свободен ли Джеймс вечером. Риордан подумал, что Симонян оставил для него билеты на матч, и как-то не очень обратил внимание на то, что Симонян попросил захватить с собой и бутсы³.

В тот день Джеймс Риордан сначала пошел на свою любительскую игру с дипломатическими работниками в парке Лужников, а уж затем появился перед Симоняном на стадионе им. Ленина. И тут тренер «Спартака» поведал англичанину, что он решил выпустить Джеймса на поле в матче против «Пахтакора» на место центрального защитника, который получил травму. На самом деле, как позже выяснилось, это была не травма, а случай нарушения спортивной

¹ Riordan, J. (1977). *Sport in Soviet society: development of sport and physical education in Russia and the USSR*. Cambridge University Press.

² O'Flynn, K. (2006). Introducing the first Briton ever to play in the USSR. *The Guardian*, 7 November.

³ Ibid.

дисциплины, связанный с запоем. Риордан быстро надел форму и бутсы и выбежал на поле. Когда по стадиону объявляли составы команд, Джеймса Риордана представили как Якова Йорданова. Симонян, выпустив Риордана на поле, по-видимому, по достоинству оценил и надежность в защите, и выдающиеся физические и игровые данные Джеймса: 196 см роста, прыгучесть и умение сыграть головой. Матч с «Пахтакором» закончился вничью 2 : 2, и Риордан с гордостью отмечал¹, что оба гола «Спартаку» были забиты с флангов, а в середине обороны никто из ташкентцев не смог прорваться к воротам.

Через неделю после игры против «Пахтакора» Риордан сохранил свое место центрального защитника в игре против «Кайрата». Тот матч закончился со счетом 1 : 0 в пользу «Спартака». Риордан утверждал, что знаменитый спартаковский тренер несколько недель включал его в число запасных на матч, прежде чем подобная практика закончилась². Странность этого рассказа англичанина состоит, впрочем, в том, что матчи, закончившиеся с указанным счетом с «Пахтакором» и «Кайратом» в апреле 1963 года, «Спартак» проводил на выезде, соответственно в Ташкенте и в Алма-Ате. В официальных протоколах этих футбольных матчей фамилии Йорданова не числится. Когда же корреспондент английской газеты «Гардиан» решил уточнить, насколько подробно Джеймс Риордан помнит описанное, Риордан стал жаловаться на память³. Можно сделать предположение, что Джеймс Риордан выступал за дубль «Спартака», протоколы матчей которого не сохранились.

После охлаждения к идеям коммунизма и возвращения в Англию в 1965 году Джеймс Риордан продолжил играть в футбол, но только в восьмом дивизионе за клуб «Докуард», и в то же время он успешно строил свою ученую карьеру профессора-советолога, исследователя и писателя. Риордан последний раз возвращался в Москву в 2005 году, дал интервью радио BBC и рассказал, что ему было больно, что многие из бывших игроков «Спартака», уже пожилые люди, отказались встретиться с ним и даже просто признать его. Только один из них, Галимзян Хусаинов, встретил его словами: «Сколько лет, сколько зим». Так что, к сожалению, история появления английского футболиста Якова Йорданова в московском «Спартаке» в 1963 году остается весьма темной и недоказанной, а сам профессор Джеймс Риордан скончался в 2012 году, оставив потомкам свои работы по истории спорта.

¹ Riordan, J. (2009). *Comrade Jim: The Spy who played for Spartak*. Harper Collins UK.

² Ibid.

³ O'Flynn, K. (2006). *Introducing the first Briton ever to play in the USSR*.

СПОРТ И ХОЛОДНАЯ ВОЙНА В США

«Изнеженные американцы» по Джону Кеннеди

Между избранием президента США в начале ноября и церемонией вступления президента в должность 20 января следующего года проходит два с половиной месяца. Самый молодой и по счету тридцать пятый президент США Джон Ф. Кеннеди заполнил этот промежуток времени до въезда в Белый дом разными делами, но в том числе и написанием любопытной статьи, которая была опубликована в одном из самых популярных американских спортивных журналов *Sports Illustrated* 26 декабря 1960 года. В этом журнале обычно пишут о событиях в американском профессиональном спорте — бейсболе, баскетболе, американском футболе, хоккее, теннисе и гольфе. Наиболее популярный ежегодный номер этого журнала обычно содержит фотографии девушек-моделей в соблазнительных бикини. Однако статья Кеннеди не упоминала ни профессиональный спорт, ни моделей, ни бикини, да и вообще звучала как-то не по-спортивному — избранный президент назвал ее «Изнеженный американец» (*Soft American*). Название статьи можно, впрочем, перевести и как «слабый, дряблый» американец. О чем же поведал избранный президент Джон Кеннеди многомиллионной, в основном мужской, аудитории читателей журнала?

Статья начинается историческим экскурсом во времена Эллады, к истокам Олимпийских игр и рассуждениями о том, что еще в Древней Греции зародились физическая культура и спорт, которые являются основой здоровья, позволяют развивать и поддерживать физические кондиции, которые важны и в мирной жизни, но просто необходимы в условиях войны, чтобы уметь защитить свою Родину. Почти сразу же Джон Кеннеди переходит к теме, которая вызвала не только его беспокойство, но и волнение у его предшественника в Белом доме президента Дуайта Эйзенхауэра. Кеннеди пишет:

«Первые признаки снижения физических сил и способностей молодых американцев стали очевидными среди солдат Соединенных Штатов на ранних этапах войны в Корее. Второй показатель, основанный на текущих данных, свидетельствует о том, что почти каждый из двух молодых американцев в настоящее время бракуется армейскими медкомиссиями как психически или физически непригодный. Наиболее яркой иллюстрацией общего спада в физической подготовке американской молодежи оказались результаты 15-летнего исследования докторов Ганса Крауса и Сони Вебер, которые проводили тесты пофизической подготовке 4264 детей в США

и 2870 детей в Австрии, Италии и Швейцарии. Полученные данные показали, что, несмотря на наш беспрецедентный уровень жизни, несмотря на наше хорошее питание и наши многочисленные игровые площадки, несмотря на наш акцент на школьной физкультуре, американская молодежь далеко отстала от европейцев по физической культуре. В шести нормативах по мышечной силе и гибкости 57,9 % американских детей не смогли справиться с одним или несколькими из этих испытаний, в то время как лишь 8,7 % европейских подростков провалили эти нормативы. Особенно разочарующими оказались результаты по пяти силовым нормативам: 35,7 % американских детей не смогли выполнить один или нескольких из них, в то время как только 1,1 % европейцев не справились с ними, и среди австрийской и швейцарской молодежи процент неудач составил всего 0,5 %»¹.

Далее Джон Кеннеди пишет о том, что его предшественник в Белом доме президент Эйзенхауэр создал Совет по делам молодежи и спорта на уровне министерства, а также сформировал Консультативный комитет по физической подготовке американской молодежи, состоящий из видных граждан США, заинтересованных в этом вопросе. Кеннеди пишет, что сдвиги в положительную сторону вроде бы должны быть — вопросы физической культуры американской молодежи обсуждаются на форумах, в комитетах и в ведущих изданиях страны, одобрена и получила широкую огласку программа физической подготовки из десяти пунктов; американские школы стали уделять повышенное внимание физической подготовке своих студентов. Однако тем не менее объективные показатели физической подготовки молодых американцев, будущих призывников, не улучшились. Так, сдача спортивных нормативов, проведенная в Великобритании и Японии, показала, что молодежь этих стран физически значительно лучше подготовлена, чем американские подростки. Сдача же нормативов первокурсниками Йельского университета показала последовательное снижение уровня физподготовки молодых американцев — чуть больше половины студентов-первокурсников справилась с нормативами в 1951 году, 43 % сумели сдать нормативы в 1956 году и лишь 38 % осилили нормативы в 1960 году.

Джон Кеннеди делает вывод о том, что значительное количество молодых людей в США стали слишком изнеженными. Снижение доли физического труда, массовая автомобилизация, сидячий образ жизни и, особенно, проведение длительного времени на диване перед телевизором — все это негативным образом сказывается на физических кондициях молодых американских мужчин. Надо ска-

¹ Kennedy, J. F. (1960). The soft American. Sports Illustrated, 13(26), 14–17.

зять, что о физической подготовке американских девушек в статье вообще речи не идет, что и понятно — на тот момент женщины в американской армии занимали лишь должности клерков, и их физическая подготовка никак не сказывалась на боеготовности армии. Далее избранный президент переходит к анализу связи между физподготовкой граждан и безопасностью страны:

«На протяжении всей нашей истории нам угрожали войной государства, которые стремились уничтожить нашу независимость и нашу свободу. Молодые американцы вставали на защиту страны, испытывая все суровости и тяготы войны. Однако выносливость и сила, необходимые для защиты нашей свободы, не могут быть выработаны за несколько недель или месяцев тренировок. Должная подготовка молодых американцев предопределяется занятиями физической культурой и спортом в течение всего периода роста и взросления. Наша борьба против захватчиков на протяжении всей нашей истории была выиграна на спортплощадках и игровых полях Америки»¹.

Хотя в холодной войне к декабрю 1960 года наступила определенная пауза, Джон Кеннеди тем не менее делает акцент на угрозах для американского общества, исходящих, по его мнению, от Советского Союза: «Наша растущая мягкость, наш растущий дефицит физической культуры, являются угрозой для нашей безопасности... Нам противостоит Советский Союз, мощный и непримиримый противник, полный решимости показать человечеству, что только коммунистическая система обладает энергией и настойчивостью, стремлением к прогрессу и к ликвидации нищеты и нужды. Для того чтобы встретить вызовы со стороны этого врага, потребуются решимость, воля и усилия со стороны всех американцев»².

Кеннеди полагал, что физическое здоровье американских граждан является важной предпосылкой для реализации Соединенными Штатами своего предназначения как нации, а также и для реализации возможностей каждого отдельного гражданина США, для полного и плодотворного использования его потенциала. Он считал, что настало время принять общенациональную программу США по улучшению физических кондиций всех американцев, и выдвинул четыре конкретных предложения:

«1. Создать при Белом доме (т. е. при администрации президента США. — А. Р.) комитет по здоровью и физической подготовке, чтобы разработать и осуществить программу по улучшению физического состояния нации. Этот комитет будет включать министров по вопросам здравоохранения, образования и социального обеспечения,

¹ Ibid.

² Ibid.

а также министра внутренних дел. Исполнительный указ о создании комитета будет содержать четкую формулировку цели его работы; комитет будет координировать свою деятельность со многими федеральными программами, которые имеют прямое отношение к проблеме физической подготовки.

2. Департамент здравоохранения, образования и социального обеспечения должен нести прямую ответственность за физическую подготовку нашей молодежи. Этот департамент должен проводить исследовательскую работу, через Управление образования и национальные научно-исследовательские институты в области здравоохранения, для разработки программ по физическому воспитанию государственных школ страны. Результаты этих исследований должны быть доступными для всех заинтересованных лиц. Кроме того, Департамент здравоохранения, образования и социального обеспечения должен использовать все имеющиеся средства, чтобы решить проблему недостаточной физической подготовки молодежи и рассмотреть ее в качестве основной проблемы поддержания здоровья.

3. Губернатору каждого штата будет предложено участвовать в ежегодном национальном конгрессе по вопросам молодежной физической культуры. Эти конгрессы будут обсуждать прогресс, который был достигнут в развитии физической культуры за предыдущий год, будет проводиться обмен опытом по совершенствованию существующих программ по физической подготовке, составленных Департаментом здравоохранения, образования и социального обеспечения. Наши штаты будут шире участвовать в таких программах, чтобы предоставить американской молодежи все возможности для всестороннего умственного и физического развития.

4. Президент США и все департаменты американского правительства должны четко понимать, что содействие в продвижении спортивной и физической подготовки является одной из основных целей политики Соединенных Штатов. Предоставляя такое лидерство, выделяя физическую подготовку в качестве первостепенной задачи страны, федеральное правительство сможет внести существенный вклад в дело улучшения здоровья и бодрости наших граждан»¹.

В своей предвыборной кампании Джон Кеннеди подчеркивал, что страна за восемь лет правления республиканцев при президенте Эйзенхауэре постепенно утратила боевой настрой, и увязывал этот процесс с кризисом американской мускулинности, когда США и ее граждане, при избытке материальных благ, стали изнеженными не только физически, но и духовно². Собственно о кризисе мускулин-

¹ Kennedy, J. F. (1960). The soft American. *Sports Illustrated*, 13(26).

² Dean, R. D. (1998). Masculinity as ideology: John F. Kennedy and the domestic politics of foreign policy. *Diplomatic History*, 22(1), 29–62.

ности в США говорили и многие другие политики, включая сенатора Джозефа Маккарти. В 1958 году профессор Гарвардского университета Артур Шлезингер написал работу, которую он так и назвал «Кризис американской мускулинности»¹. В ней Шлезингер писал о расслабленности американского общества, опасности чрезмерных материальных благ, феминизации американских мужчин, росте культуры гомосексуализма в США как о прямых и потенциальных угрозах для страны. Позже Артур Шлезингер работал спичрайтером во время предвыборной кампании Джона Кеннеди, а после выборов получил должность специального помощника Джона Кеннеди в Белом доме и во многом формулировал идеологию новой администрации. Таким образом, можно сказать, что новый молодой президент США одновременно разделял и использовал в политических целях страхи американского общества относительно постепенного снижения физической и духовной силы и мощи нации, что могло привести к утрате американского влияния за рубежом.

В самом конце статьи Джон Кеннеди несколько смягчает свой послы, напоминая о том, что США свободная страна и в ней граждане вовсе не принуждаются тренировать свои тела с тем, чтобы непременно проживать свою жизнь во имя целей своей страны и при необходимости пожертвовать собой во благо родины. Кеннеди тем не менее призывал американцев помнить, что отнюдь не мягкотелость, а лишь хорошая физическая закалка позволит каждому гражданину США сохранить и отстоять свою личную свободу и свободу своей страны.

Документальные фильмы о физической подготовке в школах США в 1950-х годах

В 1951 году, в самый разгар войны в Корее (1950–1953), американская киностудия «Коронет Филмс» выпустила фильм под названием «Getting Ready Physically» («Будь готов физически») о физической подготовке старшеклассников, которые в дальнейшем должны проходить службу в армии по призыву. Фильм был создан по заказу Национальной образовательной ассоциации США, Американского совета по образованию и Министерства обороны США и предназначался для широкого показа в американских школах. Напомним, что обязательная служба в американской армии по призыву сохранялась до начала 1970-х годов и была отменена в результате массовых

¹ Schlesinger Jr, A. (1958). The crisis of American masculinity.

протестов против войны во Вьетнаме и посылки туда американских призывников.

Короткий учебно-документальный фильм начинается с кадров, рассказывающих о непростых условиях несения службы в американских ВВС, ВМФ, а также в подразделениях морской пехоты. Показаны кадры с эсминца ВМФ, видеоотчет парашютного десантирования морских пехотинцев США, слаженные действия батальона во время учебной химической атаки. Голос за кадром утверждает уверенным тоном, что все призывники должны быть готовы к высоким физическим требованиям, предъявляемым к служащим вооруженных сил США. Это, продолжает голос за кадром, относится к таким качествам, как выносливость, сила, ловкость, координация движений, способность переносить длительные переходы в полном обмундировании, переноска тяжестей и пр. В это время на экране показывают передвижение американской пехоты на лыжах в белых комбинезонах, по-видимому, где-то на Аляске, в приарктических условиях, а затем в кадре появляются американские пехотинцы, бодро марширующие по жаре в пыльной пустыне в Аризоне. Далее повествователь утверждает, что слабо подготовленные американские старшеклассники после призыва в армию будут испытывать дополнительные боли в мышцах, истощение, могут получить растяжения и вывихи и не будут готовы, если потребуется, защитить свою жизнь или жизнь боевого товарища.

Фильм бодро заявляет, что у пятнадцатилетних учеников IX класса предостаточно времени, чтобы правильно подготовить себя физически к службе в армии, у учеников X класса также есть еще в запасе три года, американским одиннадцатиклассникам поздно раскачиваться и тут же надо приступать к укреплению своей физической готовности, а вот выпускникам школы, т. е. учащимся XII классов, которым уже 18–19 лет, времени наверстывать упущенное в физподготовке уже не остается. Далее говорится о необходимости прохождения старшеклассниками всестороннего медицинского осмотра, включая анализ крови и мочи, санацию зубов, проверку зрения и слуха и функционального состояния сердца и легких. После этого в фильме перечисляются спортивные нормативы, которые старшеклассники должны быть в состоянии выполнить. К ним относятся: лазанье по канату на руках, без поддержки ногами, на высоту 5 метров, подтягивание на перекладине не менее 6 раз, отжимание также не менее 6 раз, переход из положения лежа на спине в сидячее положение с руками за головой с помощью мышц брюшного пресса — 45 раз, прыжок с места в длину на расстояние не менее 2,10 метра (здесь, как и в других примерах, мы переводим футы и дюймы в метрическую систему), бег на 300 метров за 43 секунды, метание softball-

ного мяча на расстояние 53 метра, умение продержаться лежа на воде не менее двух минут, плавание на расстояние 40 метров без норматива времени, а также выполнение прыжка в воду с трехметровой вышки в верхней одежде с последующим покиданием бассейна или водоема своими же силами.

Заметим, что нормативы для американских старшеклассников в целом похожи на нормы ГТО в СССР, хотя и с отличиями. Например, лазанье по канату в СССР предполагало использование ног для поддержки, норматив по отжиманию был существенно выше и использовался как норматив для девочек и девушек, но не юношей. Для советских юношей призывного возраста норматив по подтягиванию на перекладине предполагал выполнение этого упражнения не менее 8 раз на серебряный значок и 10 раз на золотой. В последней, уже постсоветской, редакции требования ГТО по подтягиванию возросли: теперь подтянувшийся 9 раз юноша 16–17 лет выполнит норму на бронзовый значок, 11 раз — на серебряный значок и 14 раз — на золотой. В советской системе ГТО отсутствовало задание по переходу из положения лежа на спине в сидячее положение с руками за головой с помощью мышц брюшного пресса. Требования американских нормативов в беге на 300 метров за 43 секунды и в метание мяча на 53 метра превышали требования советской системы ГТО. Хотя точно сопоставить американские и советские нормативы представляется затруднительным, но, например, в ГТО предусматривалось метание учебной гранаты, что, конечно, отличается от метания софтбольного мяча. Прыжки в воду в верхней одежде также не использовались в системе ГТО.

Американский учебный фильм призывает каждого старшеклассника призывного возраста разработать для себя программу индивидуальной физической подготовки и следовать ей. Сюда входят не только физические упражнения, но и правильное питание, полноценный отдых, соблюдение норм гигиены и пр. В фильме подчеркивается важность для старшеклассников участия в командных играх, таких как американский футбол, баскетбол и бейсбол, ибо они вырабатывают физические навыки, укрепляют чувство коллективизма, умения работать сообща, которые необходимы для будущих солдат. Весь фильм пронизан духом оптимизма и уверенности в том, что американским старшеклассникам по силам правильно и вовремя подготовить себя физически для службы в армии. Хотя холодная война, военные действия в Корее и в других частях мира не упоминаются в фильме, у зрителей остается ощущение необходимости и даже неизбежности того, что старшеклассникам придется служить в армии и защищать интересы США с оружием в руках.

Здесь имеет смысл сказать несколько слов о системе призыва в американскую армию в период корейской войны, тем более что чуть позже, когда речь пойдет о вьетнамской войне, сама призывная система в США несколько поменяется. По закону о призыве 1948 года, все американские мужчины в возрасте от 18 до 26 лет должны были встать на учет на призывных участках и могли быть призваны либо на активную военную службу сроком до 21 месяца, либо в качестве резервистов на срок до 5 лет¹. Во время корейской войны (1950–1953) через военкоматы было призвано около полутора миллиона человек, и еще около миллиона трехсот тысяч молодых американцев пошли служить в качестве добровольцев, в основном выбирая флот и авиацию США. На годы корейской войны пришелся период демографического спада в США, так как это было поколение детей времен Великой депрессии, когда количество новорожденных резко упало. Тем не менее во время корейской войны некоторым категориям американцев предоставлялась отсрочка от службы: женатые мужчины, вне зависимости от наличия детей, имели право на отсрочку от призыва, а также студенты, которые получали университетское образование, но лишь до окончания текущего учебного года. Примечательно, что во время корейской войны в США практически не было протестов по поводу призыва в армию, что кардинально изменится в разгар вьетнамской войны.

В фильме 1951 года ни слова не говорится о физической подготовке американских девушек-старшекласниц. Учебный фильм полностью ориентирован на мужскую аудиторию, и на экране вообще не появляются женщины. С феминистической точки зрения этот факт, пожалуй, отражает атмосферу дискриминации женщин в США в начале 1950-х годов. Добавлю, что в этом также проявляется одно из главных отличий между американской и советской системой подготовки старшеклассников. Хотя в СССР не предусматривалась служба женщин по призыву в армии, но физподготовка девушек, причем с военизированным уклоном, в СССР велась самым серьезным образом. Это отражается и в нормах ГТО, например, в нормативах стрельбы для девушек из малокалиберной винтовки или в метании учебной гранаты. Ситуация с привлечением женщин в армию в США начнет меняться в конце 1960-х — начале 1970-х годов, в период борьбы за равные социальные права, в том числе и за право служить в вооруженных силах США вне зависимости от половой принадлежности, когда впервые во все военные академии США начнут принимать девушек в качестве кадетов и будущих офицеров.

¹ Chambers, J. (1987). *To Raise an Army: The Draft Comes to Modern America*. New York: Free Press.

Другой короткий американский документальный фильм 1962 года, который также заслуживает краткого разбора, посвящен системе физического воспитания в одной из калифорнийских школ *High School*. Фильм продолжительностью всего около 80 секунд демонстрировался в американских кинотеатрах в качестве журнала, перед показом художественных фильмов. Вначале на экране появляется подтянутый директор по физвоспитанию Стэн Ле Протти со свистком в зубах. По свистку десятки старшеклассников в спортивных трусах с голым торсом дружно выскакивают на полосу препятствий и коллективно, в высоком темпе, проходят ее.

Значительная часть полосы препятствий состоит из разновысоких турников, соединенных параллельными брусками, по которым на руках быстро передвигаются мускулистые школьники. Одним из необычных и сложных препятствий на полосе становится стена с круглыми пазами, которые идут вверх по всему протяжению стены. У старшеклассников имеется по две округлых палки, размером с палку для городошных фигур. Вставляя эту палку в паз в стене, старшеклассники подтягиваются на одной руке и вставляют палку в следующий паз другой рукой на большей высоте, преодолевая таким образом пятиметровую стену. В это время голос за кадром утверждает, что руководители этой школы откликнулись на призыв президента (имеется в виду президент Дж. Кеннеди. — А. Р.) и разработали систему физической подготовки, которая приводит к отличному результату. Далее утверждается, что даже наименее атлетичные юноши прекрасно развивают свою мускулатуру по этой системе.

Зрителю поясняют, что калифорнийская школа *Sierra High* разработала эффективную систему мотивации учащихся для достижения успехов в физподготовке. После выполнения нормативов на более высоком уровне старшеклассникам выдают футболки определенного цвета, соответствующие той или иной степени сложности выполненного норматива. В последние тридцать секунд короткого фильма голос за кадром говорит, что нормативы в этой школе выше, чем требования по физической подготовке, предъявляемые к кадетам в одной из наиболее элитных военных академий США — академии ВМФ США в Аннаполисе. В самом конце фильма подчеркивается, что отличная физическая готовность — это не только работа по развитию мускулатуры и выносливости, но и то, что приносит чувство удовлетворения молодому человеку. В заключение фильма показано, как юноши в плавках с разбега бросаются на специальные резиновые дорожки, залитые водой, и скользят на голых животах, проезжая по этим дорожкам метров 10–15. Эта сцена чем-то напомнила выступление тюленей в цирке, которые проделывают тот же фокус перед зрителями. Интенсивные занятия физкультурой

американскими старшеклассниками должны были помочь с кризисом мускулинистив США и перезапустить процесс подготовки сильных и волевых защитников американской родины.

**Союз свободных восточноевропейских спортсменов.
Из истории идеологического противостояния
между СССР и США в 1952 году**

Советская команда готовилась к XV Олимпиаде в Хельсинки 1952 в условиях холодной войны. Не стоит забывать и про вполне реальную «горячую» войну — в начале 1950-х годов полным ходом шли военные действия на Корейском полуострове. Для участия в Олимпийских играх в Хельсинки советские спортивные федерации по отдельным видам спорта и Спорткомитет Советского Союза должны были дать гарантию общекомандной победы на Олимпиаде: «Если бы против СССР не была развязана холодная война, если бы западная пресса не вела против нас разнузданную, антисоветскую кампанию клеветы, вопрос об участии в 20 видах спорта на Олимпийских играх решался бы значительно проще. Мы помнили олимпийский девиз, что на Олимпиаде главное не победа, а участие в соревнованиях, и полностью его разделяли и готовились. Но реальная обстановка требовала определенных твердых гарантий победы на Олимпийских играх. И когда пришло время, комитет их дал с убежденностью в успехе»¹.

Атмосфера холодной войны на Олимпиаде ощущалась далеко не только советскими официальными лицами. Постоянное сопоставление по типу «мы и они» присутствует во многих репортажах из финской столицы. «Что касается железного занавеса, то ощущение свободы в Хельсинки показывает, что этот город явно на стороне Запада. В газетах свободно высказывается любое мнение, как во Франции или Англии. Полная свобода слова. И конечно, нет никакой секретной полиции с микрофонами, спрятанными под кроватями», — пишет корреспондент английской газеты с Олимпиады в Хельсинки². «Самой распространенной фразой на предыдущих Олимпиадах в Париже, Амстердаме, Лос-Анджелесе, Берлине и Лондоне была “протесты, протесты, протесты”, на этой Олимпиаде в ходу другая фраза — “политика, политика, политика», — с некоторым разочарованием пишет корреспондент другой английской газеты о массовом проникновении политики в спорт³.

¹ Романов, Н. Н. Трудные дороги к Олимпу. С. 150.

² Daily Mail, 19 July 1952.

³ Daily Express, 18 July 1952.

Идеологическое спортивное противостояние между СССР и США принимало разные формы. Например, вопрос о том, кто именно может и должен представлять спортивные интересы той или иной страны, приобретал все более острую форму в начале 1950-х годов. Незадолго до открытия Олимпиады в Хельсинки в МОК поступила просьба от недавно созданной организации Союза свободных восточноевропейских спортсменов участвовать в олимпийских соревнованиях¹. От имени этой организации заявку в МОК подал венгерский иммигрант, проживающий в США, Томаш де Марфи-Мантуано. Эту заявку МОК отклонил по формальному принципу, так как по правилам международного Олимпийского комитета все команды на Олимпиаде должны были представлять конкретные страны и должны были быть сформированы национальными Олимпийскими комитетами этих стран.

Любопытным здесь является то, что Союз свободных восточноевропейских спортсменов (ССВС), который по своему уставу должен был объединять всех спортсменов-иммигрантов из Восточной Европы, финансировался Национальным комитетом «Свободной Европы» — организацией, которая, в свою очередь, была создана и финансировалась правительством США². Еще в 1947 году американский Национальный совет по безопасности одобрил стратегию по проведению секретных операций по сдерживанию распространения советской идеологии и пропаганды³ и поручил осуществление этой стратегии вновь созданному и хорошо финансируемому Совету по политической координации при ЦРУ. Во многом эта стратегическая линия была инспирирована взглядами известного дипломата и политолога, работника Госдепартамента и американского посла в СССР Джорджа Кеннана. Стратегия ЦРУ подразумевала создание государственных, полугосударственных и частных организаций, которые должны были не напрямую, скрытно поддерживать американский внешнеполитический курс и бороться против советской экспансии.

Одной из таких организаций стал Национальный комитет «Свободная Европа» (НКСЕ), сформированный в 1949 году в Нью-Йорке. В задачи НКСЕ входило использование иммигрантов из стран Центральной и Восточной Европы для создания политической силы, которая могла бы противостоять распространению

¹ Rider, T. C. (2013). Political Warfare in Helsinki: American Covert Strategy and the Union of Free Eastern European Sportsmen. *The International Journal of the History of Sport*, 30(13), 1493–1507.

² Ibid. P. 1494.

³ Lucas, Scott, and Mistry Kaeten. “Illusions of Coherence: George F. Kennan, U. S. Strategy and Political Warfare in the Early Cold War, 1946–1950.” *Diplomatic History* 33, no. 1 (2009): 40–41.

советской идеологии и советского влияния. Хотя НКСЕ секретно финансировался через ЦРУ аж до 1971 года, широкой американской и европейской общественности эта организация была известна как сугубо частная и филантропическая, в которую вошли известные американцы, выступающие против «коммунистической заразы». В частности, в начале 1950-х годов в НКСЕ входили видные американские политические деятели, такие, как будущий президент США Дуайт Эйзенхауэр и будущий директор ЦРУ Аллен Даллес. Президентом НКСЕ в 1951–1952 году был генерал К. Д. Джексон — известный не только как отставной военный, но и как американский публицист, дипломат, а также специалист по психологической войне.

Одним из широко известных направлений работы НКСЕ было создание в 1950 году и управление деятельностью «Радио Свободной Европы» — важным пропагандистским инструментом США в европейской политике. Другой весьма красочной акцией НКСЕ стал запуск 350 тысяч воздушных шаров над странами Восточной Европы, наполненных листовками прозападного содержания¹. Каждый воздушный шар начинался более 100 тысячами листовок и затем разрывался на определенной высоте над Польшой, Венгрией или Чехословакией². Идеологическая работа в области спорта представлялась еще одной перспективной сферой усилий НКСЕ.

Так, вскоре после своего создания НКСЕ без долгих раздумий начал спонсировать Венгерскую национальную спортивную федерацию, которая была образована совсем не в Венгрии, а в Нью-Йорке, как и НКСЕ, в 1949 году по инициативе венгерского иммигранта графа Антони Шаропи. В организацию приглашали вступить венгерских спортсменов-иммигрантов, которые могли бы соревноваться в своих видах спорта и, что особенно важно, поведать из первых уст о притеснении спортсменов в странах народной демократии. Когда годом позже был создан Союз свободных восточноевропейских спортсменов, НКСЕ стала спонсором и этой организации. Союз свободных восточноевропейских спортсменов (ССВС) включал иммигрантов из десяти стран, «порабощенных Кремлем»: Албании, Болгарии, Чехословакии, Венгрии, Эстонии, Латвии, Литвы, Польши, Румынии и Югославии. Чтобы привлечь внимание к вновь созданной организации, в Нью-Йорке, в отеле «Уелин» был организован прием, на который помимо спортсменов были приглашены функционеры из Государственного департамента США, отставные военные и другая публика. Также приглашение было послано и президенту

¹ Rider, T. C. (2013). Political Warfare in Helsinki: American Covert Strategy and the Union of Free Eastern European Sportsmen. *The International Journal of the History of Sport*, 30(13), 1493–1507.

² Ibid. P. 1496.

американского НОК Эйвери Брандеджу, который, впрочем, на прием не явился¹.

ССВС оказался достаточно представительной организацией. Среди спортсменов, которые вошли в ССВС, было 16 бывших олимпийских чемпионов, 20 чемпионов мира по различным видам спорта. Представитель ССВС Питер Зерковиц резко критически высказался о мотивах СССР участвовать в Олимпиаде 1952 года. Он заявил, что спортивные результаты советских спортсменов сфальсифицированы, что соревнования между братскими странами народной демократии всегда подстраиваются в пользу СССР, что советские спортсмены получают денежное вознаграждение в нарушение принципов олимпизма и что они побоятся выступить против американцев. Зерковиц там же добавил: «Русские как дети, они не умеют проигрывать с достоинством»². Это интервью быстро разошлось по многим американским газетам. Рассказы о восточноевропейских атлетах-иммигрантах подхватили и «Радио Свободная Европа», и «Голос Америки».

Спортсмен-иммигрант из Восточной Европы, который мог бы состязаться в соревнованиях против своих бывших сопатриотов, пускай даже под флагом капиталистической страны, выглядел важным и убедительным орудием антисоветской пропаганды. Для деятелей Национального комитета «Свободной Европы» представлялось не менее важным рассказать в передачах «Радио Свободная Европа» и «Голос Америки», как и почему спортсмены из Восточной Европы предпочли жить и тренироваться на Западе. Особенно было бы желательно появление таких «изгнанных спортсменов» на Олимпийских играх; однако здесь и заключалась сложность — действующая Олимпийская хартия этого не допускала. Венгерский граф Антони Шаропи обратился в мае 1950 года с письменной просьбой к Эйвери Брандеджу поднять вопрос на заседании МОК о возможности участия венгерских спортсменов-иммигрантов в спортивных соревнованиях под эгидой МОК.

Вопрос об участии спортсменов-иммигрантов из Восточной Европы активно будировался в передачах «Радио Свободная Европа». Президент НКСЕ Джексон предложил на деньги своей организации (другими словами, на деньги ЦРУ) спонсировать участие в Олимпиаде 1952 года 30–35 лучших спортсменов-иммигрантов из Восточной Европы³. Эйвери Брандедж, сославшись на Олимпийскую хартию, заявил о невозможности участия спортсменов без гражданства на Олимпийских играх. Тем не менее на 46-й сессии МОК в Осло в 1951 году представитель венгерских спортсменов-иммигрантов

¹ Ibid. P. 1500.

² Ibid. P. 1501.

³ Ibid. P. 1498.

Марфи-Мантуано представил просьбу об участии в Олимпиаде-1952, которая была отвергнута с той оговоркой, что программа Олимпиады в Хельсинки 1952 года была уже полностью согласована, а вот в отношении участия в следующей Олимпиаде в Мельбурне в 1956 году вопрос может быть рассмотрен позже, после окончания хельсинкских игр.

На специальной сессии МОК в Хельсинки ССВС повторил свою попытку добиться права на участие в Олимпиаде. Представитель ССВС Марфи обратился к членам МОК с прочувственной речью, говоря о «бедственном положении» изгнанных спортсменов. Он попросил МОК повлиять на международные спортивные федерации по отдельным видам спорта в вопросе признания изгнанных спортсменов, а также предложил, что ССВС могла бы участвовать в соревнованиях под эгидой Международного Красного Креста, или в качестве олимпийских атлетов без гражданства и флага, но под олимпийскими кольцами, или, возможно, даже через посредство таких нейтральных стран, как Швейцария или Греция¹. Исполнительный комитет МОК и в этот раз не принял положительного решения по петиции ССВС. Последний раз проникнуть в олимпийское движение ССВС предпринял в 1954 году на Генеральной сессии МОК в Афинах², где снова выступал Марфи с прежними аргументами, но и здесь ССВС постигла неудача. Таким образом, история с попытками внедрения Союза свободных восточноевропейских спортсменов в олимпийское движение закончилась безрезультатно. Примечательно то, что, судя по документам и стенограммам заседаний МОК, деятели международного олимпийского движения и не подозревали, что Союз свободных восточноевропейских спортсменов являлся креатурой ЦРУ и косвенно финансировался американским правительством.

Американские солдаты и офицеры на Олимпиаде в Хельсинки

Приблизительно через полтора года после окончания Олимпийских игр в Хельсинки, в январе 1954 года Пентагон выпустил документальный фильм об участии солдат и офицеров американской армии в Олимпиаде-1952. Фильм американского оборонного ведомства начинается видеоклипами из разных уголков мира, где располагаются американские военные базы, и ключевой фразой ведущего,

¹ Rider, T. C. (2013). Political Warfare in Helsinki. P. 1501.

² Ibid. P. 1502.

произнесенной уверенным мужским басом: «От Кореи до Германии, от Аляски до Пуэрто-Рико, во всем мире, американская армия находится в боевой готовности, чтобы защитить нашу страну, и вас — американских граждан, от агрессии!» (перевод с английского автора.) Затем на экране появляется сам ведущий — сержант Стюард Квин и объявляет о том, что на Олимпиаде 1952 года американские атлеты одержали командную победу в неофициальном подсчете очков (где учитывались результаты во всех олимпийских видах спорта и суммировались очки спортсменов, занявших с первого по шестое место). «Огромный вклад в эту победу внесли 80 американских солдат и офицеров, которые выступали за американскую национальную команду на Олимпиаде». Так сержант Квин представляет фильм об американских военнослужащих-олимпийцах, соревновавшихся в Хельсинки.

Затем на экране демонстрируются виды финской столицы и флаги 67 стран — участниц Олимпиады, среди которых был один атлет из Люксембурга, и самые многочисленные команды, представляющие США и СССР. Отмечается, что всем олимпийцам был предоставлен бесплатный проезд на хельсинкском трамвае и в специальных автобусах, курсирующих между стадионами и олимпийской деревней.

Далее в повествовании утверждается, что в олимпийской деревне в Хельсинки свои политические, расовые и религиозные различия спортсмены оставляют за пределами деревни, что напоминает древнегреческую традицию, когда во время Олимпиад прекращались все войны и распри. Примечательно, что в Хельсинки были возведены как минимум три олимпийские деревни: одна — для спортсменов-мужчин в Кяпюля (которую начали строить еще для несостоявшейся олимпиады 1940 года), другая — для участниц женских олимпийских соревнований в Мейлахти, где после Игр было размещено училище для медсестер, и третья — для советских спортсменов в Отаниеми. Американский репортаж продолжается из ресторана олимпийской деревни для мужчин в Кяпюля, где спортсменам были предложены блюда из пяти основных кухонь мира.

В фильме Пентагона практически не упоминаются женские соревнования, по-видимому, из-за того, что, во-первых, американские спортсменки не блистали в Хельсинки, за исключением нескольких видов легкой атлетики и прыжков в воду в отличие от советских участниц Олимпиады, которые внесли львиную долю медалей в копилку советской команды. Во-вторых, среди американских военнослужащих, участвовавших в Олимпиаде 1952 года, о которых и сделан фильм, просто не было женщин.

Во время просмотра фильма обращаешь внимание на то, что среди судей, тренеров, спортсменов и болельщиков значительное

количество людей носит военную форму. Например, на соревнованиях по плаванию и пятиборью все судьи-хронометристы одеты в военную форму. Отчасти это напоминает о недавно закончившейся Второй мировой войне, отчасти говорит о трудном и медленном послевоенном восстановлении экономики в Европе и очевидных проблемах с массовым производством одежды, но эти кадры также хорошо вписываются в общую атмосферу холодной войны.

Американская команда по гребле на Олимпиаде-1952 была в основном представлена спортсменами-армейцами, и в фильме показана и тренировка восьмерки, и сами соревнования по академической гребле, где как раз в финальном заезде восьмерок побеждают американцы, а советская команда остается на втором месте. Американская команда по современному пятиборью целиком состояла из спортсменов-офицеров, причем и при отборе в команду участвовали только военные. В фильме подробно рассказывается обо всех пяти видах этого соревнования и показано, как американцы, члены команды, чистят пистолеты накануне стартов. Пятиборцы, как утверждается в фильме, проходили 60-дневные тренировочные сборы на базе старейшей военной академии США в Вест-Пойнте. Обращаешь внимание на то, что это прямо противоречило Олимпийской хартии того времени с ее требованием, чтобы сборы для спортсменов-любителей, участников Олимпийских игр, не превышали срок в две недели.

Значительное количество американских военных выступило в легкоатлетических соревнованиях, чему также уделено место в фильме. В забеге на 200 метров (длина древнегреческой стадион — откуда, как известно, произошло и само слово стадион, о чем говорится в фильме) все призовые места достались американцам — недаром именно с этого состязания американский армейский фильм начинает рассказ о легкой атлетике на Олимпиаде. Забег выиграл Эндрю Стенфилд, превысивший олимпийский рекорд легендарного афроамериканского бегуна Джеймса Оуэнса, который, как известно, победил на Олимпиаде в Берлине в 1936 году, вызвав раздражение Гитлера, находившегося на трибуне.

Повествование в фильме плавно переходит к сравнению результатов между американскими и советскими спортсменами: «американские успехи в легкой атлетике равнялись советским результатам в гимнастике и женских соревнованиях», — утверждает фильм. И здесь на экране демонстрируется финал соревнований между восьмерками в академической гребле. Американская восьмерка полностью состоит из офицеров и курсантов военно-морской академии в Аннаполисе, где получают образование все будущие офицеры флота США. Американским гребцам удастся опередить советскую команду на 6 секунд. После соревнования русские спортсмены при-

гласили победителей-американцев в «коммунистическую деревню» на дружеский банкет, однако кадров о самом банкете фильм не попал. Н. Н. Романов, руководитель Спорткомитета, так описал эту встречу в своих мемуарах: «Хорошо прошла встреча с американскими гребцами, которая была проведена по инициативе экипажа восьмерки Соединенных Штатов без ведома руководства американской делегации. Эта встреча убедила спортсменов США, что советские спортсмены общительны, доброжелательны и всегда готовы укреплять дружеские отношения и контакты. Гребцы США прямо заявили, что никакого «железного занавеса» в лагере, где живут советские спортсмены, не существует»¹.

Также в армейском фильме показана церемония награждения в эстафете на 400 метров, где американцы получили золото, а советские спортсмены серебро, а также американские победы в плавании и в тяжелой атлетике, где американцам удалось опередить советскую команду по выигранным золотым медалям. Единственный из видов спорта, где американцы не завоевали медалей, было пятиборье, но здесь не преуспела и советская команда, которая, как уже указывалось, начала тренироваться по этому виду спорта совсем незадолго до начала Олимпиады. В фильме есть любопытный эпизод, когда в плавании американский пятиборец по ошибке сошел со своей дорожки, поднырнул под канат и переплыл на дорожку советского пятиборца. Советская команда подала протест с просьбой дисквалифицировать американца за это нарушение, однако судейский комитет отклонил просьбу.

В соревнованиях по бегу на 3000 метров с препятствиями в финале сошлись советский бегун Владимир Казанцев и американец Хорас Ашенфельтер, 27-летний агент ФБР. Владимир Казанцев был фаворитом этих соревнований, так как именно ему принадлежал мировой рекорд на этой дистанции — 8 минут 48 секунд. У Ашенфельтера был гораздо более скромный предварительный результат — 9 минут и 6 секунд. В финальном же забеге Ашенфельтер лидировал на протяжении почти всей дистанции, Казанцеву с трудом удалось догнать американца за 200 метров до финиша. Однако, споткнувшись о последний барьер, советский легкоатлет повредил ногу и упал в воду. Ашенфельтер опередил травмированного Казанцева и закончил дистанцию с новым мировым рекордом. Н. Н. Романов так пишет о последних метрах забега: «Превозмогая боль, В. Казанцев не сдался, продолжал упорную борьбу и сумел-таки завоевать серебряную медаль. В свои почти 30 лет В. Казанцев совершил невозможное, и его медаль для советской легкой атлетики

¹ Романов, Н. Н. Трудные дороги к Олимпу. С. 279.

очень дорога. В. Казанцев награжден орденом Трудового Красного Знамени»¹. Американские же создатели фильма, отметив упорство советского спортсмена, тут же с юмором заметили, что еще никогда агенты ФБР не позволяли следовать русским за собой так близко.

Некоторые виды спорта, весьма слабо развитые в США, стали объектом шуток в фильме. Так, например, во время рассказа о финале соревнований ходоков на 10 километров, в который не пробились американцы, комментатор высмеивает стиль ходьбы, утверждая, что в похожем стиле и именно таким шагом, как у олимпийцев-ходоков, после рабочего дня офисные клерки торопятся в пабы заказать пиво.

В фильме в основном были представлены те виды спорта, в которых с успехом участвовали американские спортсмены. Среди видов спорта, где не говорится ни про американцев, ни про советских спортсменов, оказался марафон, который выиграл легендарный чешский бегун Эмиль Затопек, завоевавший три золотые медали Олимпиады в Хельсинки и установивший олимпийские рекорды в беге на 5 и 10 тысяч метров и в марафоне. Советские любители легкой атлетики хорошо знали о непростом пути чешского бегуна в большой спорт: «Один из шестерых детей столяра из маленького моравского городка Копршивнице, Эмиль с 14 лет начал работать на обувном комбинате Бати. В годы фашистской оккупации ему пришлось выбирать между концентрационным лагерем и работой на вредном предприятии — силикатном заводе. Выходя из завода-душегубки, несмотря на тяжелую усталость, Затопек, для того чтобы сохранить здоровье, бегал по просекам ближайшего к городку леса. После освобождения Чехословакии он стал заниматься бегом на стадионе. Первый большой успех пришел к нему на лондонских Олимпийских играх 1948 года, когда он завоевал золотую медаль в беге на 10 000 метров. Через четыре года на Играх в Хельсинки Эмиль Затопек совершил подлинный подвиг, став олимпийским чемпионом трижды — на 5000, 10 000 метров и в марафонском беге. История Олимпийских игр знала до этого только одного спортсмена, победившего на трех, правда, несколько иных дистанциях. Это произошло на Олимпиаде 1924 года в Париже, а победителем был Пааво Нурми»².

Рассказывая о победителе в соревнованиях по прыжкам в воду с 10-метровой вышки, создатели пентагоновского фильма постарались внести очевидную пропагандистскую нотку. В соревнованиях победил натурализованный американец Самуэль Ли, кореец по происхождению, студент колледжа Оксидентал, проходящий служ-

¹ Романов, Н. Н. Трудные дороги к Олимпу. С. 189.

² Теннов, В. П. Моряк с Балтики. 1987.

бу в американских медицинских войсках. Повествователь с гордостью заключает, что Самуэль Ли «не просто завоевал медаль, но является живым примером равных возможностей, существующих в США для всех граждан, независимо от этнической принадлежности». Хотя к моменту выхода фильма на экраны в 1954 году активные военные действия на Корейском полуострове уже завершились, авторы фильма делают вполне ожидаемый акцент на победе Самуэля Ли.

Одним из последних видов спорта в фильме показан баскетбол. На Олимпиаде советская и американская команды встречались дважды — в четвертьфинале и в финале. Оба раза обедительно выиграли американцы 86 : 58 и 36 : 25. Фильм демонстрирует несколько игровых моментов, где успешно действуют американские спортсмены, исполняют броски из-под кольца и крюком; авторы фильма отмечают высокий рост и мастерство американских баскетболистов. Современному зрителю бросается в глаза то, что в американской команде в Хельсинки отсутствовали афроамериканские баскетболисты, хотя, как известно, еще в 1950 году, т. е. двумя годами ранее, НБА прекратила сегрегацию спортсменов по цвету кожи.

И в самом конце фильма зрители видят состязания на боксерском ринге, где американцам удалось выиграть 5 золотых медалей и обеспечить победу в общекомандном неофициальном зачете по очкам. Показаны отрывки из финального боя в категории до 63,5 килограмма между американцем Чарльзом Эдкинсом и советским боксером Виктором Медновым. Бой, как утверждает фильм, мог быть остановлен еще в середине третьего раунда, когда Меднов был потрясен несколькими сильнейшими ударами, однако судья дал спортсменам закончить бой с ударом гонга. Впрочем, несколько иная картина предстает, когда читаешь мемуары Н. Н. Романова. Описывая результаты боксерского турнира, он утверждал¹, что именно в этом виде спорта проявилась крайняя необъективность и ангажированность судей, которые напрямую «украли» несколько ключевых побед у советских боксеров и подсуживали американцам.

Конечно, появление мощной советской команды впервые на Олимпиадах серьезно поменяло расклад сил и отразилось не только на спортивных результатах. Как пишет один из исследователей, 1952 год был пиком антисоветской истерии в США², проявившейся, например, в законодательном ограничении иммиграции в США из СССР, хотя американские законодатели прекрасно представляли,

¹ Романов, Н. Н. Трудные дороги к Олимпу. С. 266.

² Turrini, J. M. (2010). The End of Amateurism in American Track and Field (Vol. 114). University of Illinois Press. P. 429.

что никакой массовой иммиграции из Советского Союза в это время нельзя было ожидать. Спортивное соперничество между США и СССР в годы холодной войны, как пишет Туррини, удобно укладывалось в своего рода дихотомию между добром и злом, плохим и хорошим и преподносилось американскими средствами массовой информации именно таким образом — исключительно в черно-белых цветах, без полутонов. Впрочем, следует сказать, что проанализированный нами американский армейский фильм об Олимпиаде 1952 года рисует более сложную картину, где патриотический рассказ о достижениях американских атлетов сочетается с весьма уважительным описанием спортивных результатов идеологического соперника.

Сами спортсмены попадали под влияние пропаганды и становились зачастую вполне сознательным рупором идеологических догм. Например, несколько лет спустя после хельсинкской Олимпиады, когда участие советских спортсменов в международных соревнованиях стало делом привычным, известный американский бегун на 400 метров с барьерами Эдди Сазерн заявил в интервью: «Я бы лучше умер, чем проиграл... я бежал не для того, чтобы завоевать пару очков, я бежал, чтобы победить русских»¹. Олимпийский чемпион в десятиборье американец Рафер Джонсон в конце 1950-х годов сформулировал схожую мысль следующим образом: «Это было не соревнование двух спортсменов, это был Коммунизм против Свободного Мира»².

Борьба за страны третьего мира через спорт: поездки известных американских спортсменов по заданию Госдепа

«Спортивная дипломатия стала неотъемлемой частью усилий по созданию и укреплению отношений между Соединенными Штатами и другими странами. Спортивная дипломатия использует универсальную страсть к спорту как способ переступить языковые и социально-культурные различия и объединить людей. Участие в спорте учит навыкам лидерства, работы в команде и навыкам общения, которые помогают молодым людям добиться успеха во всех сферах их жизни. Спортивный отдел бюро по образовательным и культурным программам Государственного департамента посвящен спортивной дипломатии, которая используется для расширения диалога

¹ Turrini, J. M. (2010). The End of Amateurism in American Track and Field. P. 430.

² Ibid.

и культурного взаимопонимания между людьми во всем мире. Использование спорта в качестве платформы помогает иностранным участникам проникнуть в американскую культуру, обеспечивая им возможность установления связей в США с их коллегами-спортсменами. В свою очередь, американцы узнают о зарубежных культурах и разнообразных проблемах, с которыми сталкиваются молодые люди из других стран сегодня. Спортивный отдел привлек тысячи людей из более чем 100 стран мира для спортивных обменов» — такими словами Бюро по образовательным и культурным программам при Государственном департаменте США приветствует посетителей своего официального веб-сайта в XXI веке.

Сама идея использования программ по спортивным обменов в дипломатических целях зародилась в США в начальные годы холодной войны. В 1954 году на встрече с президентом США Эйзенхауэром посланник США в ООН Генри Кабот Лодж высказал опасения относительно сверхактивности СССР в сфере культурных и спортивных обменов.

По сведениям Генри Лоджа, в 1950 году СССР направил за границу 39 тысяч спортсменов, ученых, писателей, художников, музыкантов и артистов. Советский бюджет составил около 150 миллионов долларов лишь на культурные обмены с Францией (в основном для поддержки французских коммунистов. — А. Р.) — больше, чем США потратил на все культурные обмены в тот год. Количество советских спортивных команд, отправленных за рубеж, выросло с 29 в 1950 году до 68 в 1953 году. В 1955 году американское правительство направило 15 культурных туров за границу, в то время как Советский Союз отправил 148 спортивных и культурных делегаций по всему миру¹.

Президент Эйзенхауэр внимательно выслушал своего посла и обратился к Конгрессу США с предложением создать фонд для дополнительного финансирования подобной деятельности. Конгресс одобрил пополнения к бюджету и выделил специальные средства для культурных и спортивных обменов. В 1956 году Конгрессом США был принят специальный акт о культурных обменах (International Cultural and Trade Fairs Participation Act of 1956), который узаконил финансирование культурных и спортивных обменов на последующие годы.

Акт 1956 года финансировал поездки как любителей, так и профессиональных спортсменов, команд, тренеров и спортивных менеджеров в основном в страны третьего мира. Поездки в Западную Европу с пропагандистскими спортивными целями не предусматривались. С 1954 по 1968 год более 500 групп американских спортсменов

¹ Thomas, D. L. (2012). *Globetrotting: African American Athletes and Cold War Politics*. University of Illinois Press. P. 83.

были отправлены в туры более чем по 100 странам мира для показательных выступлений и проведения мастер-классов. Многие члены этих спортивных делегаций были афроамериканцами, которые, по замыслу Государственного департамента Соединенных Штатов, наиболее ярко могли продемонстрировать американские ценности, процесс продвижения США по пути свободы и демократии и вовлечение расовых меньшинств, прежде всего афроамериканцев, в социальную структуру США на условиях равноправия.

На самом деле к середине 1950-х годов расовая дискриминация оставалась острой проблемой в США и для внутренней, и, особенно, для внешней политики. Как известно, с окончанием Второй мировой войны стал набирать обороты процесс деколонизации: с 1945 по 1968 год более 40 стран в Африке и Азии получили независимость. Между США и СССР развернулась борьба за идеологическое, политическое и экономическое влияние в освободившихся африканских и азиатских странах. В конце 1940-х годов представители Госдепартамента США подсчитали, что почти половина материалов советской пропаганды в странах третьего мира сосредоточена на акцентированном показе американской расовой дискриминации¹. Только Южно-Африканская Республика, союзник США в те годы, оказалась под еще более мощным огнем критики, чем Соединенные Штаты, в отношении политики расовой дискриминации в годы после окончания Второй мировой войны.

Известные американские деятели, такие как Уолтер Уайт, Ричард Никсон, А. Филип Рэндолф, Поль Робсон, Элеонора Рузвельт и госсекретарь Дин Раск публично заявляли, что крупнейшим сдерживающим фактором для Соединенных Штатов во внешней политике была внутренняя проблема расовой дискриминации. Посол США в Организации Объединенных Наций Генри Кэбот Лодж точно описал американские расовые отношения как «ахиллесову пяту» США в международных отношениях². Обретшие независимость народы Африки и Азии, и особенно нарождающаяся интеллигенция этих континентов, пристально следили за тем, как решаются расовые проблемы в США, как продолжается практика дискриминации и сегрегации афроамериканцев США, в которой, как многим казалось, проявлялось в целом американское отношение к нациям, где проживали люди с небелым цветом кожи.

Использование Госдепартаментом США спорта в борьбе за сердца и умы людей в бывших европейских колониях потенциально несло с собой еще один не совсем очевидный риск — риск быть еще раз обвиненным в неокOLONIALИЗМЕ и ПОСТКОЛОНИАЛЬНОЙ ЭКСПАНСИИ.

¹ Sports Illustrated 90, 10 May 1999, 96–97.

² Ibid.

Ведь практически все виды спорта, признаваемые МОК, зародились в Европе и Северной Америке и были перенесены на Африканский и Азиатский континенты и в Южную Америку в процессе колонизации и могут рассматриваться как историческое отражение процессов строительства империй, колониальной экспансии и экономического доминирования¹. Одновременно с внедрением европейских видов спорта в странах третьего мира отмирали исконные спортивные состязания.

Если посмотреть на олимпийские виды спорта, то там можно найти лишь пару видов спорта незападного, не европейско-американского происхождения: дзюдо и тэквандо. В программе Олимпийских игр мы не найдем виды спорта, многие из которых существуют целые столетия в странах Азии, Африки и Латинской Америки, например: сепактакрай (волейбол ногами), вушу, кабадди, дамбе, тайский бокс, капоэйра и многие другие. Здесь же заметим, что, несмотря на доминирование советских спортсменов в мировом спорте начиная с 1950-х годов, в программе Олимпийских игр мы не найдем исконных русских видов спорта, таких как лапта, городки или самбо. Поэтому визиты доброй воли американских спортивных звезд в баскетболе, теннисе, легкой атлетике в развивающиеся страны в 1950-е и 1960-е годы с точки зрения современной теории постколониализма можно было бы оценивать как продолжение политики культурной экспансии.

Остановимся на некоторых примерах выступлений американских спортсменов в 1950-е и 1960-е годы, многие из которых проходили в горячих точках холодной войны. Во многих случаях показательные выступления спортсменов США задумывались как попытка сгладить негативное впечатление от военно-политического вмешательства Соединенных Штатов в дела стран Африки, Азии и Южной Америки.

В 1954 году ЦРУ организовало военное вторжение в Гватемалу с целью свержения левоцентристского правительства президента Хакобо Арбенса Гузмана, который вскоре после выборов начал проводить в своей стране земельную реформу в пользу гватемальских крестьян. Реформы в Гватемале ущемляли интересы большого американского бизнеса, прежде всего акционеров небезызвестной компании *United Fruit Company*, в число которых входили и члены кабинета американского правительства. В ходе вооруженного вторжения самолеты наемников ЦРУ подвергли бомбардировкам города Гватемалы. 27 июня 1954 года президент Хакобо Арбенс был вынужден

¹ Besnier, N., Brownell, S., & Carter, T. F. (2017). *The Anthropology of Sport: Bodies, Borders, Biopolitics*. University of California Press. P. 47.

уйти в отставку и покинуть страну, получив политическое убежище в Мексике. В результате военного переворота, организованного и профинансированного ЦРУ, к власти в Гватемале пришел проамерикански настроенный полковник Кастильо Армас, отметившийся проведением жесткой репрессивной политики в отношении гватемальских трудящихся.

Летом 1956 года Госдепартамент США направил университетскую баскетбольную команду из Сан-Франциско «Доны» в турне по Латинской Америке. В баскетбольном турнире студенческих команд США «Доны» выиграла 55 игр подряд и стала чемпионом основной студенческой лиги США — NCAA (National College Athletic Association). В команду входил центровой Билл Рассел (в будущем — звезда НБА), афроамериканец ростом 2 метра 10 сантиметров, чье умение блокировать броски соперников и другие навыки в защите были важнейшими составляющими успешных действий команды из Сан-Франциско. В то время большинство баскетбольных тактиков считало, что, когда команда находится в защите, игрокам удастся немного передохнуть, так как большинство баскетболистов в защите не расходуют энергии на прыжки. Действия же на площадке Билла Рассела опровергали этот постулат и были примером активной защиты. Он старался заблокировать бросок соперника и откинуть заблокированный мяч товарищу по команде, иницилируя тем самым переход от защиты к нападению и быстрый прорыв к кольцу соперника¹.

В туре по Латинской и Южной Америке первая остановка «Доны» из Сан-Франциско была как раз в Гватемале, которая еще не начала оправляться от политического переворота. Баскетболисты из Сан-Франциско провели две успешные игры с местными командами, выиграв их с большим преимуществом и опередив соперников в среднем на 34 очка. Было очевидно, что силы соперников неравны, но, согласно отчету американского посольства, «гватемальские любители спорта смогли посмотреть два лучших баскетбольных матча из всех, что когда-либо проводились в этой стране»². Кульминацией визита в Гватемалу стало приглашение, направленное студенческой команде из Сан-Франциско, посетить резиденцию президента Гватемалы Кастильо Армаса, который слыл заядлым спортивным болельщиком и неплохим баскетболистом. Как уже говорилось, именно Кастильо Армас при поддержке ЦРУ провел операцию по свержению демократически избранного президента Хакобо Арбенса двумя годами раньше и тут же вернул гватемальские национализированные земли американской компании *United Fruit Company*, монополисту по производству бананов и ананасов, чьими акциями вла-

¹ Sports Illustrated 90, 10 May 1999, 96–97.

² Thomas, D. (2007). Let the games begin. P. 162.

дели многие видные американские политические деятели. После встречи с президентом Армасом игроки команды «Доны» вместе с гватемальскими игроками приняли участие в интервью на гватемальской правительственной телевизионной станции, которая затем показала пропагандистский фильм о спорте в Соединенных Штатах и интеграции в спорт афроамериканцев. Сотрудник американского посольства в США, составлявший отчет о турне студенческой команды из Сан-Франциско, подчеркнул зрелость игроков, их уровень приверженности американским идеалам и их выдающиеся баскетбольные навыки.

После Гватемалы баскетбольное турне «Доны» продолжили в Панаме и Сальвадоре. И в этих странах работники по связям с общественностью американских дипмиссий находили все новые слова для похвалы команды. Гарри Каслер, офицер по связям с общественностью в Панаме, написал в своем отчете, что «Доны» стала «примером реализации истинно демократических принципов в области спорта». Команда провела прекрасный мастер-класс за день до того, как ей предстояло сыграть и выиграть у панамской сборной со счетом 57 : 49, хотя к перерыву счет в матче был равный. Точно так же визит команды из Сан-Франциско был назван наиболее успешным мероприятием, организованным по программе обменов Государственного департамента США в Сальвадоре¹. Джин Карст, сотрудник американского посольства в Сан-Сальвадоре, отметил, что «Доны» своей игрой приобрела большое количество друзей для Соединенных Штатов.

В предыдущих спортивных турах, спонсируемых Госдепартаментом в Латинской Америке, слишком острое соперничество на площадке нередко порождало враждебность к Соединенным Штатам. Кроме того, не всегда объективное судейство или заносчивое поведение отдельных американских игроков могло оставить у местных болельщиков негативное впечатление и перечеркнуть пропагандистские усилия США. Во время турне «Донов» в Парагвае игра с командой «Олимпия» этой страны оказалась практически равной, и лишь на последних секундах команда из Сан-Франциско смогла вырвать победу 43 : 41 в Асунсьоне. Десять тысяч парагвайских болельщиков пристально следили за самым напряженным матчем в этом турне. Американские комментаторы подчеркивали, что, несмотря на проигрыш в два очка в этом в матче, местные болельщики остались довольны необычайным накалом матча и тем, как парагвайская команда проявила бойцовский дух и выступила против лучшей американской студенческой команды практически на равных.

¹ Ibid.

Чиновникам Госдепартамента, отвечающим за международные спортивные обмены, команда «Донов» из Сан-Франциско показала особенно привлекательной по своему расовому составу, так как тренер команды выпускал на площадку в стартовой пятерке сразу трех афроамериканцев: Рассела, Джонса и Перри. Сегодня, когда многие университетские команды, как и команды НБА, состоят в основном из афроамериканцев, появление трех чернокожих и двух белых игроков на баскетбольной площадке не представляет ничего удивительного, однако в середине 1950-х годов, когда в США еще не начался массовый процесс десеграции спорта, решение тренера многим американцам казалось слишком смелым. Тренер «Донов» Вулперт, которого Билл Рассел называл «прекрасным и достойнейшим человеком», получал по почте резко критические письма и угрозы от болельщиков. Американские любители баскетбола с неодобрением сравнивали Рассела, тренера «Донов», с основателем другого баскетбольного клуба *Harlem Globetrotters*, в котором играли только афроамериканские баскетболисты. Но подобное давление и угрозы не останавливали Вулперта, который выпускал на площадку в стартовом составе своих лучших игроков независимо от цвета кожи.

В турне по Южной Америке вместе с «Донами» поехал и талантливый афроамериканец Ноллс из университета Калифорнии в Лос-Анджелесе, так что на площадке часто появлялись сразу четыре чернокожих игрока. Госдепартамент хорошо рассчитал политический эффект от баскетбольного турне «Донов». В Гуаякиле, крупном городе Боливии, Генри Ли, сотрудник посольства США по связям с общественностью, написал в докладе, что были приложены все усилия, чтобы продемонстрировать расовую гармонию команды, так как большинство болельщиков на трибунах являлись афробольвицами. Публичная демонстрация духа товарищества между черными и белыми игроками придавали гораздо большую ценность турне «Донов», чем абстрактные рассуждения о расовой гармонии и карьерных возможностях для афроамериканцев в США.

Впрочем, в команде «Донов» далеко не все было безоблачно. Тренер Рассел позже писал в своей автобиографии, что когда его назначили в команду Сан-Франциско старшим тренером, он заметил, что среди игроков была заметна расовая вражда¹. В тот первый сезон команда не показала каких-либо выдающихся результатов, и, по мнению тренера, расовая напряженность была одной из причин. Сам университет Сан-Франциско имел давнюю историю и был основан в 1855 году монахами-иезуитами, которые выступали за гармо-

¹ Russell, W. F., & Branch, T. (1979). *Second Wind: The memoirs of an opinionated man.*

нию в расовых отношениях. Тренер Рассел полагал, что рекордную победную серию в 1955–1956 годах команде удалось провести именно после того, как игроки сплотились и расовые проблемы были решены.

Цель этого баскетбольного турне по Латинской Америке и подобных спортивных обменов доброй воли, организуемых Госдепартаментом, заключалась в содействии развитию баскетбола на международном уровне, а также в демонстрации успехов афроамериканцев в качестве полноправных граждан США перед болельщиками африканских стран, а также перед представителями африканской диаспоры в Южной Америке, чтобы развенчать «мифические представления» и советскую пропаганду об афроамериканцах как о жертвах расизма. Государственный департамент выражал надежду, что демонстрация материального процветания афроамериканских спортсменов, наглядный пример свободы слова и поддержки афро американскими спортсменами американской демократической капиталистической системы будут опровергать сложившиеся представления о расовой дискриминации в США. Основная идея спортивных турне состояла в том, чтобы подчеркнуть успехи на пути к достижению расовой гармонии в американском обществе.

Заметим, что Госдепартамент не затыкал спортсменам рот и не просил американских участников спортивных туров воздержаться от критики каких-либо аспектов жизни в США. Многие из американских спортсменов были настроены критически, несмотря на собственное благополучие. Обычно организаторы турне из Госдепа просили, чтобы спортсмены выражали веру в американскую демократическую систему, которая способна разрешить расовые противоречия и проблемы.

Можно говорить о весьма определенной направленности в усилиях Государственного департамента по трансформации международного понимания расовой динамики в США в условиях холодной войны. Усилия Государственного департамента включали: 1) дискредитацию риторики СССР и международных левых организаций, которые увязывали борьбу афроамериканцев и других расовых меньшинств США за равные права с борьбой народов Азии и Африки против колониализма и неоколониализма; 2) переосмысление борьбы в США против дискриминации и расовой сегрегации в рамках американской традиции демократического прогресса, а не в качестве составной части глобального антиколониального движения; 3) демонстрация успехов афроамериканцев в США в качестве доказательства американских устремлений к созданию такого общества, где расовая принадлежность не является основой для дискриминации и угнетения.

В нашей книге уже не раз отмечалось, что многие инициативы ЦК КПСС и Спорткомитета СССР проходили под грифом «секретно». Деятельность Госдепартамента США по организации спортивных турне в годы ранней холодной войны также не афишировалась. Государственный департамент часто был в состоянии скрыть свое участие в организациях международных спортивных туров, спортивных мастер-классов за рубежом, при отправке американских команд по тем или иным видам спорта за рубеж. Например, в случае баскетбола и легкой атлетики, двух самых популярных видов спорта в программе обменов, Госдеп работал в сотрудничестве с Любительским легкоатлетическим союзом США (AAU), который по документам обычно и проходил в качестве спонсора того или иного спортивного тура.

Как правило, когда Государственный департамент США принимал решение отправить спортивную команду за границу, работники его разрабатывали маршрут команды, согласовывали сроки проведения турне с принимающими странами, а американские национальные комитеты по тому или иному виду спорта подбирали конкретных спортсменов или выбирали целые команды (как в случае с баскетболом) для отправки за рубеж. Поэтому многие из спортсменов, участвовавших в турах, не подозревали о спонсорской поддержке Госдепартамента своих поездок и о неафишируемых пропагандистских целях их поездок «доброй воли» за рубеж.

Почему же именно спорт использовался Госдепом в странах Южной Америки и Африки в целях демонстрации прогресса Соединенных Штатов в расовых отношениях во время описываемого периода холодной войны в 1950-е и 1960-е годы?

Напомним, что расовая интеграция в американском спорте произошла заметно раньше, чем в других областях американской жизни. Например, в американской бейсбольной лиге появление в 1947 году афроамериканской звезды Джеки Робинсона в составе «Доджерз» привело к снятию запрета на участие чернокожих спортсменов в профессиональном бейсболе, где интеграция была успешно проведена к концу 1940-х годов. Тогда же произошли изменения в правилах НФЛ, национальной лиги по американскому футболу, где белые и чернокожие футболисты получили разрешение выступать за одни и те же команды. Расовая интеграция в НБА, профессиональной американской баскетбольной лиги, была проведена в 1950 году.

В то же время на американском юге в течение еще 15 лет, вплоть до середины 1960-х годов, продолжали действовать сегрегационные законы и правила, по которым для белых и чернокожих граждан США функционировали отдельные входы в кинотеатры, отдельные рестораны и гостиницы, специально выделенные места

в общественном транспорте, отдельные туалеты, телефонные будки и даже фонтанчики для питьевой воды.

В 1955 году между Индией и США возник дипломатический скандал, когда в международном аэропорту Хьюстона в Техасе посла Индии и его помощника отказались обслуживать и, по существу, выгнали из ресторана. Менеджер ресторана утверждала, что индийцы были похожи на негров, и потребовала дипломатов покинуть заведение. Госдепартамент вынужден был принести официальные извинения, а индийская пресса долго и подробно писала о расистских настроениях в США.

При организации спортивных туров Госдепу США не приходилось сильно опасаться, что болельщики в странах Африки и Южной Америке станут рассматривать американские спортивные туры как политически мотивированные акции, подготовленные американским правительством. В то же время отправка в страны третьего мира государственных служащих, политиков или профессоров ведущих американских университетов с лекциями о преимуществах американской системы немедленно бы вызвала обвинения в американском культурном империализме. В мире существовало широко распространенное, хотя и ошибочное мнение, что спортивные игры и соревнования деидеологизированы. Именно поэтому спорт мог с большей эффективностью использоваться в интересах пропаганды, но без очевидного привкуса пропаганды.

Госдеп США понимал, что холодная война между Соединенными Штатами и Советским Союзом увеличила значимость спорта на международной политической арене. Спорт являлся одной из немногих сфер деятельности, где обе страны конкурировали друг с другом напрямую, что особенно справедливо после того, как Советский Союз начал принимать участие в Олимпийских играх.

Кроме того, спорт напрямую апеллирует к чувствам детей, подростков и молодежи, т. е. с точки зрения пропаганды и агитации к очень перспективной аудитории, чьи идеологические представления и политические взгляды не сформировались или не вполне еще сформировались и могут трансформироваться в ту или иную сторону. Американские баскетболисты, боксеры, легкоатлеты, посещавшие с турами страны третьего мира, становились кумирами для молодежи, за которыми следили и которым старались подражать. Организовывая спортивные туры, чиновники Госдепартамента надеялись рассеять враждебные, антиамериканские настроения в освободившихся странах Азии, Африки и Южной Америки и создать задел для возникновения дружественных отношений и чувства симпатии в отношении Соединенных Штатов. Получалось не всегда.

Турне Артура Эша по Африке

К концу 1960-х годов накал холодной войны начал спадать, появились условия для возникновения разрядки международной напряженности. Однако идеологическое противостояние двух систем продолжалось, особенно в борьбе за сферы влияния в странах третьего мира. Использование обеими супердержавами выдающихся спортсменов и тренеров в борьбе за умы и сердца людей в странах Африки, Азии и Латинской Америки, можно утверждать, лишь набирало обороты.

Государственный департамент США продолжал посылать спортсменов, в том числе афроамериканцев, за границу в надежде повторить дипломатические успехи более раннего периода, например, студенческой баскетбольной команды «Доны» из Сан-Франциско или профессиональной баскетбольной команды «Глобтроттер» из Гарлема, знаменитого квартала в Нью-Йорке, населенного в основном афроамериканцами.

В 1970 году Госдепартамент решил отправить в спортивное турне по странам Африки Артура Эша, знаменитого афроамериканского теннисиста, который в 1970 году находился и на пике мастерства, и на пике своей популярности. Кроме того, его сложно было назвать типичным профессиональным спортсменом, который подчас, кроме своего вида спорта, мало что знает о других областях жизни. К своим 27 годам Артур Эш выиграл два турнира «Большого шлема», открытые чемпионаты США и Австралии, успел получить степень бакалавра университета Калифорнии в Лос-Анджелесе и прослужить три года офицером в военной академии в Вест-Пойнте.

Артур Эш отправился в показательное теннисное турне по шести африканским странам вместе с другой звездой американского тенниса, Стэнном Смитом. Эта пара проделала дипломатический путь через важные страны Африки и своей игрой на корте, так же как и своими интервью вызвала восторженные отклики африканской прессы и положительные отзывы американских дипломатов. Вот что об этом визите писал атташе США в Нигерии: «Лишь немногие программы культурного обмена в Нигерии в течение последних лет могут соперничать с успехом Артура Эша и Стэнли Смита — их теннисный визит оказал большое и положительное влияние на местную аудиторию и обеспечил возможность для более глубокого взаимодействия между посольством США и нигерийским Национальным советом по спорту, чьим главным попечителем является сам глава государства. Эти два молодых спортсмена были самым воплощением идеала представителей США за рубежом. Обаяние их личностей, энтузиазм, с которым они выполнили свою миссию, и их

беспорные достижения в выбранной ими области спорта были очевидны для всех нигерийцев. Их пребывание в Нигерии безусловно сказалося на усилении американского престижа»¹.

Действительно, трудно было бы представить себе лучшего кандидата для пропагандистской поездки в Африку, чем Артур Эш. Он вырос в бедных кварталах Ричмонда, столицы штата Вирджиния, в подростковом возрасте увлекся теннисом, несмотря на то, что для большинства афроамериканских подростков бейсбол и баскетбол являлись главными видами спорта, а теннис оставался за пределами их интересов, оставаясь спортом для богатых белых американцев. Артуру Эшу повезло, так как в процессе освоения теннисной культуры, как он писал в своих мемуарах, он столкнулся со многими «хорошими белыми людьми»², некоторые из них щедро помогли деньгами талантливому чернокожему теннисисту. Например, одна пожилая американка полностью профинансировала его первую поездку в Лондон с тем, чтобы он смог выступить в Уимблдоне на открытом первенстве Великобритании. Воспитанием Эша в основном занимался отец, который привил сыну уважительное отношение к людям и трудолюбие, понимая, что для успехов в теннисе, помимо физических данных, координированности и выносливости, требуются психологическая устойчивость, вежливость по отношению к партнерам и соперникам, терпение и хорошие манеры.

Артур Эш владел хорошим английским литературным языком, не пользовался сленгом афроамериканцев, что характерно для многих американских чернокожих баскетболистов и футболистов, а в своих интервью и выступлениях на радио и телевидении часто использовал сложные обороты речи. Среди предков теннисиста были не только африканцы, но также индейцы, коренные жители Америки, а также выходцы из Европы. Эш гордился своими афроамериканскими корнями, но на корте и в общении с прессой чувствовал себя одинаково комфортно и с белыми, и с чернокожими.

Кроме того, он был начитан, получил хорошее образование по менеджменту в Калифорнийском университете в Лос-Анджелесе (UCLA) и много путешествовал, особенно когда стал участвовать в профессиональных теннисных турнирах. Он побывал во многих странах и практически во всех штатах США и к тому же обладал любознательностью и пытался разобраться в самых разнообразных социальных, политических и исторических вопросах, что впоследствии

¹ Witherspoon, K. B. (2013). Going 'to the Fountainhead': Black American Athletes as Cultural Ambassadors in Africa, 1970–1971. *The International Journal of the History of Sport*, 30(13), 1508–1522. P. 1511.

² Ashe, A., & Amdur, N. (1981). *Off the court*. New York, New American Library. P. 22.

отразилось в его книгах, написанных, правда, в соавторстве с профессиональными писателями¹.

Артур Эш особенно интересовался Африкой, ее историей, политикой, экономикой, социальными проблемами и культурой. Будучи студентом колледжа, он общался со студентами-иностранцами, особенно с африканцами из бывших колоний, многие из которых учились в Калифорнии. Эш вспоминал, что проводил время за многочасовыми разговорами с африканцами, обсуждая борьбу за независимость, трудноразрешимые расовые вопросы, различия между американским и африканским образом жизни и мышления.

Отчасти этот опыт в университете вылился в сильное желание не только повидать Африку, родину его предков, но и принять участие в сильнейшем теннисном турнире континента — Южно-Африканском открытом чемпионате, в котором, однако, он, как спортсмен с черным цветом кожи, не мог участвовать из-за реалий расистской политики апартеида. Эш обратился за визой, чтобы поехать в ЮАР в 1969 году, но в визе было отказано. Он попробовал подать заявление на визу повторно в 1970 году, и ему снова отказали южноафриканские власти. Правда, надо сказать, что и сам Артур Эш совершил оплошность, сделав весьма опрометчивое замечание в одном из своих интервью: «Из-за полики апартеида я хотел бы, чтобы водородная бомба упала на Йоханнесбург»².

Только в 1973 году, когда ЮАР активно пыталась прекратить серию бойкотов, направленных против практики апартеида в этой стране, и получить допуск к Олимпийским играм, заявление Эша на получение южноафриканской визы было удовлетворено. Артур Эш был допущен в страну для участия в открытом теннисном турнире ЮАР (в котором он сумел выиграть парное первенство, однако в одиночном разряде проиграл в финале Джимми Коннорсу). Его поездка в Южную Африку и его активность в борьбе против апартеида привлекли большое внимание международных средств массовой информации.

Госдепартамент организовал не только поездку американских теннисистов в Африку, но и медиасопровождение этого тура по высшему разряду. Артур Эш и Стэн Смит прибыли в Кению с группой журналистов, включая диктора Бада Коллинза, американского журналиста Фрэнка Дефорда (в будущем соавтора биографии Артура

¹ Ashe, A., & Deford, F. (1975). *Arthur Ashe, Portrait in Motion*. Houghton Mifflin Company; Ashe, A., & Amdur, N. (1981). *Off the court*. New York, New American Library.

² Towle, M. (2001). *I Remember Arthur Ashe: Memories of a True Tennis Pioneer and Champion of Social Causes by the People Who Knew Him*. Cumberland House. P. 71.

Эша), британского журналиста Ричарда Эванса и съемочной группы, которая фиксировала их каждый шаг для создания фильма, профинансированного государственной Службой информации США и выпущенного на экраны и в США, и в африканских странах сразу после окончания тура.

Теннисная делегация США отправилась в Африку 18 октября 1970 года и за 18 дней посетила шесть африканских стран: Кению, Танзанию, Замбию, Уганду, Нигерию и Гану, проведя по два-три дня в каждом государстве. Расписание тура было напряженным, и игрокам времени на отдых просто не оставалось. Игры с африканскими теннисистами, показательные выступления на корте, мастер-классы и тренировки для детей и подростков сменялись государственными обедами, встречами с местными чиновниками и участием в вечерних приемах, которых в расписание визита Артура Эша и Стэна Смита уместили аж 25 за 18 дней. Хотя расписание поездки оказалось весьма утомительным, Артур Эш не жаловался, а, наоборот, оказался образцом спортсмена-дипломата. Ему по-настоящему нравилась вся атмосфера поездки, разговоры и обсуждение тенниса, а также и нетеннисных проблем с самыми разными представителями африканских стран — от детей, подростков и студентов университетов до африканских бизнесменов и политических лидеров.

Эш также чувствовал, что ему непросто было объединять две роли в своем лице: с одной стороны, выступать представителем США, а с другой — быть одновременно и представителем своей расы. Он говорил: «В этой поездке я пытаюсь быть терпеливым и щедрым. Я решил отдать себя полностью. В течение трех недель я постараюсь сделать все, что они от меня ожидают»¹. Не вполне ясно, относилось ли сказанное к пожеланиям африканцев узнать больше о теннисной звезде или к пожеланиям Госдепартамента достойно представить США в шести африканских странах.

Стэн Смит, хотя и находился на первом месте в рейтинге сильнейших теннисистов в мире, в туре по африканским странам играл вторую скрипку. Ему предложили участвовать в поездке уже после того, как Артур Эш согласился отправиться в турне. Африканская пресса и телевидение были гораздо больше заинтересованы в Эше, и нередко местные журналисты просто отворачивались от Смита, чтобы поговорить с Эшем².

Выступая спарринг-партнерами, Эш и Смит провели большую часть африканской поездки вместе, однако в некоторых городах Эшу предоставляли более роскошные номера в гостиницах и усаживали его во главе стола на приемах, тогда как Смит проживал

¹ Deford, F. (1971). The Once and Future Diplomat. Sports Illustrated, 1.

² Towle, M. Remember Arthur Ashe. P. 122.

в обычных номерах и питался вместе с журналистами. Во время представления игроков диктор Бад Коллинз подробно рассказывал о карьере и достижениях Эша, а потом одной строкой и без всякого пиетета представлял его соперника Стэна Смита. Смит, впрочем, понимал особенность ситуации и свою ассистирующую роль в этом турне, где главной звездой предназначено было быть чернокожему теннисисту. Смит даже подшучивал, говоря, что когда они покинут Африку и доберутся до Алабамы, то ему придется выносить на корт сумку с ракетками Эша¹.

Успех африканского турне был несомненен. Трудно было бы подобрать другого такого представителя афроамериканских спортсменов, как Артур Эш, особенно в период массовых протестов в США против участия во вьетнамской войне, которые охватили значительное количество афроамериканцев. Эш в африканском турне во время многочисленных интервью умело обходил стороной вьетнамскую войну и не стремился высказывать каких-либо соображений по этому вопросу. Как выразился один из руководителей телевидения в Уганде: «Эш продемонстрировал, какой он замечательный человек, в том числе и вне теннисного корта. Он очень много знает о том, что происходит в мире»². Один из ведущих журналов Уганды написал, что «мы должны уделить должное уважение нашему брату (Артуру Эшу), который хотя и достиг мировой славы, но не забыл о своем происхождении... Он бросает вызов многим людям и настойчиво и последовательно высказывает свою точку зрения по вопросу южноафриканского апартеида»³.

Эш и Смит блестяще выступили на кортах африканских стран, восхитили своих болельщиков, дали ценные тренерские указания начинающим африканским игрокам. Конечно, было бы преувеличением назвать теннис по-настоящему массовым видом спорта в Африке. Теннис был и остается видом спорта для привилегированных классов практически на всех континентах, и особенно в Африке. Американский дипломат в Найроби описал матч между Эшем и Смитом, как «острейшую игру, в ходе которой оба игрока поразили болельщиков своими проникающими кроссами и выдающимися смэшами наотмашь». Наблюдатель в Танзании также остался под впечатлением и написал следующее: «Великолепный теннис, крайне дружелюбное общение между игроками, остроумные ответы теннисистов, все это не могло не восхитить болельщиков»⁴.

¹ Towle, M. Remember Arthur Ashe. P. 123.

² Witherspoon, K. B. Going 'to the Fountainhead'. P. 1512.

³ Ibid.

⁴ Ibid. P. 1511.

Посол США в Уганде написал в своем отчете, что посольство было довольно тем, как Эш и Смит разобрались в местной специфике, сумели к ней приспособиться и полностью выдержать график турне без каких-либо сбоев. Никто из теннисистов не жаловался на слишком высокий темп турне или какие-то другие аспекты программы, а, наоборот, подчеркивали, что организация поездки в Уганде оказалась на высшем уровне¹.

Критика африканской прессы в адрес организаторов поездки, и лично в адрес Артура Эша, была весьма незначительной. В частности, ему с трудом удавалось запомнить африканские имена и названия, в которых он часто путался. Были также некоторые накладки в презентации призов в конце матчей и прочие мелочи. Сам Эш был более обеспокоен высказываниями тех местных журналистов, кто критиковал его за проведение нескольких мастер-классов в теннисных клубах для белых, в то время как бедные чернокожие дети наблюдали за всем этим из-за ограды. Он писал об этом с сожалением в своих воспоминаниях, отмечая, впрочем, что сам теннис по своей природе является эксклюзивной игрой. Эш также настаивал на том, что если во время поездки ему удалось хоть как-то помочь африканским обездоленным детям, то он считает, что его задача выполнена². Госдеп также полагал, что все задачи африканского теннисного тура, особенно утверждение позитивного образа Соединенных Штатов на Африканском континенте, были с блеском выполнены.

Мухаммед Али и война во Вьетнаме

Нашумевшая история с призывом Мухаммеда Али в вооруженные силы США и его отказ служить в американской армии во время войны во Вьетнаме является красочной иллюстрацией роли спортивных звезд в истории холодной войны. Действия и заявления Мухаммеда Али способствовали усилению публичного обсуждения вьетнамской войны и росту протестных настроений в американском обществе относительно этой прокси-войны.

Напомним, что в конце 1960-х годов американская армия формировалась по призыву, и многие молодые люди, особенно из богатых и образованных слоев американцев, смогли уклониться от призыва в армию, используя разнообразные, легальные и нелегальные, способы. Примечательно, что во время вьетнамской войны среди бедных и малообразованных белых американцев и афроамериканцев (большинство из которых были бедными и с низким уровнем

¹ Ibid. P. 1512.

² Ibid. P. 1512.

образования) в армию США было призвано в процентном отношении в два раза больше мужчин, чем из других, более состоятельных слоев населения¹. До истории с призывом Мухаммеда Али многие американцы, слепо следуя риторике времен холодной войны и антикоммунизма, не понимали или не хотели понять антиколониальный, освободительный характер войны во Вьетнаме.

Знаменитый боксер Мухаммед Али рассматривал вьетнамскую войну как военный конфликт, который раздуло и в котором завязло американское правительство, но к которому он никакого отношения не имеет и иметь не должен. Решение знаменитого боксера не служить в американской армии, а затем преследование его по делу об уклонении от военной службы оказались громкими процессами, за которыми следила вся страна, что способствовало радикальному изменению настроений в американском обществе относительно этой непопулярной войны.

Многие любители бокса знают, что Мухаммед Али вырос под другим именем, именем Кассиуса Клея, в городе Луисвилле, штат Кентукки, где в послевоенные годы, как и практически во всех южных штатах США, процветали сегрегация и расизм. Как и его отец, Кассиус отказывался принять и найти оправдание дискриминационным законам, направленным на сегрегацию чернокожих американцев и известным в США как законы Джима Кроу². В отличие от своего отца, который исповедовал христианство и был протестантом, Кассиус Клей уже к окончанию школы пришел к убеждению, что христианство в США стало религией белых расистов. Расовая сегрегация вокруг Кассиуса Клея во многом сформировала его мировоззрение, и к тому времени, когда его призвали в армию, он крайне скептически относился к белой Америке. Кассиус Клей проявлял признаки независимого поведения. Например, в начале своей спортивной карьеры он решил нанять чернокожую женщину-адвоката для обсуждения и подписания своих контрактов:

«С первого дня, когда я решил стать профессиональным боксером, я бросил вызов старой системе, в которой менеджеры, промоутеры или владельцы смотрели на боксеров, как на скот без мозгов. Я встречал боксеров, которые оказались самыми человечными и самыми талантливыми людьми, которых только можно было отыскать»³.

Отметим, что Мухаммед Али возродил интерес в США к боксу, который до него терял популярность, сделав свое имя нарицательным в этом виде спорта. После завоевания золотой медали на Олимпиаде

¹ Baskir, L. M., & Strauss, W. A. (1978). *Chance and circumstance: The draft, the war, and the Vietnam generation*. Knopf Books for Young Readers. P. 97.

² Ali, M. (1967). With Richard Durham. *The Greatest: My Own Story*. P. 129.

³ Idid.

в Риме в 1960 году, Мухаммед Али (в ту пору еще под именем Кассиус Клей) стал международной знаменитостью, и ожидалось, что он последует по стопам предыдущих американских чемпионов, как Джо Луис и Шугар Рэй Робинсон, которые посчитали за дело чести служить в армии США. В Риме во время Олимпиады Кассиуса Клея трудно было бы не назвать американским патриотом. Когда советский корреспондент во время интервью задал ему вопрос о расовой дискриминации в Америке, 18-летний Кассиус Клей без тени смущения ответил: «Расскажите своим лидерам, что у нас в стране работают над этим вопросом, и за исход я не волнуюсь»¹.

В условиях холодной войны и атмосферы позднего маккартизма американцы не могли не полюбить своего нового олимпийского чемпиона. Однако безраздельная национальная любовь к боксеру оказалась недолгой и поугасла вскоре после того, как Кассиус Клей обратился к мусульманской религии, а также начал высказываться по вопросу прав афроамериканцев в США. В частности, он говорил: «Я не американец, я чернокожий»². Он решил отказаться от своего «рабского имени» и от христианской религии.

Заметим, что родители называли Кассиуса в честь известного аболициониста XIX века Кассиуса Клея, который прославился тем, что предоставил свободу рабам на своей плантации задолго до всеобщей отмены рабства в США в 1864 году. Добавим, что этот известный плантатор и аболиционист Кассиус Клей сыграл важную роль при выборах Авраама Линкольна на пост президента в 1860 году и в качестве признания его заслуг был назначен Линкольном послом США в России. Посол Кассиус Клей имел многочисленные беседы с императором Александром II, жил в Петербурге на широкую ногу, любил ходить на балет в Мариинский театр и даже завел себе любовницу из числа балерин российского императорского театра... Можно сказать, что он многое сделал для укрепления взаимопонимания между двумя странами в 1860-е годы, когда отношения между Российской империей и США можно было описать в целом как союзнические и дружественные. Однако вернемся к боксеру Кассиусу Клею.

В середине 1960-х годов олимпийский чемпион Кассиус Клей официально объявил о своем вступлении в афроамериканскую религиозно-политическую организацию «Нация ислама».

«Нация ислама» проповедовала идеологию «черного национализма», полную изоляцию от белых, достижение афроамериканцами

¹ Eisen, G., & Wiggins, D. K. (1995). Ethnicity and sport in North American history and culture (No. 40). ABC-CLIO. P. 146.

² Jaher, F. C., & Spivey, D. (1985). White America views Jack Johnson, Joe Louis, and Muhammad Ali. Sport in America. New historical perspectives, 145–192. P. 140.

независимости в экономической и религиозной сферах; осуждала употребление алкоголя и азартные игры.

После вступления в «Нацию ислама» члены организации должны были называть Кассиуса Клея Кассиус Икс, ибо новички отказывались от своей фамилии, так как считали, что она досталась им от белых рабовладельцев. На встрече в Чикаго лидер «Нации ислама» Элайджа Мухаммед, который до этого испытывал противоречивые чувства по поводу связей своей организации с профессиональными спортсменами, приветливо встретил молодого чемпиона по боксу. Через две недели после своего вступления Кассиус Икс получил новое имя — Элайджа удостоил чемпиона полного мусульманского имени — Мухаммед Али, какие давались постоянным и проверенным членам организации.

Еще в марте 1962 года, до смены имени, призывной комиссией города Луисвилла Кассиусу Клею был присвоен статус «1-А» (годен для прохождения военной службы). В этом же году президент США Джон Кеннеди стал постепенно увеличивать американское военное присутствие во Вьетнаме. Повторно Клей отправился на призывную медкомиссию в январе 1964 года, прямо перед важной схваткой с профессиональным боксером Листоном, и без каких-либо проблем прошел медицинское освидетельствование. Однако призывникам надо было также сдать тест на умственные способности, что оказалось для боксера по-настоящему трудным испытанием. Например, Кассиус не смог правильно ответить на вопрос: «Сколько часов работает человек с 6 утра до 3 часов дня, если у него есть час на обед?» Его IQ оказался равен 78 баллам, что было ниже минимального уровня для прохождения воинской службы. Результат теста на умственные способности Кассиуса Клея входил в нижние 16 % тестируемых, а на срочную службу в американскую армию призывали тех, чей IQ был выше 30 % тестируемых. В марте 1964 года он вновь провалился на тестах, проводимых уже под наблюдением трех психиатров, ему был присвоен статус «1-У» (не годен для службы). Али шутил: «Я говорил, что я величайший боксер, а не умнейший»¹. Реакция американской прессы на это событие была отрицательной, многие политики открыто выражали недоумение по поводу негодности Мухаммеда, а некоторые прямо высказывали подозрение, что боксер симулировал слабоумие. В скором времени общенациональная шумиха улеглась, но некоторые газеты еще долго муссировали тему о неразвитом интеллекте Али.

Все это происходило уже после убийства президента Джона Кеннеди, когда в Белый дом въехал Линдон Джонсон, унаследовавший

¹ Edmonds, A. O. (2005). Muhammad Ali: A Biography: ABC-CLIO. P. 55.

от Кеннеди войну во Вьетнаме. Новый президент выступал категорически против широких общественных дебатов по вопросу вьетнамской войны, которые могли расколоть американское общество. В деле убеждения политических противников президент Джонсон был гораздо более искусным в выкручивании рук оппонентам за кулисами. Джонсон рассматривал оппозицию к вьетнамской войне в качестве проявления антиамериканизма и сочувствия коммунизму¹. Когда президент Джонсон говорил с американскими гражданами о событиях во Вьетнаме, он старался избегать сложных объяснений, сводя историю войны к тому, что коммунистический лидер Хо Ши Мин и его северные вьетнамцы были плохими парнями — они убивали невинных южновьетнамских демократов, которым Соединенные Штаты должны помогать для достижения победы демократии во Вьетнаме.

Однако настроение простых американцев относительно вьетнамской войны постепенно стало меняться. Американский сенатор Уильям Фулбрайт начал проводить публичные слушания в Конгрессе по вьетнамской войне в 1966–1971 годах. Правда, эти слушания в большей степени были ориентированы на политический истеблишмент и американскую интеллигенцию. Когда же в 1967 году Мухаммед Али очень простым, разговорным языком выразил свое мнение: «У меня с Вьетконгом никаких ссор нет. Они меня ниггером не называли» (“I ain't got no quarrel with them Viet Cong... They never called me nigger”)², его фразу сразу подхватили не только афроамериканцы, но и простые граждане США европейскими корнями. В то время, когда число убитых американских солдат во Вьетнаме росло с каждым днем, многие граждане США задумывались не только о том, должен или не должен чемпион мира по боксу служить своей стране в армии, а и о том, действительно ли США нужна война во Вьетнаме и нужно ли продолжать посылать молодых американских парней гибнуть тысячами в этой стране.

Примечательно, что во время дебатов в Конгрессе США по поводу вьетнамской войны большинство афроамериканских лидеров не хотели слишком уж критиковать администрацию президента Джонсона прежде всего потому, что они боялись, что это станет отвлекать внимание от решения расовых вопросов в стране³. Президент Джонсон сделал, пожалуй, больше для восстановления гражданских прав меньшинств в США, чем любой президент после Авраама Линкольна,

¹ Dallek, R. (1996). Lyndon Johnson and Vietnam: The making of a tragedy. *Diplomatic History*, 20(2), 147–162. P. 154.

² Ali, M. With Richard Durham. P. 148–149.

³ Harrison, B. T. (2001). Impact of the Vietnam war on the civil rights movement in the Midsixties. *Studies in Conflict & Terrorism*, 19(3), 261–278. P. 216.

и многие афроамериканские лидеры не решались нападать на него с критикой из-за Вьетнама. Однако высказывания Мухаммеда Али захватили внимание всей страны и совпали с массовыми выступлениями американских граждан против войны во Вьетнаме. Несомненно, личные мотивы Мухаммеда Али избежать призыва в армию во время войны также сыграли свою роль в его заявлениях по вопросу Вьетнама.

К 1966 году Али был на пике своей спортивной карьеры, однако его в любой момент могли призвать на фронт. Дело в том, что по мере того как военные действия во Вьетнаме разрастались, возрастала и потребность в большем количестве призывников. Правительство США решило снизить требования по умственному развитию призывников, и негодными для службы теперь стали считаться не нижние 30 % призывников, а нижние 15 %; другими словами, Али со своими 78 баллами IQ уже подлежал призыву в соответствии с этой сниженной нормой. Призывной статус Мухаммеда Али был переqualифицирован в 1-А (годен к службе). В феврале 1966 года его адвокат подал запрос об отсрочке от призыва Али, ссылаясь на несколько причин, главной из которых была та, что знаменитый боксер отказывается служить в армии по религиозным причинам, однако запрос был отклонен.

Заметим, что богатые и хорошо образованные американцы научились умело уклоняться от призыва во время вьетнамской войны. Только 3,2 % сыновей конгрессменов США участвовали в военных действиях во Вьетнаме¹. История о том, как Мухаммед Али пытался избежать призыва в армию, послужила своего рода учебным пособием по уклонению от призыва для многих простых американцев. К концу вьетнамской войны в США насчитывалась более полумиллиона уклонистов от призыва².

Приведем статистику. Из 26 миллионов американских мужчин призывного возраста около 15 миллионов были освобождены от призыва по медицинским или другим показателям. Более 200 000 человек были осуждены за уклонение от призыва и около 400 000 подзревались в нелегальном избегании призыва. Существовала и специальная категория отказников по религиозным причинам, таких за период вьетнамской войны оказалось 171 700. Статус отказника получить было нелегко. Для этого необходимо было доказать принадлежность к пацифистской религиозной организации, которая возражала бы против участия в любых войнах, а не только в войне во Вьетнаме. Чернокожим мусульманам особенно трудно

¹ Harrison, B. T. (2001). Impact of the Vietnam war... P. 271.

² Baskir, L. M., & Strauss, W. A. (1978). Chance and circumstance: The draft, the war, and the Vietnam generation. Knopf Books for Young Readers. P. 5.

было убедить призывные комиссии, что «Нация ислама» Элайджа Мухаммеда является пацифистской организацией, поскольку она открыто поддерживала концепцию джихада, священной войны. Больше сотни афроамериканцев из «Нации ислама» еще до Мухаммеда Али подали заявления для получения отсрочки от призыва в армию в качестве религиозных отказников, но их заявления были отвергнуты призывными комиссиями¹. Юристы Али подали заявление на отсрочку знаменитого боксера от призыва в армию, указав несколько причин. Одним из аргументов было то, что военкоматы состояли в основном из белых граждан США, а афроамериканцы систематически исключались из этих организаций. В заявлении также утверждалось, что семья боксера в случае призыва будет испытывать трудности в финансовом плане. Такой аргумент сработал, когда, например, отсрочку от призыва получил американский актер Джордж Гамильтон, который в то время был бойфрендом Линды Джонсон, дочери президента Джонсона. Профессиональный футболист Джо Немет тоже получил отсрочку от призыва из-за потенциальных финансовых затруднений, если бы он не продолжил играть в футбол². Адвокат Мухаммеда Али считал, что его клиенту отказали в отсрочке из-за цвета кожи, ведь актер Гамильтон и футболист Немет были белыми.

Отказ служить в армии по религиозным причинам основывался главным образом на двух доводах: во-первых, адвокаты заявляли, что Али стал мусульманским священником, а во-вторых, что американская война во Вьетнаме не может быть санкционирована исламской верой, так как джихад, священная война, может вестись только в мусульманской стране. Али был уверен в получении статуса религиозного отказника: «Я только что провел четыре часа в разговоре с Богом. Он собирается сделать так, что я не буду служить в армии»³.

Однако ФБР занялось интенсивным расследованием дела Али, провело прослушки телефонов, опросило десятки свидетелей. В результате суд постановил, что Али не может быть предоставлен статус религиозного отказника и что «Нация ислама» является политической и расовой, а не религиозной организацией. Хотя Али утверждал, что тратит 90 % своего времени на исполнение обязанностей мусульманского священника, суд не принял во внимание это утверждение. Заметим, что более 48 000 священников и студентов христианских семинарий были освобождены от призыва во время вьетнамской войны⁴.

¹ Ibid. P. 97.

² Ali, M. With Richard Durham. P. 161.

³ Ibid.

⁴ Baskir, L. M., & Strauss, W. A. Chance and circumstance. P. 97.

В 1967 году Али был призван в армию США, но на призывной участок не явился. 8 мая 1967 года ему было приказано предстать перед федеральным судом. Али заявил: «Моего имени уже не найти на спортивных страницах газет. Я вышел на первые страницы. Я хочу поступить по справедливости, а затем увидим, как рассудит меня история. Это испытание послано Аллахом. Я готов расстаться с моими спортивными титулами, моим богатством, может быть, и моим будущем. Многих великих людей Аллах испытывал в твердости религиозных убеждений. Если мне суждено пройти это испытание, я выйду из него сильнее, чем когда-либо»¹.

Перед началом судебного процесса Али попросил членов Студенческого координационного комитета ненасильственных действий (SNCC), которые собирались организовать протесты, «не делать ничего насильственного»². 19 июня 1967 года прошел судебный процесс над Мухаммедом Али. Примечательно, что все присяжные на этом процессе были белыми, и им потребовалось всего 20 минут, чтобы признать Али виновным. Боксер получил максимальное наказание — пять лет тюрьмы и 10 тысяч долларов штрафа, несмотря на то что государственный обвинитель даже не просил максимального срока заключения. Лицензия профессионального боксера Мухаммеда Али была приостановлена, и он больше не мог выступать на профессиональном ринге. Кроме того, заграничный паспорт спортсмена был аннулирован, что сделало невозможным его поездки на боксерские поединки за рубеж. Впрочем, юристы Али стали подавать апелляцию за апелляцией в суды высших инстанций, и Али оставался на свободе, пока эти апелляции рассматривались.

Мухаммед Али решил рассказать о своем преследовании молодым американцам, обучающимся в университетах, и тем самым нашел и новый способ для заработка. В конце 1960-х и в самом начале 1970-х годов Али выступал перед американскими студентами во многих университетах страны, рассказывая, горячо и взволнованно, хотя и весьма примитивным языком, о своем отношении к войне во Вьетнаме в университетских кампусах и получая за свои выступления весьма приличные деньги. Тематика выступлений знаменитого боксера была похожа, Али использовал одни и те же доводы, которые можно проиллюстрировать следующими цитатами из его выступлений: «Что ты можешь дать мне, Америка, за что я пойду против своей религии? Ты хочешь, чтобы я сделал то, что белые

¹ Harrison, B. T. (2001). Impact of the Vietnam war on the civil rights movement in the Midsixties. *Studies in Conflict & Terrorism*, 19(3), 261–278. P. 271.

² Ibid. P. 259.

люди мне говорят — идти воевать против народа, о котором я ничего не знаю, завоевать для этих людей какую-то свободу, когда мои люди не могут получить эту свободу здесь?»¹, «Почему они должны говорить мне и другим так называемым неграм надеть военную форму и отправляться за 10 тысяч миль от дома, чтобы бросать бомбы и поливать пулями темнокожих людей во Вьетнаме, в то время как с так называемыми неграми в Луисвилле обращаются как с собаками и отрицают их простые человеческие права?»² Во многих университетах и колледжах студенты устраивали настоящие авации Мухаммеду Али.

Американский истеблишмент, разумеется, не хотел мириться с позицией Мухаммеда Али по Вьетнаму. Еще до судебного дела, 17 февраля 1967 года член палаты представителей от штата Иллинойс Роберт Майкл выступил с тирадой на заседании Конгресса США об Али, сказав следующее: «Интересно отметить, хотя лично у меня это вызывает депрессию, что прославленный Кассиус Клей запланировал еще один бой, чтобы заработать десятки тысяч долларов, избегая меж тем призыва в армию. Я не могу понять, как патриотически настроенные американцы могут поддерживать уклониста и платить за кулачный поединок человеку, который стал символом уклонения от службы в армии.... Он может называть себя “величайшим”, но я уверен, что история будет смотреть на него как на наименее достойного человека из всех тех, кто носил титул чемпиона мира»³.

Однако настроение в американском обществе по отношению к вьетнамской войне продолжало меняться: ура-патриотических взгляды разделяло все меньше американцев, и в общественном мнении в США все больше появлялось скепсиса и критики относительно войны во Вьетнаме. Кроме того, конец 1960-х годов характеризуется снижением накала противостояния двух социально-политических систем и расширением сотрудничества СССР и США (и Запада в целом) в различных сферах. Постепенно большинство американцев стало выступать за отмену обязательного призыва в армию, что и произошло в 1973 году при президенте Никсоне. Еще за два года до этого 28 июня 1971 года Верховный суд США рассмотрел апелляцию и вынес свой приговор по делу Мухаммеда Али. Судьи пришли к выводу, что призывная комиссия штата Кентукки совершила

¹ Lipsyte, R. (1978). *Free to Be Muhammad Ali*. Harper Collins Publishers. P. 82.

² Smith, M. (2002). *Muhammad Speaks and Muhammad Ali: Intersections of the Nation of Islam and sport in the 1960s. With God on their side: Sport in the service of religion, 175–196*. P. 176.

³ Harrison, B. T. *Impact of the Vietnam war on the civil...* P. 272.

ошибку, не учтя религиозные убеждения Мухаммеда. Единогласным решением судей Али был оправдан, ему был возвращен паспорт, он вновь мог путешествовать по миру и проводить бои в любой точке планеты.

В заключение рассказа о знаменитом американском боксере заметим, что публичные дебаты в США по делу о призыве в армию Мухаммеда Али, его собственные многочисленные выступления по всей стране в колледжах и университетах в течение нескольких лет, способствовали росту публичных обсуждений самой войны США во Вьетнаме и постепенному изменению отношения в американском обществе к этому военному конфликту, который в наши дни оценивается как один из самых провальных и непопулярных среди всех войн, развязанных США.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

ОЛИМПИЙСКОЕ ПРОТИВОСТОЯНИЕ ПРОДОЛЖАЕТСЯ

ОЛИМПИАДЫ В 1950-х — 1960-х годах

Советская команда на Олимпиаде в Мельбурне 1956 года

Проведение Олимпийских игр в Мельбурне в 1956 году сейчас кажется вполне естественным событием. Однако более 60 лет назад в Австралии проживало менее 10 миллионов человек, и решение, принятое МОК в 1949 году о проведении всемирного фестиваля спорта в удаленной стране с ограниченными экономическими ресурсами, представлялось весьма рискованным. В 1948 году 150 «лучших семей» Мельбурна вложили в олимпийскую кампанию по 100 гиней и подписали петицию о проведении XVI Олимпиады в своем городе¹. Мельбурнцы сначала заручились поддержкой стран Содружества, т. е. тех государств, что входили прежде в состав Британской империи. Был создан 13-минутный цветной фильм о достопримечательностях и возможностях Мельбурна, который конкурировал с шестью американскими городами: Лос-Анджелесом, Детройтом, Чикаго, Сан-Франциско, Миннеаполисом и Филадельфией, а также Мехико и Буэнос-Айресом за проведение Олимпиады. В результате голосования МОК в Риме в последнем туре Мельбурн победил Буэнос-Айрес с перевесом всего в один голос.

За свою сравнительно недолгую историю Мельбурн пережил несколько взлетов в развитии — золотую лихорадку в середине XIX века, бум 1880-х годов, когда он боролся за проведение всемирной выставки, 20-летний период в XX веке, когда город был столицей Австралии до переезда правительства и парламента в специально построенную Канберру в качестве столичного города, и, наконец, бум 1950-х годов, когда город получил право на проведение Олимпиады и требовалось в короткие сроки построить спортивные объекты, новые гостиничные комплексы и усовершенствовать транспортную инфраструктуру. В 1950-е годы гостиниц в Мельбурне не хватало, а те, что имелись, не соответствовали требованиям по комфорту, например: не везде подавалась горячая вода. В Мельбурне существовал

¹ Davison, G. (1997). Welcoming the world: The 1956 Olympic games and the re-presentation of Melbourne. *Australian Historical Studies*, 27(109), 64–76. P. 67.

закон о запрете продажи спиртного не только в магазинах, но и в барах после шести вечера, что газетные репортеры из других стран описывали как приметку провинциализма. Местные жители побаивались, что станут предметом насмешек, если не удастся толком подготовиться к Олимпиаде.

В связи с нехваткой мест в гостиницах австралийский Олимпийский комитет обратился к местным жителям за помощью. Были разосланы специальные листовки с заголовком: «Вы сможете помочь Австралии и принять олимпийского гостя?»¹ В результате жители подготовили для гостей Олимпиады более 6 с половиной тысяч комнат в собственных домах. Все комнаты были сертифицированы организаторами и также получили специальную цветную кодировку: зеленый цвет — если владельцы были членами загородного клуба (и соответственно могли пригласить туда своих заграничных гостей), желтый — если хозяева владели иностранными языками, голубой — если владельцы дома предпочитали принять гостей из определенной страны, красный — предпочтение для гостей с той или иной религией, белый — хозяева дома готовы были принять гостей из Азии; коричневый — для гостей, не употребляющих спиртное². К началу Олимпиады оказалось, что все эти цветные кодировки большого смысла не имели, так как большинство гостей были сами же австралийцы из других регионов страны, болельщики из Новой Зеландии и американцы. Разумеется, были отобраны не все дома, а наиболее приспособленные. В 1956 году в Мельбурне треть домов не имела холодильников, а две трети не имели горячей воды в ваннах по утрам, так как вода в баке на крыше прогревалась лишь к вечеру³. В оргкомитет Олимпиады от мельбурнских домовладельцев поступали любопытные заявки. Одна из домохозяек очень хотела поселить у себя французского оперного певца, другая готова была приглашать на ужин атлетов из Китая каждый вечер в течение Олимпиады⁴. Напомним, правда, что КНР решила бойкотировать Олимпиаду 1956 года, когда выяснилось, что в соревнованиях в Мельбурне будут участвовать спортсмены из Тайваня. Конечно, воспоминания о Второй мировой войне были еще свежи в памяти австралийцев, и мало кто из них готов был принимать гостей из Японии; многие австралийские военнослужащие, оказавшись в плену во время войны, прошли через японские концентрационные лагеря.

¹ Buchanan, R. (2002). The home front: Hostess, housewife and home in Olympic Melbourne, 1956. *Journal of Australian Studies*, 26(72), 201–209. P. 205.

² Davison, G. (1997). Welcoming the world: The 1956 Olympic games and the re-presentation of Melbourne. *Australian Historical Studies*, 27(109), 64–76. P. 67.

³ Buchanan, R. (2002). The home front: Hostess, housewife and home in Olympic Melbourne, 1956. *Journal of Australian Studies*, 26(72), 201–209. P. 208.

⁴ *Ibid.* P. 206.

Казалось бы, после успешного выступления советской сборной в Хельсинки в 1952 году вопрос об участии СССР в Олимпиаде в Мельбурне в 1956 году не должен был вызывать никаких сомнений. Заметим, что советский МОК, как и всегда, действовал по указаниям советского политического руководства. А указания по отправке советских спортсменов в Австралию со Старой площади приходили с большой задержкой. Как справедливо отмечают И. В. Казарина и М. Ю. Прозуменщиков, «Неоднозначное отношение советского руководства к возможному участию сборной СССР в летних Играх 1956 г. в Австралии объяснялось не спортивными, а политическими причинами. В условиях холодной войны в начале 1950-х годов взаимоотношения между СССР и Австралией резко ухудшились. Поводом для окончательного разрыва двусторонних отношений послужило так называемое дело Петрова, сотрудника советского консульства в Канберре, попросившего политического убежища в Австралии. Вместе с перебежчиков в руки австралийцев попали некоторые документы, свидетельствующие о разведывательной деятельности посольства СССР в их стране. Разразившийся “шпионский скандал” поставил советское руководство перед серьезной дилеммой, так как осенью 1956 г. олимпийскую сборную надо было направлять в страну, с которой на тот момент у СССР отсутствовали официальные дипломатические отношения (они были нормализованы только в 1959 г.)»¹.

Немного о шпионском скандале в Австралии. В. М. Петров, занимавший должность третьего секретаря советского посольства, был кадровым офицером КГБ. Его жена, Е. А. Петрова, также имела офицерское звание и тоже работала в посольстве. Петровы были направлены на работу в Австралию в 1951 году по приказу тогдашнего руководителя советских спецслужб Л. П. Берии. Как уже говорилось, в 1954 году с целью получения политического убежища и по договоренности со спецслужбами Австралии Петров захватил с собой ряд документов, касающихся советской разведывательной деятельности в Австралии и других странах Запада. Документы эти представили красочную картину о том, что в течение нескольких лет правительство СССР, используя свое посольство в Канберре в качестве прикрытия, управляло шпионской сетью в Австралии. Кроме того, Петров предоставил информацию о структуре всего советского разведывательного аппарата и советской агентурной сети на Западе. Всего было раскрыто более 600 советских агентов².

¹ Белые игры под грифом “секретно”: Советский Союз и зимние Олимпиады. 1956–1988 (2013) / Главный редактор Н. Г. Томилина. Составители: И. В. Казарина, М. Ю. Прозуменщиков. М.: МФД. С. 491.

² Manne, R. (2014). *The Petrov affair: politics and espionage*. Elsevier.

После разразившегося скандала советские власти отозвали из Канберры своего посла, а австралийское посольство покинуло здание в Москве и переехало в Финляндию.

Сведения Петрова помогли пролить свет на действия глубоко законспирированных советских агентов, известных как «кембриджская пятерка». В частности, Петров сообщил, что двое из уже проваленных агентов «пятерки» — Гай Берджесс и Дональд Маклин — были вывезены в СССР и жили в Куйбышеве¹. Данные Петрова помогли в дальнейшем раскрыть т. н. третьего, которым оказался высокопоставленный офицер британской разведки Ким Филби.

Впрочем, обо всем этом по понятным причинам ни слова не говорится в отчетах главы советского Спорткомитета Н. Н. Романова из Австралии. Спортивный функционер отмечает, что делегация советских спортсменов в Мельбурне имела возможность познакомиться с бытом местных жителей. «За время пребывания в Австралии группы советских спортсменов посетили в Мельбурне много промышленных предприятий, университет, клиники, школы, выезжали на овцеводческую ферму. Состоялись многочисленные встречи с учащимися, докерами, врачами, писателями, журналистами, архитекторами, строителями, с представителями спортивных организаций. Многие наши товарищи побывали также в гостях на квартирах у австралийцев»². Трудно сейчас оценить, как именно эти встречи и визиты повлияли на самих советских спортсменов, которые знакомились с жизнью австралийцев и их бытом, гораздо более благоустроенным, чем в СССР.

В целом же гостеприимство австралийцев превзошло все ожидания, местные жители проявили себя открытыми, вежливыми и предупредительными³, и XVI Олимпийские игры получили неформальное название «дружественных Игр». Накануне Олимпиады в мельбурнских школах австралийских детей учили, как правильно и вежливо просить автографы у знаменитых спортсменов. Специальные призы были вручены самым вежливым водителям такси и самым предупредительным кондукторам в автобусах.

Автору этой книги удалось в Австралии встретиться с людьми, уже весьма пожилыми, которым довелось стать зрителями Олимпиады 1956 года. Так, один из них, Роб М., рассказал, как, будучи школьником в одной из мельбурнских школ, он побывал на главном стадионе Олимпиады на легкоатлетических соревнованиях. Директор его школы, по-видимому, входил в состав мельбурнского Орга-

¹ Manne, R. (2014). *The Petrov affair: politics and espionage*. Elsevier.

² Романов, Н. Н. XVI Олимпийские игры в Мельбурне. М.: Знание. 1957. С. 30.

³ Buchanan, R. (2002). *The homefront*. P. 203.

низационного комитета и сумел получить бесплатные билеты для всех старшекласников школы. Роб запомнил солнечный день и праздничную приподнятую атмосферу на стадионе. Когда я спросил его предметно о том, помнит ли он атмосферу холодной войны и присутствовала ли она на стадионах Мельбурна, он ответил, что не помнит ничего подобного. Хотя затем тут же вспомнил, как австралийских школьников учили прятаться под партой в случае ядерного взрыва. В своем рассказе он повторял, что для мельбурнцев такие большие соревнования в их городе являлись и предметом огромного любопытства, и законной гордости. Школьники провели на стадионе полдня, сидя на одной из высоко расположенных трибун. Жена Роба М., Джейн, добавила, что Робу повезло, так как она училась в пригородной мельбурнской школе, и ее класс ни на какие олимпийские соревнования не водили. Роб также вспоминал, как уже после Олимпиады его родственник, работавший в мельбурнской газете, получил задание взять интервью у одного из венгерских спортсменов. Этот спортсмен после Олимпиады вернулся в Венгрию, а затем через несколько недель ночью пересек венгеро-австрийскую границу и с помощью средств специального фонда, созданного австралийцами после венгерских событий 1956 года, сумел вернуться в Австралию, чтобы остаться на постоянное жительство в этой стране.

В своих комментариях о холодной войне в Австралии Роб М. подчеркивал, что во время противостояния между двумя супердержавами Австралия следовала за США не только из-за близости политико-экономических систем, но также и потому, что США практически спасли Австралию от оккупации японцами во время Второй мировой войны. Он рассказал о многодневной бомбардировке города Дарвина японскими ВВС и о планах австралийского правительства оставить менее защищенную и менее развитую северную часть Австралии японцам в случае, если бы Япония предприняла высадку на Зеленый континент. Вообще отношения с Японией после Второй мировой войны оставались на передних полосах австралийских газет, так как австралийская армия вошла в Японию в составе оккупационной администрации, которую возглавляли США. Так, отец Роба был отправлен офицером в Японию, где занимался армейской финансовой отчетностью, но одновременно давал уроки английского языка японцам в Осаке и таким образом подружился со многими из них на всю жизнь, несмотря на то что был частью оккупационной администрации. Служба в армии позволила после возвращения из Японии бесплатно получать высшее образование австралийским офицерам, и это являлось мотивирующим фактором для отца Роба, чтобы продолжить образование. Что же касается

атмосферы холодной войны, то в Австралии она в большей степени проявилась во время вьетнамской войны, так как часть австралийцев отправились служить во Вьетнам по призыву, а часть — в результате лотереи, но и в том, и в другом случае — по принуждению. В австралийских университетских кампусах в середине 1970-х годов преобладали те же настроения, что и среди американских студентов — протесты против участия в войне во Вьетнаме и призывы отменить насильственную отправку австралийцев на эту войну. Однако вернемся к мельбурнской Олимпиаде 1956 года.

В мельбурнской олимпийской деревне впервые корпуса для женщин — участниц Олимпиады были построены рядом с корпусами для спортсменов-мужчин. Как вспоминал Н. Н. Романов, одна из мельбурнских газет писала: «В олимпийской деревне русские уже получили репутацию безупречных джентльменов. Госпожа Смит, ведающая столовой для русских, заявила, что ее мальчики являются совершенными джентльменами»¹.

«Физкультурные организации нашей социалистической Родины с должным вниманием отнеслись к подготовке спортсменов для участия в XVI Олимпийских играх и проделали в этом отношении большую работу. В нашей Советской стране, благодаря неустанным заботам Коммунистической партии и Советского правительства, вместе с ростом физкультурного движения неуклонно растет количество мастеров спорта и повышается их квалификация. Так, например, в физкультурных организациях СССР в 1952 году было подготовлено 210 мастеров спорта, а в 1956 году — 1700. Только за 1955–1956 годы советские спортсмены 192 раза вносили поправки в таблицу рекордов мире»². Брошюра о победах советской команды на Олимпиаде в Мельбурне была издана тиражом в 200 тысяч экземпляров и распространена в большинстве районных библиотек СССР.

В процессе подготовки к Олимпиаде-1956 советские спортивные функционеры постарались еще в большей степени интегрироваться в международные спортивные организации и обеспечить беспроblemное участие в Олимпиаде не только для советских спортсменов, но и для всех стран социалистической ориентации. Так, в 1953 году была организована специальная встреча между президентом МОК Эйвери Брандеджем и представителями стран народной демократии Восточной и Центральной Европы. Годом позже президент МОК посетил Советский Союз, о чем более подробно рассказано в разделе, посвященном Эйвери Брандеджу. Председатель советского Олимпий-

¹ Романов, Н. Н. XVI Олимпийские игры в Мельбурне. С. 30.

² Там же. С. 8.

ского комитета Константин Андрианов в это время успешно занимался лоббированием президента МОК, с тем чтобы организовать допуск в МОК представителя ГДР Хайнца Шобеля. Даже полное представительство всех социалистических стран в МОК не позволяло преодолеть численное неравенство по сравнению с представителями Запада, что, в свою очередь, не позволяло Андрианову и его коллегам из стран народной демократии попытаться навязать свою повестку. Так, на сессии МОК в Афинах на семь членов МОК из социалистических стран приходилось 34 представителя из стран Запада.

Достаточно посмотреть на карту мира, чтобы понять, что с любого континента дорога до Мельбурна займет долгое время, а ведь в середине XX века пассажирская реактивная авиация делала еще только первые шаги. Советские олимпийцы, которых решено было отправить самолетами, после проводов из Москвы летели с остановками до Ташкента и там ночевали. Затем из Ташкента новые советские реактивные самолеты ТУ-104 доставляли их до Рангуна — столицы недавно освободившейся от английского колониального гнета Бирмы. Из Рангуна до Мельбурна они летели на американских четырехмоторных турбовинтовых самолетах «Боинг-70» с посадками в Сингапуре и Джакарте. Однако большая часть советских спортсменов добиралась в Мельбурн больше месяца на теплоходе.

Как известно, команда Советского Союза завоевала в Мельбурне 98 олимпийских медалей, из них 37 золотых, 29 серебряных и 32 бронзовых. На этой второй для СССР летней Олимпиаде советские спортсмены по-настоящему доминировали. По количеству медалей советская команда намного опередила команды остальных стран. Следующие за командой СССР спортсмены США завоевали 74 медали, в том числе 32 золотых, 25 серебряных и 17 бронзовых.

Советские спортивные руководители, как и раньше, были озабочены отчетностью о количестве очков, которые команда набрала в Мельбурне. По сравнению с Хельсинки-1952 было чем гордиться и руководителям Спорткомитета в отчетах, в частности, не пришлось прибегать ни к каким статистическим хитростям, как четыре года назад. Руководитель Спорткомитета с гордостью писал: «Советские спортсмены набрали на Олимпиаде 624,5 очка и намного опередили команду США, набравшую 498 очков. Разница, как видно, составляет 126,5 очка. Как известно, на XV Олимпийских играх в Хельсинки американцы набрали, как и наша команда, 494 очка и, следовательно, остались в общем на тех же позициях, на которых они стояли на прошлой Олимпиаде, в то время как команда СССР далеко ушла вперед»¹.

¹ Там же. С. 10.

Олимпийское спортивное противостояние между двумя супердержавами во времена холодной войны часто выражалось в борьбе за общую командную победу, которая определялась путем неофициального подсчета олимпийских очков. Неофициальный подсчет олимпийских очков за 1–6-е места можно проводить по-разному. Н. Н. Романов с некоторой иронией отмечал, что американские спортивные функционеры в Мельбурне попытались предложить использовать новый способ подсчета очков, при котором позиции команды США выглядели бы предпочтительнее: «Руководители американского спорта накануне XVI Олимпиады выдвинули свою систему подсчета очков, где за первое место установили не 7, а 10, а за последние места такое же количество очков, как и в общепринятой системе, т. е. 5–4–3–2–1. Выдвигая такую систему, американские спортивные руководители были твердо убеждены, что команда США наберет на XVI Олимпийских играх значительно больше золотых медалей, чем советская команда, а следовательно, ей будет засчитано и больше очков. Однако эти расчеты не оправдались, так как и по американской системе советская команда намного опередила команду США»¹.

В некоторых видах спорта, например в пятиборье или в гребле на байдарках и каноэ, советскую команду можно было назвать новичком, и большого количества очков Спорткомитет не планировал, но тем не менее в Мельбурне советская команда показала высокие результаты в этих видах. «По предварительным расчетам, наши каноисты и байдарочники должны были получить 17 очков, а получили 41. Конечно, никто не будет их критиковать за такое нарушение плана!»² Планирование очков Спорткомитетом, кстати, продолжалось и на всех последующих Олимпиадах.

Говоря о легкой атлетике в Мельбурне, руководители советского спорта признавали, что не во всех видах советскими спортсменами были показаны оптимальные результаты. «Слабо выступили наши женщины. Это случилось в известной мере благодаря благодущию и даже зазнайству... В спорте нет мелочей, нет второстепенных вопросов, особенно когда идет речь о подготовке к таким ответственным стартам, как олимпийские. Вот, например, вес. За ним надо следить постоянно, ежедневно знать его состояние. Что же оказалось? Когда, например, Галина Попова установила мировой рекорд в прыжках в длину, то разница между ее ростом и весом составляла + 11 (рост минус 100 и минус вес). А через год, накануне Олимпийских игр, этот показатель был равен + 5, то есть спортсменка прибавила в весе сразу 6 кг. Для сравнения возьмем двух чемпионок

¹ Романов, Н. Н. XVI Олимпийские игры в Мельбурне. С. 10.

² Там же. С. 16.

Олимпийских игр 1956 года. Чемпионка в беге на 100 и 200 метров австралийка Э. Катберт (рост 168, вес 56 кг) имела разницу + 12. У М. Мак-Дэниэль (США), чемпионки Олимпийских игр и рекордсменки мира в прыжках в высоту, эта разница была еще больше — + 20 (рост 175, вес 55 кг). В нашей команде не было ни одной женщины с примерно оптимальным соотношением роста и веса. Если бы у спортсменок и тренеров была выше спортивная культура и требовательность к себе, об этом факторе можно было бы не говорить»¹.

Спортивное руководство хорошо понимало, что не только непродуманное питание могло сказаться на спортивных результатах в Мельбурне. «Безответственно повел себя и прыгун в высоту В. Поляков. Имея в сезоне лучший результат — 207 см, на последних тренировках в Мельбурне он не смог прыгнуть выше 195. Исходя из этого и надо было строить свою тактику. Но и тут зазнайство привело спортсмена к ошибке. После 2,5 часа ожидания своей очереди (он пропускал начальные высоты) Поляков начал прыгать на высоте 192 см. Но, не войдя в соревновательный ритм, не распрыгавшись, он не взял квалификационной высоты (192 см) и выбыл из борьбы. Большинство участников начали прыгать со 170 см, и пока планка поднималась вверх, они сумели как следует подготовиться к покорению высоты»².

Еще в Хельсинки в 1952 году американские и советские баскетболисты сыграли дважды — в круговом турнире и в финале, и оба раза советские баскетболисты уступили с большим разрывом. В баскетбольном олимпийском турнире в Мельбурне противостояние советской и американской сборной продолжилось, хотя советским баскетболистам, как и четыре года назад, играть против американцев оказалось трудно. Вот как об этом рассказал Н. Н. Романов: «Финальный матч с командой США мы смотрели относительно спокойно. Знали, что сенсации не будет. Правда, вызывало огорчение техническое несовершенство наших игроков. Особенно это сказывалось в точности бросков по корзине и, особенно, в борьбе за мяч у щита... Наши баскетболисты недостаточно бросали по корзине со средней и дальней дистанций. Видимо, боялись ответственности. В проведении тактических комбинаций не было должной четкости, игра носила однообразный характер. Злоупотребляя тактикой длинной распасовки, замедляли темп игры. Создавалось впечатление трусливой тактики, а оно нам не к лицу»³.

¹ Романов, Н. Н. Восхождение на Олимп. С. 80.

² Там же. С. 81.

³ Там же. С. 103.

Тема сплоченности и единства многонациональной советской сборной на Олимпиаде в Мельбурне не раз и не два оказывается в центре внимания руководства Спорткомитета. В брошюре, посвященной результатам Олимпиады, с гордостью говорилось и о достижениях спортсменов отдельных союзных республик. «Советская спортивная делегация олицетворяла собой братскую и нерушимую дружбу народов Советского Союза: в ее состав входили представители многих национальностей, а их выступления являются свидетельством успехов, достигнутых в развитии спорта в союзных республиках. Говоря об успехах союзных республик в развитии спорта, нельзя не отметить того факта, что спортсмены Украинской ССР, входившие в олимпийскую команду, набрали 170 очков, больше, чем олимпийские команды таких стран, как Англия и Япония. Грузинские спортсмены получили больше очков, чем спортсмены Норвегии, Бельгии и Греции, взятые вместе»¹.

Произошло существенное омоложение советской команды по сравнению с Олимпиадой в Хельсинки. «В сборной команде СССР на XV Олимпийских играх не было ни одного спортсмена моложе 20 лет, а в 1956 году в состав сборной команды страны вошло уже 39 спортсменов этого возраста. Если в Хельсинки поехала команда, почти наполовину состоявшая из спортсменов старше 30 лет, то в Мельбурне таких было лишь 43 человека, из них 21 человек — представители конного, парусного спорта, стрельбы и фехтования. Специфика этих видов спорта позволяет спортсменам сохранять спортивное долголетие»².

После выступления советской команды в Мельбурне для спортсменов был организован торжественный прием в Большом Кремлевском дворце, на котором выступил Н. С. Хрущев: «Центральный Комитет Коммунистической партии и советское правительство очень довольны, очень рады вашим успехам... Вы хорошо показали ваши возможности и свое мастерство, достойно защитили спортивную честь нашей Родины»³. Хрущев, как уже отмечалось, не слишком интересовался спортом, но, безусловно, был рад результатам советских спортсменов, показанным в Австралии.

Атмосфера холодной войны и противостояние с американцами на Олимпиаде, конечно, не оставались незамеченными главой Спорткомитета СССР. «Американская пресса всячески разжигала ажиотаж вокруг Олимпийских игр, призывала спортивных руководителей и спортсменов сделать все возможное, чтобы “разбить русских”».

¹ Романов, Н. Н. XVI Олимпийские игры в Мельбурне. С. 26.

² Там же.

³ Там же. С. 25.

Подготовка олимпийских команд по отдельным видам спорта была поручена военным ведомствам и отдельным университетам. Крупные суммы денег были собраны на проведение сборов, тренировок, соревнований и отправку американских спортсменов в Италию и Австралию»¹.

Н. Н. Романов в своей брошюре 1957 года упоминает сенатора Маккарти, одного из известнейших идеологов холодной войны, сделавшего себе репутацию в США во время второго этапа так называемой «красной угрозы». Дело в том, что в 1956 году на Олимпиаде была достигнута предварительная договоренность о проведении легкоатлетического матча между советской и американской командами. «И что же? Не прошло и двух дней после этих переговоров, как раздался окрик одного из “апостолов” холодной войны, сенатора Маккарти. В телеграмме руководителю американской команды Д. Феррису он писал: “О чем, черт возьми, думаете вы и ваши коллеги, пытаясь организовать приезд легкоатлетов СССР в США? Это выше моего понимания!”»²

Впрочем, сенатор Маккарти был не одинок. Другой американский сенатор, пожалуй, еще лучше передал настроение американских консервативных элит в отношении советских спортсменов: «Советский спортсмен — это заплаченный пропагандист СССР, еще один раб в отвратительной цепочке людей, которым промыли мозги, с тем чтобы они восхваляли коммунизм»³. Не только политики, но и американские историки того времени рассматривали советский спорт как особую форму подавления индивидуальности. Генри Мортон, например, утверждал в работе по истории советского спорта, что массовое участие и победы советских спортсменов в международных соревнованиях, включая Олимпиады, следует рассматривать как форму социального контроля⁴.

Вероятно, не стоит спорить по поводу высказываний о советских спортсменах и социальном контроле; заметим лишь, что каждое общество через существующие механизмы использует те или иные формы социального контроля своих членов. Со спортивно-исторической точки зрения важнее то, достижения советской сборной в Мельбурне в 1956 году убедительно доказали, что первые удачные выступления в Хельсинки в 1952 году не были случайностью и с советским спортом придется считаться и в будущем.

¹ Романов, Н. Н. Восхождение на Олимп. С. 75.

² Романов, Н. Н. XVI Олимпийские игры в Мельбурне. С. 31.

³ New York Times, 10 June 1955, 18.

⁴ Morton, H. W. (1963). Soviet sport, mirror of Soviet society. Collier Books. P. 22.

Венгерские события 1956 года и «кровь в бассейне» Мельбурна

Наш следующий рассказ посвящен венгерским событиям 1956 года и тому, как они отразились в спорте, прежде всего на Олимпиаде 1956 года в Мельбурне. Отметим, что в послевоенные годы спортивные достижения Венгрии были необычайно высоки. Достаточно взглянуть на статистику по завоеванным венграми олимпийским наградам в 1952, 1956 и 1960 годах: 42 медали, из них 16 золотых в Хельсинки; 26 медалей, из них 9 золотых в Мельбурне; 21 медаль и 6 золотых в Риме. Необычайный спортивный взлет в Венгрии в 1950-м и 1960-м затем повторит только ГДР в 1970-м и в 1980-м. Неудивительно, что сами венгры с огромной гордостью относились к своим спортсменам в эти годы.

Одновременно, как и в других странах Восточной Европы, в Венгрии также постепенно оформлялись антисоветские настроения, которые обычно не находили никакого открытого выхода и зрели подспудно. Лишь на спортивных аренах можно было выплеснуть эти настроения, особенно если венгерская команда играла с советскими спортсменами, и особенно в тех видах спорта, где у венгров были неплохие шансы победить — футбол, водное поло или фехтование. Об этом пишут многие исследователи истории послевоенного спорта. «Практика взаимоотношений между Советским Союзом и социалистическими странами, установленная еще при И. В. Сталине, была чревата усилением антисоветских настроений. Зревшее недовольство до поры до времени не проявлялось открыто, а если и выплескивалось наружу, то, как правило, это происходило в ходе проведения в странах народной демократии спортивных соревнований с участием спортсменов из СССР. В значительной степени это объяснялось тем, что в условиях тоталитарной системы с повсеместными запретами на забастовки, демонстрации, митинги и т. п. спортивные соревнования оказывались единственным относительно безопасным местом для выражения не только эмоций, но и политических взглядов зрителей»¹.

В странах социализма в эти годы не проводились какие-либо социологические опросы, фокус-группы, интервьюирование населения. Как известно, социология не входила в университетскую программу обучения. В этих условиях «спорт выступал своеобразным барометром общественных настроений, индикатором, безошибочно свидетельствующем об уровне напряженности в обществе... Стремление послесталинского руководства СССР модернизировать

¹ Прозуменщиков, М. Ю. Большой спорт и большая политика. С. 298.

систему взаимоотношений со странами социализма в некоторых из них было истолковано как свидетельство слабости Советского Союза. Уже вскоре после смерти И. В. Сталина стали раздаваться сигналы об открытых проявлениях антисоветизма на спортивных аренах Восточной Европы»¹.

Проявления недружелюбности со стороны венгерских болельщиков, спортсменов и судей в отношении советских спортсменов были зафиксированы еще в начале 1950-х годов, задолго до драматических событий осени 1956 года. «В Москве были немало поражены тем, что на первой для СССР Олимпиаде в Хельсинки в 1952 году венгры не только ничем не помогли “братьям-дебютантам” из Советского Союза, но и сами создавали для них проблемы; например, то, что судья из Венгрии Херпиг умышленно занижала оценки за выступление советским спортсменам (гимнасткам. — А. Р.), отметили практически все участники соревнований. Еще большее недовольство судейством было высказано в ходе XII Всемирных летних студенческих спортивных игр в Будапеште, причем о пристрастном и необъективном судействе венгров говорили не только советские представители, но и делегации из Чехословакии, Болгарии, Польши, Египта и других стран»². Разумеется, пристрастное судейство не являлось чем-то уникальным для Венгрии или СССР, оно имеет давние корни практически во всех спортивных состязаниях. Недаром большинство спортивных федераций выработало систему назначений судей из нейтральных стран для проведения судейства в ответственных соревнованиях.

Однако во время спортивных состязаний между социалистическими странами принцип назначения нейтральных судей часто не соблюдался. «В Советском Союзе, правда, тоже не оставались в долгу. В 1952 году на соревнованиях по водному полу в Киеве и в 1953 году в ходе футбольного матча команды “Динамо” (Москва) с венгерским клубом “Дожа” были допущены серьезные ошибки уже со стороны советских судей, обслуживавших эти состязания. В 1954 году на международных соревнованиях по спортивной гимнастике в Ленинграде из-за необъективности судейства сборная Венгрии заявила решительный протест, обвинив СССР в недоброжелательном отношении к венгерским спортсменам. Поскольку скандал приобретает не просто международный характер, но и свидетельствовал о серьезных проблемах внутри социалистического лагеря, к его урегулированию подключился вездесущий КГБ, председатель которого И. А. Серов направил в ЦК КПСС записку с объяснением произошедшего. В ЦК, рассмотрев записку, поручили руководителю Спорткомитета

¹ Там же. С. 299.

² Там же. С. 300.

Н. Н. Романову провести встречу с приглашенным в Москву на Всесоюзный парад физкультурников председателем Всевенгерского комитета по физической культуре и спорту Х. Дьюла для обсуждения возникших проблем»¹.

На соревнованиях по вольной борьбе в 1954 году в Венгрии венгерские болельщики вели особенно агрессивно по отношению к советским спортсменам и туристам. По сообщению корреспондента ТАСС Н. П. Балакина, «каждое решение судей в пользу советских спортсменов встречало яростный свист, выкрики протеста и т. п. С трибун неслись антисоветские призывы и оскорбления в адрес советских борцов»², что, впрочем, не оказывало на спортсменов большого влияния, так как большинство из них венгерским языком не владело. Соревнования по борьбе проходили в рамках фестиваля советско-венгерской дружбы.

Проблема недружественных отношений со стороны венгров в области спорта стала предметом обсуждения на партийном и государственном уровне. В сентябре 1954 года было принято постановление ЦК КПСС «О фактах недоброжелательного отношения в Венгрии к советским спортсменам». «По результатам состоявшегося обсуждения лидеры КПСС решили поручить Секретариату ЦК подготовить проект письма по данному вопросу венгерскому руководителю М. Ракоши. Последний принял к сведению информацию, согласился с проявленной Москвой обеспокоенностью и пообещал принять соответствующие меры»³.

В октябре 1956 года в Венгрии разгорелось восстание против тоталитарной коммунистической формы правления. В этот год, по указанию из Москвы, Матиаш Ракоци, известный как «лучший ученик Сталина», был освобожден от должности Генерального секретаря ЦК ВПГ, и этот пост занял бывший министр госбезопасности Эрне Гере. Отстранение Ракоши, а также совпавшее по времени и вызвавшее большой резонанс Познанское восстание 1956 года в Польше привели к росту критических настроений в Венгрии, особенно в среде студенчества и творческой интеллигенции.

Студенческие активисты требовали, в частности, открытых гласных судов над организаторами репрессий, прежде всего над бывшим министром обороны Михаем Фаркашем и его сыном, подполковником Владимиром Фаркашем (оба были арестованы в октябре 1956-го). Студенты также выступали за немедленный созыв внеочередного партийного съезда, назначение Имре Надя премьер-мини-

¹ Прокуменищиков, М. Ю. Большой спорт и большая политика. С. 301.

² Там же.

³ Там же. С. 303.

стром, а также вывод советских войск из страны, снос памятников Сталину и пр. В столице Венгрии в конце октября состоялись многотысячные демонстрации и массовые выступления, закончившиеся столкновениями между венгерской армией и повстанцами. Госсекретарь Соединенных Штатов Джон Фостер Даллес заявил, что «коммунистический монолит начинает крошиться»¹.

Лидером революционных событий в Венгрии стал бывший премьер-министр республики Имре Надь. Эти события, как виделось из Москвы, легко могли привести не только к контрреволюции в Венгрии, но и к расколу всего социалистического лагеря. Настроенный на реформы руководитель Венгрии Имре Надь выступил за выход Венгрии из Варшавского Договора и обратился за помощью к странам НАТО. Реакция Москвы не заставила себя долго ждать. Всего за несколько дней, к 10 ноября 1956 года, советские войска подавили восстание в Венгрии, а у власти оказалось новое правительство Яноша Кадара, которое готово было проводить просоветскую политику, а Имре Надь был казнен.

25 октября президент США Эйзенхауэр выступил с заявлением, осуждающим советскую интервенцию в Венгрии, подчеркнув, что американцы в своих сердцах остаются с венгерским народом. А 31 октября в телевизионном обращении к нации президент США еще раз призвал советское руководство вывести войска из Будапешта², однако кроме как устной поддержки венгерским революционерам в выступлении не прозвучало никаких намерений США вмешаться в эту ситуацию. 8 ноября администрация США заявила, что готова принять пять тысяч беженцев из Венгрии.

Швейцария и Испания обратились в МОК с предложением не допустить советскую команду до Олимпиады в Мельбурне в ответ на действия советского правительства в Венгрии. Президент МОК Брандедж оставался верен принципу «Олимпийские игры вне политики». Накануне Олимпиады МОК выпустил общее обращение, где высказывалось неодобрение политических и иных вмешательств в мире и упоминались Суэцкий кризис, события в Венгрии и проблема двух Германий. «Небольшое количество стран решили не участвовать в Олимпиаде по различным причинам, не связанным со спортом. Международный Олимпийский комитет, организация, занимающаяся исключительно спортом, выражает грусть и сожаление в связи с этими решениями, считая, что они не соответствуют

¹ Rider, T. C. (2016). *Cold War Games: Propaganda, the Olympics, and US Foreign Policy*. University of Illinois Press. P. 107.

² Redihan, E. E. (2017). *The Olympics and the Cold War, 1948–1968: Sport as Battleground in the US-Soviet Rivalry*. McFarland. P. 130.

идеалам и духу олимпизма»¹. Напомним, что Швейцария, Испания и Голландия решили в результате бойкотировать игры в Мельбурне.

Венгерская команда в Мельбурне узнавала тревожные новости из Будапешта с большим опозданием, венгерские спортсмены толком не знали, как на родине развиваются события. Кроме того, у команды были и другие проблемы — из-за трагических событий команде не поступили деньги в Мельбурне, и билетов на обратную дорогу для части команды не было куплено. «Не на шутку испугавшийся руководитель венгерской делегации... бросился за поддержкой к советской команде. Помощь была незамедлительно оказана. По согласованию с Москвой венгерской олимпийской сборной было выделено около 30 тысяч австралийских фунтов и около 5 тысяч долларов США для приобретения билетов на самолет из Мельбурна в Будапешт»².

Ставший знаменитым, матч по водному поло между советской и венгерской сборными командами на Олимпиаде в Мельбурне состоялся менее чем через месяц после подавления советскими войсками венгерского восстания 1956 года. Обстановка перед матчем была накалена до предела. Свое название в СМИ, «Кровь в бассейне», матч получил благодаря обошедшим мир кадрам, на которых игрок сборной Венгрии Эрвин Задор доигрывает последние две минуты матча с сильным рассечением брови, полученным в борьбе с советскими ватерполистами. Эти кадры были восприняты многими современниками событий как символическая отсылка к событиям, имевшим место в Венгрии во время восстания.

На матче присутствовало около пяти с половиной тысяч болельщиков, часть из которых были иммигранты-венгры, переселившиеся в Австралию. Некоторые из них развернули плакаты с надписью на венгерском: «Оставайтесь в Австралии!» Вся игра проходила в ожесточенной силовой борьбе как над водой, так и под водой. Судья встречи упустил контроль над игрой и вовремя не среагировал на нарушения как с одной, так и с другой стороны.

События в Венгрии имели и иные последствия для летней Олимпиады 1956 года. Голландия, Испания и Швейцария решили бойкотировать Олимпиаду в Мельбурне из-за за ввода советских войск в Будапешт и вмешательства СССР в Венгрии в 1956 году за три недели до начала Олимпиады. Вот как на это отреагировал председатель Спорткомитета Н. Н. Романов в своей брошюре, посвященной Олимпиаде: «Руководители Олимпийского комитета Голландии, которые неоднократно заявляли о том, что спорт находится вне политики, на этот раз показали свое истинное реакцион-

¹ Redihan, E. E. (2017). *The Olympics and the Cold War, 1948–1968*. P. 132.

² *Прозуменищikov, М. Ю. Большой спорт и большая политика*. С. 308.

ное лицо. Из заявлений руководителей голландского Олимпийского комитета, в связи с отказом послать своих спортсменов в Мельбурн, стало ясно, что они поддерживают контрреволюционные выступления в Венгрии и готовы передать на содержание венгерских хортистов средства, собранные для поездки голландской делегации на Олимпиаду»¹.

В дальнейшем, описывая атмосферу на Олимпиаде в Мельбурне в связи с венгерскими событиями, председатель Спорткомитета выбрал следующие слова: «Нельзя, конечно, сказать, чтобы в Мельбурне все у нас было гладко. Кое-кто старался отравить атмосферу дружбы. Особенно усердствовали те немногочисленные предатели и изменники как из нашей Родины, так и из стран народной демократии, которые нашли себе приют в Австралии. Более того, на Олимпийские игры были присланы из других стран специальные люди для того, чтобы организовать выступления против советских спортсменов. Но все эти попытки провалились. Наши спортсмены вели себя как достойные сыны и дочери нашего великого народа»².

Радиостанция «Свободная Европа» описывала знаменитый матч по водному поло так: «Сама игра шла в бескомпромиссной борьбе с обилием фолов и обоюдных ударов. За несколько минут до конца матча сборная Венгрии выигрывала со счетом 4 : 0. В этот момент игрок сборной СССР Валентин Прокопов, не выдержав словесных провокаций со стороны венгра Эрвина Задора, нанес ему удар кулаком и рассек кожу над правым глазом, что вызвало обильное кровотечение. Несмотря на это, венгерский спортсмен продолжил игру, оставляя за собой кровавый след в бассейне. Это вызвало негодование собравшихся зрителей, большинство из которых открыто симпатизировало венгерской сборной; некоторые зрители выбежали к бассейну и начали скандировать антисоветские лозунги и плевать в воду. В происходящее вмешалась полиция и восстановила порядок у бассейна. Однако матч был остановлен, и сборной СССР было засчитано поражение в связи с тем, что на момент остановки игры сборная Венгрии вела в счете». В финальном матче венгры победили югославов со счетом 2 : 1 и стали олимпийскими чемпионами. Восемь из одиннадцати венгерских ватерполистов решили не возвращаться на родину и попросили политического убежища в Австралии.

По-иному на ватерпольные баталии смотрели советские спортивные руководители: «Выиграв в упорной борьбе у команд Италии — 3 : 2 и США — 3 : 1, наши спортсмены должны были играть со

¹ Романов, Н. Н. XVI Олимпийские игры в Мельбурне. С. 27.

² Там же. С.32.

сборной Венгрии. Мы не рассчитывали на выигрыш, так как были слабее. Главное заключалось в другом. Игроки обеих команд не собирались допускать обострения обстановки, хотя печать всячески нагнетала ажиотаж вокруг этого матча. Судить эту встречу опять назначили Цукермана. Он не замечал обоюдной силовой борьбы за мяч и как бы подталкивал к обострению игры. И в одном из игровых эпизодов, плывя навстречу друг другу, в борьбе за мяч случайно столкнулись лбами два игрока. У венгра была рассечена бровь, у нашего — шишка на лбу. Это действительно произошло случайно и не вызывало никаких отрицательных реакций игроков обеих команд. Но венгерскому игроку надо было оказать помощь — заклеить пластырем бровь, так как текла кровь. Пока врач это делал, фотографии успели сделать снимки. На другой день во всех газетах был помещен огромный портрет венгра — на целую полосу — с рассеченной бровью. Команда Венгрии выиграла встречу со счетом 4 : 0. Она выиграла все пять игр и стала олимпийским чемпионом»¹.

Очевидцы игры ватерполистов подтверждали, что советская команда отставала от своих основных соперников, команд Венгрии и Югославии, «в применении броска с хода при завершении комбинаций и выходе игрока к воротам. Наши игроки также значительно отставали в умении использовать обманные движения, “оттирать” противника на ходу, не наплевывать на него сверху, слабо владели техникой коротких спуртов. Пишу о недостатках в игре потому, что перед командой поставили задачу бороться за первое место»².

Советская команда и некоторые команды из стран Восточной Европы возвращались из Австралии вместе на теплоходе «Грузия» и на поезде по Транссибирской магистрали. «Неблизкий путь из Мельбурна сначала до Владивостока, а затем поездом до Москвы еще больше сдружил спортсменов Венгрии, Чехословакии и Советского Союза. Торжественные встречи и поздравления чехословацких, венгерских и советских победителей Олимпиады на многих железнодорожных станциях надолго запомнились нашим друзьям»³. Однако венгерская команда возвращалась на родину не в полном составе. Сразу же после окончания Олимпийских игр около половины игроков сборной Венгрии, принимавших участие в олимпийском турнире, попросила политического убежища в странах Запада. Из 140 венгерских спортсменов около 30 венгерских официальных лиц в Мельбурне и около 45 венгерских спортсменов и тренеров решили не возвращаться после Олимпиады на родину.

¹ Романов, Н. Н. Восхождение на Олимп. С. 119.

² Там же.

³ Там же. С. 147.

«Турне свободы» для венгерских атлетов-невозвращенцев

Тридцать четыре венгерских спортсмена и четверо румын — участников Олимпиады-1956, решившие не возвращаться на родину, прибыли на специальном рейсе компании «Пан-Американ» через Голлулу в Сан-Франциско в конце декабря. Через две недели после окончания Олимпиады Госдепартамент США вынес определение по вопросу о том, что невозвращение венгерских спортсменов является случаем, отвечающим национальным интересам США, и поэтому венгерским олимпийцам не нужно проходить дополнительные проверки для получения политического убежища и американских иммиграционных виз. Для обычных заявителей на американскую иммиграционную визу такие проверки занимают несколько месяцев и связаны с получением информации о наличии или отсутствии судимостей в стране, где ранее проживал заявитель. Из Сан-Франциско венгерских спортсменов через пару дней отправили на самолете в Нью-Йорк, где их и зарегистрировала американская иммиграционная служба без всяких бюрократических препон и проволочек¹.

Венгерские атлеты отпраздновали новый, 1957 год в доме С. Д. Джексона, специального помощника в администрации президента Эйзенхауэра по связям между Пентагоном и ЦРУ, который в период Второй мировой войны работал экспертом по организации и ведению психологической войны. В новогодний вечер Джексон вел неформальный разговор со спортсменами с тем, чтобы больше узнать из первых рук о жизни в Восточной Европе, а также выяснить мнение спортсменов об эффективности западных передач в Венгрии и их соображениях о причинах венгерской революции².

Тем временем американские газеты дружно сообщали о решении венгерских спортсменов о невозвращении и рисовали для своих читателей картины о тяжелых условиях жизни при социализме. Например, редакторская колонка *Milwaukee Journal* утверждала, что страны-сателлиты СССР с такой скоростью теряют своих спортсменов, что просто некем становится залатывать бреши в национальных сборных. *Chicago Daily New* опубликовала статью о чехословацкой фигуристке Мирославе Находска, которая стала невозвращенкой на чемпионате мира в Вене в 1955 году. Фигуристка рассказала, что с 1947 года ее не выпускали на международные соревнования, опасаясь за ее благонадежность и в 1955 году, находясь в Вене, она решила использовать свой единственный шанс. В том же интервью

¹ Rider, T. C. (2016). Cold War Games. P. 123.

² Ibid.

Находска утверждала, что в Чехословакии для спортсменов созданы привилегированные условия, им достаются как материальные блага, так и престиж и известность, однако все это она была готова обменять на свободу.

Для венгерских спортсменов-невозвращенцев американский журнал *Sports Illustrated* решил организовать всеамериканское турне «The Freedom Tour»¹. Во главе усилий по организации тура стоял Ричард Нили, зам. главного редактора журнала, однако ему помогали сразу несколько организаций и деятелей, таких как Даниел Феррис из Любительского атлетического союза США (AAU), Лиман Бингхам — исполнительный директор американского НОК, Эдвард Эган — президент одной известной в те годы американской спортивной организации *Peopletto People Sports Committee*. В их тени прятался еще один организатор турне — Информационное агентство Соединенных Штатов (United States Information Agency — USIA). Агентство предвкушало пропагандистскую возможность обрисовать венгерских спортсменов-невозвращенцев как людей, выбравших свободу, как символ того, что большинство венгров хотели бы освободиться от советского ига. Кроме того, USIA постаралось сделать все, чтобы иммиграционные формальности и переход венгерских спортсменов на американский образ жизни произошел как можно более плавно. Здесь следует напомнить, что еще 38 тысяч венгерских граждан после событий октября-ноября 1956 года сумели перебраться в Австрию и другие европейские страны и оттуда обратились за американским политическим убежищем. Венгерским спортсменам было предоставлено жилье и предприняты усилия по нахождению для них рабочих мест или возможностей для получения образования в США. С. Д. Джексон, специальный помощник в администрации президента Эйзенхауэра, о котором мы уже говорили, надеялся также, что венгерским спортсменам удастся в ускоренном порядке получить американское гражданство и выступить на следующей летней Олимпиаде в Риме в 1960 году за команду США. Проследим, насколько удалось реализовать эти планы.

Чтобы турне венгерских спортсменов-невозвращенцев по США было лучше освещено в прессе и получило должный резонанс, Ричард Нили из *Sports Illustrated* разослал информацию о турне всем спортивным редакторам ведущих американских газет. В своем послании он обозначил три основные цели спортивного турне: способствовать сбору пожертвований для фонда помощи венгерским политическим беженцам (Hungarian Relief Fund), продемонстрировать стремление венгров к свободе и, наконец, способствовать трудоустройству и ассимиляции в американском обществе самих венгер-

¹ Rider, T. C. (2016). *Cold War Games*. P. 125.

ских спортсмен-олимпийцев¹. Редакторы американских газет также узнали из письма Нили, что всеамериканское турне спонсируется Госдепартаментом США и ЦРУ, но решили не сообщать об этом² своим читателям.

Команду венгерских и румынских олимпийцев для турне по США разделили на три части: фехтовальщики поехали с гимнастами, ватерполисты объединились с пловцами, а в третья часть состояла из бегуна Ласло Табори, мирового рекордсмена на дистанции 1500 метров, и его тренера Михайли Иглой. Венгерские и румынские спортсмены погрузились на два автобуса 10 января 1957 года в Нью-Йорке, чтобы пересечь на них всю страну. Показательные выступления и соревнования гимнастов и фехтовальщиков начались в Коннектикуте, где они выступили вместе со спортсменами Гарварда, затем со студентами Массачусетского института технологии в Кембридже, позже со студентами Университета Нотр-Дам, с курсантами Военно-воздушной академии США в Денвере, в клубе фехтовальщиков в Милуоки в штате Висконсин, а также в фехтовальном клубе в Сан-Франциско. В это же время венгерские пловцы и ватерполисты выступали в Йельском университете, затем в Чикаго в престижном Северо-Западном университете, в университете Оклахомы, в тexasском сельскохозяйственном университете A&M, а дальше их путь лежал в город Феникс в штате Аризона и в Лас-Вегас в Неваде. Бегун Табори успел выступить на семи стадионах Нью-Йорка, Бостона, Филадельфии, Чикаго, Милуоки и Кливленда³.

Местные и общенациональные американские газеты публиковали биографии спортсменов-невозвращенцев; статьи о показательных соревнованиях, в которых они участвовали; фотографии, рекламу, шаржи и карикатуры, так или иначе связанные со спортсменами-олимпийцами и событиями в Венгрии 1956 года. Так, газета в штате Айова *Globe-Gazette* писала, «есть что-то проникновенное и незабываемое в истории 34 венгерских спортсменов, которые решили не возвращаться в свою покоренную красными страну. Для них Олимпиада в Мельбурне оказалась не просто соревнованием, но и возможностью начать новую жизнь в США»⁴. *Washington Post* писала, как венгерский спортсмен-красавец Миклош Мартин покорила сердца многочисленных болельщиц Мэрилендского университета и обращала внимание на его «огромные карие глаза» и «впечатляющий облик»⁵.

¹ *Washington Post*. Jnuary 29 1957.

² Rider, T. C. (2016). *Cold War Games*. P. 125.

³ *Ibid*. P. 126.

⁴ *Spirit ofHungary*, *Mason City Globe-Gazette*, January 10 1957.

⁵ *Hungarianscall US 'Wonderful'*, *The Washington Post and Times Herald*, January 31 1957.

Следует отметить, что хотя выступление венгерских олимпийцев в «Турне-свободы» по США вызвало общественный интерес и одобрение, предоставление американского политического убежища 38 тысячам венгерских беженцев было воспринято неоднозначно как некоторыми американскими политиками, так и читающей публикой в США. Так, члены Конгресса утверждали, что упрощенные процедуры скрининга венгерских беженцев создают возможности для коммунистов проникнуть в США и начать свою подрывную деятельность. 12 декабря 1956 года президент Дуайт Эйзенхауэр создал президентский комитет по помощи венгерским беженцам. Одной из задач комитета было развеять страхи обычных американцев и показать, что венгерские беженцы окажутся ценными и производительными членами общества и стойкими борцами против коммунистической заразы. Президентский комитет по венгерским беженцам нанял две частные фирмы по связям с общественностью с тем, чтобы заглушить критиков и сомневающихся и подавать новости, связанные с венгерскими беженцами по вопросам их ассимиляции и интеграции в американском обществе, в позитивном ключе и на телевидение, и в газетах, и в журналах, таких, например, как *Look*, *Reader's Digest*, *Time*, *Life*, *Sports Illustrated*¹.

Ричард Нили из *Sports Illustrated* собрал статистику по освещению истории венгерских олимпийцев-невозвращенцев и по их «Турне свободы». Оказалось, что подробные рассказы или просто упоминания о «Турне свободы» венгерских олимпийцев были опубликованы в газетах, проиграны по радио и показаны по телевидению около 800 раз в 48 штатах Америки. Практически все американские телеканалы показали прилет венгерских спортсменов в Сан-Франциско, их прибытие в Нью-Йорк, а также их отъезд в «Турне свободы». Конечно, сам журнал *Sports Illustrated* сыграл наиболее важную пропагандистскую роль. Журнал издал в отличном полиграфическом исполнении специальный буклет, где подробно рассказывалось о каждом венгерском спортсмене, выбравшем свободу. Сам Ричард Нили написал подробное обзорное эссе о турне, назвав его «По свободной земле» (*Acrossa Free Land*), описывая все детали турне от начала и до конца. Тут был рассказ и о том, как венгерские спортсмены встречали Рождество в Калифорнии, Новый год в Нью-Йорке, и как они прикасались к колоколу Свободы в Филадельфии, и посещали Капитолий в Вашингтоне, как позировали над пропастью Гранд-Каньона, как жили в кампусах Мичиганского и Огайского университетов, как наблюдали за сборкой «кадиллаков» в Детройте и за укрощением диких лошадей в Техасе². Там же в эссе говорилось, что

¹ Rider, T. C. (2016). *Cold War Games*. P. 127.

² *Acrossa Free Land*, *Sports Illustrated*, 8 April 1957, 37.

венгерские спортсмены стали живой демонстрацией упорной поддержки идеи свободной Венгрии. Ричард Нили упомянул, что венгерские олимпийцы получили десятки писем из коммунистической Венгрии, призывавшие вернуться их на родину. Из этого был сделан, в общем-то, логичный вывод, что «Турне свободы» произвело своего рода сенсацию среди венгерских руководителей по другую сторону «железного занавеса».

Пропагандистские усилия этим не ограничивались — венгерское невозвращение и «Турне свободы» освещались многократно в передачах на «Радио Свободной Европы», «Радио Свобода», «Голос Америки», в специальных изданиях USIA¹; педалировалась тема свободолобивых спортсменов, без колебаний отказавшихся от бесперспективного существования в условиях коммунистического гнета и выбравших интеграцию в демократическое и процветающее американское общество, где каждый гражданин способен преуспеть. В специальной брошюре USIA, посвященной бегуну Ласло Табори, спортсмен заявил, что «выбрал свободу и отказался возвращаться в страну, управляемую из Кремля», «Я очень благодарен, что мне разрешили приехать в США. Я хочу здесь остаться и работать в своей области и соревноваться на легкоатлетических дорожках»². В другой статье USIA утверждалось, что венгерские спортсмены обзавелись сотнями друзей во время своего «Турне свободы» и что куда бы в США они ни приезжали, их везде встречали с горячим энтузиазмом и пониманием. Публикация сопровождалась фотографиями с улыбающимися и счастливыми венгерскими спортсменами в окружении американских атлетов³.

Общая сумма, потраченная на перелет невозвращенцев из Австралии, проведение «Турне свободы» и размещение венгерских атлетов оказалось сравнительно небольшой — всего 35 000 долларов, существенно меньше, чем ожидали организаторы этой операции⁴. Более того, проданные билеты на соревнования с участием венгерских спортсменов даже принесли организаторам прибыль, которая пошла в фонд помощи венгерским беженцам. С. Д. Джексон и после окончания турне продолжал оказывать венгерским спортсменам помощь.

Как уже упоминалось, предстояло еще трудоустроить и расселить венгерских спортсменов, а самое главное — способствовать их ассимиляции в американское общество, продемонстрировав всему

¹ Rider, T. C. (2016). Cold War Games. P. 129.

² Hungarian Runner Tabori Wantsto Stayin the United States, # 31 USIASportsPacket, January 1957.

³ Refugee Athletes Make Friendsin the UnitedStates, # 33 USIA Sports Packet, March 1957.

⁴ Rider, T. C. (2016). Cold War Games. P. 129.

миру американский «плавильный котел» в действии. «Плавильный котел» (meltingpot) стал еще в XIX веке одной из широко используемых метафор, иллюстрирующих американский подход к ассимиляции иммигрантов — обычно под «плавильным котлом» подразумевалось ускоренное изучение английского языка, освоение принципов американской демократии, ну и, конечно, участие в трудовом процессе в США. Одними из наиболее активных деятелей в процессе расселения и трудоустройства венгерских невозвращенцев стали уже известный С. Д. Джексон и Джорж Телегди — генеральный секретарь Венгерской национальной спортивной ассоциации в изгнании (National Hungarian Sports Federation-in-Exile), в прошлом сам неплохой фехтовальщик, который перебрался в США еще в 1948 году. Именно Телегди назвал эту операцию по устройству венгерских спортсменов «Операцией “Орел”» (Operation Eagle)¹.

К апрелю 1957 года большинство бывших венгерских и румынских олимпийцев либо были трудоустроены, либо получили студенческую стипендию для продолжения учебы в США. Так, например, фехтовальщик Жено Хамори получил работу и квартиру в Филадельфии, тренер по прыжкам в воду Балинт Папп был устроен на работу во Флориде, Габору Надю — румынскому ватерполисту с венгерской фамилией предоставили стипендию для обучения в университете Южной Калифорнии.

Однако не во всех случаях трудоустройство и ассимиляция в Америке проходили гладко. Пока фехтовальщик Бела Реррик находился в Мельбурне на Олимпиаде, его жена с двумя дочерьми сумела перебраться из Венгрии в Австрию, а затем получила убежище в Швеции. Бела Реррик по понятным причинам хотел воссоединиться с семьей. С. Д. Джексон отмечал, что из всех венгерских олимпийцев Реррик был бы наиболее подходящий кандидатурой для ведения кампании за свободу для спортсменов в странах за «железным занавесом»: он владел несколькими иностранными языками и был хорошим коммуникатором — в отличие от других не стеснялся давать интервью прессе и телевидению. Реррику было позволено покинуть США, отправиться в Швецию, где бы он мог взять свою семью и привезти всех с собой в Америку. С. Д. Джексон помог и с визами, и с деньгами. Так вся семья венгерского фехтовальщика перебралась в США, однако сам Реррик вскоре вернулся в Швецию, а оттуда в Венгрию. Оказалось, что он стремился на родину, с тем чтобы возобновить свою фехтовальную карьеру. С. Д. Джексон посчитал это решение проявлением какого-то загадочного умственного заболевания спортсмена².

¹ Rider, T. C. (2016). Cold War Games. P. 130.

² Ibid. P. 131.

Некоторые другие бывшие венгерские олимпийцы также покинули США по разным причинам. Золтан Торок, тренер по гребле, узнал, что его мать тяжело заболела, и вернулся в Венгрию. Ласло Надори, спортивный функционер, получал многочисленные письма от своей семьи, умолявшей его вернуться домой, и решил вернуться. Пловец Ласло Мадьяр и два ватерполиста — Ласло Джене и Георги Карпати также закончили свое невозвращенство тем, что вернулись в Венгрию.

С. Д. Джексон и Джордж Телегди старались сделать все, чтобы удержать остальных венгерских и румынских спортсменов в США, с тем чтобы их пропагандистские усилия не пропали даром. Одним из решений этой задачи стала отправка в Венгрию членам семей спортсменов-невозвращенцев дефицитных медикаментов и иных товаров, которые имелись только в США. Так, Венгерская национальная спортивная ассоциация в изгнании отправила более 50 посылок членам семей спортсменов. Кроме того, чтобы у венгерских невозвращенцев не возникало депрессии, надо было постараться сделать все возможное для их участия в тренировочном процессе и участия в соревнованиях, а также в предоставлении необходимых денежных средств. Граф Антони Шапари, основатель Венгерской национальной спортивной федерации в изгнании, тот самый, который боролся за право венгерских спортсменов-иммигрантов представлять Венгрию на Олимпиаде в Хельсинки в 1952 году¹, лично пожертвовал 4 тысячи долларов на поддержку спортсменов-невозвращенцев, призвав своих сторонников сделать взносы².

Одним из соревнований, на которые желательно было послать венгерских спортсменов-невозвращенцев, был чемпионат мира по фехтованию 1958 года в Филадельфии. Во-первых, венгерские фехтовальщики из США имели все шансы побороться за медали, а во-вторых, было понятно, что и сама Венгрия пошлет на соревнования представительную делегацию. Заметим, что на этом чемпионате Венгрия завоевала 4 медали, заняв третье командное место после СССР и Италии, а вот среди спортсменов-невозвращенцев призеров не оказалось. Заметим также, что одного желания участвовать в международных соревнованиях для невозвращенцев было недостаточно. Чтобы представлять американскую сборную, венгерским спортсменам нужно было получить гражданство США, так как международная федерация по фехтованию, как, впрочем, и спортивные федерации по другим видам спорта, не горела желанием предоставлять право участия в чемпионате мира спортсменам без гражданства. В июле

¹ Anthony Szapary, Ledsportsgroups, NY Times Dec. 26, 1972.

² Rider, T. C. (2016). Cold War Games. P. 132.

1958 года, уже после получения американского гражданства, возник вопрос участия в международных соревнованиях спортсменов, которые до этого представляли другую страну (Венгрию и Румынию). По существующим в то время правилам МОК, право на участие таким спортсменам в Олимпийских играх не предоставлялось.

Во многом из-за ситуации с беженцами из стран Восточной Европы Конгресс США принял закон в июле 1958 года относительно предоставления права на постоянное проживание в США политическим беженцам после двухлетнего пребывания в стране¹. Кроме того, эти два года в статусе беженца засчитывались в общий стаж для получения гражданства и позволяли политическим беженцам получать американское гражданство за пять лет.

Для венгерских спортсменов-беженцев переезд в США означал обрыв связей с родственниками в Венгрии, погружение в незнакомую культуру, но также и определенную потерю в статусе — если в Венгрии фехтовальщики и ватерполисты были известными и уважаемыми людьми, то в США на эти виды спорта внимания обращалось немного. Но даже и в легкой атлетике, которая, несомненно, была более развита в США, беженцам нелегко было продолжать свою карьеру.

Обратимся к судьбе Михали Иглой — известного венгерского тренера бегунов на средние дистанции и к судьбе его подопечного, Ласло Табори, рекордсмена мира в беге на 1500 метров. Оказавшись в США, и тренер и спортсмен захотели продолжить свою карьеру, предпочтительнее в Калифорнии, и заявили об этом после окончания «Турне свободы». Вначале университет Северной Каролины предоставил им места в общежитии и временную работу, однако и бегун Табори, и тренер Иглой хотели найти какое-либо постоянное место работы и желательно на спортивной кафедре в одном из калифорнийских университетов. Тренерских вакансий на тот момент не было, да и спортивные стипендии студентам обычно предоставляются один раз в год в период набора на первый курс. Помыкавшись, Табори в результате нашел работу на обувной фабрике, где рабочий день начинался в 7 утра, а заканчивался в 6 вечера. Естественно, для тренировок времени и сил не оставалось. Его же тренер Иглой вообще вынужден был устроиться на место чернорабочего². Оба были по понятным причинам разочарованы и к концу зимы 1957 года, т. е. через три месяца после переезда в США, серьезным образом рассматривали вопрос о возвращении в Венгрию.

Узнав о сложившейся ситуации с венгерским тренером и его подопечным, С. Д. Джексон не на шутку встревожился. Он писал:

¹ Tempo, C. J. B. (2008). Americans at the gate. P. 84.

² Rider, T. C. (2016). Cold War Games. P. 133.

«Работая долгие годы в области психологической войны и являясь специалистом по восточноевропейским странам, хочу особенно подчеркнуть, какое действие произвело бы возвращение этих двух спортсменов назад в Венгрию. В Венгрии они хорошо известны буквально всем, не меньше чем американские кинозвезды известны в США, и их возвращение станет поразительным подарком коммунистическому режиму Венгрии, об этом будет растрезвонено повсюду, и возвращение будет представлено как огромная победа»¹. С. Д. Джексон написал декану Принстонского университета с просьбой о помощи в трудоустройстве венгерских легкоатлетов, но там вакансий также не оказалось. Помощь пришла с неожиданной стороны. Небольшой атлетический клуб с необычным названием «Молодежная деревня долины Санта Клара» (Santa Clara Valley Youth Village) предложил должность тренера Иглоу, а Табори тренироваться и выступать за клуб на соревнованиях. Проблема, однако, заключалась в финансировании. Легкоатлетическая команда клуба в основном состояла из спортсменов, которые уже не могли выступать за колледжи и университеты, а также из темнокожих спортсменов, которым не давали спортивных стипендий по причине расовой дискриминации, которая, как мы помним, превалировала в США в те годы. За 15 лет работы «Молодежная деревня» воспитала 14 легкоатлетов, выступивших за олимпийскую команду США, и в общей сложности они завоевали 8 олимпийских медалей. Клуб из Санта Клара дал знать С. Д. Джексону, что для зарплаты тренера Иглоу потребуется 10–12 тысяч долларов ежегодно, и тогда и карьера венгерского тренера, и его подопечного продолжится. Джексон вначале решил попытаться собрать деньги частных доноров с помощью *Sports Illustrated*, куда послал подробное письмо на имя редактора. Небольшую сумму действительно удалось собрать, но до 12 тысяч не дотягивало. Узнав об этом, руководство клуба предложило перевести Иглоу на сниженную ставку. И тогда Джексон решил не церемониться и побеспокоить своего друга, директора ЦРУ Аллена Даллеса, написав тому письмо. Аллен Даллес практически сразу же ответил: «Положение политических беженцев и невозвращенцев в нашей стране является чрезвычайно важным делом, а тот случай (с легкоатлетами. — А. Р.), о котором вы пишете в своем письме, представляет особый интерес»². Деньги на счет «Молодежной деревни» были переведены в течение месяца. Тренер Иглоу успешно работал с легкоатлетами клуба и, несмотря на довольно-таки заносчивый характер, сумел подготовить несколько спортсменов, которым

¹ Ibid.

² Ibid. P. 137.

удалось пробиться в олимпийскую команду США для участия в Олимпиаде в Риме в 1960 году. Однако речь идет именно об американских спортсменах, а не о венгерских невозвращенцах. МОК во главе с Эйвери Брандаджем остались непреклонны в своем подходе к допуску спортсменов на Олимпиаду: «МОК с большим сочувствием относится к судьбе спортсменов без гражданства (речь как раз шла о невозвращенцах. — А. Р.), однако что же касается их участия в Олимпийских играх, по действующим правилам МОК, такие лица к участию в Олимпиаде допущены быть не могут». Решение МОК оказалось прецедентным — принцип недопущения спортсменов без гражданства к Олимпийским играм сохранился и до наших дней.

Олимпиада 1964 года в Токио и дзюдо

Олимпиада в Токио предоставила правительству Японии редкую и ценную возможность возродить образ Страны восходящего солнца как миролюбивой, демократической и прогрессивной нации. Руководители страны понимали, что проведение крупнейших спортивных соревнований стало бы важным мероприятием, которое способствовало бы целям внутренней мобилизации среди жителей Японии, а также созданию позитивного образа страны для окружающего мира в условиях холодной войны. Подготовка к Олимпиаде-1964 в Токио стала поистинне всенародным японским делом.

Накаде Казуо, житель Шибуйи, одного из районов Токио, так вспоминал о подготовке к Олимпиаде: «В Шибуйе есть Йоги-парк, одно из мест Токио, где планировалось проводить игры. Оно называлось у местных жителей “Вашингтонскими высотами”, так как здесь размещались американские солдаты сразу после окончания войны, район, куда местным жителям запрещалось входить. В июне 1964 года я получил письмо от муниципального управления Шибуйи, где говорилось, что управление готово предоставить мне денежную ссуду на замену традиционного туалета в доме (где требуется сидеть на корточках. — А. Р.) на европейский унитаз со смывом. Думаю, главной причиной для отправки таких писем было то, что для нас, японцев, стало неудобно продолжать пользоваться традиционными туалетами, так как во время Олимпиады наш дом мог посетить иностранец. Теперь-то я понимаю, что было абсолютно нереально ожидать, что какой-либо иностранец задумает нас посещать. Но в то время моя мать, прочитав письмо из управления, тут же согласилась менять туалет. Мой отец работал на железной дороге. Он взялся изучать английский язык за свой собственный счет на тот случай, если иностранцы нагрянут на его железнодорожную

станцию. Наши соседи тоже переживали по поводу Олимпиады, говоря, что иностранцы точно приедут. Летом 1964 года дождей было немного. Я помню, я немного полил улицу перед домом, а мой сосед тут же сделал мне замечание: «нужно сберегать воду для иностранцев», как будто бы я действовал непатриотично»¹.

Олимпиада и подготовка к ней затронули не только простых японцев, но и отчасти сказались на изменении статуса и роли самого императора Японии, хотя эти изменения начали происходить несколько раньше, сразу после поражения в войне и принятия новой послевоенной конституции. 3 мая 1947 года в Японии произошло событие, едва замеченное как местной, так и международной прессой: императорские музеи в Токио и в Наре, древней столице Японии, были переданы из ведения императорской канцелярии в министерство образования в соответствии с требованиями новой послевоенной конституции Японии². Эта еще одна манифестация исторического перехода от императорской к демократической Японии не должна заслонять важного нюанса. Американская оккупационная администрация Японии полагала, что демократическая форма правления и политическая стабильность в стране органически дополняют друг друга. Решение США сохранить на троне японского императора, не судить его как военного преступника, а также не допустить отречения его от престола, отражало стремление американцев сохранить социальный порядок и не допустить каких-либо радикальных социальных реформ в Японии в условиях холодной войны. Глава американской администрации генерал Дуглас Макартур настаивал на необходимости сохранения монархии для того, чтобы поддерживать мир и спокойствие в стране после такой разрушительной войны и столь деморализующего поражения в войне. Япония нужна была США в качестве стратегического союзника в годы холодной войны.

Сразу после окончания войны в 1945 году генерал Макартур приказал заморозить активы императорской семьи для проведения аудита и для того, чтобы в дальнейшем провести частичную национализацию императорских активов. Новая конституция 1947 года говорила о строительстве демократической Японии на основе японской культуры. Причем если в военное время говорилось о «превосходстве культуры Страны восходящего солнца» и об «имперской

¹ Satoshi, S. (2011). *Rebuilding the Japanese Nation at the 1964 Tokyo Olympics: The Torch Relay in Okinawa and Tokyo. The Olympics in East Asia: Nationalism, Regionalism, and Globalism on the Center Stage of World Sports* (Kelly, W. & Brownell, S. eds.), CEAS Occasional Publication Series, Yale University Press, 39–61. P. 42.

² Aso, N. (2002). *Sumptuous re-past: The 1964 Tokyo Olympics are festival. Positions: East Asia Cultures Critique*, Vol. 10(1), 7–38. P. 7.

культуре как свете Азии», то в новой послевоенной версии подчеркивалось, что национальная японская культура призвана помочь преодолеть последствия милитаризации и поражения в войне¹.

Память о Второй мировой войне в той или иной степени проявлялась во время подготовки и проведения Олимпиады в Токио. Так, например, пронести факел с олимпийским огнем по стадиону во время церемонии открытия Игр был доверен японскому атлету Сакаю Йошिनоре, который родился в день бомбардировки Хиросимы, 6 августа 1945 года в нескольких десятках километров от города. Тренер женской волейбольной команды Японии приводил в пример свой собственный опыт муштры в армии во время войны², когда говорил об изнурительных методах подготовки своих спортсменов, которые в финале выиграли в матче против волейболисток Советского Союза и завоевали золотые медали. Холодная война сыграла важную роль в процессе принятия решения МОК о предоставлении Японии права проведения Олимпийских игр в 1964 году. С точки зрения правительства США именно демократическая, процветающая и стабильная Япония должна была явиться примером для азиатских стран «по сдерживанию коммунизма в Азии», с тем чтобы они не пошли по пути Северной Кореи и Северного Вьетнама и не думали солидаризироваться с СССР.

После войны Япония была восстановлена в правах в Олимпийском международном комитете в 1948 году, именно в этом году небезызвестный Джордж Кеннан (посол США в СССР в 1945 году и ведущий идеолог холодной войны) и его коллеги в Госдепартаменте США активно обсуждали вопрос о завершении работы американской оккупационной администрации в Японии и о поэтапном свертывании политики демилитаризации в этой стране. Хотя статья 9 послевоенной японской конституции недвусмысленно запрещала Японии иметь армию, в 1950 году, в обход конституции, были созданы полицейские резервные силы. Кроме того, при молчаливой поддержке США были фактически реабилитированы некоторые бывшие лидеры милитаристической Японии, которые смогли занять влиятельные посты и в правительстве, и в промышленности, и в бизнесе.

Реинтеграция Японии в международное олимпийское движение была поддержана в 1950 году генералом Дугласом Макартуром, главнокомандующим объединенными американскими силами в Японии. В письме Дж. Гарланду, американскому представителю в МОК, Макартур писал: «Я лично очень надеюсь, что будут созданы подходящие условия, чтобы Япония смогла участвовать вместе с другими странами в Играх 1952 года. Во время (американской) оккупа-

¹ Aso, N. (2002). Sumptuous re-past: The 1964 Tokyo Olympics are festival. P. 9.

² Ibid. P. 14.

ции результаты японских спортсменов в плавании показали, что особенно в этом виде спорта японцы могут показать выдающиеся результаты. Участие в Олимпиаде в Хельсинки в значительной степени способствовало бы исполнению глубокого и искреннего желания японцев присоединиться к другим нациям в мирных культурных инициативах и мероприятиях»¹.

В 1952 году завершилась американская оккупация Японии, в этом же году Страна восходящего солнца получила право послать своих спортсменов на Олимпиаду в Хельсинки, а муниципальные власти Токио начинают строить планы о проведении Олимпийских игр на японской земле. В 1955 году Токио выставило свою кандидатуру, но МОК принял решение в пользу Рима, где и провели летнюю Олимпиаду-1960. В 1957 году Киши Набусуке, японский консервативный политик, сторонник политики вооружения, был избран премьер-министром страны и тут же поддержал токийский муниципалитет по проекту проведения Олимпиады в Токио. В 1959 году внушительная японская делегация, включавшая японского наследного принца, нынешнего и бывшего губернаторов Токио², отправилась в Мюнхен на заседание федерации МОК и там решительно переиграла Вену, Брюссель и американский Детройт в борьбе за право проведения игр в 1964 году. Главный довод японской делегации — Олимпийские игры потеряют в престиже, если не будут проведены в Азии, а Япония и ее столица Токио будут подготовлены к Играм в наилучшем виде. Ведущий аргумент о расширении географии проведения Олимпиад (игры должны проводиться не только в Европе и Северной Америке) сработал, хотя срабатывал он при принятии решений в МОК далеко не всегда. Достаточно вспомнить неудачную попытку Ирана предложить Тегеран в качестве столицы Игр-1984. В случае Японии несомненную роль сыграла американская политическая поддержка и идеологическая близость двух стран. Недаром, как уже говорилось, сам президент МОК американец Эйвери Брандедж не очень-то расстраивался, что Олимпиада не досталась американскому Детройту. Японские друзья Брандеджа, как и японские любители искусства и арт-дилеры готовили президенту МОК теплый прием в Токио. Впрочем, далеко не всех радовала перспектива проведения первых Олимпийских игр в Азии именно в Токио. Уместно вспомнить, что первые ядерные испытания в КНР прошли в дни проведения Олимпиады 1964 года на японской земле.

¹ Niehaus, A. (2006). 'If you want to cry, cry on the green mats of Kōdōkan': Expressions of Japanese cultural and national identity in the movement to include judo into the Olympic programme, *The International Journal of the History of Sport*, 23 : 7, 1173–1192. P. 1174.

² Aso, N. (2002). Sumptuous re-past: The 1964 Tokyo Olympics are festival. *Positions: East Asia Cultures Critique*, Vol. 10(1), 7–38. P. 15.

Как знают многие читатели книги, в Токио планировалось проведение Игр 1940 года. Так вот в планировавшихся Олимпийских играх 1940 года, которые из-за войны были отменены, главная роль в церемонии открытия и закрытия Игр отводилась японскому императору. В 1964 году организаторы Олимпиады решили сделать акцент на мысли о том, что и независимая Япония, и ее столица Токио развились до того уровня, что встали в один ряд с США, Англией и Францией и их Нью-Йорком, Лондоном и Парижем и готовы принять крупнейшие международные спортивные соревнования на самом высоком уровне. После присуждения права проведения Игр в Токио руководители города постарались сделать все, чтобы стереть прежние представления на Западе об отсталости и архаичности страны и провести Игры, обеспечив высокие стандарты безопасности для участников и зрителей, безупречный уровень санитарии, продемонстрировав первоклассные транспортные и логистические возможности японской столицы. Естественно, запланированное строительство дорог, новых веток метро, новой канализационной системы в Токио и инфраструктуры для скоростного поезда «Шинкансен» создавало массу временных неудобств для жителей столицы, но эти неудобства переносились без каких-либо жалоб и нытья со стороны токийцев. Более того, многие рядовые японцы приняли участие в нескольких розыгрышах благотворительной лотереи, доходы от которой пошли на подготовку Олимпиады в Токио¹.

Во время Олимпиады японские национальные традиции были подчеркнуты сразу в нескольких аспектах. Японский император председательствовал на церемонии открытия Игр, хотя отведенная ему роль была намного скромнее, чем в планировавшейся церемонии 1940 года. Дизайн олимпийского комплекса в Токио, созданный знаменитым архитектором Танге Киндзо, включал в себя элементы и традиционных японских замков самураев, таких как, например, известный замок в Химеджи, и черты японских буддийских храмов, как, например, старинного храма в бывшей столицы Японии Наре.

Напомним читателям, что основатель современных Олимпийских игр барон Пьер де Кубертен ввел в качестве обязательного элемента олимпийской программы фестиваль культуры на Олимпиадах, впервые проведенный в 1912 году в Стокгольме. На олимпийских фестивалях культуры также разыгрывались медали — за лучшую картину, скульптуру, музыкальную и литературную композиции присуждались золотые, серебряные и бронзовые медали вплоть до 1948 года. Затем в 1950-е годы присуждение медалей и конкурентная борьба среди деятелей культуры были отменены, прежде всего

¹ Aso, N. (2002). Sumptuous re-past: The 1964 Tokyo Olympics are festival. P. 15.

из-за того, что оказалось невозможным выработать объективные критерии для оценки произведений искусства. Кроме того, возникли сложности в плане определения любительского статуса среди художников, литераторов и музыкантов, на чем при жизни настаивал Кубертен.

Накануне токийской Олимпиады МОК постановил, что культурные фестивали на Олимпиадах отныне будут отражать культурно-историческое наследие страны-организатора Олимпиады, что было с энтузиазмом поддержано Эйвери Брандеджем, президентом МОК и известным коллекционером восточных древностей. На самом деле МОК закрепил практику проведения культурных фестивалей, которая начала складываться еще на Олимпиаде 1960 года в Риме, где организаторы сделали акцент на представлении лучших образцов античного искусства, которые показывали красоту человеческого духа через красоту тела, в том числе через показ полотен, скульптур и барельефов, изображающих античных атлетов. Читатели книги, которым посчастливилось побывать в музее Древней Олимпии на Пелопоннесе, хорошо могут представить, о каких образцах искусства идет речь.

Организаторы токийской Олимпиады тщательно спланировали церемонию пронесения олимпийского огня, которая впервые прошла по странам Азии. «Олимпийский огонь был зажжен по традиции в древней Олимпии на Пелопоннесе 21 августа 1964 года и был доставлен на Окинаву, в Наху 7 сентября. До этого олимпийский факел пересек Азию и побывал в Стамбуле, Бейруте, Тегеране, Лахоре, Нью-Дели, Катманду, Калькутте, Рангуне, Бангкоке, Куала Лумпуре, Маниле, Гонконге и Тайпее. Несколько из перечисленных городов находились в странах, которые были оккупированы Японией во время Второй мировой войны. Огонь был доставлен на Окинаву, обойдя стороной коммунистический Китай и Северную Корею. Из Нахи на Окинаве олимпийский огонь был переправлен в Кагошиму, а затем от него были зажжены еще четыре факела. Эти четыре олимпийских факела разными маршрутами целый месяц добирались до Токио, таким образом, олимпийские факельные пробеги прошли по всей Японии. Четыре факелоносца одновременно доставили огонь в Токио накануне дня открытия Олимпиады, и специальный олимпийский факел был зажжен на площади перед входом в императорский дворец. Дорога от дворцовой площади до Джингу Гаен, где проходила церемония открытия Игр, была заново построена к Олимпийским играм и олицетворяла «новый урбанистический Токио». Церемония пронесения олимпийского огня по Японии продемонстрировала, что японцы оставили в прошлом свое агрессивное военное поведение и представили процветающее Токио

символом японских островов и «центром японского экономического развития»¹. Так о церемонии пронесения олимпийского огня писала газета *Майничи Шимбун* в октябре 1964 года.

Вскоре после того как МОК на заседании в Мюнхене в мае 1959 года присудил право проведения Олимпиады 1964 года, в столице Японии был сформирован организационный комитет по проведению Олимпиады в Токио, который объявил о том, что будет проведена церемония пронесения олимпийского огня по всей Японии, для чего был создан специальный комитет. Префектура Окинавы тут же обратилась в организационный комитет с тем, чтобы олимпийский факел был пронесен и по Окинаве. Как известно, остров Окинава в это время находился под управлением американской администрации, и Япония не обладала полным суверенитетом в отношении Окинавы. Тем не менее специальный комитет по пронесению олимпийского огня решил 4 июля 1962 года², что олимпийский огонь прибудет на японскую территорию, начиная именно с Окинавы, что было важным политическим решением.

Не совсем понятно, было ли это решение как-то связано с попыткой использовать общественное мнение и оказать давление на американскую администрацию по вопросу возвращения Окинавы в японскую юрисдикцию. Официальная позиция Японии по Окинаве была озвучена тогдашним министром иностранных дел Козакой во время встречи с госсекретарем США: «Японское правительство не будет настаивать на возвращении Окинавы, однако, чтобы успокоить общественное мнение по вопросу возвращения, чрезвычайно важно улучшить условия жизни на острове... Япония не имеет намерений как-либо вмешиваться или пытаться уменьшить права американской администрации в этом вопросе»³. Однако вне зависимости от японской официальной линии по вопросу американской администрации на Окинаве японское общественное мнение требовало возвращения Окинавы от американцем, впрочем, как и возвращения северных территорий от СССР. Возможность вывесить японский флаг на Окинаве во время церемонии пронесения олимпийского огня обсуждалась в качестве тактики правящей либерально-демократической партии Японии⁴.

Олимпийский огонь был доставлен на Окинаву на самолете на один день позже запланированного из-за тайфуна в Тихом океане.

¹ Satoshi, S. (2011). *Rebuilding the Japanese Nation at the 1964 Tokyo Olympics*. P. 47.

² Ibid. P. 48.

³ Miyazato, S. (2000). *Nichibei kankei to Okinawa: 1945–1972 (Okinawa and Japan-U. S. Relations: 1945–1972)*. Tokyo: Iwanami shoten. P. 203.

⁴ Satoshi, S. (2011). *Rebuilding the Japanese Nation at the 1964 Tokyo Olympics*. P. 48.

Йосано Шигеру, генеральный секретарь токийского Олимпийского организационного комитета, специально прибыл на Окинаву, чтобы приветствовать огонь Олимпиады. На стадионе собралось более 40 тысяч местных жителей, и, как сообщала местная пресса, из-за аплодисментов и выкриков на трибунах трудно было слышать фанфары. После зажжения олимпийского огня на стадионе над трибунами был поднят японский флаг и был исполнен национальный гимн Японии. Олимпийские факелоносцы были одеты в футболки с пятью олимпийскими кольцами и большим красным кругом, символизирующем флаг Страны восходящего солнца. За пять дней олимпийский факел был пронесен по всей Окинаве, пройдя путь в 247 километров и вернулся в аэропорт Наха, откуда уже на американском военном самолете был отправлен в Кагошиму для церемонии на острове Кюсю.

Проведение Олимпиады-1964 на японской земле осознавалось в качестве важного фактора для возрождения японского патриотизма. Но для того чтобы гордиться страной, не менее важным было продемонстрировать и спортивные достижения в виде завоеванных медалей на Олимпиаде. И здесь уместно поговорить о дзюдо. Японские организаторы понимали, что включение в программу Олимпиады такого традиционного для Японии вида спорта, как дзюдо, позволило бы и завоевать олимпийские медали в дзюдо, и продвинуть его как компонент японской культуры, сделав элементом международной спортивной жизни. Усилия по включению дзюдо в число олимпийских видов спорта начались задолго до токийской Олимпиады.

В 1952 году Кано Рисей, председатель международной федерации дзюдо и сын основателя дзюдо Кано Дзигоро, направил первую официальную просьбу в МОК о включении дзюдо в число олимпийских видов спорта. Годом ранее МОК признал международную федерацию дзюдо и определил статус дзюдо как неолимпийского вида спорта. Обсуждение статуса дзюдо проходило в МОК и на сессии в Афинах в 1954 году, но шансы на получение олимпийского статуса были минимальны, так как в то время МОК стремился сократить количество признанных олимпийских видов спорта. Было принято решение не вводить новые виды спорта на Олимпийские игры 1956 года в Мельбурне. Французский представитель в МОК Арманд Массар, олимпийский чемпион 1920 года по фехтованию, предложил признать волейбол, катание на роликах и дзюдо дополнительными олимпийскими видами, но голосование по этому вопросу было отложено¹.

¹ Niehaus, A. (2011). Spreading Olympism and the Olympic Movement in Japan: Interpreting 'Universal' Values. *The Olympics in East Asia: Nationalism, Regionalism, and Globalism on the Center Stage of World Sports* (Kelly, W. & Brownell, S. eds.), CEAS Occasional Publication Series, Yale University Press, 75–95. P. 1176.

Вопрос о включении дзюдо, а также волейбола, стрельбы из лука и катания на роликах в олимпийскую программу снова обсуждался на 51-й сессии МОК в Париже в 1955 году, однако ни один из этих видов спорта не получил необходимого количества голосов делегатов. Нужно было собрать две трети голосов для одобрения — 34 голоса исходя из состава МОК. Советская делегация поддерживала включение волейбола, который собрал 26 голосов в поддержку; стрельба из лука получила 19 голосов, а катание на роликах — 7. Дзюдо же поддержали всего 3 представителя МОК.

Когда же в 1960 году международная ассоциация дзюдо вновь попросила МОК о включении дзюдо в программу Олимпийских игр в Токио, японская столица к тому моменту уже готовилась принимать игры, и дзюдо имело ощутимую политическую поддержку. Так, например, губернатор Токио, Азума Рао, подписался под обращением ассоциации дзюдо. На 58-й сессии МОК в Риме японская просьба была принята благосклонно, и 39 голосами против 2 было рекомендовано признать дзюдо олимпийским видом спорта. Это решение автоматически не означало, что дзюдо будет включено в программу токийской Олимпиады, так как в то же время МОК продолжал искать пути по сокращению количества видов спорта. Дело в том, что в первом предложении 30-й главы Олимпийской хартии говорилось, что общее количество олимпийских видов спорта должно быть 18. На сессии МОК в Риме советские представители К. Адрианов и А. Романов¹ предложили формулировку изменить, указав, что к олимпийским видам спорта относятся минимум 18 и максимум 21 вид с дальнейшим перечислением видов спорта, однако эта поправка не была принята.

Токийский организационный комитет сделал следующее предложение МОК: на Олимпиаде 1964 года исключить из программы современное пятиборье (из-за нехватки подготовленных лошадей в Японии), а также исключить все виды гребли, но включить дзюдо и таким образом не нарушить положение главы 30 и не превысить общее число из 18 видов спорта. После оживленной дискуссии исполнительная сессия МОК все-таки приняла компромиссный вариант, остановившись на 20 видах спорта в программе Олимпиады 1964 года. Из программы были исключены гандбол и стрельба из лука, однако, к радости японской делегации, было включено дзюдо.

Если в целом выбор Токио для проведения Олимпиады 1964 года связывают с поддержкой президента МОК Эйвери Брандеджа, то поддержку дзюдо на Олимпиаде связывают с Отто Майером, секре-

¹ Niehaus, A. (2011). Spreading Olympism and the Olympic Movement in Japan. P. 1177.

тарем МОК, который находился в переписке с главой международной федерации дзюдо Кано Рисей. Отто Майер в письме от 28 мая 1960 года заверил федерацию дзюдо, что сделает все, что в его силах, чтобы помочь федерации¹. Среди европейских делегатов МОК многие были незнакомы с дзюдо, и Майер посоветовал вице-президенту европейской федерации дзюдо Эрику Джонасу отправить известных дзюдоистов на индивидуальные встречи со всеми европейскими делегатами МОК накануне голосования по включению дзюдо в программу Олимпиады. Как мы видим, такого рода лоббирование сработало вполне успешно: если пятью годами ранее в пользу дзюдо высказалось лишь три делегата, то теперь за дзюдо было отдано 39 голосов. Конечно, это был большой успех для японцев. Дзюдо олицетворяло часть японской культуры и позволяло представить японскую идентичность на Олимпиаде не только через национально окрашенную церемонию открытия и закрытия игр, не только через японские элементы в архитектуре олимпийских объектов, но и через вид борьбы, основанной на японском миропонимании.

Имеет смысл немного остановиться на истории возникновения и развития дзюдо в Японии, чтобы пояснить эту мысль.

Дзюдо было создано японским деятелем в области физической культуры Кано Джигоро в 1882 году. Джигоро модернизировал джиу-джитсу, традиционный вид японской борьбы и японского боевого искусства, которым традиционно овладевали самураи. Для Кано Джигоро дзюдо было не просто одним из видов боевых искусств, но прежде всего формой физического воспитания. В конце XIX века, по требованию министра просвещения Японии Мори Аринори, японское образование должно было включать элемент морального просвещения и служить потребностям государства. Физическая подготовка была нацелена на подготовку для нужд государства здоровых и патриотически настроенных молодых людей, которые были бы способны и строить новую японскую экономику, и защищать страну. Сам Кано Джигоро писал о дзюдо следующее: «Дзюдо не является моралью, но является моральным образованием в широком смысле. Если дзюдо будет включено в школьные программы по всей стране, то это, безусловно, позволит справиться с негативными тенденциями нашей образовательной системы, сформировать должным образом характер наших учеников и усилить их патриотизм. Если же мы когда-либо будем иметь дело с международными конфликтами, если на нашу страну нападут враги, следуя принципам учения дзюдо, мы не будем испытывать страха и мы не сдадимся. А в мирное время иностранцы будут восхищаться современным развитием нашей страны, а также нашими обычаями и привычками.

¹ Ibid.

Если мы будем следовать принципам дзюдо, мы приблизим время, когда наша страна станет одной из цивилизованных и великих стран»¹. Таким образом, Кано реализовывал идею воспитания патриотически настроенной молодежи через дзюдо и рекомендовал министерству образования воспользоваться дзюдо в качестве инструмента по возрождению японской национальной идентичности и преодолению комплекса неполноценности перед Западом.

Дзюдо можно рассматривать как своего рода отражение образа японской нации в глазах самих японцев в период правления императора Мейдзи, когда прекратилась политика самоизоляции Японии. В Японию в 1860-е годы впервые прибыли американцы и европейцы — промышленники, бизнесмены, судостроители, миссионеры, многие из которых были крупнее или, в буквальном смысле слова, на голову выше японцев. Для японцев боевое искусство дзюдо привлекательно тем, что физически более слабый человек способен победить физически более сильного и крупного соперника с помощью технических приемов и волевых качеств. Создатель и популяризатор дзюдо Кано Джигоро стал известен по всей Японии.

В начале XX века дзюдо прошло через целую серию изменений в том, что касалось правил проведения боев и организации соревнований. Кано Джигоро приветствовал возрождение олимпийского движения и был избран в МОК от Японии и таким образом оказался первым делегатом от какой-либо азиатской страны, который участвовал в заседаниях МОК. В 1909 году он обсуждал с Кубертенем свои мечты о включении японских видов борьбы, дзюдо и кендо, в число олимпийских видов спорта².

Дзюдо начали включать в программу средних школ в Японии в 1911 году, хотя надо отметить, что в это время во многих регионах страны не проводилось строгой границы между традиционной джиу-джитсу и дзюдо. В 1931 году дзюдо и кендо становятся обязательными видами физического воспитания в школах по всей Японии. В 1930-х и начале 1940-х годов дзюдо все больше переплетается с идеями японской исключительности и ультранационализма. Дзюдо становится частью военной подготовки в школах и служит целям мобилизации и противостояния западному влиянию. Популярные прежде в Японии западные виды спорта, например бейсбол, в это время подвергаются гонению, и игра в бейсбол признается непатриотичным занятием. После поражения в войне в августе 1945 года дзюдо оказывается под временным американским запретом. Генерал Макартур, глава объединенных американских сил в Япо-

¹ Niehaus, A. (2011). Spreading Olympism and the Olympic Movement in Japan. P. 1178.

² Ibid.

нии, запрещает дзюдо и кендо как виды спорта, ассоциирующиеся с японским милитаризмом. Из видов борьбы только сумо не попало под запрет. К 1949 году условия американской оккупации смягчились и дзюдо вновь разрешено в Японии, а Кано Рисей, сын основателя дзюдо Кано Дзигото, становится председателем японской федерации дзюдо.

Несмотря на то что существовали специальные секции дзюдо для девушек уже в 1910 году, а в 1926 году была создана японская женская федерация дзюдо, в целом дзюдо оставался преимущественно мужским видом спорта в Японии, и соревнований по дзюдо для женщин практически не проводилось.

Что же касается распространения японских видов борьбы в других странах, то этот процесс начался в первом десятилетии XX века. В Лондон в самом начале века приехали два известных японских борца Тани Йукио и Койзуми Гунджи и открыли секцию по джиу-джитсу. В Сиэтле в 1903 году отрылся зал по джиу-джитсу. Вскоре и в других городах Старого и Нового Света стали появляться секции и клубы по дзюдо и джиу-джитсу. Первые тренеры по дзюдо были японцы, но вскоре появились и квалифицированные дзюдоисты-европейцы, которые привнесли свои элементы в подготовку борцов. Постепенно в европейском дзюдо стали вводить весовые категории, хотя первоначально в Японии все борцы соревновались в единой весовой категории. Система разноцветных поясов для дзюдоистов была внедрена Кавайши Миконосукэ, который работал тренером по дзюдо в Париже, и оттуда система распространилась по всему миру¹.

Европейский союз дзюдоистов был создан в 1949 году в Лондоне, а первый европейский чемпионат по дзюдо прошел в 1951 году. Чуть позже была сформирована Международная федерация дзюдо, чьим председателем был избран Кано Рисей. В 1950–1960-е годы международную федерацию дзюдо продолжали возглавлять японские дзюдоисты, а штаб-квартира федерации находилась в Токио. Хотя, как уже говорилось, европейские дзюдоисты соревновались в четырех весовых категориях, в первых трех чемпионатах мира, проведенных международной федерацией дзюдо, была лишь одна открытая весовая категория. Японские борцы по весу и по росту уступали соперникам из Европы и Америки, но продолжали выигрывать соревнования благодаря технике вплоть до начала 1960-х годов, когда чемпионом мира по дзюдо впервые стал не японец, а европейский борец Антон Гизинг. Только после этого вопрос о весовых категориях был пересмотрен Международной федерацией дзюдо и на

¹ Niehaus, A. (2011). Spreading Olympism and the Olympic Movement in Japan. P. 1181.

мировых первенствах было принято решение проводить соревнования, как и в европейских чемпионатах, в четырех весовых категориях. Решение это было принято накануне Олимпиады в Токио и позволило японской команде собрать хороший урожай олимпийских медалей именно в дзюдо: три золотых и одну серебряную — в открытой весовой категории.

Токийская Олимпиада проходила на беспокойном внешнеполитическом фоне. Впервые под давлением других африканских государств, после бурного обсуждения в МОК, ЮАР не была приглашена участвовать в Олимпиаде из-за проводимой политики апартеида. Как описывается в другой главе нашей книги, Индонезия и Северная Корея бойкотировали Олимпиаду-1964 и проводили альтернативные игры Новых развивающихся сил в Джакарте. В СССР по решению Политбюро ЦК КПСС Никита Хрущев после возвращения из отпуска «за волюнтаризм в принятии решений» был лишен всех своих постов и отправлен на пенсию. В Китайской Народной Республике прошли первые ядерные испытания как раз во время Олимпиады в Токио. В самой же Японии премьер-министр Икеда Хаято сразу после окончания Игр объявил об уходе в отставку по состоянию здоровья, что спровоцировало политический кризис. Японский парламент занимался обсуждением болезненных вопросов о повышении цен на рис в стране и о визите ямериканской ядерной подводной лодки, что противоречило безъядерному статусу Японии.

Гендерный тест, или Паспорт женственности

В конце XIX и в начале XX века началось бурное развитие спорта, однако женщины в те годы практически не принимали участия в спортивных состязаниях, поэтому и вопрос об участии мужчин под видом женщин в соревнованиях не вызывал практического интереса. Кадры кинохроники начала XX века показывают женщин в длинных юбках, играющих в гольф, в теннис, занимающихся стрельбой из лука, а зимой фигурным катанием — именно в этих «аристократических» видах спорта женщинам было разрешено соревноваться на первых Олимпиадах.

Вопрос о женщинах на стадионах привлек общественное внимание в конце 1930-х годов, когда Дора Ратьен, немецкая спортсменка, успешно выступала в прыжках в высоту за немецкую национальную команду. Она, в частности, участвовала в соревнованиях по прыжкам в высоту на Олимпийских играх 1936 года в Берлине и заняла там четвертое место, а в 1938 году установила мировой рекорд по прыжкам в высоту среди женщин и стала чемпионкой Европы.

Дору Ратъен можно увидеть в знаменитом фильме Лени Рифеншталь «Олимпия». По дороге домой с европейского чемпионата по легкой атлетике полиция Магдебурга задержала спортсменку и во время досмотра установила, что Дора Ратъен имеет мужские гениталии, что тут же стало достоянием прессы. Ратъен даже обрадовался тому, что его двойственное существование закончилось, ибо он уже давно отдавал себе отчет, что его женская спортивная карьера дальше продолжаться не может. Ратъен был лишен титула чемпиона и права участвовать в международных соревнованиях, а в начале 1939 года он поменял имя Доры на мужское имя Генрих, несмотря на протесты родителей, которые продолжали считать его женщиной. Когда в 2009 году после смерти Ратъена полицейские протоколы были раскрыты, выяснилось, что при рождении у младенца был недоразвитый, деформированный пенис, но акушерка зарегистрировала ребенка как девочку, и впоследствии родители воспитывали ребенка именно как девочку. Каких-либо документов, подтверждающих, что спортивное ведомство германского рейха заведомо знало о сомнительной половой принадлежности Ратъен, не имеется¹.

В конце 1950-х и в 1960-е годы в западной прессе неоднократно высказывались сомнения в отношении советских спортсменов на предмет того, являются ли они женщинами. Подозрения, в частности, были сосредоточены на двух советских сестрах — Тамаре и Ирине Пресс. Тамара Пресс (рост 184 см, вес 98 кг) завоевала олимпийские золотые медали в соревнованиях по толканию ядра (1960, Рим; 1964, Токио) и в метании диска (1964, Токио). Ирина Пресс выиграла золото в беге на 800 метров с барьерами (1960) и в пятиборье (1964). В 1968 году спортивный врач Ингрид Баузенвайн утверждала, что пять мировых рекордов в женских соревнованиях по легкой атлетике были поставлены спортсменами сомнительного пола². За некоторым исключением, большинство спортсменок, к которым было приковано нездоровое внимание западной прессы, выступали за страны социалистического лагеря. Выступления Тамары Пресс, о которой в американской прессе писали, пожалуй, больше всего, породили даже устойчивое выражение в американском спортивном сленге «Russianfemaleshot-putter» — «русская толкательница ядра», подразумевавшее супермускулистую спортсменку, похожую на мужчину. Примечательно, что хотя никаких документальных доказательств о физиологических особенностях спортсменки не было

¹ Besnier, N., Brownell, S., & Carter, T. F. (2017). *The Anthropology of Sport: Bodies, Borders, Biopolitics*. University of California Press. P. 130.

² Bohuon, A. (2015). Gender Verifications in Sport: From an East/West Antagonism to a North/South Antagonism. *The International Journal of the History of Sport*, 32(7), 965–979.

представлено в те годы, в наши дни сайты в интернете, посвященные правам трансгендеров в спорте, приводят имя именно Тамары Пресс.

Помимо сестер Пресс, американские газеты и журналы писали о «сверхмускулистой» советской спортсменке Александре Чудиной — олимпийской чемпионки 1952 года в метании копья, прыжках в высоту и прыжках в длину, о многократных европейских чемпионках Марии Иткиной, в беге на 400 метров, и Татьяне Щелкановой, по прыжкам в длину, а также об олимпийской чемпионке по прыжкам в высоту (Рим 1960 и Токио 1964) румынке Иоланде Балаш.

Международный Олимпийский комитет стремился продвигать идеал спортивной справедливости и выработать критерии по допуску к участию в женских соревнованиях. Публикации и призывы в западной прессе подтолкнули МОК к разработке и принятию правил, препятствующих использованию допинга и регулирующих допуск спортсменок для участия в женских соревнованиях. В 1964 году на сессии МОК, состоявшейся в Токио, было решено создать медицинскую комиссию для разработки допинг-контроля и процедуры гендерной экспертизы. Идея гендерного теста заключалась в том, чтобы положить конец спорам и домыслам по поводу пола некоторых спортсменов.

Гендерный тест, учрежденный МОК и принятый Международной ассоциацией федерации легкой атлетики (ИААФ), носил форму гинекологического осмотра и функционального исследования. Реализованная в первый раз на Кубке легкой атлетики 1966 года в Будапеште, процедура гендерного теста предусматривала осмотр спортсменок в обнаженном виде тремя специалистами-гинекологами, которые, согласно регламенту, должны были быть женщинами, хотя это положение регламента не всегда соблюдалось на самом деле. Фактически медицинская комиссия должна была удостовериться, что спортсменка имеет женскую вагину и убедиться в отсутствии у нее пениса. Кроме того, гинекологический осмотр был дополнен функциональными исследованиями с использованием спирометра и динамометра с явным предположением о том, что мышечная сила и дыхательная способность женщин должны быть ниже, чем у мужчин.

Нововведенный гендерный тест по вполне понятным причинам тут же оказался предметом большого числа жалоб и протестов, так что МОК и Международная ассоциация федерации легкой атлетики (ИААФ) вынуждены были заняться разработкой альтернативного гендерного теста. Эти две организации совместно решили определять пол спортсмена на основе хромосомной конституции. Данный тип исследования был основан на том, что клетки мужчин обычно

содержат 46 хромосом, включая одну X и одну Y-хромосому, в то время как у женщин имеется две X-хромосомы¹.

Принятый гендерный тест вошел в спортивную историю под названием «тест на наличие телец Барра». Он состоял из анализа под микроскопом эпителиальных клеток, собранных с помощью мазка ротовой полости. Впервые этот тест был применен во время чемпионата Европы по легкой атлетике 1967 года в Киеве, а затем во время зимних Олимпийских игр 1968 года в Гренобле, где спортсменки, которые подверглись проверке, были выбраны по жребию. Процедура тестирования была признана успешной, и несколько месяцев спустя, во время летних Олимпийских игр в Мексике-1968, гендерное тестирование была объявлено обязательным. Это означало, что 844 женщинам — участникам Игр пришлось пройти тест на наличие «телец Барра» и в случае успешного прохождения получить так называемый «сертификат женственности», действительный для всей их дальнейшей спортивной карьеры. Некоторые спортсменки и журналисты прозвали этот документ «паспортом женского пола» или «паспортом женственности»².

Польская спортсменка Эва Клобуковска оказалась первой женщиной, дисквалифицированной с помощью теста на наличие «телец Барра». Тест, проведенный в 1967 году в Киеве перед Кубком по легкой атлетике, показал у Эвы Клобуковска хромосомную дифференциацию. Это привело к завершению ее спортивной карьеры. Спортсменка была лишена золотой медали в женской эстафете 4 × 100 метров, а также бронзовой медали в женском 100-метровом спринте на Олимпийских играх в Токио в 1964 году, хотя она успешно прошла гинекологический осмотр в 1966 году во время Кубка Европы в Будапеште. Отрицательный результат теста на наличие «телец Барра» у польской спортсменки был объявлен в Киеве, и она была дисквалифицирована. Однако это решение было отменено в 1970 году. Согласно объяснениям ИААФ, у Эвы Клобуковска оказалось на одну хромосому больше (вероятно, случай генетической мозаики), что, впрочем, не давало ей никаких существенных физических преимуществ. Однако после объявленной реабилитации польская чемпионка не вернулась в большой спорт.

Исследования, связанные с гендерным тестированием, проведенные в ходе крупнейших международных соревнований, включавших Олимпийские игры и чемпионаты мира по легкой атлетике, дали интересные результаты. В период с 1972 по 1990 год были протестированы 6560 спортсменок, заявленных в женских соревнованиях,

¹ Genel, M., & Ljungqvist, A. (2005). Essay: Gender verification of female athletes. *The Lancet*, 366, S41.

² Bohuon, A. (2015). *Gender Verifications in Sport*.

и лишь 13 из них были исключены из соревнований на основании результатов гендерного теста¹.

Однако эти статистические данные, опубликованные Медицинской комиссией МОК, как утверждают исследователи Дженел и Льюнгквист, следует рассматривать скептически². До сих пор не опубликовано общее число спортсменок, которые провалили гендерный тест на наличие «телец Барра» с момента его введения в 1968 году, а также не известно, какое количество спортсменок отказалось от прохождения самого теста, что дало бы косвенное указание на масштаб самой проблемы выявления спортсменов, которых нельзя однозначно отнести к мужчинам или женщинам.

Как уже указывалось, после введения обязательного гендерного теста с мировой спортивной арены ушли некоторые советские легкоатлетки, такие как, например, Тамара Пресс и ее сестра Ирина Пресс, установившие в 1950–1960-е годы 26 мировых рекордов и завоевавшие вместе шесть золотых олимпийских медалей, что вызвало множество спекуляций в западной прессе по поводу их половой принадлежности. В советской же прессе просто говорилось о завершении спортивной карьеры этих спортсменок.

Как указывает М. Ю. Прозуменщиков, в СССР на уровне ЦК КПСС были вынуждены разбираться с так называемой «женской проблемой», которая возникла из-за решения МОК и Международной любительской легкойатлетической федерации (ИААФ) об обязательном медицинском осмотре женщин-участниц перед проведением официальных международных соревнований. Примечательно, что отдельные достаточно титулованные советские спортсменки требовали, чтобы их допустили к международным соревнованиям, несмотря на серьезные отклонения, выявленные у них в Институте гинекологии и лаборатории генетики пола³.

Из записок в ЦК КПСС выясняется, что женская проблема имела еще одну сторону, непосредственно не связанную с обязательным медицинским осмотром перед международными соревнованиями. В одном из отчетов утверждается, что «Спортсменки Е., Ж. и З. возвращают и портят девушек, систематически употребляют спиртные напитки, курят, нецензурно выражаются»⁴. Судя по другим отчетам, некоторые из спортсменок, выражаясь современным языком, придерживались нетрадиционной сексуальной ориентации.

¹ Genel, M., & Ljungqvist, A. (2005). Essay: Gender verification of female athletes.

² Ibid.

³ Прозуменщиков, М. Ю. Большой спорт и большая политика. С. 16.

⁴ Там же. С. 35.

Здесь представляется уместным привести отрывок из любопытнейшего интервью с Ниной Пономаревой, двукратной олимпийской чемпионки в толкании ядра в 1952 году в Хельсинки и в 1960 в Риме. Нина Пономарева дала это интервью в престарелом возрасте в 2015 году, незадолго до своей кончины, корреспонденту газеты «Спорт-Экспресс»:

— Правда, что в той сборной были... как бы это сказать... не вполне женщины?

— Да мужчины! Еще какие! Их же видно. Все всё знали. Стране они приносили медали, рекорды. И начальство закрывало глаза, пока не появился секс-контроль. О Шуре Чудиной слышали?

— Конечно. Уникум — побеждала почти во всех дисциплинах легкой атлетики. Плюс трехкратная чемпионка мира по волейболу.

— Приезжаем на соревнования в Венгрию. Заходит к нам Ольга Дьярмати, олимпийская чемпионка Лондона-1948 в прыжках в длину. По-русски немножко говорила. Без стеснения залезает к Чудиной в кровать и грозит пальчиком: “Шурупчик, я способна установить мировой рекорд. Если помешаешь, сниму с тебя штанишки”.

— Высокие отношения.

— На следующий день Ольга выиграла, правда, без рекорда. А Шурка, когда прыгала, ноги поджимала — лишь бы далеко не улечь... Жила она в полном смысле слова с Зинкой Сафроновой, бегуньей. А я-то в команде — пришей-пристебай.

— То есть?

— Возила с собой маленького сына — не каждому такое соседство по душе. А Шурка с Зинкой не возражали, с ними селилась. Невольно наблюдала за их отношениями. Драками в том числе.

— Из-за чего дрались?

— Зинка ревновала. В итоге “женой” Шурки стала Юля, кассирша из кинотеатра “Россия”. Невероятная красавица. Квартиру ей завещала. Шура умерла в 1990-м, последние годы болела — туберкулез, гангрена, ампутация ноги. Вообще-то как человек она очень хорошая. Светлая память.

— Чудина завершила карьеру в 1963-м. Спустя три года на чемпионате Европы по легкой атлетике в Будапеште ввели гендерный тест.

— И сразу все закончили. В “Правде” подробно расписали — у кого мама в больнице, кто ногу подвернул, кто спину травмировал. Прежде такие детали в газетах не публиковали. Но ведь надо как-то объяснить внезапное отсутствие лидеров. Из тех, кто был под подозрением, в Будапешт приехала лишь Иоланда Балаш, двукратная олимпийская чемпионка по прыжкам в высоту из Румынии. Но обнаружила, что наших нет, и сразу снялась под каким-то предлогом.

— Такие спортсменки в сборной держались обособленно?

— Разумеется. В душ всегда заходили после нас. Жить на сборах с ними в одной комнате никто не хотел. Была, помню, в 1950-е метательница Арзуманова. Того же поля ягодка. Тянулась к моей подружке, барьеристке Марии Голубничей. Как увидит ее, прищурит глаз, раскроет рот, начинает тяжело дышать. Мария ее побаивалась. Присила: “Только не оставляй с Арзумановой наедине!”¹.

Олимпиада-1968 в Мехико

В октябре 1963 года на сессии МОК в Баден-Бадене Мехико был избран столицей Олимпиады 1968 года — впервые развивающейся стране было предоставлено право принимать крупнейшие спортивные соревнования. Почти сразу же возникли опасения, справится ли не самая богатая Мексика с такой непростой задачей. Примечательно, что за 5 дней до открытия Олимпиады в Мехико президент МОК Эйвери Брандедж сам перечислил сомнения, которые возникли по поводу выбора Мехико: «Когда в Баден-Бадене для проведения Игр был избран Мехико, пролился целый поток критики по поводу нашего решения: Почему Игры должны проводиться в городе, расположенном на высоте в 7349 футов (более двух километров) над уровнем моря? Как Мехико с его ограниченным опытом сможет организовать мероприятие такого масштаба и такого уровня сложности, как Олимпиада? Латинская Америка — это место, где постоянно даются обещания, все сделать завтра (“thelandofmanana”): как можно быть уверенным, что все объекты Олимпиады будут построены в срок? Как насчет “проклятия Монтесумы”, не помешает ли оно? Будет ли создана эффективная защита от многочисленных мексиканских бандитов? Как защититься от солнечной радиации и солнечных ожогов на такой высоте?»²

Все-таки наиболее распространенные опасения, высказываемые по поводу Мехико, касались разреженности воздуха на высоте более двух километров над уровнем моря, а также высокого уровня загрязнения воздуха — к 1968 году Мехико был самым крупным городом Северной Америки по населению, которое превышало 10 миллионов. Напомним, что и сейчас, в конце второго десятилетия XXI века, Мехико остается самым крупным городом в Северной и Южной Америке с населением уже под 30 миллионов человек. Чтобы как-то развеять опасения по поводу соревнований на большой высоте и за-

¹ Спорт-Экспресс. 2015. 6 февраля.

² Brewster, K. (2012?). Teaching Mexicans How to Behave: Public Education on the Eve of the Olympics. *Bulletin of Latin American Research*, 46–62. P. 23.

грязненности воздуха, оргкомитет Олимпиады предложил провести специальные научные исследования, чтобы удостовериться, что здоровью спортсменов на высоте 2240 метров над уровнем моря не будет нанесено урона. Британская Олимпийская ассоциация послала своих исследователей в Мехико и провела физиологические эксперименты. Британские ученые пришли к выводу, что после периода акклиматизации на высоте спортсмены могут участвовать в соревнованиях, не опасаясь за собственное здоровье.

Вскоре после этого МОК выпустил директиву для всех национальных олимпийских федераций, в которой рекомендовал, чтобы участники Олимпиады-1968 проходили акклиматизацию на высоте в течение четырех недель в период последних трех месяцев перед Олимпиадой в том случае, если они постоянно живут и соревнуются на уровне моря. Превышение четырехнедельного срока акклиматизации на высоте рассматривалось МОК как нарушение этических норм, так как могло создать неравные условия для соревнования участников. Надо сказать, что часть стран проигнорировали рекомендации МОК, и спортсмены провели более длительный акклиматизационный период на высоте. Естественно, основные преимущества акклиматизации должны были сказаться в тех видах спорта, где требуется высокая функциональная выносливость спортсменов: бег на средние и длинные дистанции, гребля, велосипедный спорт и т. д. Так вот наилучшие результаты в беге в Мехико были показаны африканскими атлетами из Эфиопии и Кении, т. е. из тех мест, где спортсмены постоянно жили и тренировались на значительной высоте над уровнем моря.

Однако даже после публикации успокоительных данных британцами комментарии в прессе об опасности соревнований на большой высоте в Мехико продолжали поступать. Мексиканская федерация спортивной медицины провела исследования по уровню загрязнения воздуха в Мехико. Опубликованные результаты показали, что хотя воздух и загрязнен, но постоянного смога, о котором писала западная пресса, не наблюдается. Затем мексиканцы сравнили данные о загрязненности воздуха в крупных городах планеты и показали, что уровень загрязнения воздуха в Лос-Анджелесе, Токио и Лондоне, где ранее проводились Олимпиады, выше, чем в Мехико¹. Кроме того, оргкомитет подчеркивал, что олимпийская деревня в Мехико и часть олимпийских объектов были расположены в южной части города, где воздух был наиболее чистым.

Однако вернемся к тому, как Мехико удалось завоевать право проведения Олимпиады в 1968 году. Как известно, кадры решают

¹ Brewster, C. (2012). Changing Impressions of Mexico for the 1968 Games. *Bulletin of Latin American Research*, 23–45. P. 29.

если и не все, то многое. В Мексике усилия трех мексиканских политических деятелей сыграли роль в предоставлении городу права проведения Игр 1968 года. Во-первых, это президент Мексики в 1958–1964 годах Адолфо Лопес Матеос, который в молодости был заядлым спортсменом. Во-вторых, Хосе Кларк Флорес, который стал членом МОК в 1952 году и тринадцать лет (1952–1965) возглавлял Олимпийский комитет Мексики. Он был, пожалуй, наиболее деятельным сторонником идеи проведения Олимпиады в Мехико. Третьим влиятельным функционером был Марте Гомес, избранный в МОК еще в 1934 году. Эйвери Брандедж хорошо знал и Флореса, и Гомеса и рассматривал их как своих близких союзников в МОК.

Тесные связи с Эйвери Брандеджем были важны. К моменту проведения сессии МОК в Баден-Бадене Брандедж возглавлял МОК уже 11 лет и правил в этой организации в довольно-таки авторитарном стиле и без какой-либо серьезной оппозиции. Брандедж благоволил мексиканским делегатам МОК. Еще в 1950 году, когда он был президентом Олимпийского комитета США, Брандедж предложил проведение одной из сессий МОК в Мехико. Он был хорошо знаком с городом, так как возглавлял ассоциацию Панамериканских игр, штаб-квартира которой находилась как раз в Мехико. В 1955 году Мехико принимал Панамериканские игры, во время которых Брандедж работал с мексиканскими спортивными функционерами и убедился, что мексиканцы хорошо справились с организацией масштабных игр. Личная поддержка Брандеджа и его влияние на исполнительный комитет МОК, несомненно, были важны при голосовании, когда выбирали кандидатуры города для проведения Олимпиады, хотя голосование было тайным, и нам известно лишь, как распределялись голоса между городами-кандидатами.

К началу 1960-х годов в олимпийском движении продолжали доминировать развитые страны Запада. К 1963 году все Олимпиады прошли либо в Европе, либо в Северной Америке. Из городов развивающихся стран лишь два, Буэнос-Айрес и Мехико, подавали заявки на проведение Олимпиад. Причем Мехико неоднократно подавал заявку — сначала на проведение Олимпиады 1956 и 1960 годов, которые выиграли Мельбурн и Рим. В следующем олимпийском цикле мексиканцы не подавали заявку на проведение Олимпиады 1964 года, которую выиграл Токио. После этого президент МОК решил лично обратиться к мексиканцам по поводу заявки о проведении следующей Олимпиады. В своем письме в августе 1962 года Брандедж писал Хосе Флоресу относительно Игр 1968 года: «Как мы знаем, Мехико подавал заявки на проведение Олимпийских игр... и я думаю, что если руководители города заинтересованы, заявку стоит подать для нашей сессии в следующем году... Насколько

я знаю, ситуация открытая, ни у одного из городов нет очевидного преимущества. И даже если в этот раз заявка не приведет к успеху, ваши шансы получить следующую Олимпиаду возрастут»¹.

Успех Мехико при голосовании на сессии МОК в Баден-Бадене был впечатляющим, мексиканская столица победила прямо в первом же туре голосования, хотя конкурировала с тремя сильными кандидатами. По результатам голосования Мехико получил 30 голосов, Детройт — 14, Лион — 12 и Буэнос-Айрес всего два голоса. Трудно сказать, кто именно из делегатов МОК как проголосовал, но некоторые соображения напрашиваются. Скорее всего, столица американского автомобилестроения Детройт не был избран, хотя подавал заявку не первый раз, так как предыдущие Олимпиады уже проводились в американских городах Лос-Анджелесе и Сент-Луисе. По тем же причинам Лион не был особенно сильным кандидатом, так как дважды Франция получала право проведения Игр. По Детройту и Лиону важной оказалась позиция представителей в МОК от социалистических стран, о чем мы расскажем чуть позже.

Казалось бы, Буэнос-Айрес должен был всерьез побороться с Мехико. Ведь в 1956 году аргентинская столица проиграла Мельбурну всего несколько голосов. Кроме того, Буэнос-Айрес первым из городов Южной Америки успешно провел Панамериканские игры и уже несколько раз подавал заявки на проведение Олимпиады. Однако в 1962 году в Аргентине произошел путч, президент Артуро Фрондизи был свергнут военными и заменен на Хосе Мария Гидо. Пресса публиковала сведения о конфликтах в высшем военном руководстве в Аргентине в сентябре 1962 года, а в апреле 1963 года в военноморских силах Аргентины произошел бунт. В июне 1963 года, на фоне политической нестабильности, новый президент Артуро Илия пришел к власти. Можно с уверенностью сказать, что именно нестабильная внутривнутриполитическая ситуация в Аргентине резко ослабила шансы Буэнос-Айреса на проведение Олимпиады. Кроме того, делегаты в МОК от социалистических стран были не в восторге от проамериканской позиции аргентинских лидеров, особенно в отношении кубинской революции.

Столь уверенную победу Мехико в борьбе за право проведения Олимпиады 1968 следует рассматривать в контексте событий холодной войны. К моменту голосования в Баден-Бадене напряжение в холодной войне не ослабевало, и особенно этому способствовали события в Латинской Америке. 1 января 1959 года свершилась кубинская революция, затем в апреле 1961 года произошло срежиссированное США вторжение на Кубу, с которым кубинские рево-

¹ Brewster, C. (2012?). Changing Impressions of Mexico for the 1968 Games. P. 25.

люционеры успешно справились, взяв в плен большинство участников вторжения в заливе Свиней. Несколько месяцев спустя началось сооружение берлинской стены, и, наконец, в октябре 1962 года разразился карибский кризис, который в США называют «кризисом ракет на Кубе». В мире спорта политическое противостояние капиталистического и социалистического блоков отражалось, в частности, в том, что и США, и Франция, и другие западные страны отказывали в визах спортсменам из ГДР для участия в спортивных соревнованиях. Естественно, в подобных условиях К. Адрианов, член МОК от СССР, и другие делегаты от социалистических стран были явно не расположены поддерживать олимпийские заявки от Франции или США на проведение Олимпиады-1968. Вопрос беспрепятственного участия спортсменов ГДР в Олимпиаде был особенно важен, так как впервые в Олимпиаде должны были выступить две немецкие команды — от ФРГ и ГДР. Ведь на предыдущих Олимпиадах в 1956, 1960 и 1964 годах выступала объединенная немецкая команда.

Идеологическое противостояние в холодной войне делало Мехико привлекательным кандидатом для проведения Олимпиады. Будучи развивающейся страной, Мексика также хорошо вписывалась в озвучиваемые намерения МОК расширять участие развивающихся стран в международном спорте. Кроме того, выбор Мехико происходил на фоне противостояния МОК и Индонезии, которому мы посвятили отдельную главу. Напомним, что индонезийский президент Сукарно объявил о планах проведения альтернативных Олимпиаде игр Новых развивающихся сил (Games of Newly Emerging Forces — GANEFO), которые были активно поддержаны КНР, и финансово и организационно, с тем чтобы страны Африки, Азии и Латинской Америки проявили солидарность, противостояли империализму, и в частности проимпериалистической позиции МОК. Голосование в Баден-Бадене на сессии МОК состоялось за месяц до начала первых Игр GANEFO в Джакарте, и представляется довольно очевидным, что опасения по поводу возможного раскола олимпийского движения подтолкнуло западных делегатов МОК проголосовать за кандидатуру столицы развивающейся страны для проведения Олимпиады-1968.

В 1950-е и 1960-е годы активно шел процесс деколонизации и к 1968 году многие освободившиеся африканские страны готовы были принять участие в Олимпиаде. В этой ситуации МОК и оргкомитет Олимпиады в Мехико должны были принять сложное решение о приглашении Южной Африки на Игры. Из-за политики апартеида в ЮАР 32 африканские страны готовы были бойкотировать Олимпиаду-1968. С одной стороны, Олимпийская хартия недвусмысленно гарантировала право всем членам МОК, включая ЮАР, принимать участие в Олимпийских играх. Тем не менее мексиканский

организационный комитет при поддержке президента Мексики Диаса Ордаса решил отозвать приглашение Южно-Африканской республике на Олимпиаду в мексиканской столице. Риск для организаторов заключался в том, что практически все страны Запада в МОК придерживались позиции, что в соответствии с Олимпийской хартией ЮАР может и должна участвовать в Олимпиаде. Южная Африка долгие годы имела своих представителей в МОК и пользовалась поддержкой западных делегатов МОК, особенно из англоязычных стран. На сессии МОК развернулась длительная и горячая дискуссия по поводу приглашения ЮАР, и в конце концов приглашение на Олимпиаду-1968 южноафриканцам было отозвано с расплывчатой формулировкой «из-за международного климата». В документе МОК не было сделано никаких упоминаний политики апартеида, а также давления со стороны африканских государств. Подход организационного комитета Мексики по вопросу исключения ЮАР получил поддержку в развивающихся странах и упрочил репутацию Мексики как защитницы интересов стран третьего мира не только в Латинской Америке, но и в Африке.

Организационный комитет Олимпиады-1968, во главе которого стоял Педро Рамирес Васкес, хотел представить миру истинное лицо Мексики и ее народа и создать позитивный образ страны. Однако на чем сделать упор: на культуре майя и ацтеков, отраженной в знаменитых пирамидах, на богатом колониальном прошлом Мексики, на знаменитых фресках Диего Ривьеро, отражающих события мексиканской революции, или на мексиканском экономическом чуде 1940–1960-х годов, когда выгодная добыча нефти и других полезных ископаемых создала класс состоятельных мексиканцев? Логотип Олимпиады 1968 года, пожалуй, наилучшим образом отражает идеологические представления организационного комитета о том, что в нем должен быть представлен сплав прошлого и настоящего. Для логотипа за основу был взят найденный во время археологических изысканий барельеф племени уйчол, относящийся к XIV веку, т. е. созданный до прибытия в Новый Свет Христофора Колумба. Черно-белый логотип включал узор из концентрических линий, в которые были вписаны олимпийские кольца и слово «Мехико». Впрочем, в самих же олимпийских спортивных сооружениях в Мехико трудно найти какие-либо специфические черты национальной мексиканской культуры — проекты были сделаны творчески, инновационно, экономично, но без какой-либо отсылки к истории мексиканского общества и мексиканской культуры.

С самого начала работы по подготовке Олимпиады акцент был сделан на экономном расходовании средств с тем, чтобы крупнейшие международные соревнования принесли деньги в казну, а не

привели к убыткам. В своей речи сразу после окончания Олимпиады президент Мексики Диас Ордас подчеркнул, что большая часть из двух миллиардов песо, которые были выделены государством на Олимпиаду, были израсходованы в самой Мексике и укрепили национальную экономику в интересах граждан страны¹. Оркомитетом было принято решение использовать все имеющиеся спортивные сооружения и проводить возможную их модернизацию, а не начинать проекты с нуля. Так, например, был модернизирован стадион, построенный в начале 1950-х годов в университетском кампусе в Мехико, на котором проходили церемонии открытия и закрытия Олимпиады и соревнования по легкой атлетике. Там впервые в истории олимпийских состязаний был положен тартан, и забеги проходили не на гравийной дорожке, а на тартане.

Футбольный стадион ацтеков, спроектированный Рамиресом Васкесом, уже строился, когда Мехико было присуждено право проведения Олимпиады, и был введен в строй в мае 1966 года, за два года до начала игр. Правда, баскетбольный стадион из стекла и бетона был сооружен с нуля. Современные многоэтажные здания в европейском стиле для олимпийской деревни специально проектировались таким образом, чтобы их можно было продать в качестве квартир состоятельным жителям Мехико, что и произошло после окончания Олимпиады.

В мае 1968 года член организационного комитета Олимпиады Роберто Касейас, выступая на заседании общества мексикано-британской дружбы, высказался относительно задач, которые перед собой ставили организаторы: «На этих состязаниях Мексика хочет показать свой настоящий образ миру. Мы хотим расстаться с картинкой мексиканских индейцев, спящих в гамаках во время нескончаемой сиесты; мы также хотим отказаться от изображения нашей страны, как будто она постоянно проходит через череду революции. Если в прошлом эти образы отражали дух Мексики, то в наше время они не верны. Мы хотим, чтобы мир узнал о наших достижениях в сфере науки и технологии. Мы хотим показать вдохновенные работы наших художников, привлекательность и шарм наших городов, великолепную природу сельской Мексики и достижения нашей архитектуры»².

Мексиканцы также хотели использовать Олимпиаду-1968, чтобы показать себя в роли лидеров в испаноязычном мире. Известный архитектор Рамирес Васкес, автор нескольких олимпийских объектов, в 1967 году утверждал, что «ответственность по организации

¹ Camp, R. A. (1982). Mexican political biographies, 1935–1981. University of Arizona Press.

² Brewster, K. (2012?). Teaching Mexicans How to Behave. 37–38.

Игр мы делим со всем испаноязычным миром, так как другие страны, наблюдая за Олимпиадой, будут судить по ней о всей Латинской Америке»¹.

В июне 1968 года серию из 100 мексиканских радио передач об Олимпиаде на испанском передавали по всей Латинской Америке, за исключением Бразилии, говорящей по-португальски. В передачах рассказывалось, в частности, о том, как ведется подготовка к Олимпиаде и как усилия Мексики в целом отражают успехи всего латиноамериканского мира. Напомним, что в это время Мексика не имела дипломатических отношений с Испанией, где была диктатура Франко, и, более того, она предоставила политическое убежище целому ряду испанских оппозиционных деятелей. Впрочем, не только испанских. Например, в 1950-е годы именно в Мексике получил политическое убежище бывший президент Гватемалы Альбенц Гузман, который был свергнут с помощью ЦРУ из-за запланируемой земельной реформы и ущерба для владельцев печально известной *United Fruit Company*. В мексиканских радиопередачах акцент был также сделан на взаимной помощи и кооперации между латиноамериканскими странами. Например, министерство спорта Мексики предоставило и условия для тренировок, и финансовую поддержку наиболее бедным странам региона, таким как Гондурас, Сан-Сальвадор и Гватемала, для подготовки спортсменов этих стран к Олимпиаде². Для дальнейшего укрепления роли Латинской Америки в мире спорта мексиканские представители в МОК обратились с просьбой признать испанский язык одним из официальных языков международного Олимпийского комитета. Однако эта инициатива, так же как и предыдущая попытка советских делегатов относительно признания русского языка в качестве официального, не нашла поддержки среди большинства делегатов МОК.

Организационный комитет Олимпиады выбрал белого голубя одним из символов Мехико-1968, и изображение миролюбивого голубя появилось на всех официальных документах, а сама Олимпиада получила название «Игры мира». Мексиканский парламент также провозгласил 1968 год Годом мира. Во всем этом проявилось желание Мексики позиционировать себя в качестве нейтральной, неприсоединившейся страны, что было важно в условиях холодной войны. Как уже говорилось, Олимпийская хартия призывает к спорту вне политики и подчеркивает политическую неангажированность Олимпиад. Кроме того, МОК и оргкомитет Олимпиады хотели избежать каких-либо конфронтационных проявлений в духе холодной

¹ Ibid. P. 38.

² Ibid. P. 39.

войны. Мексика считала себя активным участником движения неприсоединения. Идея мирного сосуществования всячески поддерживалась странами, возглавившими движение неприсоединения, большая часть которых относилась к странам третьего мира.

К лету 1968 года мексиканская столица была практически готова к Олимпиаде, которая должна была начаться в октябре. Белый голубь мира в желтом, голубом и розовом обрамлении украшал главные улицы Мехико. Коммерческая реклама была заменена на изображения достопримечательностей Мексики, фото мексиканских детей и портреты известных мексиканских спортсменов. На огромных плакатах на розово-желтом фоне на разных языках была написана фраза «*Todo es posible en la paz*» — «Когда мир — возможно все!»¹. Плакатами и флагами была украшена и специальная «дорога мира» в южной части Мехико, которая вела к олимпийской деревне и олимпийским объектам. К этому времени оргкомитет подготовил сотни девушек-волонтеров, которые были одеты в форменные мини-юбки и футболки, украшенные логотипом Мехико-1968. Казалось, что тема мира и гармонии станет доминирующей на Олимпиаде, но...

Олимпиада 1968 года была омрачена событиями, связанными с кровавым разгоном студенческих демонстраций накануне Игр. Напомним, что 1960-е годы в Мексике — это время нарастающих социальных протестов в стране. В ответ на протесты правительство начало проводить репрессивную политику прежде всего против профсоюзов и их лидеров, а также против сельских активистов и студентов. В августе в Мехико прошла целая серия массовых маршей и выступлений. Только за один день, 27 августа, в них приняло участие более полумиллиона жителей мексиканской столицы, значительная часть которых были студенты. Президент страны Густаво Диас Ордаз приказал армейским спецподразделениям занять кампус Национального автономного университета Мексики. Таким же образом армия окружила и заняла кампус Политехнического университета, студенты оказали сопротивление, и тогда солдаты применили оружие. Чуть позже студенческие протесты переместились на одну из центральных площадей — площадь Трех Культур в столичном районе Тлателолко. Студенческие лидеры призывали защищать социальные и демократические права молодежи, а часть студентов развернула плакаты с радикальными призывами и выкрикивала хором: «*¡No queremos olimpiadas, queremos revolución!*» (Мы не хотим Олимпиады, мы хотим революцию!). Студенческие выступления на площади Трех Культур продолжались несколько недель, и напряжение нарастало.

¹ Zolov, E. (2004). Showcasing the 'Land of Tomorrow': Mexico and the 1968 Olympics. *Americas*, 61(2), 158–189. P. 159.

Наконец 2 октября, за десять дней до начала Олимпиады, правительство распорядилось освободить площадь Трех Культур от демонстрантов — около 10 тысяч студентов и старшеклассников. К вечеру 5 тысяч солдат и около 200 бронетранспортеров и грузовиков окружили площадь, над которой летали военные вертолеты. Как именно началась стрельба на площади — не вполне ясно до сих пор. Как минимум несколько десятков протестующих были убиты, сотни — ранены, более тысячи участников были арестованы. Проправительственная пресса утверждала, что в солдат выстрелили из рядов демонстрантов, что и спровоцировало столкновения. Более поздние расследования показали¹, что, вероятно, по распоряжению секретных служб на крышах вокруг площади были размещены снайперы, выстрелы которых спровоцировали панику среди людей, а затем и расстрел демонстрантов.

Мексиканское правительство сообщило о 30 погибших на площади Трех Культур, однако, по свидетельствам людей, которые находились на площади, более 400 человек было убито. Сразу после случившегося начали тут же поступать обращения в МОК отменить Олимпиаду, и Эйвери Брандедж должен был сформулировать официальную позицию МОК таким образом, чтобы убедить мировую общественность в том, что самим Олимпийским играм в Мехико ничего не угрожает. В заявлении МОК, в частности, было сказано следующее: «Мехико — это огромный город с населением более 6 миллионов человек. Ни демонстрации, ни связанное с ними насилие ни разу не были обращены против Олимпийских игр. После консультаций с властями Мексики нам были представлены заверения, что ничего не помешает мирному прибытию олимпийского огня на стадион 12 октября и самим последующим соревнованиям»².

Расстрел студенческой демонстрации в Мехико был в общем-то внутренним событием для страны, и эта трагедия оказалась связана с Олимпиадой только близостью по времени. Для участников и гостей Олимпиады это кровавое подавление демонстрации послужило еще одним напоминанием о том, что политические процессы в Латинской Америке часто омрачены насилием. Мексиканское правительство привлекло большое количество армейских сил для охраны олимпийских объектов и участников Олимпиады-1968. Кроме того, правительство обратилось к США, чтобы получить спецсредства для разгона демонстраций, которые и были предоставлены

¹ Pensado, J. M. (2013). *Rebel Mexico: Student unrest and authoritarian political culture during the long sixties*. Stanford University Press.

² Brewster, K. (2010). Mexico City 1968: Oscillating Aspirations. *The International Journal of the History of Sport*, 27 (16–18), 2748–2765. P. 2761.

Пентагоном¹. Разумеется, армейские подразделения на улицах мексиканской столицы не оставались незамеченными самими участниками соревнований. Например, британская спортсменка Мэри Питерс отмечала в своем интервью: «Мы видели солдат, впрочем, не так много, некоторые из них не были вооружены. Думаю, они провезли нас спокойным окружным путем на стадион. Но тут я вспомнила о недавних событиях в Мехико и немного испугалась. Впрочем, когда мы доехали до стадиона, все страхи как-то развеялись»².

Оргкомитет Мехико-1968 сделал также акцент на проведении масштабной культурной программы, которая стала неотъемлемой частью Олимпиады. Культурная программа велась по 20 направлений, так же как и спортивные соревнования проходили по 20 различным видам спорта, и включала такие разные аспекты культуры в ее широком понимании, как выставки научных достижений мексиканских ученых и графическое искусство, фестиваль поэзии и театральные постановки, фотовыставки и выступление фольклорных ансамблей, специальные мероприятия для детей и международные соревнования скульпторов. В общей сложности накануне и в дни Олимпиады состоялось около 1500 культурных мероприятий, треть из которых проходила не в столичном регионе, а в разных провинциях страны³. В них приняли участие сотни артистов, музыкантов, ученых, студентов, журналистов и мексиканских чиновников.

Наиболее красочной частью культурной Олимпиады в Мехико оказались выступления танцевальных фольклорных ансамблей. Те из читателей, кому доводилось бывать в Мексике, не удивится. Например, в туристических районах Канкуна или Пуэрто Вайарты практически в каждом крупном отеле выступает танцевальная фольклорная группа. По словам Рамиреса Васкеса, танцоры приехали в столицу, чтобы «вся страна почувствовала, что она участвует в Олимпиаде, и чтобы показать гостям весь спектр наших культурных традиций»⁴. Танцоры других стран также были приглашены в Мексику. Выступления же мексиканских танцоров из Веракруса, Оахаки, Чиапаса, Кампече, Юкатана и других провинций Мексики запомнились всем зрителям Олимпиады. Как писала одна из мексиканских газет, «настроение, цвет, ритм, оригинальность наших национальных танцев точно отразит бессмертную часть мексиканской культуры». Наиболее известная труппа — Фольклорный балет

¹ Redihan, E. E. (2017). *The Olympics and the Cold War, 1948–1968: Sport as Battleground in the US-Soviet Rivalry*. McFarland. P. 195.

² Brewster, K. (2010). *Mexico City 1968*. P. 2761.

³ Zolov, E. (2004). *Showcasing the 'Land of Tomorrow'*. P. 169.

⁴ *Ibid.* P. 176.

Мексика поставил для открытия Олимпиады специальную композицию «Балет пяти континентов» (работа хореографа Амалии Эрнандес).

С хореографической точки зрения интересно был решен и центральный танец во время церемонии открытия Олимпиады, который организаторы назвали встречей Старого и Нового миров. Церемония открытия 11 октября совпала с Днем Колумба (*'Día de la Raza'*). Олимпийский огонь был доставлен в исторический центр мексиканской столицы — древний город Теотихуакан, через порт Веракрус, т. е. по тому самому маршруту, которым много столетий ранее проследовал Эрнандо Кортес. В Теотихуакане 20 тысяч зрителей наблюдали за тремя тысячами танцоров, исполнившими танец огня, древний ритуальный танец, который в соответствии с календарем майя исполнялся до пришествия испанцев раз каждые 52 года¹. Хореографы и постановщики сместили акцент с насильственного покорения Кортесом древних мексиканских цивилизаций на процесс зарождения новой мексиканской нации, в которую гармонично были привнесены элементы испанской католической культуры и древних цивилизаций ацтеков и майя. Естественно, темы недавних социальных конфликтов, студенческих выступлений, бедности мексиканской глубинки были тщательно обойдены.

Оргкомитет Олимпиады-1968 творчески подошел и к воплощению на играх образа новой свободной мексиканской женщины. Для многих иностранцев Мексика ассоциировалась с патриархальной организацией общества, с ее традиционными ценностями, где женщины занимались семьей и домом, а возможности для их профессионального и социального роста были ограничены. На Олимпиаде были сделаны усилия, чтобы разрушить эти ретроградные представления о роли женщины в современном мексиканском обществе. В частности, эти усилия отразились в униформе для девушек-волонтеров, о которых мы уже упоминали. Девушки-волонтеры назывались по-испански *edecanes*, что можно перевести как «хозяйки, приветствующие гостей». В число 1170 «хозяек» были отобраны студентки, владеющие иностранными языками, из различных университетов страны.

Большинство девушек были из зажиточных семей или семей, принадлежащих к среднему классу, и с более светлым цветом кожи, чем, скажем, в сельской местности. Упомянем также, что в Мексике, как во и многих азиатских странах, среди женщин большим спросом пользуются косметические средства по отбеливанию кожи, так как более светлый оттенок кожи обычно ассоциируется с красотой и говорит о более высоком социальном статусе женщины. Девушек

¹ Ibid. P. 177.

одеди в униформу, состоящую из коротеньких ярких мини-юбок и футболок с символикой Олимпиады-1968, чтобы подчеркнуть не только молодость и красоту, но и прогрессивность современной мексиканской женщины. Часть волонтеров также обучили вождению автомобилей, так как в олимпийской деревне им предстояло развозить на небольших открытых машинах спортсменов и официальных лиц Олимпиады.

Кроме этого, символично, что впервые в истории Олимпийских игр в Мехико для церемонии зажжения олимпийского огня Оргкомитетом была отобрана женщина, ведь до этого в течение 70 лет истории новых Олимпийских игр огонь зажигали только мужчины. 20-летняя бегунья с барьерами, симпатичная метиска, Норма Энрикетта Базилио получила право пронести факел на последнем этапе на стадионе и зажечь олимпийский огонь. Норма Энрикетта и по своему происхождению соответствовала идее организаторов показать образ современной мексиканской женщины — она была дочерью небогатого мексиканского фермера.

Для зрителей Олимпиады из Северной Америки наиболее запоминающимся оказался эпизод, произошедший 16 октября. Два американских спринтера, Томми Смит и Джон Карлос, заняли первое и третье место в финальном забеге на 200 метров и должны были получить свои олимпийские медали. Когда началась церемония награждения, Смит и Карлос взошли на подиум без обуви, но в черных носках. Во время исполнения американского гимна оба демонстративно опустили головы и подняли вверх сжатые кулаки в черных перчатках. Таким образом они продемонстрировали свою солидарность с американским протестным движением за свободу чернокожих граждан США (Black Freedom Movement). Исполнительный совет МОК и его президент Эйвери Брандедж посчитали такое поведение несоответствующим Олимпийской хартии и духу Олимпиады и распорядились дисквалифицировать Смита и Карлоса и удалить их из олимпийской деревни. Сначала олимпийская делегация США отказалась, тогда Брандедж пригрозил дисквалифицировать всю американскую команду. В результате Смита и Карлоса все-таки удалили с Олимпиады, а по возвращении в США они получили сотни писем от американцев, часть с поддержкой и часть с осуждением их демонстративного поведения в Мехико. Неудивительно, что для американских историков именно этот эпизод Олимпиады показался наиболее примечательным и стал основой для целого ряда монографий¹.

¹ Например: Bass, A. (2002). *Not the triumph but the struggle: The 1968 Olympics and the making of the black athlete* (p. 49). Minneapolis: University of Minnesota Press; Hartmann, D. (2003). *Race, culture, and the revolt of the black athlete: The 1968 Olympic protests and their aftermath*. University of Chicago Press.

В спортивном отношении наиболее знаменательный результат был показан в Мехико американским прыгуном в длину Бобом Бимоном, который в первой же попытке сумел улететь на 8 метров 90 сантиметров, превывсив предыдущий рекорд сразу на 55 сантиметров. Мировой рекорд Бимона продержится 23 года, а в качестве олимпийского результата остается непревзойденным до сих пор.

Среди советских спортсменов выдающийся результат показал Виктор Санеев в тройном прыжке. Соревнования по тройному прыжку в Мехико вообще оказались уникальными. Единственный раз в истории соревнований мировой рекорд за один день улучшался 4 раза. В третьей попытке финала Санеев установил рекорд 17 метров 23 сантиметра. В пятой попытке мировой рекорд покоряется бразильцу Пруденсио, который прыгает на 17 метров 27 сантиметра. И наконец, в последней, шестой, попытке, не дойдя до планки более 20 сантиметров, мировой рекорд устанавливает Виктор Санеев — 17 м 39 см и завоевывает золотую медаль. Санеев в дальнейшем выиграл Олимпиады 1972 и 1976 годов и в Москве на Олимпиаде 1980 года завоевал серебро. После выигрыша второго олимпийского золота в Мюнхене в 1972 году Санеев получил орден Ленина.

После ухода из большого спорта Виктор Санеев работал тренером в тбилисском «Динамо». Развал СССР, потеря работы тренера в Тбилиси подтолкнули Санеева к иммиграции в Австралию, куда он уехал с женой и сыном. На далеком континенте не все складывалось удачно. Для заработка приходилось развозить пиццу, тренерскую работу найти было нелегко. По сведениям прессы¹, Санеев серьезно подумывал продать свои золотые олимпийские медали, чтобы хоть как-то заработать на жизнь. В конце концов, удалось получить место тренера по легкой атлетике в институте спорта в Сиднее, где Виктор Санеев и продолжает жить в наши дни; он уже на пенсии и занимается любимым хобби — выращивает лимоны и грейпфруты в собственном саду.

Белая Олимпиада в Саппоро

Как известно, японский город Саппоро завоевал право провести зимние Олимпийские игры еще в 1940 году. Однако после вторжения Японии в Китай в 1937 году Олимпиада в Саппоро была отменена. На право проведения XI зимних Олимпийских игр в 1972 году помимо Саппоро претендовали канадский Банфф, американский Солт-Лейк и финский город Лаhti. Во втором туре голосования

¹ Новая газета. 2006. 24 июля.

МОК в 1966 году Саппоро опередил Банфф, набрав в два раза больше голосов.

До этого все зимние Олимпиады проходили в Европе или в Северной Америке, страны с других континентов просто и не претендовали на право проведения белых Олимпиад. Российские исследователи справедливо указывали: «Климатические условия в сочетании с бедностью стран третьего мира выступали в качестве серьезного тормоза в расширении географии Белых игр. В большинстве этих стран не только никогда не видели снега и льда в естественных условиях, но и отсутствовала возможность создания крытых ледяных катков или лыжных трасс с искусственным снегом. Лишь к концу XX в., по мере развития технического прогресса, в разных странах мира (в том числе и в южных частях земного шара) стали строиться спортивные комплексы, где можно было бы круглогодично заниматься зимними видами спорта»¹.

Примечательно, что высшая олимпийская награда дореволюционной России была завоевана в единственном зимнем виде спорта, представленном на Играх 1908 года в Лондоне: Н. Панин-Коломенкин стал победителем в фигурном катании на коньках².

Саппоро хорошо подготовился к проведению зимней Олимпиады 1972 года. В городе было построено несколько новых спортивных объектов, включая олимпийский комплекс Макоманаи со стадионом на 17 тысяч зрителей. Именно на нем император Японии Хирохито 3 февраля 1972 года объявил Олимпийские игры открытыми³. В соревнованиях участвовали чуть более тысячи спортсменов, причем всего лишь 20 % из числа участников были представительницами женского пола. До этой Олимпиады японцы не показывали каких-либо впечатляющих результатов в зимних видах спорта и, в частности, не завоевывали золотых олимпийских наград. На домашней же Олимпиаде в Саппоро японской команде удалось добиться замечательных результатов в прыжках с 70-метрового трамплина — японские летающие лыжники заняли весь пьедестал почета.

Подготовка советской команды к участию в Олимпиаде шла под пристальным вниманием Спорткомитета, который написал несколько отчетов в ЦК КПСС о ходе подготовительной работы и планах по завоеванию медалей (см. Приложения 5 и 6). Надо сказать, что планы Спорткомитета на зимней Олимпиаде в Японии были реализованы. Советская команда в Саппоро выступила очень успешно,

¹ Белые игры. С. 7.

² Там же. С. 8.

³ Addkinson-Simmons, D. (1996). Sapporo 1972, XIth Olympic Winter Games. Historical Dictionary of the Modern Olympic Movement, edited by John E. Findling and Kimberly D. Pelle. Westport, CT: Greenwood Press, 284–288.

завоевав общекомандное первенство и по золоту (восемь первых мест), и по общему количеству медалей (16). На втором месте неожиданно для многих оказалась команда ГДР с 14 медалями. Отметим, что спортсмены из Восточной Германии лишь во второй раз представляли на зимней Олимпиаде свою страну, выступая на предыдущих играх под одним флагом с олимпийцами из Западной Германии. Команда США в Саппоро оказалась на 5-м месте, а ФРГ — на 6-м. Среди советских спортсменов безусловной звездой стала легендарная лыжница Галина Кулакова, которая выиграла золото во всех трех женских дистанциях. Уже позже для лыжников введут гонки классическим и коньковым ходом, спринты и масс-старты. Можно только гадать, сколько бы медалей завоевала Кулакова, выступай она в наши дни. Кстати, на Олимпиаде в Саппоро спортсмены в лыжных гонках в последний раз выступали на деревянных лыжах. На последующих Олимпиадах практически все перешли на пластик.

Вообще же путь советских лыжников и лыжниц к олимпийским победам легким не назовешь. Одного желания тренироваться и выигрывать было недостаточно даже для очень талантливых спортсменов. Часто дело упиралось в отсутствие нужного инвентаря и формы, а также недостаточное финансирование команды для выезда на сборы, особенно за границу. Достаточно отмотать от выступления советских лыжников в Саппоро лет 15 назад и посмотреть на документы ЦК КПСС и Спорткомитета (см. Приложение 1 и 2), которые отражали сложившееся положение:

«В первые послевоенные годы советские спортивные делегации, направлявшиеся на соревнования за границу, в материальном и финансовом плане обеспечивались ниже минимально допустимого уровня. Дело дошло до того, что в начале 1954 г. советское посольство в Швейцарии сообщило в ЦК КПСС о “неудовлетворительном материальном обеспечении” советских лыжниц, участвовавших в соревнованиях в этой стране. Поскольку информация о бедственном положении советской команды стала достоянием мировой общественности, ЦК КПСС поручил срочно выделить дополнительную валюту на оплату суточных, транспортных и представительских расходов. Одновременно ЦК КПСС указал руководителям Министерства здравоохранения и Спорткомитета на “бездушно-формальное отношение” к организации поездки советских лыжниц в Швейцарию и поручил специальной комиссии “пересмотреть существующий порядок материального обеспечения советских делегаций (общественных, научных, культурных, спортивных), командироваемых за границу»¹. В цитируемом нами исследовании по истории зимних

¹ Белые игры. С. 19.

Олимпиад справедливо подчеркивается, что «большое значение в условиях советской системы имело отношение первых лиц партии и государства к спорту вообще и Олимпийским играм в частности. Н. С. Хрущев был далек от спорта и хотя признавал его роль в пропаганде советского образа жизни и успехов СССР на международной арене, но в целом рассматривал спортивные состязания как не всегда своевременную и дорогостоящую забаву. Конечно, как руководитель советского государства он торжественно открывал спортивные арены в Лужниках, посылал приветственные адреса советским олимпийцам и даже давал указания об экстренном приеме в ряды КПСС (без прохождения обязательного кандидатского стажа) триумфатора зимних Игр-1964 Лидии Скобликовой»¹. С середины 1960-х годов, когда Хрущев был отправлен на пенсию, а власть перешла к Л. И. Брежневу, внимание ЦК КПСС к вопросам необходимого финансирования спорта повысилось. Незадолго до Олимпиады в Саппоро были приняты меры по материальному поощрению будущих победителей и призеров игр в Японии. В постановлении Секретариата ЦК КПСС «О некоторых мерах по материально-техническому обеспечению подготовки советских спортсменов к Олимпийским играм 1972 года» от 2 февраля 1971 г. предписывалось: «Разрешить Комитету по физической культуре и спорту при Совете министров СССР выплачивать спортсменам, завоевавшим первые места на Олимпийских играх, и подготовившим их тренерам денежные премии в размере по 3000 рублей каждому, в том числе до 250 рублей в иностранной валюте, с выдачей их на руки непосредственно за границей»².

Для советских партийных руководителей участие команды СССР в Олимпиаде в Саппоро несло дополнительные политические риски в связи с неурегулированностью вопроса «северных территорий», связанного с судьбой островов Хабомай, Шикотан, Кунашир и Итуруп. Хотя в 1956 году была подписана совместная советско-японская декларация о формальном прекращении войны, территориальные споры по четырем островам Курильской гряды урегулированы не были. Советские дипломаты указывали на существование договора, подписанного в Сан-Франциско в 1951 году 49 странами, включая США и Японию, в котором, в частности, говорилось, что Япония отказывается от каких-либо претензий на острова Курильской гряды. Впрочем, надо заметить, что Советский Союз не участвовал в подготовке договора в Сан-Франциско, не подписывал и не ратифицировал этот договор.

В то же время сами японцы не относят четыре названных острова к Курильской гряде и считают их незаконно оккупированными

¹ Белые игры. С. 27.

² Там же. С. 222.

СССР в 1945 году¹. Саппоро, как известно, находится на северном острове Хоккайдо, с оконечности которого из местечка Раусу в хорошую погоду открывается вид на Кунашир. Именно на Хоккайдо отправляются японские туристы, чтобы полюбоваться видом на один из «своих островов». Более того, в Хоккайдо был построен специальный музей Шибетцу, посвященный истории вопроса «северных территорий». Экспозиция музея Шибетцу отражала, естественно, японский взгляд на проблему «северных территорий».

Советское руководство справедливо опасалось, что в условиях холодной войны участие советской команды в зимней Олимпиаде в Саппоро могло быть использовано «японскими реваншистами» для возможных провокаций и для пропагандистской деятельности, связанной именно с неурегулированной территориальной проблемой. В приложении мы приводим целый ряд документов, которые отражают обеспокоенность советского спортивного руководства по ситуации на Хоккайдо накануне Олимпиады (Приложение 3) и описывают шаги, которые предпринимали советские дипломаты в Японии (Приложения 7 и 9), чтобы снизить политические риски антисоветских происков, связанных с проблемой «северных территорий». Накануне Олимпиады в Саппоро антисоветские происки действительно имели место как в Токио, так и на Хоккайдо, что выразилось в многочисленных плакатах, антисоветских карикатурах и других информационно-пропагандистских материалах относительно «истинной принадлежности северных территорий». Как известно, и на сегодняшний день вопрос о принадлежности четырех островов в российско-японских переговорах остается в повестке дня как главное препятствие к полной нормализации отношений между Россией и Японией.

ХОЛОДНАЯ ВОЙНА И СПОРТ В АЗИИ

Спортивные отношения с КНР в условиях нарастающих противоречий

К концу 1949 года, после завершения продолжительной гражданской войны, на политической карте мира возникло новое государство, взявшее курс на строительство социализма и коммунизма — Китайская Народная Республика. Бывшее руководство Китая

¹ См., например: Kimura, M., & Welch, D. A. (1998). Specifying “interests”: Japan's claim to the Northern Territories and its implications for international relations theory. *International Studies Quarterly*, 42(2), 213–243.

во главе с генералом Чан Кайши бежало на Тайвань. «Взаимоотношения молодой Китайской Республики с Советским Союзом первые годы после революции в Китае представляли собой образец “братских отношений”»: Москва оказывала колоссальную и всестороннюю помощь Пекину, который, в свою очередь, решительно и во всем поддерживал СССР, перенимал советский опыт и прославлял своих “друзей”. Отдельные шероховатости и недоразумения, возникавшие в отношениях двух государств, казалось, никак не могли повлиять на “вечную” дружбу китайского и советского народов”»¹. В дальнейшем, однако, между советским и китайским руководством появились противоречия, которые начали нарастать с конца 1950-х годов и вылились в прямую конфронтацию. В начале 1970-х годов США постарались восстановить отношения с КНР и вбить мощный клин в советско-китайские отношения. В этом деле им помогла «пинг-понг дипломатия», которой в нашей книге посвящена отдельная глава. Но, впрочем, обо всем по порядку.

28 февраля 1951 года министерство иностранных дел КНР проинформировало Всекитайскую федерацию спорта, образованную годом ранее, что правительство Финляндии хотело бы увидеть китайских атлетов на Олимпиаде 1952 года в Хельсинки². Решение посылать или не посылать китайских спортсменов в Финляндию долго не принималось: в то время КНР не состояла ни в МОК, ни в международных федерациях спорта (в то время как правительство Чан Кайши на Тайване сохраняло членство в МОК), так что для отправки китайских спортсменов на Олимпийские игры предстояло решить сразу несколько политических и бюрократических проблем. В самом начале 1952 года советский посол в КНР посетил Всекитайскую федерацию спорта и проинформировал спортивных китайских функционеров, что Советский Союз намеревается участвовать в Олимпиаде в Хельсинки и хотел бы знать, собирается ли КНР последовать советскому примеру. Фенг Венбин, председатель Всекитайской спортивной федерации, направил записку премьер-министру КНР Чжоу Эньлаю с предложением, чтобы КНР вступила в МОК и участвовала в летней Олимпиаде-1952. Чжоу Эньлай через три дня поддержал предложение.

Тогда Фенг Венбин направил послание в МОК следующего содержания: «Всекитайская спортивная федерация, учитывая историю участия китайских спортсменов в предыдущих Олимпиадах, решила вступить в МОК и направить своих атлетов на Олимпиаду в Хельсинки. Всекитайская спортивная федерация является единственной

¹ Прозументицков, М. Ю. Большой спорт и большая политика. С. 274.

² Hong, Z., & Sun, Y. (2002). The Butterfly Effect and the Making of Ping-Pong Diplomacy'. *Journal of Contemporary China*, 9(25), 429–448.

спортивной организацией, представляющей КНР. Никакие другие спортивные организации, включая спортивные организации китайского Тайваня, не представляют КНР. Поэтому Тайваню не должно быть позволено участвовать в Олимпийских играх. Мы знаем, что 15 февраля состоится сессия МОК в Осло, и наши представители придут туда»¹.

Проблема двух Китаев обсуждалась на 47-й сессии МОК в Лозанне, на которую были приглашены представители как КНР, так и Тайваня. МОК склонялся к тому, чтобы пригласить на Олимпиаду команды и из КНР, и из Тайваня. Однако представители китайских делегаций заняли непримиримую позицию в отношении друг друга. Пекин был готов участвовать только в случае безоговорочного исключения Тайваня из МОК, а Тайвань был не готов соревноваться с «коммунистическими бандитами» на одних и тех же стадионах и спортплощадках. В конце заседания делегация Тайваня в знак протеста заявила, что Тайвань отказывается участвовать в Олимпиаде-1952. Это открыло путь для участия в Олимпиаде КНР без какой-либо потери лица, что всегда оставалось важным фактором спортивных и иных переговоров, в которых участвовали китайские делегации.

Олимпийские игры в Хельсинки начались 19 июля 1952 года, а официальное приглашение команда КНР получила только за день до начала. Китайская делегация из 40 человек прибыла на Олимпиаду лишь к началу второй недели соревнований. Красный китайский флаг с пятью звездами был поднят над олимпийским стадионом в Хельсинки. Несмотря на то что спортсмены КНР практически пропустили всю Олимпиаду, премьер-министр Чжоу Энлай расценил само участие КНР в Олимпийских играх в качестве важной политической победы².

На сессии МОК в Афинах в 1954 году практически единогласно было решено признать олимпийские комитеты и КНР, и Тайваня. Правила МОК гласили, что каждая страна может быть представлена лишь одним национальным Олимпийским комитетом. Признав оба Олимпийских комитета, МОК фактически признала существование двух стран — КНР и Тайваня. Однако это компромиссное решение было встречено негативно и в КНР, и на Тайване. Президент тайваньского Олимпийского комитета тут же пожаловался недавно избранному президенту МОК Эвери Брандеджу. Брандедж ответил следующим образом: «Не забывайте, что в соответствии с Олимпийской хартией в Олимпийских играх могут участвовать атлеты-любители всех наций, и какая-либо дискриминация по цвету кожи, религии или политическим убеждениям не допускается. Когда красный

¹ Ibid. P. 321.

² Ibid. P. 323.

Китай подал заявление в МОК и обязался соблюдать правила МОК, было трудно найти основания не принять их в организацию. Также не забывайте, что если бы господа Ванг и Кунг (члены МОК от Тайваня) присутствовали на заседании, к чему я их призывал, то результат голосования мог бы быть иным»¹.

Приведем отрывок из отчета об участии представителя Олимпийского комитета СССР в работе 51-й сессии Международного Олимпийского комитета в Кортина-д'Ампеццо 24–25 января 1956 года. Этот документ отражает характер противостояния делегаций Тайваня и КНР в МОК.

«При утверждении протокола Парижской сессии МОК 1955 года был поднят важнейший вопрос о незаконности признания МОК так называемого Олимпийского комитета Тайваня. Член МОК от КНР т. Тун Шуи заявил протест против того, что в этот протокол не было внесено выступление представителя китайского Олимпийского комитета, требовавшего исключить чанкайшистов из списка национальных олимпийских комитетов, признанных МОК. Было принято решение занести заявление т. Тун Шуи в оригинал протокола 51-й сессии, который будет храниться в канцелярии МОК в Лозанне.

Китайская делегация при содействии советского представителя добила также того, что членам МОК... был роздан через секретариат сессии текст заявления т. Тун Шуи, в котором он официально поставил вопрос об исключении чанкайшистов из официального списка национальных олимпийских комитетов, т. к. Тайвань является неотъемлемой частью Китая, и спортивные организации Тайваня должны быть филиалом общекитайской спортивной организации»².

Обратимся теперь к общеполитическому фону, на котором становится проще понять динамику советско-китайских спортивных отношений. Начиная с 1956 году советско-китайские отношения начали ухудшаться. Н. Хрущев инициировал десталинизацию СССР. Как известно, в секретной речи на XX съезде КПСС «О культе личности и ее последствиях» Хрущев раскритиковал политику Сталина, и особенно практику чисток и репрессий в СССР, и в частности в рядах коммунистической партии, в результате которых погибли сотни тысяч советских граждан.

Хрущевская десталинизация Советского Союза вызвала серьезную внутреннюю проблему для Мао Дзэдуна, который, подражая Сталину, создал собственный культ личности в Китае и использовал модель сталинизма в построении и развитии Китайской Народной Республики. Для Мао венгерские события 1956 года также стали

¹ Hong, Z., & Sun, Y. (2002). The Butterfly Effect and the Making of Ping-Pong Diplomacy'. P. 324.

² Белые игры. С. 76.

серьезной политической проблемой, поскольку такое восстание ставило под сомнение политическую легитимность правления коммунистической партии. Китайская коммунистическая партия официально осудила политику десталинизации Хрущева как идеологическую ревизию учения Маркса¹, хотя при этом Мао выступал за сохранение дипломатических и экономических отношений с СССР.

Несмотря на попытки Хрущева развивать советско-китайские отношения в разных областях (например, в области технической поддержки программы создания и развития ядерного оружия Китая), политическая напряженность в отношениях СССР и КНР возрастала, чему способствовала китайская реакция на хрущевскую политику мирного сосуществования СССР со странами Запада. Мао и его соратники считали, что политика мирного сосуществования с Западом угрожает геополитическому авторитету КНР, особенно после сближения Тайваня с США. Присутствие американской военной базы и ядерного оружия США на Тайване подталкивало Мао² к политике конфронтации с США.

К 1958 году идеологические разногласия, особенно советская политика мирного сосуществования с Западом, способствовали ухудшению советско-китайские отношения. В это время КНР проводит «Большой скачок Мао» — программу ускоренной индустриализации; несмотря на ее негативные последствия для экономики Китая, в стране продолжает расти культ личности Мао как «истинного лидера коммунистического мира». Мао жестко критикует экономическую политику Хрущева, которая, кстати, включала советскую экономическую помощь братскому Китаю. В июле 1958 года Хрущев отправляется с визитом в КНР. Одна из целей поездки — переговоры о создании на побережье КНР базы для советских подводных лодок. Мао во время переговоров в агрессивном тоне обвинил Хрущева в намерении распоряжаться побережьем Китая и отказал в просьбе³. Среди руководства СССР идеологический радикализм лидеров КНР, критика политики мирного сосуществования с Западом начинает вызывать все большее раздражение⁴, и в ответ СССР сокращает экономическую помощь Китаю.

В 1959 году состоялась встреча Хрущева с президентом США Дуайтом Эйзенхауэром, на которой обсуждались меры снижения напряженности в холодной войне. Эта встреча в свою очередь повлияла на отношения с КНР, так как вскоре советское руководство

¹ Lüthi, L. M. (2010). *The Sino-Soviet split: Cold War in the communist world*. Princeton University Press. P. 62–63.

² Ibid. P. 80.

³ Ibid. P. 93–94.

⁴ Ibid. P. 103–104.

отказалось от соглашения о предоставлении технической помощи для развития ядерного оружия в КНР. В 1962 году Советский Союз занял сторону Индии в китайско-индийской приграничной войне и наладил поставки вооружений в Индию, что, конечно, негативно было воспринято Мао.

К 1960 году советско-китайские разногласия проявились в резкой взаимной критике, когда Хрущев и Пэн Чжэнь вступили в открытый спор на съезде коммунистической партии Румынии. Хрущев охарактеризовал председателя КНР Мао в качестве «националиста, авантюриста и уклониста»; Пэн Чжэнь назвал Хрущева ревизионистом, чье волюнтаристское руководство уводит СССР с правильного пути построения социализма¹. В итоге от имени Хрущева было отправлено послание на восьмидесяти страницах в адрес съезда коммунистической партии Румынии, где осуждались действия и идеологические установки китайского руководства.

Вскоре Москва отозвала около 1400 советских специалистов из КНР, что привело к отмене около 200 совместных технических проектов, направленных на развитие сотрудничества между Россией и Китаем. По оценке Мао, отзыв советских технических специалистов из Китая иллюстрировал и подкреплял его обвинение в адрес Хрущева², действия которого, по мнению председателя КНР, не только способствовали экономическим потерям китайской экономики, но и спровоцировали голод во время «Большого скачка» в Китае.

В 1966 году в КНР разворачивается культурная революция, которая еще в большей степени обострила советско-китайские отношения. В январе 1967 года толпа хунвейбинов напала и разгромила советское посольство в Пекине. Китайское руководство подняло вопрос о несправедливой российско-китайской границе, утверждая, что посредством неравных договоров Российская империя фактически аннексировала территорию Китая. Несмотря на отсутствие требований о возвращении территории, китайское руководство просило СССР официально и публично признать, что советско-китайская граница, основанная на Договоре Айгун (1858) и Пекинской конвенции (1860), была исторической российской несправедливостью против Китая. Советское руководство, возглавляемое уже Л. Брежневым, проигнорировало этот запрос, хотя, несомненно, было обеспокоено состоянием дел на советско-китайской границе.

Достаточно сказать, что если вдоль советско-китайской границы протяженностью 4380 км в 1961 году было размещено 12 советских дивизий и 200 самолетов, то к 1968 году на границе было развернуто

¹ Mark, C. K. (2013). *China and the world since 1945: an international history*. Routledge. P. 49.

² Ibid. P. 50.

25 дивизий, а также размещалось 1200 самолетов и 120 ракет средней дальности¹. К марту 1969 года китайско-советская пограничная конфронтация переросла в вооруженный пограничный конфликт на острове Даманский (Женьбао) на пограничной реке Уссури, в котором погибли несколько десятков советских военнослужащих и несколько сотен китайских.

После советско-китайского пограничного конфликта (2 марта — 11 сентября 1969 года) советский премьер-министр А. Косыгин тайно отправился в Пекин для встречи с премьер-министром Чжоу Эньлаем, и к октябрю КНР и СССР начали проводить демаркацию своих национальных границ. Вскоре были восстановлены и дипломатические отношения.

Как отмечает Прозуменщиков, в отличие от стран Восточной Европы китайская компартия пришла к власти без непосредственной советской помощи и могла проводить в жизнь достаточно независимый от Москвы политический курс. «Если в Европе о “нерушимой дружбе” и “братских отношениях” с СССР постоянно твердили лишь партийные функционеры, а основная масса населения была настроена к Советскому Союзу индифферентно, а то и враждебно, то в Китае все было наоборот. Большая часть китайцев испытывала к советским людям действительно дружеские, без кавычек, чувства, выражала им искреннюю благодарность за помощь и поддержку. Что же касается руководства КНР, то оно скорее демонстрировало эти чувства, будучи вынужденной какое-то время находиться в серьезной, прежде всего военной и экономической, зависимости от Советского Союза.

Этим во многом объяснялась та необычная тактика, к которой прибегали в Пекине. Регулярно обращаясь к Москве с просьбами о помощи и выражая благодарность за работу советских специалистов, в том числе и в области спорта, китайцы в то же время сами провоцировали какие-то незначительные инциденты либо раздували погрешности и ошибки, допущенные советскими представителями»².

Как следует из анализа архивов ЦК, жалоб со стороны китайцев было много и довольно разнообразных. Например, Генеральный секретарь Комитета по делам физкультуры и спорта при Государственном совете КНР Чжан Фэйчоу сообщал руководителю группы советских специалистов по вопросам науки и культуры в Китае А. Ф. Мальцеву, что во время посещения СССР китайской футбольной делегацией работники Спорткомитета вели себя грубо, нарушили

¹ Salisbury, H. E. (1969). The coming war between Russia and China. Harvill Secker.

² Прозуменщиков, М. Ю. Большой спорт и большая политика. С. 274.

ранее достигнутые договоренности, создавали массу бюрократических проблем. Заместитель Чжан Фэйчоу примерно в то же время рассказывал советнику Спорткомитета Н. И. Афанасьеву о мытарствах китайской спортивной делегации, которая летела из Пекина в Берлин через Москву и испытала на себе все прелести сервисного обслуживания «Аэрофлота» и «Интуриста»... В ЦК прочитали жалостный рассказ о том, как китайская спортивная делегация, оставшись без денег, провела ночь в зале ожидания московского аэровокзала и только благодаря случайно встретившемуся соотечественнику смогла на занятые у него 10 рублей купить немного пенья и утолить голод¹.

В то же время сами китайцы вели себя порой достаточно бесцеремонно в отношении «старшего брата», словно считая, что удовлетворять все требования и пожелания китайской стороны — священный долг советского народа. Помимо многочисленных и весьма неумеренных запросов, постоянно поступавших в различные советские инстанции, КНР нередко нарушала даже те договоренности, которые были уже согласованы, в том числе и на высшем уровне. Так, в 1956 году Президиум ЦК КПСС разрешил Спорткомитету пригласить в СССР сроком на один месяц представительную делегацию из 50 китайских спортсменов, тренеров и руководителей спорта КНР. Однако в Москву прибыла делегация не только в гораздо большем составе, но прямо у трапа самолета китайцы заявили, что они хотели бы погостить в Советском Союзе... два месяца². После дополнительного запроса Спорткомитета в президиум ЦК КПСС просьба китайских товарищей была удовлетворена.

Здесь уже упоминалась начатая в 1958 году новая экономическая и политическая кампания в Китае, которая вошла в историю под названием «Большой скачок» и была направлена на укрепление индустриальной базы и резкий подъем экономики страны. К сожалению, «Большой скачок» принес трагические последствия для китайского народа. Мао Цзэдун обосновывал политику «Большого скачка» при помощи марксистской теории производительных сил, однако его попытка усилить экономический рост путем резкой коллективизации и подменить профессионализм индустриальных рабочих энтузиазмом китайского крестьянства, а также неверные решения в области сельского хозяйства (массовое уничтожение воробьев и др.) обернулись катастрофой — миллионы китайских граждан погибли от голода.

В это же время в конце лета 1958 года КНР предприняла очередную попытку вооруженным путем ликвидировать гоминдановский

¹ Прозуменников, М. Ю. Большой спорт и большая политика. С. 275–276.

² Там же. С. 276.

режим на Тайване, куда после революции 1949 года бежал со своими соратниками глава буржуазного Китая Чан Кайши, и объединить таким образом все китайские земли под руководством коммунистов. Региональный конфликт мог легко перерасти в мировую войну, так как Чан Кайши поддерживали США, а Советский Союз должен был встать на защиту КНР в соответствии с договором, подписанным между двумя странами еще в 1950 году¹. Напряженную обстановку удалось не без труда разрядить, хотя и Москва, и Вашингтон в сентябре 1958 года сделали несколько воинственных заявлений в адрес друг друга.

При проведении кампании «Большого скачка» для борьбы с Тайванем и для продвижения интересов КНР в мире спорту было уготовлено особое место. Параллельно с подготовкой военной акции против подконтрольных Чан Кайши территорий в КНР заявили, что они собираются покинуть 9 международных спортивных объединений, в которых находились одновременно представители КНР и Тайваня. А заодно пригрозили, что выйдут из других спортивных организаций, куда примут Тайвань. К этой акции Пекин решил подключить другие «братские» страны. В столицы Восточной Европы (кроме Белграда) были отправлены депеши с предложением прислать на специальное совещание в Пекин делегации спортивных ведомств социалистических государств для обсуждения сложившегося положения.

В руководстве Спорткомитета СССР очень настороженно относились к действиям КНР, опасаясь, что эти непредсказуемые шаги могут пагубно отразиться на положении Советского Союза и других стран социализма в мировом спортивном движении. Председатель Спорткомитета Н. Н. Романов в своей записке в ЦК КПСС предложил отправить на совещание в Китай не официальную делегацию, а группу советских специалистов «в качестве гостей спортивных организаций КНР». Это, однако, шло вразрез с генеральной линией партии в отношении КНР, которой, невзирая на возникавшие проблемы, еще продолжали придерживаться советские руководители. Прочитав записку Н. Н. Романова, М. А. Сулов возмущенно написал: «Почему надо обижать китайских друзей?»² После такого комментария Спорткомитет был просто вынужден направить в Пекин делегацию на высшем уровне.

Записка Н. Н. Романова вызвала в советском партийном руководстве серьезное недовольство еще и потому, что продемонстрировала плохое понимание Спорткомитетом нюансов внешней политики КПСС. Кроме уже упоминавшегося «неприемлемого» предложения

¹ Там же. С. 277.

² Там же. С. 278.

Н. Н. Романова, в документе содержался и вовсе возмутивший партийную элиту пассаж: Спорткомитет для решения проблемы двух Китаев хотел предложить «друзьям» из Пекина создать единую китайскую команду (из КНР и Тайваня) по типу объединенной команды Германии. Комментарий М. А. Сулова был предельно кратким («Это глупость!»)¹, а советской делегации в Китае было категорически запрещено даже вскользь намекать на эту тему.

Как уже было сказано, Советский Союз также являлся своеобразным посредником в переговорах между КНР и Международным Олимпийским комитетом, хотя в действительности это было достаточно сложно назвать переговорами. Из КНР шли ультимативные требования об исключении Тайваня из всех спортивных организаций, направлялись циркулярные письма в МОК с заявлениями о «разрыве всех отношений», которые содержали к тому же грубые и оскорбительные выпады в адрес руководителей этой организации. МОК же направлял свои ответные письма в Москву с призывом повлиять как-то на Пекин, призывая «не вносить политику в олимпийские дискуссии» и не присоединяться к китайским «нападкам на Международный Олимпийский комитет и его официальных лиц»².

Вся эта многомесячная изнурительная переписка не дала никаких положительных результатов: КНР почти на двадцать лет покинула олимпийское движение и вышла из большинства международных спортивных федераций, а ее место там заняли представители Тайваня... Китайским лидерам было необходимо поддерживать среди своих сограждан иллюзию «осажденной врагами крепости», что позволяло им проводить рискованные эксперименты, а свои ошибки и просчеты оправдывать «происками врагов». ...В то время как Москва пыталась наладить отношения с Западом, призывая к мирному сосуществованию государства с различными политическими системами, в Китае ратовали за усиление холодной войны и даже были не прочь сразиться против империализма в третьей мировой. Как уже было указано, эти разногласия были лишь одним из пунктов длинного перечня идеологических, а затем и межгосударственных противоречий, которые стремительно разрастались в отношениях Советского Союза и КНР на рубеже 1950–1960-х годов.

В то же время «поощряемый ЦК КПСС Спорткомитет продолжал бездумно направлять в КНР отдельных спортсменов и различные команды для выполнения “плана по валу” в рамках заранее утвержденных мероприятий по обмену спортивными делегациями между “братскими странами”. Между тем несложно было заметить, что ситуация с каждым годом ухудшалась. Китай, поставивший себе

¹ Прозуменников, М. Ю. Большой спорт и большая политика.

² Там же. С. 279.

цель за несколько лет “перепрыгнуть” из феодализма в коммунизм, стал считать для себя зазорным учиться у Советского Союза, “застрявшего” на социалистическом этапе... Москва получила редкую возможность наблюдать со стороны за созданной ею же политической системой. Указания лидеров компартии (в данном случае китайской) были немедленно приняты как руководство к действию. Те самые советские тренеры и спортивные специалисты, которых еще недавно в Пекине уговаривали приезжать и обучать китайских спортсменов, стали систематически подвергаться критике, а их профессионализм ставиться под сомнение»¹.

Из докладов советского посольства в КНР становилось ясно, что состязания между спортсменами двух стран стали чаще проходить с излишним эмоциональным накалом, причем резко изменилось отношение китайской публики, неизменно проявлявшей огромный интерес к соревнованиям. Если раньше зрители достаточно объективно оценивали выступления обеих сторон, то теперь трибуны поддерживали исключительно китайских спортсменов, а успехи «друзей» из Советского Союза встречали неодобрительными возгласами или в лучшем случае — молчанием. И уж совсем необъективным стало судейство. Стремление китайских судей всеми средствами не допустить проигрыша своих команд привело к ряду инцидентов на спортивных аренах, причем иногда даже официальные лица КНР были вынуждены признать правоту советских претензий, туманно ссылаясь на некие «трудности», существующие в судействе².

На эти и другие особенности спортивных состязаний между КНР и СССР было обращено внимание в справке советского посольства в Пекине, направленной в Москву. Не делая каких-либо политических выводов, посольство предлагало решать возникавшие проблемы чисто спортивными методами: привлекать к судейству арбитров из других стран, направлять в КНР только сильные, хорошо подготовленные команды, которые могут добиться победы в любых условиях, и т. п.³

Поскольку в СССР считали, что те огромные успехи, которых достигли советские спортсмены на мировой арене, символизируют преимущества социалистического строя, то в КНР логично предположили, что победы Китая в соревнованиях с представителями сильнейшей спортивной державы мира означают превосходство китайской модели строительства коммунизма над советской. В КНР, где подавляющее большинство населения все еще оставалось элементарно неграмотным, власти шли на маленькую хитрость, не

¹ Там же. С. 280.

² Там же. С. 280–281.

³ Там же. С. 281.

делая различия между тем, кто выступал перед зрителями, — сборная СССР или команда какого-нибудь советского института физкультуры. Во всех случаях дикторы на стадионе объявляли о безымянной «советской команде», и победы китайцев над второстепенными спортивными коллективами из Советского Союза наполняли головы болельщиков, и без того затуманенные пропагандой китайской исключительности, мыслями о безусловном и всестороннем превосходстве Китая над остальным миром¹.

GANEFO — Игры Новых развивающихся сил: разногласия между СССР, Китаем и Индонезией

В 1962 году в столице Индонезии Джакарте должны были состояться IV Азиатские игры. Индонезийские организаторы игр направили предварительные приглашения для участия в играх и в Пекин, и в Тайпей. Из посольства КНР в Джакарте в индонезийское правительство поступила телеграмма следующего содержания: «Китайское правительство искренне желает, чтобы Азиатские игры в Джакарте прошли с большим успехом. Однако китайское правительство не может игнорировать действия империалистов и их преспешников, которые хотят использовать Азиатские игры для создания “двух Китаев”. Подобные действия не только повредят дружбе между КНР и Индонезией, но и подорвут позицию Индонезии в борьбе с империализмом»².

Министерство иностранных дел Индонезии решило не предоставлять визы спортсменам из Тайваня (а также из Израиля) для участия в Азиатских играх. МОК и международные спортивные федерации тут же осудили действия Индонезии и объявили о непризнании IV Азиатских игр в Джакарте³. На этом противостояние МОК и Индонезии не закончилось.

В феврале 1963 года исполком МОК сделал заявление, в котором осудил отказ Индонезии предоставить въездные визы для участия в IV Азиатских играх в 1962 году делегациям Израиля и Тайваня и приостановил членство Индонезии в МОК. Непредоставление виз израильским и тайваньским спортсменам МОК назвал «прискорбным инцидентом», а президент МОК Эйвери Брандедж охарактеризовал исключение спортсменов из соревнований как «скандальное»⁴.

¹ Прокуменщиков, М. Ю. Большой спорт и большая политика.

² Lutan, R., & Hong, F. (2005). The politicization of sport: GANEFO — A case study. *Sport in Society*, 8(3), 425–439. P. 425.

³ Ibid. P. 426.

⁴ Minutes of the Conference of the Executive Board (1963). *Bulletin du C. I. O.* (May 15, 1963) 83.

Примечательно, что на заседании исполкома МОК присутствовало только четыре постоянных члена, включая президента МОК Эйвери Брандеджа, вице-президента МОК маркиза Эксетера, индийского представителя Г. Д. Содхи и советского представителя Константина Андрианова¹. Индонезийский НОК попытался объяснить, что на самом деле их организация послала письменные приглашения в Израиль и на Тайвань, однако индонезийское правительство конфисковало эти письма. На заседании в Лозанне в феврале 1963 года МОК принял индонезийские объяснения к сведению, но все-таки решил приостановить членство НОК Индонезии в своей организации, вероятно, чтобы попытаться оказать давление на индонезийское правительство. Не вполне ясно, как именно голосовал по этому вопросу Константин Андрианов. Исполком МОК требовал, чтобы индонезийский НОК принес свои извинения Израилю и Тайваню и предоставил гарантии, что такие действия впредь не повторятся.

В ответ на данное решение МОК президент Индонезии Сукарно предложил провести в качестве своеобразной альтернативы Олимпиаде в Токио соревнования для спортсменов стран «антиимпериалистической» ориентации (GANEFO — Games of the New Emerging Forces). 13 февраля 1963 года Сукарно выступил с речью, в которой, в частности, сказал: «Как президент республики Индонезия, как верховный главнокомандующий Индонезии, как великий лидер индонезийской революции и верховный лидер Национального фронта, я приказываю Индонезию выйти из состава МОК... В дополнение к моему приказу покинуть МОК я также приказываю как можно скорее организовать Игры Новых развивающихся сил (GANEFO) — стран Азии, Африки, Латинской Америки и социалистических стран»². Китайский премьер-министр Чжоу Эньлай тут же направил письмо в Джакарту, поддержав идею президента Индонезии³. Сукарно распорядился провести игры GANEFO у себя на родине в ноябре 1963 года. Узнав об организации альтернативных соревнований, МОК заявил, что спортсмены, приехавшие на GANEFO, будут отстранены от участия в Олимпийских играх. В итоге Индонезия и КНДР не направили свои делегации в Токио в 1964 году.

Следует отметить, что на расширенном заседании исполкома МОК в феврале 1963 года вопрос отстранения Индонезии горячо дискутировался. Некоторые азиатские делегаты, а также представитель СССР Роман Киселев выразили удивление и несогласие с решением МОК. Ирак даже решил покинуть МОК в знак протеста,

¹ Lutan, R., & Hong, F. (2005). The politicization of sport. P. 425.

² Pauker, E. T. (1965). Ganefo I: sports and politics in Djakarta. Asian Survey, 171–185. P. 173.

³ Lutan, R., & Hong, F. (2005). The politicization of sport. P. 431.

а делегаты арабских стран также рассматривали вопрос о бойкотировании Олимпийских игр в Токио. В то же время индийский представитель в МОК Г. Д. Сондхи публично поддержал исключение Индонезии из МОК и тут же был объявлен персоной нон-грата в Индонезии¹. Министр торговли правительства Сукарно объявил о введении экономических санкций против Индии, а толпа протестующих окружила и атаковала индийское посольство в Джакарте.

Инициатива индонезийского президента Сукарно по проведению Игр Новых развивающихся сил в Джакарте была поддержана КНР и в финансовом, и в организационном плане. В апреле 1963 года была созвана специальная конференция по подготовке проведения Игр GANEFO, на которую приехали делегаты из 12 стран: КНР, Камбоджи, Гвинеи, Ирака, Пакистана, Мали, Северного Вьетнама, Объединенной Арабской Республики, Цейлона, Югославии, Индонезии и Советского Союза. На эмблеме Игр GANEFO было решено изобразить 12 флагов этих стран. Президент Сукарно выступил и на этой конференции, заявив о деструктивной роли МОК в международном спорте: «Международный Олимпийский комитет еще раз доказал, что является инструментом империализма. МОК утверждает, что Олимпийские игры вне политики, однако проводит их только среди стран, которые некоммунистические, которые не выступают против империализма, колониализма. МОК исключил Индонезию из Международного Олимпийского комитета, ибо мы якобы нарушили их принципы. Но давайте поговорим начистоту. Когда они исключили коммунистический Китай, разве это не политика? Когда они плохо относятся к Объединенной Арабской Республике, разве это не политика? Когда они плохо относятся к Северной Корее, разве это не политика? Когда они исключили Северный Вьетнам, разве это не политика? Я предлагаю быть искренним. Давайте открыто скажем, что спорт и политика связаны. Индонезия связывает спорт и политику и предлагает учредить Игры Новых развивающихся сил, GANEFO... против старого устоявшегося порядка»². В дополнение к уже имеющимся титулам «великого лидера индонезийской революции», «верховного лидера Национального фронта» президент Сукарно получил титул «основателя и почетного президента GANEFO».

Надо сказать, что, несмотря на дух холодной войны, далеко не все делегаты подготовительной конференции готовы были безоговорочно поддержать Сукарно и пуститься в битву против установленных порядков в международном спорте и против принципов олимпизма. Так, Евгений Валуев, возглавлявший советскую делегацию в Джакарте, выступил в примиряющем тоне: «Участие во вновь

¹ Pauker, E. T. (1965). Ganefo I: sports and politics in Djakarta. P. 172.

² Sukarno, (1963). GANEFO Bulletin, 1, July 1963, 5–6.

организуемых играх (GANEFO) не должно увязываться ни с какими ограничениями по участию национальных спортивных федераций в мировых спортивных состязаниях, таких как официальные чемпионаты мира, чемпионаты континентов, региональные состязания и Олимпийские игры»¹. Советская делегация стремилась использовать инициативу Сукарно, чтобы создать международные юношеские игры, которые не являлись бы прямыми конкурентами Олимпийским играм, на чем настаивала китайская делегация. Представителям КНР удалось переиграть дипломатически советских делегатов и закрепить свое видение в резолюции, принятой на учредительной конференции в Джакарте. На фоне ухудшения советско-китайских отношений советское руководство сомневалось в целесообразности участия в этом новом спортивно-политическом проекте. Неудивительно, что хотя СССР был одним из официальных учредителей Игр Новых развивающихся сил, сообщение в «Правде»² об участии советских спортсменов в первых играх GANEFO появилось только через 6 месяцев после учредительной конференции и практически накануне Игр.

Само название Игр — Новые развивающиеся силы было выбрано неслучайно. Чтобы увеличить количество участников и сделать Игры более представительными, индонезийские организаторы предоставляли право участия не только отдельным странам, но и отдельным профсоюзным спортивным организациям. Около трети участников были именно такие спортсмены-любители из различных профсоюзных спортивных клубов Европы. Естественно, их уровень не соответствовал уровню первых номеров национальных команд Индонезии или КНР. С другой стороны, как уже говорилось, страны, активно участвующие в олимпийском движении, например Япония, Советский Союз, не хотели рисковать дисквалификацией наиболее сильных спортсменов сборной со стороны МОК и решили отправить на GANEFO спортсменов-дублеров. В результате китайские гимнасты и гимнастки, практически не имевшие опыта международных выступлений, смогли на равных соревноваться в Джакарте с советской командой по гимнастике, а Япония проиграла соревнования по дзюдо — своему национальному виду спорта.

В дополнение к спортивной программе Игр организаторы решили провести выставку художественных произведений и изделий народных промыслов всех стран-участниц. Для делегаций были составлены насыщенные культурные программы, включавшие посещение различных районов Индонезии. Кроме того, после окончания спортивных соревнований было намечено проведение двухдневной

¹ Pauker, E. T. (1965). Ganefo I: sports and politics in Djakarta. P. 174.

² Правда. 1963. 15 октября.

конференции стран-участниц, где намеревался выступить и сам Сукарно.

Индонезийский народ принял широкое участие в подготовке Игр. Армейские офицеры и офицеры индонезийской полиции сдали один процент от своей месячной зарплаты в фонд организации Игр в Джакарте. Студенты высших учебных заведений ушли на двухнедельные каникулы, чтобы быть волонтерами или работать контролерами и продавцами сувениров на стадионах. Владельцы частных автомобилей не только в Джакарте, но и на всем острове Ява были вынуждены расстаться со своей собственностью на две недели, чтобы гости игр и зарубежные спортсмены могли быть обеспечены транспортом, так как общественного транспорта не хватало¹. Другими словами, вовлеченность простых индонезийцев в проведение Игр была велика, что обеспечило их популярность в стране. Президент Сукарно организовал несколько приемов для спортсменов-участников прямо в своем президентском дворце.

В середине ноября 1963 года, когда проходили игры GANEFO, Индонезия находилась в условиях противостояния Малайзии, и примечательно, что лозунг Игр Новых развивающихся сил «Вперед, ни шагу назад», был использован и как лозунг противостояния Малайзии, которую индонезийские правители называли марионеткой в руках сил империализма и колониализма. Участников соревнований на улицах Джакарты встречали, например, такие лозунги: «Да здравствуют Игры Новых развивающихся сил — долой Малайзию».

Среди подготовленных к играм буклетов один, посвященный противостоянию Индонезии и МОК, заслуживает в нашей главе особого внимания, ибо неплохо иллюстрирует характер пропаганды, используемой авторами брошюры.

Игры GANEFO были проведены в Джакарте с 10 по 22 ноября 1963 года и собрали более 2400 спортсменов из 48 стран Африки, Азии, Европы и Латинской Америки. Советский Союз сыграл важную роль в организации игр. Ведь именно на советские деньги и с помощью советских инженеров был возведен огромный стадион на 110 тысяч зрителей «Бун Карно» («Товарищ Карно») в Джакарте, названный так в честь действующего президента Индонезии Сукарно. В дни игр 17 000 индонезийских военных, бронетранспортеры и прочая техника охраняли участников и зрителей от возможных провокаций².

На Играх Новых развивающихся сил были необходимые элементы символики — и свой огонь, и свой гимн, и свой флаг, и сотни

¹ Pauker, E. T. (1965). *Ganefo I: sports and politics in Djakarta*. P. 177.

² *Ibid.* P. 171.

белых голубей, выпущенных в небо Джакарты в день открытия. Президент Сукарно, прибывший на вертолете на заполненный до отказа стадион, объявил Игры открытыми на индонезийском, английском и французском языках. На Игры прислали своих представителей 48 стран мира: Албания, Алжир, Аргентина, Афганистан, Бельгия, Бирма, Болгария, Боливия, Бразилия, Великобритания, Венгрия, Доминиканская Республика, Германская Демократическая Республика, Гвинея, Индонезия, Ирак, Италия, Камбоджа, Китайская Народная Республика, Корейская Народно-Демократическая Республика, Куба, Лаос, Ливан, Мали, Марокко, Мексика, Монголия, Нигерия, Нидерланды, Объединенная Арабская Республика, Пакистан, Палестина, Польша, Румыния, Саудовская Аравия, Северный Вьетнам, Сенегал, Сомали, Советский Союз, Уругвай, Филиппины, Финляндия, Франция, Цейлон, Чехословакия, Япония. Как видно из списка, среди участников были и представители западных стран, однако капиталистические государства в основном были представлены спортсменами из профсоюзных клубов. Игры проводились под лозунгами солидарности стран третьего мира в борьбе против империалистических угнетателей.

На церемонии открытия игр GANEFO среди всех участников президент Сукарно особенно отметил китайскую делегацию. Когда по стадиону проходили китайские спортсмены, Сукарно поднялся и с чувством пожал руку китайскому вице-премьеру Хо Лунгу, который сидел в ложе для почетных гостей¹. Президент Сукарно публично заявил, что спорт и политика неразделимы и что спорт должен стать механизмом полного освобождения и эмансипации стран третьего мира.

Соревнования проходили по 20 видам спорта, среди которых были: баскетбол, волейбол, футбол, настольный теннис, бадминтон, теннис, хоккей на траве, плавание, водное поло, подводное плавание, тяжелая атлетика, гимнастика, стрельба, стрельба из лука, бокс, велосипедный спорт, фехтование, дзюдо, борьба и парусный спорт.

Превосходство спортсменов Китая на соревнованиях в Джакарте было подавляющим: они завоевали 137 медалей, в том числе 55 золотых, 46 серебряных и 36 бронзовых². На GANEFO было установлено шесть мировых рекордов. Северная Корея, которая как и КНР, не участвовала в Олимпиаде-1964, также послала на эти Игры своих лучших спортсменов. Примечательно, что в Индонезии на момент

¹ Ibid. P. 172.

² Field, R. (2014). Re-Entering the Sporting World: China's Sponsorship of the 1963 Games of the New Emerging Forces (GANEFO). *The International Journal of the History of Sport*, 31(15), 1852–1867. P. 1854.

проведения игр 1963 года проживало около двух с половиной миллионов этнических китайцев. Составляя этническое меньшинство в Индонезии, китайцы в этой стране владели значительным количеством мелких и средних компаний и множеством магазинов и в целом являлись объектом зависти и недоброжелательности среди простых индонезийцев. Однако именно индонезийские китайцы сделали многочисленные финансовые пожертвования для проведения Игр 1963 года¹. Финансовая помощь китайского правительства также была существенной — индонезийскому правительству был предоставлен дар в размере 17 миллионов американских долларов². Известно также, что КНР предоставила 70 тонн спортивного оборудования³, а также организовала доставку спортсменов из стран Африки в столицу Индонезии. Кроме китайских спортсменов и значительной делегации функционеров, КНР направила в Джакарту большую культурную делегацию, включавшую фотографов, радио- и тележурналистов, кинооператоров, артистов цирка.

СССР на соревнованиях GANEFO был представлен спортсменами в неолимпийских видах спорта, а также теми атлетами, которые не имели хороших шансов попасть в олимпийскую команду, с тем чтобы в дальнейшем не допустить дисквалификации МОК сильнейших советских спортсменов. В частности, чемпионами игр стали теннисистка Анна Дмитриева, боксер Абдысалан Нурмаханов, стрелок из лука Виктор Сидорук. Второе место заняла в Джакарте женская волейбольная сборная СССР. Спортсмены Советского Союза стали вторыми после атлетов КНР по количеству золотых медалей, 39 раз отпраздновав победу, и третьими по общему числу наград (на втором месте — сборная Индонезии).

Проведение Игр GANEFO в Джакарте вызвало волнения и опасения в дипломатических кругах США. Так, еще в 1962 году посольство США в Джакарте писало в своем рапорте в Вашингтон относительно важных политических последствий того, что «целый хор голосов левых сил поддерживает усилия Индонезии по созданию новой спортивной федерации, объединяющей страны Азии, Африки и Латинской Америки»⁴. Годом позже, накануне проведения Игр, американские дипломаты пишут о том, что «имеются серьезные сомнения относительно способности и желания Индонезии превратить эти Игры в цирк коммунистической пропаганды». В сентябре 1963 года, за два месяца до начала соревнований, американское

¹ Field, R. (2014). Re-Entering the Sporting World. P. 1856.

² Lutan, R., & Hong, F. (2005). The politicization of sport. P. 434.

³ Ross, T. P. (1963). Sukarno's Lavish GANEFO Was Mostly Snafu. *Sports Illustrated*, 19(23).

⁴ Field, R. (2014). Re-Entering the Sporting World. P. 1857.

посольство в Джакарте посылает депешу в Госдепартамент с предложением оповестить «наших друзей» в Африке и Азии о роли коммунистического Китая в подготовке Игр. Госдепартамент откликнулся и распространил коммюнике за подписью госсекретаря Дина Раска, которое было разослано во все посольства США. В коммюнике Раска говорилось, что подготавливаемые Игры GANEFO являются по сути мощными усилителями китайской коммунистической пропаганды и ущерб от проведения подобных игр возможен гораздо больший, чем какие-либо преимущества для стран свободного мира¹.

В свою очередь, китайские товарищи всячески рекламировали идею Игр Новых развивающихся сил. Китайский экспортный журнал *China Sport* издал специальный богато иллюстрированный выпуск, посвященный Играм в Джакарте, который вышел под названием «GANEFO открывает новую эру в международном спорте»². Киностудия КНР совместно с индонезийским национальным комитетом по проведению GANEFO выпустила полнометражный цветной фильм на английском языке, посвященный Играм, для распространения его по всему миру³. В фильме китайский пропагандистский посыл был весьма искусно закамуфлирован, отмечались успехи индонезийских организаторов и спортсменов и совсем не выпячивалась роль КНР. Особенно отмечалось дружеское, братское отношение друг к другу спортсменов из развивающихся стран на соревнованиях в Джакарте и говорилось о том, как эти отношения контрастировали с жесткой, непримиримой борьбой спортсменов на соревнованиях в капиталистических странах под эгидой МОК.

Ко времени, когда было объявлено о проведении Игр Новых развивающихся сил, единство стран социалистического лагеря было уже серьезно подорвано ухудшающимися советско-китайскими отношениями. Геополитически КНР все больше и больше индентифицировалась с движением неприсоединившихся стран и с их борьбой за политическую и экономическую независимость во время холодной войны. Проявление солидарности с освободившимися странами Юго-Восточной Азии и оказание им помощи органически вписывались в этот процесс и позволяли КНР претендовать на роль нового лидера в регионе. Широкомасштабное участие в Играх в Джакарте помогло КНР вернуться на международную спортивную арену.

Для советского руководства инициатива индонезийского президента Сукарно по проведению GANEFO оказалась крайне неудобной. С одной стороны, участие в Играх GANEFO, организуемых в пику МОК, ставило под удар позиции Советского Союза в международ-

¹ Ibid.

² *China Sport* 1964, 1.

³ Pauker, E. T. (1965). *GANEFO I: sports and politics in Djakarta*. P. 181.

ном олимпийском движении и могло привести к дисквалификации ведущих советских спортсменов как МОК, так и международными спортивными федерациями. С другой стороны, неучастие в Играх GANEFO означало бы утрату лидерства среди развивающихся стран, особенно в Юго-Восточной Азии, и сдачу своих позиций в пользу КНР. Вот как писал корреспондент *Associated Press* о политической подоплеке GANEFO: «Русская дилемма вызывает восторг в Китае. Чем больше коммунистический Китай сможет вызвать противоречий в мировом коммунистическом движении, тем больше Советская Россия потеряет, а КНР выиграет в этом политическом противостоянии со спортивным фасадом»¹.

Китайская делегация на организационной конференции в Джакарте пыталась провести идею об организации Игр, которые бы объединили спортсменов Азии, Африки и Латинской Америки вообще без участия спортсменов из Европы и Северной Америки. В сентябре 1963 года посольство США сообщало в Вашингтон, что «пока еще слишком рано судить, станет ли GANEFO связующим звеном в кампании против белых (anti-whitecampaign)». Китайская позиция о проведении Игр только для цветных спортсменов, естественно, не получила никакой поддержки от советских делегатов. Последовала отповедь из уст китайского руководства. Приведем слова китайского министра иностранных дел маршала Чень И, который в 1964 году критически высказывался о роли СССР в странах третьего мира, утверждая, что Советский Союз якобы «не оказывал искренней помощи в развитии азиатских и африканских стран» и «занял шовинистическую позицию в международных делах и внутри международного коммунистического движения»². Неудивительно, что СССР решительно воспротивился проведению последующих Игр GANEFO и призвал развивающиеся страны Азии, Африки и Латинской Америки сконцентрировать свои спортивные усилия на участии в Олимпийском движении.

Говоря о противостоянии СССР и КНР в Джакарте, следует заметить, что президент Сукарно высказывался в пользу дружеского обсуждения и конструктивного преодоления разногласий между КНР и СССР. Сукарно видел себя не только лидером индонезийской революции, но и лидером стран третьего мира и, очевидно, с удовольствием был готов играть роль посредника в урегулировании разногласий между двумя гигантами коммунистического движения — Советским Союзом и Китаем. Индонезийцы же с удоволь-

¹ Field, R. (2014). Re-Entering the Sporting World. P. 1859.

² Zhou, T. (2015). Ambivalent Alliance: Chinese Policy towards Indonesia, 1960–1965. *The China Quarterly*, 221, 208–228.

ствием и благодарностью принимали помощь и от той, и от другой стороны в период организации и проведения Игр GANEFO.

Госдеп США тем временем продолжал волноваться по поводу Игр GANEFO, ибо они являлись не только удобной «платформой для коммунистической пропаганды», но и осложняли отношения с американскими партнерами по региону, с Японией, Таиландом и Филиппинами, бывшими в прошлом, как известно, американской колонией. И Японии, и Таиланд, и Филиппины послали свои спортивные делегации на GANEFO. Впрочем, западные дипломаты после Игр в Джакарте пытались всячески принизить их значение. Так, один из британских дипломатов писал, что «выступление лишь немногих команд на Играх являлось отражением истинных спортивных возможностей стран-участниц», «не удивительно, что Китай на этих соревнованиях выглядел как какой-то спортивный гигант». По замечанию канадских дипломатов, КНР выиграл больше от проведения GANEFO, чем сами организаторы соревнований — Индонезия. Ему вторил таиландский дипломат, утверждавший, что «игры GANEFO оказались целиком китайским шоу»¹.

Заметим, что доминирование китайских спортсменов в Джакарте в некоторых видах спорта было связано и с необъективным судейством индонезийских судей. Так, на Игры отправилась баскетбольная команда из Бразилии, составленная из лучших игроков бразильского студенческого баскетбола. Во время игры с командой КНР на предварительном этапе соревнований разразился скандал. Бразильцы дважды всей командой пытались покинуть стадион, протестуя против предвзятого судейства местных рефери в пользу китайцев. С большим трудом организаторам баскетбольного турнира удалось уговорить бразильцев вернуться на площадку. Когда же в конце турнира обе команды пробились в финал, то бразильцы, помня о крайне необъективном судействе, вообще отказались выходить на финальную игру с китайцами. Китайская же команда появилась на площадке, забросила один мяч в корзину отсутствующего соперника и победила в финале с разгромным по баскетбольным меркам счетом 2 : 0. В соревнованиях же по гимнастике, по отчетам очевидцев, советская гимнастическая команда, даже в своем втором составе, была много сильнее соперников и выступила лучше китайцев², однако индонезийские судьи присудили золотые медали спортсменам из КНР.

По окончании игр в Джакарте индонезийские организаторы и делегация КНР стремились достичь соглашения о превращении GANEFO в регулярное спортивно-политическое мероприятие. По оценке вице-премьера Индонезии и председателя индонезийского спортивного

¹ Ibid. P. 1862.

² Ibid.

комитета маршала Хе Лонга, Советский Союз не был заинтересован в проведении GANEFO в будущем на постоянной основе¹. Поэтому задачей китайских и индонезийских товарищей было заручиться поддержкой других стран в плане проведения Игр GANEFO раз в четыре года. Обсуждалась возможность проведения вторых Игр либо снова в Индонезии, либо в Камбодже. В качестве альтернативы рассматривался вариант проведения вторых Игр и в КНР, однако китайская сторона считала, что привлекательность их была бы выше, если бы они проводились в нейтральных странах, хотя готовы были финансировать игры из Пекина.

Советское руководство надеялось, что игры GANEFO в Джакарте будут первыми и последними и КНР не удастся набирать политические очки в этой области. Еще до начала Игр состоялся неафишируемый визит советского посла Михайлова в президентский дворец Сукарно. При встрече Михайлов якобы заявил, что Советский Союз выступает против проведения последующих Игр GANEFO и не готов участвовать в конференции по вопросу проведения подобных игр на постоянной основе. Михайлов также предложил посредничество между МОК и Индонезией по снятию санкций МОК в отношении Индонезии и по возвращению индонезийского НОК в международное олимпийское движение, в том случае если Сукарно откажется от идеи последующих Игр GANEFO. Михайлов также утверждал, что советские усилия вскоре могут привести к членству в МОК таких стран, как ГДР, Северная Корея и Северный Вьетнам, но только в случае отказа от дальнейших GANEFO². Президент Сукарно, однако, не был готов отказаться от своих революционных спортивных проектов и заявил, что даже при возвращении Индонезии в МОК Игры GANEFO продолжатся.

Советская позиция имела определенную поддержку среди других участников первых GANEFO, в числе которых оказались некоторые страны Латинской Америки и Италия. Итальянская команда на GANEFO состояла в основном из спортсменов-студентов, а делегацию Италии возглавлял член итальянской компартии Ренато Моранди. Напомним, что итальянская компартия была в то время крупнейшей по членству коммунистической партией на Западе и второй по популярности политической партией в Италии. Председатель индонезийского спортивного комитета маршал Хе Лонг пытался убедить итальянцев в необходимости создать постоянную структуру Игр GANEFO по типу МОК, однако, по словам маршала,

¹ Connolly, C. A. (2012). The politics of the Games of the New Emerging Forces (GANEFO). *The International Journal of the History of Sport*, 29(9), 1311–1324. P. 1315.

² *Ibid.* P. 1315.

итальянская позиция в основном «совпадала с ревизионистской советской позицией»¹. Итальянцы поддерживали идею GANEFO, не возражали против проведения последующих Игр, но не считали нужным создание какой-либо постоянной структуры GANEFO. Моранди также заявил Хе Лонгу, что борьба за демократизацию международного спорта должна вестись на площадке олимпийского движения, а если же создать структуру, соперничающую с МОК, то тем самым страны будут поставлены перед выбором, к какой организации присоединяться, что может подорвать единство демократических сил в их борьбе за справедливое устройство в мире, в том числе и международного спорта². Итальянская делегация явно намекала на советско-китайские разногласия. Собственно, про то же самое говорил и глава советской делегации на GANEFO Торсуев: «Наиболее эффективное оружие освободившихся стран в борьбе против империализма — это их единство. Именно поэтому империалисты стараются подорвать нашу солидарность, раздробить профессиональные союзы, женские, молодежные, спортивные и другие демократические организации»³.

Советская делегация предприняла попытку предовратить столкновение между МОК и GANEFO, сделав предложение, которое оказалось абсолютно неприемлемым для КНР и Индонезии. Глава советской делегации в Джакарте Торсуев предложил последующие GANEFO проводить в формате культурных фестивалей и перенести акцент со спортивных состязаний на обмен культурным опытом и традициями⁴. Как мы уже упоминали, на GANEFO в Джакарте была обширная культурная программа, и советская делегация выступила за ее расширение и придание ей центрального характера на последующих фестивалях GANEFO. Индонезия решительно отклонила советское предложение.

Некоторые делегаты из африканских стран выступали за то, чтобы последующие GANEFO включали только представителей Африки, Азии и Латинской Америки⁵. Однако и это предложение не нашло достаточной поддержки, хотя, вероятно, устроило бы советскую делегацию, так как исключило бы возможный конфликт с МОК. В результате было решено создать устав и программу GANEFO на последующих встречах и возложить роль планирования таких встреч на представителей шести стран: Индонезии, КНР, Северного Вьетнама, Мали, Гвинеи и Советского Союза, несмотря на то что

¹ Ibid. P. 1316.

² Ibid.

³ Ibid.

⁴ Ibid.

⁵ Ibid.

советская делегация выступала против создания постоянной структуры GANEFO.

Следующие Игры GANEFO планировалось провести в 1967 году в Каире. При этом Китаем была обещана помощь Объединенной Арабской Республике в строительстве спортивных сооружений. Однако ситуация в КНР изменилась — в Китае в эти годы болезненно проходила культурная революция, и китайскому руководству было не до спорта. В результате экономическая поддержка Египту не была оказана, что привело к отмене вторых Игр GANEFO.

Смещение индонезийского президента Сукарно также отрицательно сказалось на дальнейшей судьбе Игр. Его преемник, президент Сукарто, в меньшей степени был заинтересован в организации международных спортивных соревнований, а больше концентрировался на борьбе с высокой инфляцией и пытался найти средства для погашения внешнего долга Индонезии, который во время правления Сукарно достиг 3 миллиарда долларов США. При президенте Сукарто в отношениях между КНР и Индонезией обострились противоречия, и в 1965 году дипломатические отношения между двумя странами были разорваны.

Тем не менее во многом по инерции идея альтернативных Олимпиаде игр еще просуществовала несколько лет на Азиатском континенте. В 1966 году в Пномпене, столице Камбоджи, были проведены первые Азиатские GANEFO с участием 17 стран, которые также были отмечены доминированием спортсменов КНР, завоевавших 108 золотых медалей. 30 побед было на счету спортсменов КНР, в 10 видах программы первенствовали представители Японии. 100-тысячный стадион в Пномпене был построен усилиями КНР. Политический лидер Камбоджи, принц Сианук, верный союзник КНР на тот момент, всячески поддерживал идею организации Игр в своей стране. Дело в том, что тремя годами раньше, в 1963 году, произошло резкое охлаждение взаимоотношений между США и Камбоджей. Камбоджийский режим получал определенную военную и экономическую помощь от США, однако не прекращал жаловаться на непрекращающуюся радиопропаганду против правительства принца Сианука на радио «Кхмер Серей», которое спонсировалось американским правительством¹. Именно в этот период КНР предложила не только экономическую и военную помощь, но и сотрудничество в области строительства спортивных объектов в Пномпене. В результате Камбоджа смогла полностью отказаться от американской экономической помощи. Примечательно, что Игры GANEFO в Пномпене проводились намеренно в то же время,

¹ Connolly, C. A. (2012). The politics of the Games of the New Emerging Forces (GANEFO).. P. 1321.

что и Азиатские игры в Бангкоке. Впрочем, вторые Азиатские GANEFO, которые должны были состояться в 1970 году в КНДР, были отменены. Так к концу 1960-х годов проект Игр Новых развивающихся сил, смело бросивший вызов МОК, пришел к своему завершению.

Разрыв советско-китайских отношений и «пинг-понг дипломатия» в американско-китайских отношениях

К осени 1970 года китайское руководство стало всерьез рассматривать вопрос о размораживании китайско-американских отношений. Летом прекратились американские бомбардировки Камбоджи, что способствовало снижению напряжения в отношениях КНР и США.

1 октября 1970 года на площади Тяньаньмэнь в Пекине по случаю дня образования КНР проходил военный парад. На трибуне, примыкающей к стене Запретного города, находился Мао Цзэдун и другие китайские руководители. Премьер КНР Чжоу Эньлай привел на трибуну необычных гостей: американского журналиста Эдгара Сноу и его жену, которые стояли по правую руку от Мао на протяжении всего парада¹. Впервые американцы удостоивались такой чести. Фотографии Мао с американским журналистом появились на первых страницах китайских газет. Жест гостеприимства в адрес американцев со стороны Мао предназначался и для американской, и для китайской аудитории. В условиях культурной революции надо было подготовить китайский народ к развороту в китайско-американских отношениях.

Эдгар Сноу стал также и первым американским журналистом, который взял развернутое интервью у Мао Цзэдуна 18 декабря 1970 года. В этом интервью Мао заявил, что хотел бы пригласить в Китай американских граждан независимо от их политических убеждений. Он также сказал, что хотел бы приветствовать президента Никсона в КНР, с тем чтобы «обсудить и решить проблемы в отношениях между Китаем и США», причем китайский руководитель был бы «рад встретиться с Никсоном как с президентом или просто как с туристом из США»². Никсон в свою очередь тоже подавал сигналы КНР о желании закончить длительную конфронтацию. В интервью журналу *Тайм* Никсон сказал, что рассматривает

¹ Xia, Y. (2006). China's Elite Politics and Sino-American Rapprochement, January 1969 — February 1972. *Journal of Cold War Studies*, 8(4), 3–28. P. 13.

² Ibid. P. 14.

КНР как мировую державу. «Возможно, эта роль (мировой державы. — А. Р.) и не реализуется в ближайшие 5 или 10 лет, но через 20 лет это должно случиться... Есть вещи, которые я хотел бы успеть, пока живу, и одна из таких вещей — это посетить Китай. Если мне не удастся это сделать, хотел бы, чтобы мои дети повидали Китай»¹. Конечно, подобные заявления не прошли незамеченными и в КНР, и в США. Однако еще один импульс к размораживанию американско-китайских отношений пришел с неожиданной стороны — от игроков по настольному теннису.

С 28 марта по 7 апреля 1971 года в Японии в городе Нагое проходил тридцать первый чемпионат мира по настольному теннису. В чемпионате участвовала далеко не самая сильная сбпрная команда США, и, очевидно, не была в состоянии претендовать на призовые места. В этом же чемпионате приняли участие и сильнейшие китайские теннисисты, хотя сборная КНР по настольному теннису в предыдущие шесть лет, во время культурной революции, не выезжала на мировые первенства.

Само решение об участии китайской команды в чемпионате в Нагое было принято в самый последний момент Чжоу Эньлаем и Мао Цзэдуном. Накануне чемпионата китайская федерация настольного тенниса, опасаясь отойти от партийной линии, приняла весьма необычное решение — послать делегацию в Токио, но в самих соревнованиях не участвовать², чтобы не стать объектом провокаций. Узнав об этом решении теннисной федерации, всегда осторожный премьер Чжоу Эньлай отправил докладную записку Мао Цзэдуну. В записке председателю КНР было сказано, что участие китайской команды в мировом чемпионате по настольному теннису является частью международной борьбы китайского народа против империализма, но решение об участии в чемпионате остается за вождем китайского народа. Чжоу Эньлай предложил лозунг для китайских спортсменов: «Дружба — на первом месте, соревнования — на втором», подчеркивая тем самым, что политическая победа важнее спортивной. За два дня до предполагаемого отъезда китайской команды на чемпионат Мао наложил следующую резолюцию, которая сегодня прозвучала бы неожиданно: «Команда должна отправиться. Наши игроки должны быть готовы не только к трудностям, но и к смерти. Мы должны быть готовы потерять нескольких человек, но лучше, чтобы этого не случилось»³.

¹ Time. October 1970.

² Hong, Z., & Sun, Y. (2000). The Butterfly Effect and the Making of Ping-Pong Diplomacy. Journal of Contemporary China, 9(25), 429–448. P. 433.

³ Ibid. P. 433.

Когда принималось решение об участии команды КНР в чемпионате мира по пинг-понгу в Японии, какого-либо предварительного плана по тому, какую роль предстоит сыграть теннисистам, чтобы способствовать прорыву в китайско-американских отношениях, не существовало. Китайским спортсменам предписывалось не приветствовать и не вступать в разговоры с американскими спортсменами и спортивными чиновниками. В случае, когда по ходу соревнований китайские теннисисты попадали на игры против американцев, инструкцией предусматривалось не обмениваться флагами и вымпелами команд, хотя рукопожатие между спортсменами допускалось¹. Перед самой отправкой команды Чжоу Эньлай говорил со спортсменами и тренерами команды о международной ситуации и, особенно, о китайско-японских отношениях, в которых намечалось потепление. Разговор также шел о ситуации в Камбодже (правительство Камбоджи в изгнании во главе с принцем Сяннуком в это время располагалось в Пекине. — *А. Р.*), но ни слова не было сказано об отношениях с США. Казалось, что китайские руководители рассматривали участие в чемпионате мира по пинг-понгу в качестве возможности вновь включиться в международные состязания, впервые после культурной революции, и попытаться расширить свое влияние в Азии.

На чемпионате мира в Японии скорее американские теннисисты и тренеры предпринимали попытки, впрочем, довольно робкие, инициировать общение с китайцами. Так, на банкете в честь открытия чемпионата американцы подошли к китайским спортсменам и приветствовали их, но китайцы сразу ретировались. Руководитель китайской делегации тут же сообщил об этом эпизоде телеграммой в Пекин. Через пару дней, 30 марта, руководитель американской команды Грэм Стинховен на дневном совещании руководителей команд сказал своему китайскому коллеге через переводчика: он узнал, что югославскую команду пригласили в Китай сразу после чемпионата. Далее он сказал, что если бы у американских теннисистов была возможность побывать в КНР, они бы многому научились от китайских мастеров пинг-понга. Стинховен также выразил надежду увидеть китайских спортсменов в США, и подарил китайскому руководителю делегации Сонг Джонгу сувенирную монету с портретом президента Кеннеди². Сонг-Джонг и об этом разговоре тут же сообщил в Пекин, но никаких новых указаний из китайской столицы не последовало. 3 апреля пришла инструкция из министерства иностранных дел, которая предписывала сказать американцам, что еще не время приглашать их в Китай, но в будущем, конечно, такая

¹ Ibid. P. 434.

² Ibid. P. 435.

возможность представится. Кроме того, Чжоу Энлай предписывал, чтобы в беседе с руководителем американской делегации по настольному теннису было твердо заявлено, что китайский народ выступает против любых действий по созданию двух Китаев, или одного Китая и одного Тайваня, и что Тайвань является исконной провинцией Китая¹.

На четвертый день чемпионата во время тренировки улыбчивый и разговорчивый американский теннисист Гленн Коуэн задержался и опоздал на автобус своей команды, который без него уехал в отель с остальными спортсменами. Коуэн увлекся, отрабатывая удары в спарринге с китайским игроком Лян Гелангом, а в это время в тренировочном зале сделали объявление, что тренировка закончена и зал закрывается до утра. Коуэн вышел из зала на улицу и тщетно пытался найти автобус своей команды. В это время китайский игрок помахал ему рукой и жестом предложил сесть в китайский автобус, который ехал в ту же гостиницу, где расположилась американская команда. В автобусе вместе с теннисистами сидел переводчик, и Коуэну удалось немного пообщаться через переводчика с китайскими игроками. В это время самый известный китайский игрок в настольный теннис, трехкратный чемпион мира Чжуан Цзэдун поднялся со своего заднего сиденья, подошел к Глену Коуэну и подарил ему сувенир — изображение знаменитых в Китае Хуаншаньских гор, выполненное на шелке². Руководителю китайской делегации эта инициатива не понравилась, и он даже сделал замечание своему теннисисту, но тот сказал: «Пожалуйста, не обращайтесь внимания. У вас как у руководителя делегации и так слишком много забот. А я просто спортсмен, так что это не имеет значения». Руководитель китайской делегации, видимо, все-таки опасался, что его игрок нарушил инструкцию по общению с американцами, но ничего в Пекин докладывать об этом контакте не стал.

Глен Коуэн хотел было подарить что-нибудь в ответ, но в спортивной сумке кроме ракеток и тренировочной формы у него оказалась только расческа. Американец подумал: «Расческу презентовать как-то неудобно. Хочется что-то подарить, но не это».

Внимание к китайской команде на чемпионате было повышенным, так как сборная Китая впервые участвовала в мировом первенстве после шестилетнего отсутствия. Когда китайская команда и Коуэн вышли из автобуса, японские журналисты сделали несколько фотографий Коуэна с китайскими спортсменами. В условиях холодной войны и жесткого противостояния КНР и США совместные

¹ Hong, Z., & Sun, Y. (2000). The Butterfly Effect and the Making of Ping-Pong Diplomacy'. P. 436.

² Huang, R., Gants, C. (2008). Diplomacy in the Sports Arena. US-China Today. USC US-China Institute.

фотографии улыбающихся спортсменов из коммунистического Китая со спортсменом Соединенных Штатов не могли не привлечь внимания. На следующий день Гленн Коуэн подошел к своему новому другу из китайской команды Чжуан Цзэдуну и подарил ему красно-бело-голубую футболку с эмблемой мира и словами на груди: «Let It Be», что также было запечатлено японскими фотографами.

Когда журналист спросил Коуэна: «Мистер Коуэн, вы бы хотели посетить Китай?», он ответил: «Ну, я бы хотел увидеть любую страну, которую я раньше не видел, — Аргентину, Австралию, Китай... Любую страну, которую я раньше не видел». — «А как насчет Китая в частности? Хотите поехать в Китай?» — «Разумеется», — ответил Гленн Коуэн.

Много лет спустя во время телевизионного интервью в 2002 году Чжуан Цзэдун описал дополнительные подробности этой истории: «Поездка на автобусе с американцем заняла 15 минут, и я колебался минут 10. Я ведь вырос с лозунгом “Долой американский империализм”! И во время культурной революции напряжение классово-борьбы было беспрецедентно, и я спрашивал себя: “Можно ли общаться с представителями нашего врага № 1?”» Чжуан вспоминал, что в этот момент ему пришло в голову, что председатель Мао Цзэдун встретился с Эдгаром Сноу (американским журналистом левых убеждений. — А. Р.) на трибуне на площади Тяньаньмэнь в годовщину образования КНР в 1970 году и сказал американскому журналисту, что Китай должен теперь надеяться на американский народ. Тогда Чжуан заглянул в спортивную сумку — там лежали значки с изображением Мао, шелковые платки и веера. Но он чувствовал, что эти вещи недостаточно ценные, чтобы стать хорошим подарком американскому теннисисту. Наконец он выбрал шелковое изображение Хуаншаньских гор. На следующий день многие японские газеты поместили совместные фотографии улыбающихся Чжуан Цзэдуна и Гленна Коуэна. А через день эти же фотографии появились в американской прессе.

А теперь перенесемся в Пекин. Вечером 6 апреля личная медсестра 78-летнего Мао читала ему *Даканкао*, специальную подборку газетных новостей со всего мира, которая распространялась только среди высокопоставленных китайских чиновников. В преклонном возрасте Мао по вечерам не любил читать сам, а предпочитал слушать газетные новости, которые зачитывали его специально подготовленные медсестры. Когда Мао услышал из уст медсестры о неожиданной дружбе американского и китайского теннисиста на чемпионате мира в Нагое, его глаза загорелись. Он попросил медсестру У Сюэцзюнь перечитать новость еще раз и с одобрением произнес: «Этот Чжуан Цзэдун не только хороший игрок в пинг-понг, а еще и дипломат. У него хорошее политическое чутье...»

Около 11 часов вечера Мао принял на ночь снотворное, которое обычно выпивал перед поздним ужином. Ужин закончился за полночь, и Мао прилег. Медсестре показалось, что снотворное уже подействовало, но неожиданно Мао приподнялся с кушетки и сонным дребезжащим голосом сказал медсестре У Сюцзюнь: «Позвоните начальнику протокола в министерстве иностранных дел и пригласите американскую команду в Китай». У Сюцзюнь слушала с недоумением, ведь ей говорили, что Мао уже принял решение не приглашать американцев. Следующий день 7 апреля — последний день чемпионата, и американцы, возможно, уже улетели домой. Кроме того, старшая медсестра У Сюцзюнь помнила инструкцию самого Мао — все, что он говорит ночью после приема снотворного, не учитывать всерьез. Поэтому она решила сделать вид, что не поняла слов председателя. Через некоторое время Мао, уже явно находившийся под действием снотворного, с усилием раскрыл глаза и сказал: «У Сюцзюнь, вы еще здесь? Почему вы не сделали, что я вам велел?» У Сюцзюнь спросила: «Вы же приняли снотворное. Разве ваши указания считаются?» Мао замахал руками: «Конечно, конечно, и побыстрее, иначе мы можем не успеть!»¹ Медсестра тут же побежала в офис звонить в министерство иностранных дел.

Уже через несколько часов обо всем этом знал премьер Чжоу Эньлай и тут же распорядился готовить самый теплый прием для американской команды. В 9 утра главу китайской спортивной делегации в Нагое ждала телефонограмма: «Учитывая тот факт, что американская команда несколько раз обращалась с просьбой посетить Китай, и также то, что они выказали теплые и дружеские намерения, было принято решение пригласить американскую команду, включая игроков и официальных лиц, посетить нашу страну. Въездные визы им будут выданы в Гонконге. Если у них не хватает средств на поездку, наша сторона готова их субсидировать»².

Китайский спортивный чиновник тут же побежал в гостиницу, где остановились американцы, и сумел застать на месте и американских спортсменов, и Руффорда Харрисона, заместителя руководителя делегации, которые собирались улетать в США на следующий день. В 11 утра Харрисон передал новость о неожиданном китайском приглашении в американское посольство в Японии, но посла США Армина Мейера не было на месте. Американский атташе по политическим вопросам в отсутствие посла решил взять на себя ответственность и вынес решение о том, что члены американской сборной команды по настольному теннису индивидуально могут

¹ Hong, Z., & Sun, Y. (2000). The Butterfly Effect and the Making of Ping-Pong Diplomacy'. *Journal of Contemporary China*, 9(25), 429–448. P. 437.

² Ibid. P. 438.

каждый для себя решить, посещать ли им КНР или нет. «Другими словами, такая поездка не будет противоречить американской политике, если мы решим ехать?» — спросил руководитель американской теннисной команды. Агташе ответил: «Да, это так»¹.

Вечером того же дня американский посол в Японии Мейер послал телеграмму госсекретарю Вильяму Роджерсу, которую тот тут же переправил в Белый дом. Ознакомившись с телеграммой, президент Никсон сказал, что он приятно удивлен и что никогда не ожидал от Китая такой вот инициативы по приглашению команды США после стольких лет изоляции. Никсон тут же дал добро на поездку американской сборной в Китай². Затем президент США вызвал госсекретаря Роджерса и советника по национальной безопасности Киссинджера, чтобы обсудить, каковы же реальные намерения китайских руководителей. Втроем они пришли к выводу, что это не просто приглашение американской команды по пинг-понгу, а начало важного поворота в китайской внешней политике³.

Что же касается самой поездки американской команды в Китай, каждый член команды должен был решить индивидуально, хочет ли он поехать в КНР. Среди членов команды были и несовершеннолетние игроки, и в этом случае решение должны были очень быстро принять их родители. Образ коммунистического Китая в США был не слишком-то привлекателен, учитывая, что в течение 20 лет между странами отсутствовали дипломатические отношения и в адрес друг друга постоянно поступали взаимные угрозы или оскорбления. Когда 15-летняя теннисистка Джуди Боченски из Орегона позвонила домой и сказала о возможной незапланированной поездке в КНР, ее родители были в шоке, подумав сначала, что она собирается ехать в Китай в одиночку. Когда же родители узнали, что их дочь отправится в Китай в составе команды, то согласились на поездку. Другие игроки побаивались за свою безопасность в Китае, и один из них, Тим Богган, даже составил завещание перед поездкой⁴. Еще один игрок американской команды Дал Ли имел гражданство Южной Кореи, с которой у КНР, так же как и с США, не было дипломатических отношений. Чжоу Эньлай быстро разрешил эту проблему: «Раз американцы могут приехать в Китай, почему южнокорейцам нельзя? Лучше открыть для них двери разом, когда мы можем»⁵.

¹ Meyer, A. H. (1974). *Assignment Tokyo: An Ambassador's Journal*. Bobbs-Merrill Company. P. 130–131.

² Kissinger, H. (2011). *White house years*. Simon and Schuster. P. 709.

³ *Ibid.* P. 710.

⁴ Boggan, T. (1976). *Winning table tennis*. Regnery Publishing.

⁵ Hong, Z., & Sun, Y. (2000). *The Butterfly Effect and the Making of Ping-Pong Diplomacy*. P. 440.

Впрочем, Дал Ли и еще одна теннисистка из американской команды решили все-таки не ехать в Китай по соображениям безопасности. Китайская сторона быстро решила и проблему с авиабилетами домой для американцев, сказав, что поменяет билеты на более позднюю дату и заплатит разницу в стоимости. В результате в 10 часов утра 10 апреля 1971 года американская делегация по настольному теннису из 15 человек вступила на мост Луоху, который соединяет Гонконг и Китай, и так начался исторический семидневный визит, получивший позже название «пинг-понговая дипломатия». Культурная программа американских теннисистов в КНР включала экскурсию на Великую китайскую стену, поездку в императорский летний дворец, а также посещение национального балета. Любопытно, что в тот же самый день КНР выразил свое 409-е строгое предупреждение США по поводу вторжения американских ВВС в воздушное пространство Китая.

Американская пресса довольно скоро узнала о начинающемся визите американских теннисистов в КНР — отзывы были в основном очень положительными. Заголовки ведущих американских газет отражают этот настрой. *Washington Post* поместила целый ряд заметок со следующими заголовками: «Американскую команду тепло встречают в Пекине» (11 апреля), «Чжоу Эньлай встретился с американскими игроками — теплое китайское приветствие» (13 апреля), «Смягчено эмбарго на торговлю с Китаем; Чжоу Эньлай предвидит улучшение отношений» (15 апреля), «Никсон побеждает оппозицию в налаживании отношений с Китаем» (15 апреля). *New York Times* печатала статьи с похожим позитивным настроением: «Американские официальные лица рассматривают действия Китая как движение в сторону смягчения изоляции» (11 апреля), «Китайцы приветствуют американцев улыбками и любопытством» (12 апреля), «Американскую команду приветствуют в Шанхае» (16 апреля), «Красный Китай намекает на смягчение отношений с США» (18 апреля).

11 апреля в редакционной статье *Washington Post* говорилось, что пинг-понг является особым спортом для КНР, не только крайне популярным, но и по-своему политически важным. Отмечалось, что настольный теннис использовался во время культурной революции для политического воспитания китайских масс, и вот теперь этот же спорт используется для целей международной дипломатии. Китайское правительство не просто сделало дружественный жест, пригласив американских теннисистов, но и проявило желание, чтобы весь мир узнал об этом событии (11 апреля). *New York Times* подчеркивала, что сам выбор времени для пинг-понговой дипломатии неслучаен и говорит о серьезных намерениях Никсона пересмотреть

отношение к КНР и что, возможно, в ближайшее время КНР будет принята в ряды ООН (16 апреля).

Одним из влиятельных американских журналистов, который сыграл роль в процессе размораживания отношений между КНР и США, был Джон Родерик. Еще в 1940-е годы он работал в Китае, а потом долгое время был спецкором АР в Токио. Родерик сопровождал американскую команду по настольному теннису во время исторического визита в КНР в апреле 1971 года. Его репортажи отличались не просто хорошим знанием китайских реалий, но и тем, что можно было бы назвать неожиданной прокитайской ориентацией. Так, например, сравнивая свой опыт в Шанхае в 1945 году с тем, что он увидел в этом городе в 1971 году, Родерик писал в своем очерке в *Washington Post* о том, что 25 лет назад Шанхай был городом рикш, нищих и проституток, а также отличался антисанитарией и грязными трущобами. В 1971 году корреспондент не увидел ни рикш, ни проституток, ни попрошайек, не увидел ни бедных, ни богатых. «Вместо этого было равенство людей, которого раньше никогда не существовало... Обычные люди на улицах выглядели крепкими, здоровыми и довольными» (19 апреля).

14 апреля во время встречи американской делегации с Чжоу Эньлаем на Великой китайской стене корреспондент Джон Родерик задал вопрос премьеру КНР о будущем китайско-американских отношений. Чжоу Эньлай ответил, что сам Родерик открывает дверь в будущее, а американские теннисисты своим визитом открывают новую страницу в отношениях между китайским и американским народами. Родерика попросили передать послание в Белый дом, где говорилось, что КНР не будет настаивать на немедленном выводе американских войск с Тайваня как предварительном условии восстановления дипломатических отношений с США. Китайское руководство лишь хотело, чтобы США официально согласились с позицией о едином Китае¹. При встрече с президентом Никсоном Родерик передал суть китайской позиции и от себя посоветовал принять китайские установки о том, что тайваньская проблема является внутренней китайской проблемой.

Во время визита американской команды по настольному теннису в КНР было сыграно несколько показательных матчей с китайскими теннисистами и проведены показательные тренировки. Очевидно, что американская команда была намного слабее и не могла бы составить достойной конкуренции китайским теннисистам, однако сборная КНР четко придерживалась принципа, сформулированного

¹ Hong, Z., & Sun, Y. (2000). The Butterfly Effect and the Making of Ping-Pong Diplomacy'. P. 442.

Мао и Чжоу Эньлаем, «Дружба — на первом месте, соревнования — на втором». Китайские теннисисты немного поддавались и позволили американцам победить в нескольких играх во время турне¹.

Для США эта импровизированная поездка сборной по пинг-понгу стала отличной возможностью добиться сразу нескольких результатов: сыграть на противоречиях между СССР и КНР и попытаться их углубить и в то же время отвлечь американскую публику от позорного продолжения вьетнамской войны и показа трупов американских солдат по телевидению. Кроме того, если бы пинг-понговская дипломатия по какой-либо причине не сработала, то это не привело бы к потере престижа или лица ни для американской, ни для китайской стороны. Это неплохо видно из отрывка опубликованного телефонного разговора между президентом Никсоном и Киссинджером о решении одобрить поездку американских теннисистов в Китай.

«Киссинджер: По этой причине хоть на время у нас в стране отвлекутся от Вьетнама.

Никсон: Да-да, в этом суть.

Киссинджер: И кроме того, это нам пригодится в игре с Советами.

Никсон: Да, разумеется.

Киссинджер: Мы бы сильно помогли Советам, если бы отклонили китайское приглашение, и мы бы ничего не выиграли, только более жесткие отношения между нами и Советами.

Никсон: Да, это так. Они, конечно, хотели бы, чтобы мы ударили китайцев по лицу, но мы это делать не собираемся. Конечно, мы и перед китайцами не собираемся расстилаться, но раз они открыли дверь, то и мы откроем дверь»².

Тем временем американские теннисисты были встречены с необычайным вниманием и теплотой в КНР. Так, например, Эррол Резек, натурализованный американец родом из Доминиканской Республики, говорил репортерам, что он и его жена были окружены китайскими улыбками и дружелюбием все время и что жена постоянно улыбалась в ответ. Ольга Солтезес, 17-летняя теннисистка из Флориды, отмечала, что китайцы постоянно ободряли ее, особенно когда у нее развилась депрессия³. Тренер команды Джек Ховард утверждал, что визит стал «первой ступенькой в выстраивании дружбы между США и КНР». Ховард также отметил, что «нас принимали как очень важных персон с того момента, как мы пересекли китай-

¹ Carter, T. F., & Sugden, J. (2012). The USA and sporting diplomacy: Comparing and contrasting the cases of table tennis with China and baseball with Cuba in the 1970s. *International Relations*, 26(1), 101–121. P. 104.

² Ibid. P. 105.

³ Hong, Z., & Sun, Y. (2000). The Butterfly Effect and the Making of Ping-Pong Diplomacy'. P. 443.

скую границу. За каждым обедом и ужином нам подавали по 7–8 блюд с такой едой, которую я раньше никогда и не видел. Кажалось, они хотели нас закормить своим гостеприимством»¹. Джордж Бретвайт, единственный афроамериканец в команде, отмечал: «Честно говоря, я был очень удивлен непринужденной атмосферой во время нашей поездки. У нас было неверное представление о том, что китайцев постоянно контролируют и ограничивают. Кажется, у всех в КНР есть стопроцентная свобода перемещений»². Он также сказал корреспондентам, что на показательных матчах в Китае ему аплодировали больше, чем белокожим спортсменам в американской команде. Грэм Стинховен, который ехал в качестве руководителя американской команды, отмечал, что он не заметил каких-либо ограничений, примененных к американским спортсменам, и что также не почувствовал никакой политической пропаганды в их адрес со стороны китайцев³.

Конечно, некоторые из приведенных высказываний американских теннисистов о КНР можно было бы расценить как отражение наивных, упрощенных представлений американцев о мире, с которым они соприкоснулись весьма поверхностно. С другой стороны, идеи борьбы за социальные права в США, которая развернулась в Америке особенно бурно во второй половине 1960-х годов, отразились на мировоззрении молодых американских спортсменов. Джен Таннехил, член сборной США по пинг-понгу и студент университета Цинциннати, по-видимому, был знаком даже с работами Маркса и высказывал следующие впечатления: «Мне нравится, как едины китайские люди», видимо, потому, что «в Китае нет класса эксплуататоров. Власть в руках рабочих. А в США рабочих эксплуатируют». Мао Цзэдун ему представлялся в качестве «величайшего морального и интеллектуального мирового лидера современности». «Мне бы хотелось, чтобы что-то похожее на китайскую систему появилось в США. Я бы хотел вернуться в Америку и преподавать философию Мао»⁴. Остается только гадать, как к таким высказываниям отнеслись бы американские читатели газеты лет 15 назад, в разгар маккартизма. Джуди Боченски рассказала корреспондентам, что ей удалось побеседовать с китайскими женщинами относительно их положения в обществе и их отношении к женскому освободительному движению. «Китайские женщины близки по положению к мужчинам. Все они носят штаны, все ходят на работу и работают, как мужчины»⁵.

¹ Washington Post. April 18 1971.

² Ibid. 13 1971.

³ Ibid. April 12 1971.

⁴ Washington Post. April 13 1971.

⁵ Ibid.

Позитивное отношение к КНР трех американских журналистов, сопровождавших теннисную команду США, в значительной степени повлияло на взгляды и широкой американской публики на американо-китайские отношения. Так, опросы общественного мнения в конце апреля 1971 года, т. е. после визита американской теннисной команды, показали существенное изменение в отношении к вопросу о принятии КНР в ООН. По данным Гэллопа, 45 % опрошенных американцев высказались за предоставление КНР членства в ООН и только 38 % — против. Опросы Гэллопа с аналогично сформулированным вопросом проводились ежегодно с 1950 года, т. е. со времени основания КНР, и жители США каждый раз высказывались против вступления КНР в ООН — только в 1971 году мнение американцев радикально изменилось. В октябре 1971 года КНР заняла место в ООН, а Тайвань был лишен постоянного представительства в этой организации.

Положительная реакция в американской прессе и общественная поддержка «пинг-понговой дипломатии» подталкивала президента Никсона к быстрым действиям по налаживанию отношений с КНР. 14 апреля 1971 года, в тот день, когда китайский премьер Чжоу Эньлай проводил прием для американских теннисистов в Пекине, Никсон поддержал пять новых мер, напрямую относящихся к КНР, главной из которых стало прекращение торгового эмбарго в отношении Китая¹. 16 апреля Никсон в своем выступлении намекнул, что рассматривает возможность посетить КНР с официальным визитом. 20 апреля руководитель американской команды по настольному теннису объявил о приглашении китайской теннисной команды посетить США², и Вашингтон тут же пообещал, что визы для теннисистов будут без промедления выданы американским посольством в Токио. 17 мая 1971 года Никсон решил направить своего советника по государственной безопасности Генри Киссинджера в КНР для встречи с Чжоу Эньлаем, чтобы подготовить уже свой визит в КНР, который и состоялся в феврале 1972 года. Можно сказать, что за один месяц «пинг-понговой дипломатии» в апреле 1971 года состоялся настоящий прорыв в китайско-американских отношениях. В то же время этот китайско-американский прорыв явно не способствовал улучшению отношений между СССР и КНР и несомненно добавил головной боли советскому руководству.

¹ Kissinger, H. (2011). White house years. P. 712.

² NY Time April 21 1971.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Первая половина холодной войны (1950-е и 1960-е годы) стала временем ожесточенного противостояния СССР и США в идеологической, политической, экономической и иных сферах. Начиная с 1952 года, когда Советский Союз впервые выступил на Олимпийских играх в Хельсинки, соперничество в холодной войне развернулось и в области спорта, особенно олимпийского спорта. И в США, и в СССР верили, что успехи в международном спорте и победы на Олимпиадах могут сыграть важную роль в борьбе за влияние в мире, особенно в развивающихся странах Азии, Африки и Латинской Америки.

В Советском Союзе и в США руководство спортом было организовано по-разному. В СССР ЦК КПСС намечал направления развития страны во всех областях, включая спорт. Можно сказать, что Советский Союз занимался вопросами развития спорта высоких достижений с позиций плановой экономики. Спорткомитет СССР отвечал за подготовку спортсменов для сборных команд страны по различным видам спорта, за подбор тренеров национальных команд, за строительство новых спортивных объектов, за выделение необходимых денежных средств федерациям по видам спорта и намечал конкретные цели по завоеванию медалей на Олимпийских играх. В США подход к спорту в целом был децентрализован — несколько организаций занимались вопросами развития спорта: Американский атлетический союз (AAU) — проблемами легкой атлетики, Национальная атлетическая ассоциация колледжей (NCAA) — вопросами студенческого спорта, Национальный Олимпийский комитет — отбором и подготовкой американских спортсменов к Олимпийским играм и т. д.

В условиях приблизительного военного паритета между СССР и США в период холодной войны международный спорт стал относительно безопасной ареной соперничества, где можно было продемонстрировать силу собственной державы без риска эскалации военной конфронтации. Представляется, что от этого советско-американского соперничества заметно выигрывал олимпийский спорт, привлекая к себе миллионы зрителей и болельщиков. Международный Олимпийский комитет и его президент Эйвери Брандедж (1952–1972) настаивали на том, что Олимпийские игры должны быть построены вокруг индивидуального соперничества спортсменов и протестовали против нарастающей политизации

олимпийского движения. Однако для СССР и США, как и для всего мира, Олимпиады времен холодной войны стали прежде всего состязаниями команд, представляющих государства с разными политическими системами. Соперничество между странами капитализма и представителями социалистического лагеря повышало интерес не только к Олимпиадам, но и ко всем международным спортивным соревнованиям.

В нашей работе мы пытались уточнить, какие из теорий международных отношений лучше применимы к описанию коллизий в международном спорте в период холодной войны. Оказалось, что все три доминирующих теоретических подхода — реализм, либерализм и институционализм в международных отношениях позволяют в какой-то степени объяснить логику принятия решений и динамику действий ключевых стран в области спорта в 1950–1960-е годы. Исходя из посылок реализма, экономическая и военная мощь страны, ее людские ресурсы, казалось бы, должны предопределять и во многом предопределяли успехи государства в международном спорте. С другой стороны, сознательная ставка на всестороннее развитие как массового спорта, так и спорта высоких достижений в СССР в период ранней холодной войны позволила Советскому Союзу за короткое время выдвинуться в спортивные лидеры по многим видам спорта и набрать очки в идеологическом противостоянии с США, несмотря на очевидное отставание в экономике, что косвенно подтверждает правоту сторонников теории либерализма. Кроме того, умелое использование советскими спортивными руководителями членства СССР в МОК и в международных спортивных федерациях по отдельным видам спорта, т. е. то, на чем заостряет внимание институционализм, также сыграло свою роль в укреплении советского спортивного престижа в послевоенные десятилетия.

Наши наблюдения и выводы о роли спорта в советско-американских отношениях в период ранней холодной войны в общем совпадают с соображениями ведущего российского историка спорта М. Ю. Прозументчикова. «Начиная с 1950-х годов спорт стал одним из узловых пунктов великого противостояния общественно-политических систем, которое все больше трансформировалось в борьбу двух сверхдержав — СССР и США. Если в экономике, в сельском хозяйстве и, особенно, в уровне жизни населения провозглашенный советским руководством лозунг “Догнать и перегнать Америку!” оставался несбыточной мечтой, то спорт наряду с космосом, наукой и военным потенциалом был в числе областей, где Советский Союз не только не уступал американцам, но даже кое в чем и превосходил их. Соответственно все соревнования, в которых участвовали советские и американские спортсмены, рассматривались именно с точки

зрения этого великого противоборства, а успехи атлетов из СССР подсознательно оценивались как очередные победы над американским империализмом; впрочем, в США спортивные победы американцев также считались важным ударом по мировому коммунизму»¹.

В течение первых 25 лет холодной войны международный спорт не только быстро эволюционировал, но и правдиво отражал отдельные события и тенденции в противостоянии двух политических систем. Например, в 1952 году, когда Советский Союз привез олимпийскую команду в Хельсинки, закрытость страны в годы позднего сталинизма проявилась в том, что советские спортсмены, по требованию ЦК КПСС, переданного через НОК СССР, жили в отдельной олимпийской деревне, чтобы не контактировать со спортсменами из капиталистических стран и «не стать мишенью для провокаций». В 1956 году события в Венгрии вылились в ожесточенное противостояние советских и венгерских ватерполистов в олимпийском бассейне Мельбурна, во время которого западные болельщики бурно поддерживали венгерских спортсменов. В 1950-е и 1960-е годы Госдеп США отправлял десятки американских спортсменов, таких знаменитых, как афроамериканцы Билл Рассел и Артур Эш, и менее известных, в поездки «доброй воли» по странам Африки и Латинской Америки для блокирования советского влияния и создания благоприятного впечатления о США в мире при том, что практика сегрегации и притеснения этнических меньшинств в Соединенных Штатах продолжалась все эти годы.

В 1968 году кампания в США по поводу вьетнамской войны и продолжающаяся борьба за гражданские права национальных меньшинств отразились в протестах американских чернокожих легкоатлетов на Олимпиаде в Мехико. Там же на Олимпиаде в Мексике МОК впервые вынужден был разрешить участие в Олимпиаде двух немецких команд, ГДР и ФРГ, признав тем самым легитимность требований ГДР о полноценном участии в Играх под своим собственным флагом. Развитие телевидения сделало олимпийские спортивные события доступными для зрителей во многих уголках света. Победа СССР над США на последних трех секундах в баскетбольном матче 1972 года в Мюнхене не только стала частью советской национальной мифологии, но и до сих пор вызывает необыкновенный подъем патриотических чувств среди россиян.

Спортсмены, выигравшие Олимпиаду, чемпионат мира или домашние первенства, делают заявку на то, чтобы стать национальными героями. Например, сегодня в США миллионы людей знают легендарного баскетболиста Майкла Джордана и 23-кратного олим-

¹ Прокуменщиков, М. Ю. Большой спорт и большая политика. Р. 92.

пийского чемпиона по плаванию Майкла Фелпса; в Германии всеобщим вниманием пользуется теннисистка Штеффи Граф, бывшая фигуристка Катарина Витт и автогонщик Михаил Шумахер; в Сербии — теннисисты Новак Джокович и Анна Иванович и т. д.

Во время холодной войны советским людям нужны были герои не только на производстве, в науке и в освоении космоса, но и в спорте. Спортивная слава советских чемпионов с помощью газет, радио и телевидения быстро разносилась по всем уголкам огромной страны. Не только в СССР, но и во всем мире любители спорта знали двукратного олимпийского чемпиона, прославленного стайера Владимира Куца, олимпийскую чемпионку по фигурному катанию Ирину Роднину, легендарного хоккейного вратаря Владислава Третьяка, блестящего форварда Валерия Харламова, выдающихся шахматистов Михаила Ботвинника и Анатолия Карпова, рекордсмена мира по прыжкам в высоту Валерия Брумеля, баскетболистов Александра и Сергея Беловых, спринтера Валерия Борзова, легенду советского футбола вратаря Льва Яшина, девятикратную чемпионку мира гимнастку Ларису Латынину, звезду конькобежного спорта Лидию Скобликову и многих других. Несмотря на сконцентрированные усилия по дискредитации СССР на Западе, международные успехи советских спортсменов помогали созданию более позитивного образа СССР, особенно в развивающихся странах, и способствовали достижению идеологических и внешнеполитических целей и задач в период холодной войны.

Спортивные связи, складывающиеся между странами во время холодной войны, оказывали серьезное влияние на состояние межгосударственных отношений и уровень их напряженности. Совместное участие в международных спортивных состязаниях играло роль в укреплении взаимопонимания между странами и развитии контактов между людьми, как в случае с «пинг-понговой дипломатией». Несмотря на очевидное наличие гонки спортивных достижений и побед между СССР и США в 1950-е и 1960-е годы, которую нередко сравнивают с гонкой вооружений, международный спорт времен холодной войны в то же время демонстрировал возможности и преимущества модели мирного сосуществования и сотрудничества, отказа от насилия в международных отношениях, когда спорт выступал инструментом преодоления конфликтов и налаживания диалога между странами капиталистического и социалистического лагерей и способствовал разрядке международной напряженности.

ЛИТЕРАТУРА

- Addkinson-Simmons, D. (1996). Sapporo 1972, XIth Olympic Winter Games. Historical Dictionary of the Modern Olympic Movement, edited by John E. Findling and Kimberly D. Pelle. Westport, CT: Greenwood Press, 284–288.
- Ali, M. (1967). With Richard Durham. *The Greatest: My Own Story*.
- Art, R. J. (2013). *A Grand Strategy for America*. Cornell University Press.
- Ashe, A., & Deford, F. (1975). *Arthur Ashe, Portrait in Motion*. Houghton Mifflin Company.
- Ashe, A., & Amdur, N. (1981). *Off the court*. New York, New American Library.
- Aso, N. (2002). Sumptuous re-past: The 1964 Tokyo Olympics are festival. *Positions: East Asia Cultures Critique*, Vol. 10(1), 7–38.
- Barghoorn, F. C. (1960). *The Soviet Cultural Offensive: The Role of Cultural Diplomacy in Soviet Foreign Policy*. Princeton University Press.
- Baskir, L. M., & Strauss, W. A. (1978). *Chance and circumstance: The draft, the war, and the Vietnam generation*. Knopf Books for Young Readers.
- Bass, A. (2002). Not the triumph but the struggle: The 1968 Olympics and the making of the black athlete (p. 49). Minneapolis: University of Minnesota Press.
- Beck, P. (2005). Britain and the Cold War's 'Cultural Olympics': Responding to the Political Drive of Soviet Sport, 1945–58. *Contemporary British History*, 19(2), 169–185.
- Besnier, N., Brownell, S., & Carter, T. F. (2017). *The Anthropology of Sport: Bodies, Borders, Biopolitics*. University of California Press.
- Boggan, T. (1976). *Winning table tennis*. Regnery Publishing.
- Bohuon, A. (2015). Gender Verifications in Sport: From an East/West Antagonism to a North/South Antagonism. *The International Journal of the History of Sport*, 32(7), 965–979.
- Brewster, C. (2012?). Changing Impressions of Mexico for the 1968 Games. *Bulletin of Latin American Research*, 23–45.
- Brewster, K. (2010). Mexico City 1968: Oscillating Aspirations. *The International Journal of the History of Sport*, 27 (16–18), 2748–2765.
- Brewster, K. (2012?). Teaching Mexicans How to Behave: Public Education on the Eve of the Olympics. *Bulletin of Latin American Research*, 46–62.
- Brundage, A. (1969). Opening address to the 54th session of the International Olympic Committee, Tokyo, May 14, 1958, *Speeches of Avery Brundage*. Lausanne: Comité International Olympique.
- Buchanan, R. (2002). The home front: Hostess, housewife and home in Olympic Melbourne, 1956. *Journal of Australian Studies*, 26(72), 201–209.
- Camp, R. A. (1982). *Mexican political biographies, 1935–1981*. University of Arizona Press.
- Carter, T. F., & Sugden, J. (2012). The USA and sporting diplomacy: Comparing and contrasting the cases of table tennis with China and baseball with Cuba in the 1970s. *International Relations*, 26(1), 101–121.
- Caute, D. (2003). *The dancer defects: the struggle for cultural supremacy during the Cold War*. OUP Oxford.

- Chambers, J. (1987). *To Raise an Army: The Draft Comes to Modern America*. New York: Free Press.
- Chisari, F. (2002). An Armchair Seat at the Olympics: BBC Television and the 1968 Mexico City Olympic Games, *Sports Historian*, 22 : 2, 1–22.
- Connolly, C. A. (2012). The politics of the Games of the New Emerging Forces (GANEFO). *The International Journal of the History of Sport*, 29(9), 1311–1324.
- Corke, S. J. (2006). George Kennan and the Inauguration of Political Warfare. *Journal of Conflict Studies*, 26(1).
- Cummings, R. H. (1999). Balloons over East Europe: The Cold War Leaflet Campaign of Radio Free Europe. *The Falling Leaf*, 42(4).
- D'Agati, P. (2013). *The cold war and the 1984 Olympic Games: A Soviet-American surrogate war*. Springer.
- Daily Mail (1945). 22 November.
- Dallek, R. (1996). Lyndon Johnson and Vietnam: The making of a tragedy. *Diplomatic History*, 20(2), 147–162.
- Davison, G. (1997). Welcoming the world: The 1956 Olympic games and the re-presentation of Melbourne. *Australian Historical Studies*, 27(109), 64–76.
- Dean, R. D. (1998). Masculinity as ideology: John F. Kennedy and the domestic politics of foreign policy. *Diplomatic History*, 22(1), 29–62.
- Deford, F. (1971). The Once and Future Diplomat. *Sports Illustrated*, 1.
- Dichter, H. L., & Johns, A. L. (Eds.). (2014). *Diplomatic games: Sport, statecraft, and international relations since 1945*. University Press of Kentucky.
- Downing, D. (1999). *Passovotchka: Moscow Dynamo in Britain, 1945*. Bloomsbury.
- Edelman, R. (2009). *Spartak Moscow: a history of the people's team in the workers' state*. Cornell University Press.
- Edmonds, A. O. (2005). *Muhammad Ali: A Biography: ABC-CLIO*.
- Eisen, G., & Wiggins, D. K. (1995). Ethnicity and sport in North American history and culture (No. 40). ABC-CLIO.
- Field, R. (2014). Re-Entering the Sporting World: China's Sponsorship of the 1963 Games of the New Emerging Forces (GANEFO). *The International Journal of the History of Sport*, 31(15), 1852–1867.
- Findling, J. E., & Pelle, K. D. (1996). *Historical dictionary of the modern Olympic movement*. Greenwood Publishing Group.
- Genel, M., & Ljungqvist, A. (2005). Essay: Gender verification of female athletes. *The Lancet*, 366, S41.
- Gilpin, R. (1983). *War and change in world politics*. Cambridge University Press.
- Guttmann, A. (1984). *The games must go on: Avery Brundage and the Olympic movement*. Columbia University Press.
- Harrison, B. T. (2001). Impact of the Vietnam war on the civil rights movement in the Midsixties. *Studies in Conflict & Terrorism*, 19(3), 261–278.
- Hartmann, D. (2003). *Race, culture, and the revolt of the black athlete: The 1968 Olympic protests and their aftermath*. University of Chicago Press.
- Hong, Z., & Sun, Y. (2000). The Butterfly Effect and the Making of 'Ping-Pong Diplomacy'. *Journal of Contemporary China*, 9(25), 429–448.
- Hong, F., & Xiaozheng, X. (2002). Communist China: Sport, politics and diplomacy. *The international journal of the history of sport*, 19(2–3), 319–342.
- Houlihan, B. (1994). *Sport and international politics*. Prentice Hall.

- Huang, R., Gants, C. (2008). *Diplomacy in the Sports Arena*. US-China Today. USC US-China Institute.
- Huish, R. (2011). Punching above its Weight: Cuba's use of sport for South-South co-operation. *Third World Quarterly*, 32(3), 417-433.
- Hunt, T. M. (2006). American sport policy and the cultural cold war: The Lyndon B. Johnson presidential years. *Journal of Sport History*, 33(3), 273.
- Jackson, R. H. (2000). *The global covenant: human conduct in a world of states*. OUP Oxford.
- Jaher, F. C., & Spivey, D. (1985). White America views Jack Johnson, Joe Louis, and Muhammad Ali. *Sport in America*. New historical perspectives, 145-192.
- Jeffreys-Jones, R. (2014). *The CIA and American democracy*. Yale University Press.
- Kanin, D. B. (1980). The Olympic boycott in diplomatic context. *Journal of Sport & Social Issues*, 4(1), 1-24.
- Kennan, G. F. (1984). *American diplomacy*. University of Chicago Press.
- Kennedy, J. F. (1960). The soft American. *Sports Illustrated*, 13(26), 14-17.
- Keohane, R. O., & Martin, L. L. (1995). The promise of institutionalist theory. *International security*, 20(1), 39-51.
- Keohane, R. O. (2005). *After hegemony: Cooperation and discord in the world political economy*. Princeton University Press.
- Kimura, M., & Welch, D. A. (1998). Specifying "interests": Japan's claim to the Northern Territories and its implications for international relations theory. *International Studies Quarterly*, 42(2), 213-243.
- Kissinger, H. (2011). *White house years*. Simon and Schuster.
- Kowalski, R., & Porter, D. (1997). Political football: Moscow Dynamo in Britain, 1945. *The International Journal of the History of Sport*, 14(2), 100-121.
- Lipsyte, R. (1978). *Free to Be Muhammad Ali*. Harper Collins Publishers.
- Lucas, Scott, and Mistry Kaeten. 'Illusions of Coherence: George F. Kennan, U. S. Strategy and Political Warfare in the Early Cold War, 1946-1950'. *Diplomatic History* 33, no. 1 (2009):40-41.
- Lutan, R., & Hong, F. (2005). The politicization of sport: GANEFO-A case study. *Sport in Society*, 8(3), 425-439.
- Lüthi, L. M. (2010). *The Sino-Soviet split: Cold War in the communist world*. Princeton University Press.
- MacAloon, J. (2016). Historical Erasure and Cold War Inter-American Relations: The Chicago 1959 Pan-American Games. *The International Journal of the History of Sport*, 33(1-2), 62-83.
- Manne, R. (2014). *The Petrov affair: politics and espionage*. Elsevier.
- Maraniss, D. (2008). *Rome 1960: The Olympics that changed the world*. Simon and Schuster.
- Mark, C. K. (2013). *China and the world since 1945: an international history*. Routledge.
- Marvin, C. (1982). Avery Brundage and American Participation in the 1936 Olympic Games. *Journal of American Studies*, 16(1), 81-105.
- Massaro, J. (2003). Press Box Propaganda? The Cold War and Sports Illustrated, 1956. *The Journal of American Culture*, 26(3), 361-370.
- Matthews, C. (1952). *Feet First Again*. London.
- McDougall, A. (2004). *Youth Politics in East Germany: The Free German Youth Movement, 1946-1968*. Oxford University Press.

- McLaren, R. H. (2016). Independent person WADA investigation of Sochi allegations.
- Mertin, E. (2007). Friend or Foe? Soviets in West German Sports Coverage. *Journal of Olympic History*, 15(3), 32–38.
- Mertin, E. (2009). Presenting Heroes: Athletes as Role Models for the New Soviet Person. *The International Journal of the History of Sport*, 26(4), 469–483.
- Meyer, A. H. (1974). *Assignment Tokyo: An Ambassador's Journal*. Bobbs-Merrill Company.
- Minutes of the Conference of the Executive Board (1963). *Bulletin du C. I. O.* (May 15, 1963) 83.
- Mitrovich, G. (2000). *Undermining the Kremlin: America's strategy to subvert the Soviet Bloc, 1947–1956*. Cornell University Press.
- Miyazato, S. (2000). *Nichibei kankei to Okinawa: 1945–1972 (Okinawa and Japan-U. S. Relations: 1945–1972)*. Tokyo: Iwanami shoten.
- Moretti, A. (2007). New York Times Coverage of the Soviet Union's Entrance into the Olympic Games. *Sport History Review*, 38(1), 55–72.
- Morton, H. W. (1963). *Soviet sport, mirror of Soviet society*. Collier Books.
- Niehaus, A. (2006). 'If you want to cry, cry on the green mats of Kōdōkan': Expressions of Japanese cultural and national identity in the movement to include judo into the Olympic programme, *The International Journal of the History of Sport*, 23 : 7, 1173–1192.
- Niehaus, A. (2011). Spreading Olympism and the Olympic Movement in Japan: Interpreting 'Universal' Values. *The Olympics in East Asia: Nationalism, Regionalism, and Globalism on the Center Stage of World Sports* (Kelly, W. & Brownell, S. eds.), CEAS Occasional Publication Series, Yale University Press, 75–95.
- Noble, A. (2010). Recognizing Historical Injustice through Photography: Mexico 1968. *Theory, Culture & Society*, 27 (7–8), 184–213.
- O'Flynn, K. (2006). Introducing the first Briton ever to play in the USSR. *The Guardian*, 7 November.
- Orwell, G. (1945). You and the Atomic Bomb. *Tribune* 19 October.
- Orwell, G. (1945). The sporting spirit. *The collected essays, journalism and letters of George Orwell*, 4, 1945–1950.
- Osgood, K. A. (2006). *Total cold war: Eisenhower's secret propaganda battle at home and abroad*. University Press of Kansas.
- Parks, J. (2013). 'Nothing but Trouble': The Soviet Union's Push to 'Democratise' International Sports during the Cold War, 1959–1962. *The International Journal of the History of Sport*, 30(13), 1554–1567.
- Parks, J. (2016). *The Olympic Games, the Soviet Sports Bureaucracy, and the Cold War: Red Sport, Red Tape*. Lexington Books.
- Parry-Giles, S. J. (2002). *The rhetorical presidency, propaganda, and the Cold War, 1945–1955*. Greenwood Publishing Group.
- Pauker, E. T. (1965). GANEFO I: sports and politics in Djakarta. *Asian Survey*, 171–185.
- Pensado, J. M. (2013). *Rebel Mexico: Student unrest and authoritarian political culture during the long sixties*. Stanford University Press.
- Peppard, V., & Riordan, J. (1993). *Playing politics: Soviet sport diplomacy to 1992*. JAI Press Inc.
- Ponterotto, J. G., & Reynolds, J. D. (2013). Bobby Fischer in socio-cultural perspective: Application of Hiller's (2011) multi-layered chronological chart methodology. *The Qualitative Report*, 18(42), 1.

- Ponterotto, J. G., & Reynolds, J. D. (2013). The 'genius' and 'madness' of Bobby Fischer: His life from three psychobiographical lenses. *Review of General Psychology*, 17(4), 384.
- Puddington, A. (2000). *Broadcasting freedom: the cold war triumph of radio free Europe and radio liberty*. University Press of Kentucky.
- Redihan, E. E. (2017). *The Olympics and the Cold War, 1948–1968: Sport as Battleground in the US-Soviet Rivalry*. McFarland.
- Rider, T. C. (2013). Political Warfare in Helsinki: American Covert Strategy and the Union of Free Eastern European Sportsmen. *The International Journal of the History of Sport*, 30(13), 1493–1507.
- Rider, T. C. (2016). *Cold War Games: Propaganda, the Olympics, and US Foreign Policy*. University of Illinois Press.
- Rinehart, R. E. (1996). 'Fists flew and blood flowed': Symbolic Resistance and International Response in Hungarian Water Polo at the Melbourne Olympics, 1956. *Journal of Sport History*, 23(2), 120–139.
- Riordan, J. (1977). *Sport in Soviet society: development of sport and physical education in Russia and the USSR*. Cambridge University Press.
- Riordan, J., & Arnaud, P. (Eds.). (1998). *Sport and international politics*. Taylor & Francis.
- Riordan, J. (2009). *Comrade Jim: The Spy who Played for Spartak*. HarperCollins UK.
- Ross, T. P. (1963). Sukarno's Lavish GANEFO Was Mostly Snafu. *Sports Illustrated*, 19(23).
- Russell, W. F., & Branch, T. (1979). *Second Wind: The memoirs of an opinionated man*. Salisbury, H. E. (1969). *The coming war between Russia and China*. Harvill Secker.
- Sarantakes, N. E. (2010). *Dropping the torch: Jimmy Carter, the Olympic boycott, and the Cold War*. Cambridge University Press.
- Satoshi, S. (2011). Rebuilding the Japanese Nation at the 1964 Tokyo Olympics: The Torch Relay in Okinawa and Tokyo. *The Olympics in East Asia: Nationalism, Regionalism, and Globalism on the Center Stage of World Sports* (Kelly, W. & Brownell, S. eds.), CEAS Occasional Publication Series, Yale University Press, 39–61.
- Saunders, F. S. (2000). *Who paid the piper?: the CIA and the cultural Cold War*. Granta Books.
- Schleppi, J. R. (1972). *A history of professional association football in England during the second world war* (Doctoral dissertation, The Ohio State University).
- Schlesinger Jr, A. (1958). *The crisis of American masculinity. The politics of hope*, 23746.
- Senn, A. E. (1999). *Power, politics, and the Olympic Games*. Human Kinetics Publishers.
- Smith, M. (2002). *Muhammad Speaks and Muhammad Ali: Intersections of the Nation of Islam and sport in the 1960s. With God on their side: Sport in the service of religion*, 175–196.
- Spykman, N. J. (1942). *America's strategy in world politics: the United States and the balance of power*. Transaction Publishers.
- Sukarno, (1963). *GANEFO Bulletin*, 1, July 1963, 5–6.
- Tagsold, C. (2011). *The Tokyo Olympics: Politics and Aftermath. The Olympics in East Asia: Nationalism, Regionalism, and Globalism on the Center Stage of World Sports* (Kelly, W. & Brownell, S. eds.), CEAS Occasional Publication Series, Yale University Press, 61–75.

- Tempo, C. J. B. (2008). *Americans at the gate: The United States and refugees during the Cold War*. Princeton University Press.
- Thomas, D. (2007). Let the games begin: Sport, US race relations and Cold War politics. *The International Journal of the History of Sport*, 24(2), 157–171.
- Thomas, D. L. (2012). *Globetrotting: African American Athletes and Cold War Politics*. University of Illinois Press.
- Towle, M. (2001). *I Remember Arthur Ashe: Memories of a True Tennis Pioneer and Champion of Social Causes by the People Who Knew Him*. Cumberland House.
- Turrini, J. M. (2001). 'It Was Communism Versus the Free World': The USA-USSR Dual Track Meet Series and the Development of Track and Field in the United States, 1958–1985. *Journal of Sport History*, 28(3), 427–471.
- Turrini, J. M. (2010). *The End of Amateurism in American Track and Field (Vol. 114)*. University of Illinois Press.
- Waltz, K. N. (2010). *Theory of international politics*. Waveland Press.
- Watterson, J. S. (2006). *The games presidents play: sports and the presidency*. JHU Press.
- Wilson, W., & Hale, W. B. (1918). *The new freedom: a call for the emancipation of the generous energies of a people*. Doubleday, Page.
- Witherspoon, K. B. (2013). Going 'to the Fountainhead': Black American Athletes as Cultural Ambassadors in Africa, 1970–1971. *The International Journal of the History of Sport*, 30(13), 1508–1522.
- Xia, Y. (2006). China's Elite Politics and Sino-American Rapprochement, January 1969 – February 1972. *Journal of Cold War Studies*, 8(4), 3–28.
- Zhou, T. (2015). Ambivalent Alliance: Chinese Policy towards Indonesia, 1960–1965. *The China Quarterly*, 221, 208–228.
- Zolov, E. (2004). Showcasing the 'Land of Tomorrow': Mexico and the 1968 Olympics. *Americas*, 61(2), 158–189.
- Базунов, Б. Б. Олимпийское время Москвы. М.: Физкультура и спорт. 1978.*
- Бакунин, Д. Ф. Шахматная эмиграция из СССР: основные этапы и особенности. Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2015. (9).*
- Белые игры под грифом «секретно»: Советский Союз и зимние Олимпиады. 1956–1988 (2013) / Главный редактор Н. Г. Томилина. Составители: И. В. Казарина, М. Ю. Прокуменщиков. М.: МФД.*
- Берлю, М. Управляя клубом джентльменов. Наука в олимпийском спорте. 2015. (3). С. 9–16.*
- Бирюков, А. А., Хотинский, В., Лукашин, Ю. Футбол: Справочник. М.: Физкультура и спорт. 1980.*
- Валеев, А. М. Реализация государственной политики по развитию массовой физической и спортивной работы на Дальнем Востоке в 1945–1970 годах. Вестник Челябинского государственного университета, 18 (199). История, 41.2010. С. 121–127.*
- Вартанян, А. Т. За серьезный ущерб престижу советского государства. Спорт-Экспресс. 2002. 28 января.*
- Вартанян, А. Т. Как олимпийцы стройки коммунизма изучали. Спорт-Экспресс. 2002. 10 октября.*
- Вартанян, А. Т. Нас обманывали 50 лет: Олимпиаду-52 все-таки выиграли американцы. Спорт-Экспресс. 2002. 21 октября.*

- Вартанян, А. Т. (2002). Как Фишер помог Спасскому решить квартирный вопрос. Спорт-Экспресс. 2002. 18 ноября.
- Воронков, С. (2015). Все тайное однажды станет явным. https://chesspro.ru/thesaurus/voronkov_tainoe_stanet_javnum
- Выдрин, В. М. Спорт в современном обществе. М.: Физкультура и спорт.1980.
- Гаврилин, В. М. Олимпийские медали армейцев. М.: Воениздат.1961.
- Гомельский, А. И. Тактика баскетбола. М.: Физкультура и спорт.1966.
- Гуськов, С. И. Олимпиада-80 глазами американцев. М.: Физкультура и спорт. 1982.
- Гуськов, С. И. В атаке доллар: международный спорт и идеологическая борьба. М.: Мысль.1988.
- Денисов, В. В., Добров, А. А. Год олимпийский. М.: Физкультура и спорт. 1969.
- Истягина-Елисева, Е. А., & Бареникова, Е. Е. История спортивной пропаганды в СССР в период 1945–1991 гг. Вестник спортивной науки, (3). 2015. С. 54–57.
- Казанский, И. А. Олимпийский факел над Токио. М.: Физкультура и спорт. 1965.
- Комаров А. А. Хоккей: Справочник. М.: Физкультура и спорт. 1977.
- Королева, Л. А., & Давыдов, А. С. Государственная политика в сфере физической культуры и спорта в СССР в начале 1950-х годов. Концепт, (4). 2015. С. 1–7.
- Кукушкин, Г. И. Энциклопедический словарь по физической культуре и спорту. Том 2. М.: Физкультура и спорт, 1962.
- Куц, В. П. Повесть о беге. М.: Молодая гвардия. 1964.
- Латынина, Л. С. Гимнастика сквозь годы. Изд. 2-е. СПб.: Полиграфическое предприятие № 3. 2014.
- Левин, Е. А. Феномен политизации шахматного спорта в СССР. Современные исследования социальных проблем, 11 (55). 2015. С. 87–98.
- Митрохин, Н. Аппарат ЦК КПСС в 1953–1985 годах как пример «закрытого» общества. 2009.
- Мягченков, Н. И. Классическая и вольная борьба: Справочник. М.: Физкультура и спорт. 1984. С. 64.
- Орлов, Р. В. Легкая атлетика: Справочник. М.: Физкультура и спорт. 1983. 392 с.
- Платонов, В. Н. Из исторического опыта олимпийской подготовки: СССР (1952–1992 гг.), ГДР (1968–1988 гг.). Наука в олимпийском спорте (2).2013. С. 15–25.
- Прокуменщиков, М. Ю. Большой спорт и большая политика. РОССПЕН. 2004а.
- Прокуменщиков, М. За партийными кулисами великой спортивной державы. Неприкосновенный запас (3). 2004б. С. 35.
- Прокуменщиков, М., Кильдюшов, О., & Пугачева, М. Советский футбол по документам ЦК КПСС. Интервью с М. Ю. Прокуменщиковым. 2018. Социологическое обозрение, 17(2). 2018. С. 173–194.
- Пять колец под кремлевскими звездами: Документальная хроника Олимпиады-80 в Москве / Серия: Россия. XX век. Документы. Авторы-составители: Конова Т. Ю., Прокуменщиков М. Ю. Ред.: Томилина Н. Г. М.: МФД. 2011.
- Раззаков, Ф. Звездные трагедии: загадки судьбы и гибели (Vol. 2). ЭКСМО-Пресс. 2000.
- Романов, Н. Н. XVI Олимпийские игры в Мельбурне. М.: Знание. 1957.
- Романов, Н. Н. Трудные дороги к Олимпу. М.: ФиС. 1987.
- Романов, Н. Н. Восхождение на Олимп. М.: Советский спорт. 1993.
- Романовский, П. Александр Алехин // Шахматы в СССР. № 5. 1946.

- Спортивные достижения при Хрущеве. http://www.libma.ru/istorija/vremena_hrusheva_v_lyudjah_faktah_i_mifah/p23.php
- Тайманов, М. Е. Я был жертвой Фишера. СПб.: Шахфорум. 1993.
- Тарасов, А. (2018). Хоккей. Родоначальники и новички. 2018.
- Теннов, В. П. (1987). Моряк с Балтики. 1987.
- УЕФА) (<https://ru.uefa.com/uefaeuro/season=1964/index.html>)
- Финогенова, Л. А. Спартакиады народов СССР, их роль в развитии массового физкультурного и спортивного движения: Метод. указания для студентов ГЦОЛИФКа. М.: РИО ГЦОЛИФКа. 1989.
- Фирсов, З. П. В олимпийских бассейнах. М.: Советская Россия. 1960.
- Чепурная, О. Олимпиада-80: советское мегасобытие в контекстах «холодной войны». Журнал социологии и социальной антропологии, 16(5). 2013. С. 70.
- Шишкарева, Ю. Н., Орлова, Л. П. Художественная гимнастика. М.: Физкультура и спорт. 1954.

ПРИЛОЖЕНИЯ¹

ПРИЛОЖЕНИЕ 1

I

**Записка Комитета по Физической культуре и спорту
при Совете министров СССР в ЦК КПСС
об итогах участия советской спортивной делегации
в VII зимних Олимпийских играх в Кортина-д'Ампеццо
26 января — 5 февраля 1956 года**

27 февраля 1956 г.

Секретно

ЦК КПСС

Докладываем об итогах участия советской спортивной делегации в VII Всемирных зимних олимпийских играх, состоявшихся 26 января — 5 февраля 1956 года в Кортина-д'Ампеццо (Италия).

Зимние Олимпийские игры, которые впервые начали проводиться с 1924 года и организуются один раз в течение четырех лет, занимают важное место в международной спортивной жизни и привлекают к себе внимание широкой общественности всех стран.

Из года в год увеличивается число стран и количество спортсменов, принимающих в них участие. Каждая страна, культивирующая зимние виды спорта, считает необходимым направить своих спортсменов на зимние Олимпийские игры.

В зимней Олимпиаде 1956 года приняли участие 1445 спортсменов от 32 стран: такого количества участников не было ни на одних ранее проведенных Играх.

Наиболее крупные спортивные делегации направили на Олимпиаду Финляндия, Австрия, США, Швеция, Норвегия, Германия, Италия. Спортсмены Советского Союза в количестве 125 человек участие в зимних Олимпийских играх принимали впервые.

Советские спортсмены выступали в соревнованиях по конькобежному спорту, хоккею и лыжному спорту (лыжные гонки, двоеборье, слалом и скоростной спуск, прыжки с трамплина); в соревнованиях по фигурному катанию участия не принимали из-за слабой технической подготовки. Наши спортсмены не были также выставлены для участия в соревнованиях по бобслею, т. к. этот вид спорта в СССР не культивируется.

Результаты выступления советских спортсменов в соревнованиях, в которых они приняли участие, следующие.

¹ Приложения, за исключение Приложения 3, взяты из книги «Белые игры».

В соревнованиях по скоростному бегу на коньках для мужчин участвовало 70 спортсменов из 17 стран. От каждой страны разрешалось выставить по четыре участника в беге на дистанциях: 500, 1500, 5000 и 10 000 метров. Первенство разыгрывалось по каждой дистанции в отдельности.

Можно без преувеличения сказать, что состязания по конькобежному спорту на зимней Олимпиаде были самыми выдающимися за всю историю конькобежного спорта.

Отличительной особенностью этих соревнований явилась высокая спортивная подготовка участников, что подтверждается установлением на соревнованиях 41 национального рекорда. Очень высокие результаты были показаны в беге на 500 метров, где 22 конькобежца побили олимпийский рекорд, установленный в 1952 году; в беге на 1500 метров прежний олимпийский рекорд побили 34 конькобежца; в беге на 5000 метров — 17 конькобежцев.

Итоги соревнований по конькобежному спорту свидетельствуют о возросшем и высоком спортивном мастерстве советских спортсменов. Наряду с опытными конькобежцами Шилковым, Гончаренко, Гришиным, Сергеевым в этих соревнованиях успешно выступили наши молодые спортсмены Михайлов, Грач, Меркулов.

Советские конькобежцы заняли первые места на дистанциях 500 м (Гришин), 1500 м (Михайлов, Гришин), 5000 м (Шилков), установили два новых и три олимпийских рекорда и завоевали на этих соревнованиях 4 золотые, 1 серебряную и 2 бронзовые медали, также получили два олимпийских диплома за призовые места.

Из иностранных спортсменов успешно выступили конькобежцы Норвегии (Сейерстен, Юханнесен, Эдванг), Финляндии (Салонен, Ярвинен, Тюнккюнен), Швеции (Эрикссон, Дальберг), Германии (Кунерт).

В соревнованиях по лыжным гонкам приняли участие 167 спортсменов из 19 стран. Как и ожидалось, основная борьба произошла в этих соревнованиях между спортсменами Финляндии, Швеции, Норвегии, СССР.

До последнего времени Скандинавские страны разыгрывали первенство по лыжам только между собой, т. к. не встречали со стороны других стран конкуренции. В связи с успешным выступлением на первенстве мира 1954 года советской команды Скандинавские страны приняли меры, чтобы выставить на Олимпиаде 1956 года хорошо подготовленные команды своих лыжников. Советским спортсменам пришлось вести напряженную борьбу со своими спортивными противниками из Скандинавских стран: против четырех наших лыжников на соревнованиях выступали двенадцать равных им по силам лыжников из этих стран. Насколько равными были силы команд, свидетельствует тот факт, что спортсменам ни одной страны не удалось выиграть больше одной дистанции.

В целом советские лыжники выступили на соревнованиях хорошо: они завоевали 2 золотые, 2 серебряные и 3 бронзовые медали, а также получили 6 олимпийских дипломов за призовые места. В соревнованиях по лыжным гонкам команда СССР набрала 48 очков, команда Финляндии — 33, Швеции — 29, Норвегии — 16 очков.

Следует отметить, что на последнем первенстве мира 1954 г. команда Финляндии мела 62 очка, СССР — 42, Норвегии — 12, Швеции — 10.

Эти данные свидетельствуют о повышении мастерства наших лыжников. Мы имеем теперь группу лыжников международного класса. Однако у нас еще нет среди ведущих лыжников таких особо выдающихся, как финн Хакулинен и швед Эрнберг. Наш сильнейший лыжник Кузин, вследствие перенесенной болезни, не смог показать в конкуренции с ними высоких результатов.

Соревнования по хоккею на Олимпийских играх являлись не только чемпионатом этих Игр, но и розыгрышем первенства мира и Европы.

В соревнованиях участвовали команды Австрии, Германии, Италии, Канады, Польши, СССР, США, Чехословакии, Швеции и Швейцарии. После проведения предварительных игр право играть в финальной группе получили команды Канады, США, СССР, Чехословакии, Швеции и Германии.

В результате соревнований места распределились: первое место — СССР, 10 очков; второе место — США, 8 очков; третье — Канада, 6 очков; четвертое — Швеция, 4 очка; пятое — Чехословакия, 2 очка и шестое место — Германия, 0 очков.

Предполагалось, что наиболее сильными противниками для советской команды будут хоккеисты Канады и Чехословакии, а затем команды США и Швеции.

Однако оказалось, что США сумели создать очень сильную и квалифицированную команду, которая в итоге заняла второе место. Успех американцев был для многих неожиданным. В то же время это становится понятным, если учесть, что в США были предприняты за последний год серьезные меры по развитию хоккея. По заявлению руководителя американской хоккейной федерации Брауна, с целью развития этого вида спорта за 1955 год в Америке было построено 75 катков с искусственным льдом. Всего таких катков в США сейчас имеется 125.

Советская команда показала в соревнованиях большое спортивное мастерство. Высокая моральная, физическая, техническая и тактическая подготовка и дисциплина позволили ей выдержать до конца трудный турнир и выйти заслуженно победительницей Олимпийских игр, чемпионатов мира и Европы.

Следует отметить, что, несмотря на острую и напряженную борьбу, игры, как правило, между командами проходили корректно, без грубостей, в чем немалая заслуга наших хоккеистов, сумевших показать свое мастерство без применения грубых приемов и нарушения правил.

Нашим хоккеистам необходимо и дальше работать над овладением техникой и находить новые тактические варианты игры. С нашей стороны требуется принять меры по подготовке новых кадров для сборной команды СССР. Без полноценной замены таких хоккеистов, как Бобров, Шувалов, Бабич, Уваров, без срочной подготовки вратаря, равного по классу игроу т. Пучкову, мы не сможем долго удерживать завоеванных позиций.

Организуя подготовку советской спортивной делегации к зимним Олимпийским играм 1956 г., Комитет по физической культуре и спорту при Совете министров СССР ставил задачу завоевания советскими спорт-

сменами общекомандного первого места и первых командных мест по тем видам спорта, в которых они примут участие в соревнованиях.

Итоги выступления советских спортсменов на Олимпийских играх свидетельствуют, что с поставленными задачами они справились. Спортсмены СССР заняли первое общекомандное место и первые командные места по конькобежному спорту, хоккею и лыжным гонкам.

Итоги VII зимних Олимпийских игр показывают новую расстановку сил между странами в зимних видах спорта. За шесть последних зимних Олимпиад Норвегия занимала первое место 5 раз, США — один раз. Во всех предыдущих зимних Олимпийских играх спортсмены США, как правило, занимали второе место.

В 1956 году наряду с успехами спортсменов СССР добились высоких результатов спортсмены Финляндии, Австрии (горнолыжный спорт), Швеции и Швейцарии. В то же время отмечается значительное снижение результатов и спортсменов США и Норвегии, которые смогли занять соответственно лишь пятое и седьмое места.

Больших успехов достигли спортсмены стран народной демократии, которые хотя и не заняли на соревнованиях призовых мест, вместе с тем показали, что в этих странах имеются спортивные кадры, способные добиться в ближайшем будущем хороших результатов...

Вместе с тем выступление наших спортсменов на зимних Олимпийских соревнованиях выявили ряд недостатков в технической подготовке лыжников, и особенно горнолыжников, в подготовке конькобежцев к бегу на длинные дистанции (10 тыс. метров).

Отставание в горнолыжном спорте и прыжках с трамплина следует отнести главным образом за счет отсутствия у нас оборудованных трасс с подъемниками, трамплинов с длиной прыжка 80–85 метров и отсутствия необходимого спортивного инвентаря для горнолыжников. Хоккей и фигурное катание на коньках не получают у нас массового развития ввиду того, что в стране нет катков с искусственным льдом.

II

Зимние Олимпийские игры в Италии явились большим международным спортивным праздником. В Кортина-д'Ампеццо кроме полутора тысяч участников съехалось до 20 тысяч туристов из различных зарубежных стран.

Спортивные организации Италии провели большую работу по подготовке и проведению Олимпийских игр. За короткие сроки в Кортина-д'Ампеццо было построено много спортивных сооружений: стадион с двумя катками искусственного льда для хоккея и фигурного катания, лыжный трамплин с длиной прыжка до 85 метров, специальные трассы с подъемниками, стадион для лыжных гонок. Все эти сооружения были оборудованы новейшей техникой для определения результатов соревнований и информации зрителей.

По данным Итальянского оргкомитета, стоимость строительства спортивных сооружений и затраты на проведение Олимпийских игр составили более 7 млн долларов.

Впервые после Второй мировой войны спортсмены ГДР и ФРГ выступали в составе единой немецкой команды.

Советская спортивная делегация пользовалась на Олимпийских играх большой популярностью и находилась в центре внимания как участников, так и зрителей.

Наши спортсмены и тренеры встречались со спортсменами стран народной демократии, Италии, США, Канады, Франции, Австрии, Чили и других стран. Эти встречи проходили в обстановке радушия и открытости. Американские спортсмены высказывали пожелания, чтобы в будущем были организованы соревнования между спортсменами США и Советского Союза. Когда им было рассказано о наших предложениях, посланных в свое время американским спортивным организациям по этому вопросу, то они с возмущением говорили, что руководители спорта США скрыли это от них. Американские хоккеисты заявляли, что они помимо руководителей американского спорта найдут пути для приезда в Советский Союз.

Следует отметить, что американские спортсмены относились к нашей делегации тепло и дружески. Когда советская делегация появилась на площади для построения к параду, то американские спортсмены подошли к нашей делегации и дружески ее приветствовали.

III

Считаем необходимым отметить, что если все соревнования на Олимпийских играх прошли без каких-либо осложнений, то в ходе хоккейного турнира имели место факты, которые были использованы буржуазной прессой во враждебных целях против стран народной демократии и СССР.

Во время встречи между командами Польши и Чехословакии игроки этих команд учинили драку, которая затем продолжалась в раздевалке. Такое хулиганское поведение чехословацких и польских хоккеистов вызвало возмущение со стороны присутствующей на матче публики и, особенно, спортсменов других стран.

На матче СССР — Чехословакия, когда счет был 5 : 1 в пользу советской команды и результат состязания, по существу, был уже предрешен, чехословацкие хоккеисты преднамеренно стали грубить, вследствие чего несколько наших игроков получили травмы; пришлось принимать специальные меры, чтобы восстановить наших хоккеистов, получивших травмы в игре с чехами, для состязания с командами США и Канады.

В последний день соревнований, перед игрой СССР — Канада, встречаясь с американской командой, чехословацкие хоккеисты пропускали без всякой борьбы шайбы в свои ворота. Создалось впечатление, что это делалось умышленно, чтобы дать возможность команде США сравнять с советской командой соотношение забитых и пропущенных шайб. В случае проигрыша нашей командой игры канадцам три команды — СССР, США, Канада имели бы по одному поражению, и тогда первое место должно было определяться по соотношению забитых и пропущенных шайб.

Комитет по физической культуре и спорту при Совете министров СССР, исходя из итогов выступления советских спортсменов на VII зимних Олимпийских играх, примет меры по ликвидации недостатков в развитии зимних видов спорта и к дальнейшему повышению мастерства наших спортсменов. Комитет широко ознакомит тренеров и спортсменов с итогами выступления советской делегации в Италии и обратит их внимание на необходимость устранения выявленных недостатков и изучения лучшего опыта, имеющегося у спортсменов и тренеров зарубежных стран.

Вместе с тем Комитет считает, что в целях ликвидации отставания в развитии горнолыжного спорта, фигурного катания, прыжков с трамплина крайне необходимо построить в течение 1956 года лыжные трамплины и горнолыжные базы в гг. Кировске и Златоусте, катки с искусственным льдом — в гг. Ленинграде, Горьком, Свердловске, Новосибирске и Молотове, горнолыжные базы — в районе Кавказских гор.

Н. Романов

ПРИЛОЖЕНИЕ 2

Записка Отдела Административных органов ЦК КПСС о необходимости строительства в СССР искусственных катков

21 мая 1959 г.

ЦК КПСС

Центральный совет Союза спортивных обществ и организаций СССР докладывает о серьезных недостатках в развитии фигурного катания, хоккея и конькобежного спорта и просит ЦК КПСС рассмотреть вопрос о строительстве в ряде городов искусственных катков.

Советские спортсмены по фигурному катанию значительно отстают от фигуристов многих зарубежных стран, подготовка сильнейших хоккеистов и конькобежцев в естественных условиях ограничена зимним периодом и связана с большими трудностями и переездами (Иркутск, Свердловск, Горький, Москва). Подготовка их при сильных морозах отрицательно сказывается на здоровье спортсменов.

Одной из главных причин этих серьезных недостатков, по мнению Центрального совета Союза спортивных обществ и организаций, является отсутствие в стране искусственных катков, что мешает вести круглогодичную учебно-тренировочную работу и в особенности летом, когда учащаяся молодежь свободна от занятий. В ряде зарубежных стран, и особенно в США и Канаде, имеется по 400–500 искусственных катков. В США и Швеции построены искусственные катки с 400-метровой беговой дорожкой, что позволяет конькобежцам тренироваться в течение всего года.

В Чехословакии за последние три года построено 14 искусственных катков и находятся в стадии строительства 7 катков, а всего имеется 32 катка; шведами за это время построено 26 искусственных катков, и они

открыто заявляют, что строительство катков и 400-метровой беговой дорожки осуществлено для успешного соревнования, прежде всего с советскими спортсменами.

Все это создает далеко не равные условия для развития фигурного катания, хоккея и конькобежного спорта и особенно отражается на подготовке команд к первенствам мира, Европы и Олимпийским играм.

Учитывая изложенное выше обстоятельства, Центральный совет Союза спортивных обществ и организаций СССР считает, что возникла настоятельная необходимость в течение 1960–1961 годов осуществить строительство восьми искусственных катков, вместимостью до 3 тысяч каждый, в городах Российской Федерации — Ленинграде, Горьком, Воронеже, Свердловске, Новосибирске, Омске, Челябинске и Перми, а также строительство трех учебных катков (без трибун) в Москве, Киеве, Тбилиси и сооружение в Москве одной 400-метровой искусственной ледяной дорожки для тренировки конькобежцев.

Наличие искусственных катков по мнению Центрального совета Союза спортивных обществ и организаций позволит нам значительно расширить учебную и спортивную работу по фигурному катанию, хоккею, конькам и повысить мастерство советских спортсменов, а также создаст условия для организации самодеятельных театров на льду. Имея закрытые катки с искусственным льдом, Центральный совет Союза считает, что он получит большие доходы от проведения спортивных мероприятий и театральных представлений на льду и уже в ближайшие годы полностью восстановит затраты по их строительству и оборудованию.

Сметная стоимость строительства искусственного катка с трибунами на 3 тыс. мест — 7,65 млн руб., учебного катка без трибун — 4,0 млн руб. и 400-метровой ледяной дорожки — 6 млн руб.

Строительство закрытых катков с искусственным льдом в городах Российской Федерации, на Украине и в Грузии поддерживается местными партийными, хозяйственными, профсоюзными и комсомольскими организациями. Полагали бы целесообразным удовлетворить просьбу Центрального совета Союза спортивных обществ и организаций СССР о строительстве в 1960–61 гг. указанных спортивных сооружений.

Проект постановления ЦК КПСС прилагается.

*Зам. зав. Отделом административных органов ЦК КПСС А. Желтов
Зав. Сектором Отдела административных органов ЦК КПСС А. Скворцов*

ПРИЛОЖЕНИЕ 3

О завершении перевода в 1960 году всех рабочих и служащих на семи- и шестичасовой рабочий день

Советский народ, претворяя в жизнь исторические решения XXI съезда КПСС, добился выдающихся успехов в развитии социалистической экономики и значительного повышения благосостояния и культурного уровня трудящихся.

Огромные достижения в развитии народного хозяйства и повышение производительности общественного труда обеспечивают возможность дальнейшего последовательного сокращения продолжительности рабочего дня и рабочей недели.

Решениями XXI съезда КПСС намечено завершить в 1960 году перевод рабочих и служащих на семичасовой рабочий день, а рабочих ведущих профессий, занятых на подземных работах, — на шестичасовой рабочий день, полностью осуществить в 1962 году перевод рабочих и служащих на 40-часовую рабочую неделю и с 1964 года приступить к постепенному переводу их на 30–35-часовую рабочую неделю. В результате этого в СССР будет самый короткий в мире рабочий день и самая короткая рабочая неделя, что является величайшим завоеванием советского народа, отражающим коренные преимущества социалистического общества.

Принятые Коммунистической партией решения о последовательном сокращении продолжительности рабочего дня неуклонно претворяются в жизнь. Сокращение рабочего дня осуществляется без уменьшения заработной платы рабочих и служащих.

Верховный Совет Союза Советских Социалистических Республик постановляет:

Статья 1. Одобрить разработанные Центральным Комитетом Коммунистической партии Советского Союза, Советом министров СССР и Всесоюзным центральным советом профессиональных союзов и осуществляемые в настоящее время мероприятия по переводу рабочих и служащих на семи- и шестичасовой рабочий день и по упорядочению заработной платы.

Статья 2. Установить для всех рабочих и служащих рабочий день продолжительностью не более семи часов, а для рабочих ведущих профессий, занятых на подземных работах, — не более шести часов.

Перевод рабочих и служащих на семи- и шестичасовой рабочий день завершить в 1960 году.

ПРИЛОЖЕНИЕ 4

**Из информации Комитета по физической и спорту
при Совете министров СССР в ЦК КПСС о визите в Японию
представителей Спорткомитета**

25 февраля 1971 г.

Секретно

В первой половине февраля с. г. делегация Спорткомитета СССР выехала в Японию по приглашению Японской ассоциации любительского спорта (ЯАЛС), где присутствовала на соревнованиях Международной спортивной недели, вела переговоры с руководством ЯАЛС, Национального Олимпийского комитета (НОК) Японии и Организационного комитета XI зимних Олимпийских игр 1972 года в Саппоро.

За несколько дней до Международной спортивной недели в Саппоро состоялся традиционный «Снежный фестиваль», собравший более миллиона туристов, направленных организациями, связанными с т. н. движе-

нием за возвращение северных территорий. На одной из улиц был сооружен огромный макет изо льда «башни всенародной печали» — копии башни на побережье Японии, с которой просматриваются острова Курильской гряды. Рядом был изображен советский военный корабль среди японских рыболовных шхун. «Выставка» сопровождалась пропагандистскими транспарантами с лозунгами: «Северные территории, вернитесь!», «Верните северные территории!». Подобные действия были направлены на разжигание у японских граждан антисоветских настроений.

До начала спортивной недели, после соответствующего представления генконсульства СССР в Саппоро и посещения Генеральным консулом СССР губернатора Хоккайдо, указанные макеты были устранены, однако призывы «вернуть» территории оставались.

Определенную напряженность в обстановке вызвало участие в «олимпийской неделе» спортсменов КНДР. Организация японских граждан корейской национальности, ориентирующаяся на Южную Корею, распространяла антисоциалистические, пропагандистские листовки, провокационные слухи о спортсменах КНДР. На фасаде здания перед гостиницей, где размещались участники, в том числе и делегация КНДР, были вывешены транспаранты с надписями, призывающими спортсменов КНДР покинуть свою страну. Руководитель делегации КНДР обратился к советской делегации с просьбой предпринять совместные действия против подобных фактов.

В спортивно-техническом отношении Международная спортивная неделя в целом прошла успешно. За исключением одного тренировочного крытого катка для хоккеистов, все спортивные сооружения для Игр готовы: главный стадион для спортивного бега на коньках (30 тысяч мест), крытый каток для хоккея и фигурного катания (12 тысяч мест), два трамплина (70 и 90 м), трассы лыжных гонок, стрельбище биатлонистов, трассы горнолыжников, бобслея и санного спорта. Все спортивные сооружения отвечают современным требованиям. Наибольшее впечатление оставляет трамплин 90 м с окружающими его трибунами и площадкой для зрителей на 35–40 тыс. зрителей.

Примечательно, что в это же время экономика Японии стремительно растет, и Страна восходящего солнца становится лидером, особенно в области производства бытовой, измерительной и радиотелевизионной продукции. Из записки Спорткомитета это не вполне ясно, но имеются косвенные указания, так как Спорткомитет решил закупить японскую аппаратуру для нужд спортсменов и тренеров, а также оборудования советских стадионов: «Совместно с Торгпредством СССР были проведены переговоры с японскими фирмами и сделаны закупки информационной и регистрирующей аппаратуры, которая должна поступить в СССР в первой половине 1971 года».

С учетом политической обстановки в Японии и на Хоккайдо советская делегация обратила внимание организаторов олимпийских соревнований на несовместимость их проведения с политической пропагандой против некоторых стран-участниц и подчеркнула, что любые антисоциалистические или антисоветские выступления будут решительно пресекаться советскими спортивными организациями.

С документом были ознакомлены члены Политбюро ЦК КПСС И. В. Капитонов, Б. Н. Пономарев, М. А. Суслов, П. Н. Демичев, Д. Ф. Устинов и А. П. Кириленко.

ПРИЛОЖЕНИЕ 5

**Отчет Спорткомитета в ЦК КПСС
по разработке плана подготовки советских спортсменов
к Олимпийским играм 1972 года**

22 марта 1971 г.

Секретно

В неофициальном комплексном зачете на Олимпийских играх 1972 года нашими основными конкурентами, помимо команды США, будут, очевидно, олимпийские сборные ГДР, ФРГ и Японии, которые добились в последние годы наиболее заметных успехов в развитии спорта.

По итогам выступлений советских спортсменов в крупнейших международных соревнованиях 1970 года и результатам, показанным в том же году зарубежными спортсменами, соотношение сил с нашими основными конкурентами в середине олимпийского цикла складывается следующим образом.

По программе зимних Олимпийских игр, включающей 9 видов спорта (биатлон, бобслей, горнолыжный спорт, конькобежный спорт, лыжные гонки, прыжки на лыжах и лыжное двоеборье, санный спорт, фигурное катание на коньках и хоккей), советскими спортсменами, особенно лыжниками и фигуристами, сделан заметный шаг вперед, и по числу очков в неофициальном командном зачете они вышли к настоящему времени на первое место — 160 очков. Последующие места занимают спортсмены Нидерландов — 81, Франции — 80, ГДР — 68, Норвегии — 61, Австрии — 48 и Швеции — 36 очков. Аналогичное положение и по двум другим показателям — количеству золотых медалей и сумме всех олимпийских медалей.

Исходя из этого, Спорткомитет СССР считает, что на предстоящих зимних Олимпийских играх в Саппоро советские спортсмены имеют все основания для успешного выступления и завоевания первого места в неофициальном командном зачете.

ПРИЛОЖЕНИЕ 6

**Записка Спорткомитета СССР в ЦК КПСС
о ходе подготовки советских спортсменов
к Олимпийским играм 1972 года, зимним и летним**

25 октября 1971 г.

Секретно

Вся работа по подготовке советских спортсменов к олимпийским играм 1972 года, в том числе и централизованная подготовка сборных команд СССР и их ближайшего резерва, осуществляется под единым организаци-

онно-методическим руководством Комитета по физической культуре и спорту при Совете министров СССР...

При этом общий срок пребывания кандидатов в сборные команды СССР (около 2 тысяч человек) на централизованных учебно-тренировочных сборах, проводимых непосредственно Комитетом, достигает 120–150 суток, а в отстающих видах спорта (плавание, легкая атлетика, академическая гребля, конькобежный спорт) — 220–240 суток в годовом цикле, а с учетом времени на участие в соревнованиях многие спортсмены находятся на учебно-тренировочных сборах фактически круглогодично.

Требуют безотлагательного решения вопросы более полного научно-медицинского обеспечения спорта, в частности, разработки и планового обеспечения спортивных организаций новейшими достаточно эффективными медикаментозными средствами и фармакологическими препаратами, повышающими работоспособность спортсменов и ускоряющими восстановление биологических процессов после тяжелых физических и нервных перегрузок спортсменов в процессе тренировки, поскольку до настоящего времени советскими органами здравоохранения и научно-методическими учреждениями эти вопросы не решаются.

Преседатель Спорткомитета С. Павлов

ПРИЛОЖЕНИЕ 7

Справка Генерального консульства СССР в Саппоро о подготовке к предстоящим с 3 по 13 февраля 1972 г. XI зимним Олимпийским играм

20 ноября 1971 г.

Силы самообороны по планам организаторов примут участие в сфере обслуживания зимних Олимпийских игр. На них возлагается задача по обеспечению надежности средств коммуникации, линий связи, дорог, а также по поддержанию в хорошем состоянии мест соревнований и трасс.

На силы самообороны также возлагается обязанность музыкального сопровождения Олимпийских игр, т.е. исполнение гимнов при открытии и закрытии Олимпиады, награждениях победителей спортивных соревнований и т. д.

Силы самообороны также будут осуществлять контроль за входом на территорию Олимпийской деревни и выполнять административные функции на территории самой деревни. Они будут контролировать процедуру подъема и опускания национальных флагов стран-участниц по национальным обычаям каждой из них. Шоферы автобусов, джипов и запасных легковых автомобилей для руководителей делегаций будут также укомплектованы служащими сил самообороны. В случае необходимости

в распоряжение Оргкомитета будут предоставлены вертолеты сил самообороны. Медицинское обслуживание и скорая медицинская помощь в местах соревнований по скоростному спуску, биатлону, бобслею, саночному спорту и слалому будет оказываться медперсоналом сил самообороны.

Оргкомитетом XI зимних Олимпийских игр готовятся 66 переводчиков русского языка для обслуживания советской спортивной делегации. Однако полагали бы целесообразным учесть низкую квалификацию подавляющей части готовящихся японской стороной переводчиков русского языка, а также крайнюю малочисленность дипсостава генконсульства СССР в Саппоро, владеющего японским языком.

Несмотря на неоднократные устные заявления генконсульства местным властям и Оргкомитету, до настоящего времени на центральном бульваре (Одори) Саппоро, а также на автостраде Титосэ — Саппоро наряду с призывами обеспечить успех предстоящей Олимпиады соседствуют лозунги с требованием «вернуть северные территории». Полагали бы целесообразным по линии Олимпийского комитета и МИД СССР сделать японской стороне соответствующее представление, подчеркнув несовместимость упомянутых лозунгов Олимпийской хартии.

ПРИЛОЖЕНИЕ 8

Из записки отдела пропаганды ЦК КПСС о подготовке советских спортсменов к Олимпийским играм 1972 г.

22 ноября 1971 г.

Секретно

О подготовке к зимним Играм в Саппоро. Программа зимних Игр включает девять видов спорта. Советские спортсмены успешно выступили в сезоне 1970/71 г. по лыжному спорту, фигурному катанию, конькобежному спорту среди женщин. Удачно они выступали и в ходе предолимпийской недели в Саппоро (февраль 1971 г.).

С июня 1971 года начался заключительный этап подготовки спортсменов. Для лыжников сбор организован на Камчатке, для конькобежцев — в Свердловске.

По данным Комитета по физкультуре и спорту, советские спортсмены в неофициальном командном зачете должны занять первое место. Они будут бороться за золотые медали в лыжных гонках, биатлоне, прыжках на лыжах, фигурном катании на коньках, хоккее и конькобежном спорте среди женщин.

Советские спортсмены будут участвовать также в соревнованиях по горнолыжному и санному спорту. Однако в этих видах спорта, а также

в конькобежном спорте среди мужчин они значительно уступают зарубежным спортсменам и вряд ли могут рассчитывать на призовые места...

ПРИЛОЖЕНИЕ 9

**Запись беседы консула СССР в Саппоро А. Н. Романова
с мэром города Т. Итагаки
12 января 1972 г.**

«Присутствовал вместе с олимпийским атташе А. А. Коптилиным на открытии Олимпийской деревни.

После завершения официальной церемонии имел беседу с мэром Саппоро Т. Итагаки. По поручению Генерального консула СССР, сообщил Т. Итагаки, что генконсульство СССР весьма положительно отнеслось к тому, что на новой скоростной шоссейной дороге от аэродрома Титосю до Саппоро нет каких-либо лозунгов, противоречащих духу и букве Олимпийской хартии, и что, хотя дорога и находится за чертой города, этот прецедент позволяет надеяться, что и в самом городе оставшиеся с прошлого года несколько подобных лозунгов также будут сняты, что, несомненно, будет содействовать превращению Саппоро в один из международных городов зимних видов спорта.

Вступивший в разговор Т. Итагаки сказал, что это зависит не только от него, но что он понимает представление Генерального консульства СССР».

Тема антисоветских лозунгов и провокационных призывов в связи с проблемой северных территорий не утихла до самого начала Олимпиады. Об этом свидетельствует запись беседы генерального консула СССР в Саппоро Н. И. Бандуры с мэром города Т. Итагаки, состоявшаяся 18 января 1972 года, за две недели до начала Игр. Запись этой беседы мы помещаем в приложении.

В соответствии с поручением Чрезвычайного и Полномочного Посла СССР в Японии тов. Трояновского О. А., переданного генконсулу СССР в начале января с. г. устно через вице-консула тов. Окунева В. И., во время большого приема по случаю открытия гостиницы «Саппоро принц отель» имел беседу с мэром города Саппоро Т. Итагаки.

Высоко оценил разумную и весьма реалистическую позицию оргкомитета мэрии Саппоро по проведению снежного фестиваля, который в этом году воспротивился участию в этом традиционном мероприятии организаций, связанных с т. н. движением за возвращение северных территорий, резонно считая, что это противоречит букве и духу международных Олимпийских игр.

Обратил внимание мэра на то обстоятельство, что, несмотря на то что до открытия XI Международных Олимпийских игр в Саппоро осталось всего лишь около двух недель, с бульвара Одори, находящегося в самом

центре города, до сих пор пока не убраны шесть стационарных пропагандистских плакатов с недружественными по отношению к СССР призывами вернуть т.н. северные территории. Напомнив, что по этому поводу консул генконсульства СССР в Саппоро А. Н. Романов более недели тому назад уже делал соответствующее представление мэру города Саппоро, подчеркнул, что такого рода пропаганда грубо противоречит Олимпийской хартии, которая предоставляет привилегии не стране, а городу, обязавшемуся, как известно, обеспечить все необходимые условия для проведения Олимпиады в духе подлинной дружбы, взаимопонимания и делового сотрудничества всех ее участников.

Проинформировав Итагаки о том, что в период предстоящих Олимпийских игр в Саппоро — столицу Хоккайдо впервые за всю историю посетит большая группа советских граждан в количестве 600 человек, в том числе дипломаты, журналисты, спортсмены, почетные гости и туристы; сказал, что упомянутые плакаты не могут не вызвать отрицательной реакции со стороны советских гостей.

Выразил уверенность, что мэрия Саппоро доведет начатое дело до конца, дав указание срочно демонтировать с центрального бульвара лозунги по т.н. северным территориям.

Внимательно выслушав заявление генконсула СССР, Итагаки с явным смущением ответил, что это старый вопрос, который советская сторона, насколько ему известно, ставит уже неоднократно, но что, во-первых, транспаранты с лозунгами, о которых идет речь, написаны не на английском языке, а на японском, поэтому вряд ли их сможет прочесть большое число советских гостей, о которых говорил генконсул СССР.

Во-вторых, эти транспаранты, как известно, сказал мэр, были установлены на Одори не в этом году, т. е. не специально в порядке подготовки к предстоящей Олимпиаде, а несколько лет тому назад, поэтому для японской стороны крайне неудобно их демонтировать именно сейчас, особенно после последнего заявления премьера Сато по вопросу о северных территориях, так как это будет неправильно понято японской общественностью.

Ответил Итагаки, что абсолютно не могу согласиться с изложенными им доводами, так как они явно несостоятельны, и вновь прошу его как мэра города предстоящей XI зимней Олимпиады обеспечить выполнение принятой городом Саппоро на себя почетной обязанности по соблюдению соответствующих положений Олимпийской хартии с целью недопущения в городе Саппоро недружественной пропаганды по отношению к СССР, большая группа спортсменов которого примет активное участие в XI зимней Олимпиаде в Саппоро.

Одновременно попросил мэра считать сделанное генконсулом заявление официальным и довести его до сведения компетентных японских властей.

Итагаки ответил, что о заявлении генконсула СССР он сообщит по назначению.

В заключении полушутя заметил, что, насколько известно, сейчас даже в Пекине активно готовятся к встрече американских гостей во главе

с Никсоном, убирая при этом различные плакаты и лозунги с антиамериканскими призывами, которые были написаны много лет тому назад. Не плохо было бы, если бы и устроители нынешней Олимпиады в Саппоро также убрали упомянутые выше антисоветские лозунги и плакаты с центральной улицы города, где будет проходить такое культурное мероприятие Олимпиады, как «Снежный фестиваль», и где будет организована торжественная встреча олимпийского огня, доставленного на Хоккайдо из Греции.

Генеральный консул СССР в Саппоро Н. Бандура

Артеми́й Юрьевич Рома́нов

СПОРТ И ХОЛОДНАЯ ВОЙНА

Корре́ктура *Н. П. Драловой*

Верстка *М. Г. Столяровой*

Подписано в печать 02.08.2019. Формат 60 × 90¹/₁₆.
16,5 печ. л. Тираж 700 экз. Печать офсетная. Бумага офсетная.
Заказ № ???

Издательство РГПУ им. А. И. Герцена.
191186, Санкт-Петербург, наб. р. Мойки, 48

Типография РГПУ им. А. И. Герцена.
191186, Санкт-Петербург, наб. р. Мойки, 48